

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Самарский филиал

In memoriam

*Сергей Борисович Семёнов
(1954–2018)*

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Выпуск 2

Самара
2021

УДК 94
ББК 63.3
И88

Печатается по решению Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ

Под редакцией

д. и. н., проф. Е. П. Бариновой, к. и. н., доц. Е. А. Гуськова

Исследования зарубежной истории: сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. П. Бариновой, Е. А. Гуськова. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021. – 212 с.

ISBN 978-5-6045663-3-6

DOI: 10.55000/MCU.2021.2

В сборник вошли избранные статьи участников конференции, посвящённой памяти С. Б. Семёнова, состоявшейся в мае 2021 года в Самарском филиале Московского городского педагогического университета. В центре внимания публикуемых статей находятся проблемы развития социальной структуры общества и политических институтов.

Для специалистов и всех интересующихся социально-политической историей зарубежных стран.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6045663-3-6

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021
© Отмеченные знаком * фамилии

СОДЕРЖАНИЕ

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	
<i>О. М. Макарова*</i>	
ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ В. М. СТРОГЕЦКОГО	5
<i>М. В. Кузьмина*</i>	
ЖЕНЩИНА И ВЛАСТЬ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО (ФРАНЦИЯ, XIV–XV вв.)	14
<i>А. А. Бельцер*</i>	
МИРОВЫЕ СУДЬБЫ ГРАФСТВ АНГЛО-ШОТЛАНДСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1536–1547 гг.	19
<i>Л. Н. Чернова*</i>	
ГОРОЖАНЕ И ЦЕРКОВЬ В АНГЛИИ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНДОНА XVI в.)	25
НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>Д. О. Гордиенко*</i>	
«ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ»: КОРОЛЕВСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ПРИ СТЮАРТАХ – ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	34
<i>Н. С. Иванов*</i>	
ГЕНЕЗИС БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И НОВЫЙ СВЕТ	43
<i>Т. Л. Лабутина*</i>	
У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АНГЛИИ	52
<i>К. Н. Станков*</i>	
ГЕНЕРАЛ ПАТРИК ГОРДОН И ПЕРВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД (1695 г.)	60
<i>Е. А. Куцева*</i>	
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА АНГЛИИ XVIII ВЕКА	65
<i>С. Е. Киясов*</i>	
КОДИФИКАЦИЯ МАСОНСТВА В АНГЛИИ: ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ (1717–1738 гг.)	73
<i>Е. П. Макаров*</i>	
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНЫХ ЭЛИТ И КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВИРГИНИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США	77
<i>Н. С. Креленко*</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ В ОЦЕНКЕ Х. УОЛПОЛА	81
<i>М. А. Ковалёв*</i>	
ХОРАС УОЛПОЛ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТИСТ	88
<i>Л. Р. Сабитова*</i>	
ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ В ИНДИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.	93
<i>Е. А. Макарова*</i>	
СУДЬБА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЛИЗАБЕТ ИНЧБАЛЬД (1753–1821): В КРУГУ АНГЛИЙСКИХ РАДИКАЛОВ	99
<i>М. В. Жолудов*</i>	
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX ВЕКЕ	110
<i>Н. И. Осипов*</i>	
РАДИКАЛИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ДЕБАТОВ 1854 ГОДА В КОНГРЕССЕ США ПО БИЛЛЮ «КАНЗАС – НЕБРАСКА»	119
<i>Т. Н. Гелла*</i>	
ИТАЛЬЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В НАЧАЛЕ 1860-х ГОДОВ	136

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

*Ю. А. Жердева**

«МЫ ЛЮБУЕМСЯ ВИДАМИ, СЛОВНО СКАЗКОЙ ИЛИ ФЕЕРИЕЙ»: ГАЛИЦИЯ И БУКОВИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И ВОСПРИЯТИИ КОМБАТАНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 146

*Т. С. Губанова**

ЕВРОПЕЙСКОЕ КИНО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ) 152

*С. Г. Малкин**

«ИРЛАНДСКАЯ ВОЙНА» И СТРАТЕГИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ XX в. 156

*Я. А. Левин**

ЧАН КАЙШИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ В ОЦЕНКАХ ФБР 161

*С. М. Николаева**

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО 20–30-х гг. XX в.: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ США 166

*Д. А. Нестеров**

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАЦИИ РЭНД С БРИТАНСКИМИ ОФИЦЕРАМИ КОЛОНИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ 173

*Е. Ю. Сергеев**

РОЛЬ ВЫСШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1920-х гг. – НАЧАЛА 1930-х гг. (на примере Реввоенсовета Советского Союза и Комитета имперской обороны Соединенного Королевства) 176

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

*А. С. Фогель**

«ПРАВИЛЬНОСТЬ» И «НЕПРАВИЛЬНОСТЬ» ЖИЗНИ И СМЕРТИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ IX–XII вв.: ОЖИДАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ 181

*С. В. Занин**

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КНЯЗЯ Д. А. ГОЛИЦЫНА 191

*О. А. Чернов**

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1880-е гг.) 195

*П. А. Мистрюгов**

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1922 гг. 200

*О. Д. Столяров**

ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА) 204

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

DOI: 10.55000/MCU.2021.60.19.001

ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ В. М. СТРОГЕЦКОГО

О. М. Макарова

*Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королёва,
Самара, Россия
alalkomena@mail.ru*

В статье подвергается анализу концепция становления афинской империи в V в. до н. э. в работах известного российского специалиста по истории Древней Греции В. М. Строецкого. В 1980–1990-е гг. обратившись к изучению данных сюжетов в рамках исследования обстоятельств противостояния в V в. до н. э. Пелопоннесского и Первого афинского морских союзов за гегемонию в Греции, В. М. Строецкий считал, что активная фаза формирования основ афинского империализма должна быть отнесена к периоду 460–440 гг. до н. э. и связана с внешнеполитической деятельностью Перикла. Не принимая предложенного Г. Мэттингли понижения датировки основных эпиграфических свидетельств подчинения союзников Афинами, В. М. Строецкий считает их не вызванными обстоятельствами тяжелой Пелопоннесской войны, а свидетельством планомерного и постепенного усиления гнета афинян в рамках союзного объединения, получившего в историографии традиционное наименование афинской империи.

Ключевые слова: афинская империя, империализм, классическая эпоха, Делосская симмахия, период пентеконтаэтии.

HISTORY OF THE ATHENIAN EMPIRE IN THE WORKS OF V. M. STROGETSKY

O. M. Makarova

*Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
alalkomena@mail.ru*

The article dwells upon the concept of the formation of the Athenian empire in the 5th century BC in the works of the Russian historian of Ancient Greece V.M. Strogetsy. Initially this problem gained his interest as a part of the study of confrontation between the Peloponnesian League and the Delian League for hegemony in Greece in the 5th century BC. During the 1980–1990s. V. M. Strogetsy believed that the active phase of the formation of the foundations of Athenian imperialism should be attributed to the period 460–440 BC and must be considered as the political program of Pericles. V. M. Strogetsy has not accepted the lowering of the dates of the main epigraphic evidence of Athenian imperialism, proposed by H. Mattingly. He considers it not to be caused by the difficulties of the Peloponnesian war, but sees it as an evidence of the planned and gradual increase in the oppression of the allies by the Athenians within the naval union, which in historiography received the traditional name of the Athenian empire.

Keywords: the Athenian empire, imperialism, the Classical period, Delian League, pentecontaetia.

Долгие годы в сфере научных интересов Владимира Михайлович Строецкого, известного российского специалиста по истории Древней Греции, центральное место занимала история межполисных отношений, борьбы за гегемонию Спарты и Афин в V в до н. э., прежде всего в период так называемой пентеконтаэтии. Однако вот уже несколько десятилетий В. М. Строецкий в своей научной деятельности сосредоточился на иных сюжетах и обратился к изучению истории исторической мысли в Древней Греции, проблем становления истории как науки в Античности и рецепции античного наследия. В связи с этим представляется возможным попытаться охарактеризовать вклад В. М. Строецкого в исследование перипетий внутри- и внешнеполитической истории греческих полисов классической эпохи. Не претендуя на исчерпывающий историографический анализ научного наследия Владимира Михайловича, по-

стараясь сосредоточить внимание на тех его работах, в которых анализу подвергается сложный комплекс проблем, связанных с историей важнейшего межполисного объединения классической эпохи – с историей афинской архэ, или афинской империи.

В настоящее время эта тематика находится скорее на периферии интересов как отечественных, так, впрочем, и зарубежных исследователей истории Афин классического периода. Однако в 1980–1990-е гг., когда были написаны основные труды Владимира Михайловича, посвященные данной тематике, афинский империализм, взаимоотношения Афин с союзниками, вопросы экономической истории державы и, безусловно, проблемы датирования важнейших эпиграфических свидетельств, составляющих львиную долю наших знаний о происходивших в объединении процессах, были, пожалуй, одними из наиболее дискуссионных в антиковедении.

Надо сказать, что интерес В. М. Строгецкого к данной теме сформировался не сразу. Но если другой отечественный специалист по истории афинской империи, А. Е. Паршиков, обратился к этой проблеме через изучение истории общегреческого Эллинского союза против Персии 481 г. до н. э., то путь В. М. Строгецкого был несколько иным¹. Кандидатская диссертация Владимира Михайловича, защищенная им в ЛГУ в 1973 г., посвящена внешней политике Спарты в конце IV – начале V в. до н. э., и в ранних своих статьях он если и касался вопросов истории Первого афинского морского союза, то по преимуществу в контексте афино-спартанского соперничества на начальном этапе существования данного объединения. Однако в середине 1980-х гг. интерес исследователя явно смещается в сторону изучения именно истории, особенностей функционирования и в целом характера т. н. афинской империи.

В статье 1984 г., посвященной анализу античных версий причин начала Второй Пелопоннесской войны, будучи противником гиперкритического, с его точки зрения, отношения к сообщениям Фукидида (I. 23; 67.4; 88; 139–140) о причинах Пелопоннесской войны в работах некоторых западных ученых, В. М. Строгецкий видит основания конфликта в усилении имперских амбиций афинян, укреплении их могущества и устремления их интересов в западном направлении. Таким образом, Пелопоннесская война, в его понимании, явилась «закономерным результатом процесса развития отношений между полисами»², а период 445–435 гг. оценивается как хотя и не содержащий такой же широкомасштабной «экспансии империи», как в предыдущие десятилетия, тем не менее продолжавший уже сложившуюся тенденцию внешней политики афинян, направленной на максимальное усиление державы.

Текст статьи демонстрирует, что авторская концепция истории афинской империи только начинает формироваться. Выводы ее показывают, что задача исследователя скорее заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что данные источников не позволяют считать Спарту основным виновником развязывания конфликта и что к нему вел весь процесс развития межполисных отношений еще с 70-х гг. V в. до н. э.³

В дальнейшем В. М. Строгецкий продолжает обращаться к истории афинской империи преимущественно в контексте противостояния Афин и Спарты. В статье, посвященной оценке данного соперничества в период Первой Пелопоннесской войны, В. М. Строгецкий заключает, что после реформы Ареопага и удаления путем остракизма Кимона изменился характер и направление афинской внешней политики, и связывает эти изменения с приходом к власти продемократической группировки Эфиальта и Перикла⁴. При этом данные изменения выглядят у автора умышленной и осознанной деятельностью указанных лиц, которые «окончательно преодолев политическое влияние аристократии, перешли к осуществлению более

¹ Биография В. М. Строгецкого, его творческий путь, научная и преподавательская деятельность прекрасно описаны А. В. Махлаюком в заметке, посвященной 70-летию ученого: Махлаюк 2010, 202–204.

² Строгецкий 1984, 120.

³ Отметим между тем, что при прекрасном знакомстве автора с зарубежной историографией, в данной работе не содержится ссылок на более раннюю статью А. Е. Паршикова (Паршиков 1971, 148–157), посвященную в том числе и оценке отражения афинского империализма в сочинении Фукидида. Печально осознавать такую разрозненность антиковедческого сообщества в советский период вне двух столиц.

⁴ Строгецкий 1987b, 39.

энергичных и решительных внешнеполитических мероприятий, направленных на достижение безраздельной афинской гегемонии»⁵. Для В. М. Строгецкого 456/55 г. явился апогеем могущества Афин в период пентеконтаэтии, а «Эгейское море превратилось в море афинское»⁶. Здесь автор, по-видимому, полностью разделяет концепцию развития афинского империализма Р. Мейггза⁷, который одной из возможных причин изменения характера союза считает как раз усиление представителей радикальной демократии в Афинах и полагает, что кризисные явления в державе в полной мере проявляются только после 454 г.⁸

Однако хотелось бы привлечь особое внимание к небольшому замечанию, высказанному В. М. Строгецким в данной статье. Рассуждая о событиях внутривосточной борьбы в афинском полисе в 470–460-е гг. до н. э., он замечает, что противостояние между Кимоном, с одной стороны, и Фемистоклом и Эфиальтом – с другой, в действительности является отражением «взаимодействия двух противоположных структур, полисной и городской»⁹. Важно подчеркнуть, что в данном контексте это выглядит не просто противостоянием городских слоев полиса, склонных к радикальной демократии и традиционалистов-аристократов. Это именно столкновение истинно полисной, земледельческой части населения Афин и иной по характеру, связанной с товарно-денежными отношениями торгово-ремесленной динамичной прослойки, которая росла в Афинах постепенно со времени Клисфена и, безусловно, к середине V в. до н. э. стала оказывать серьезное влияние на политику. Интересно, что впоследствии В. М. Строгецкий отказался от такой интерпретации событий, вызванной явно влиянием известной концепции Г. А. Кошеленко¹⁰, что видно из текста, вышедшего из-под его пера в 2017 г.¹¹

Как нам кажется, в этой короткой ремарке, высказанной в статье 1987 г., В. М. Строгецкий вплотную подошел к мысли, что процессы, происходившие в Афинах в указанный период под влиянием существования союзного объединения, были не просто связаны со становлением так называемого афинского «империализма» и нарастанием кризисных явлений в полисе, но были частью сложного процесса оформления городской структуры и складывания базы для формирования территориального государства. Примечательно, что в западной историографии также можно встретить подобного рода редкие и в целом не привлекавшие к себе подобающего им, на наш взгляд, внимания, суждения¹².

В исследовании, также опубликованном в 1987 г. и посвященном политике Афин в Западном Средиземноморье, В. М. Строгецкий впервые высказывается о ставшем теперь уже знаковым эпиграфическом документе – записи союзного договора Афин с Эгестой (IG I³ 11). Выдвигая аргументы в пользу более ранней из наиболее традиционных датировок, он относит документ к 458/57 г. до н. э. и соглашается с восстановлением имени архонта Габрон¹³. При этом исследователь не упоминает о высказанной впервые еще в 1963 г. гипотезе Г. Мэттингли о возможной датировке данного памятника 418/17 г. до н. э. и восстановлении имени архонта как Антифон¹⁴. Безусловно, в 1987 г. В. М. Строгецкий не мог знать, какое влияние окажет на изучение всей истории афинской морской державы этот, в общем-то, не основополагающий памятник, ведь исследование стелы с этим текстом группой М. Чэмберса, Р. Галуччи и П. Спаноса было только начато в 1986 г., а публикация результатов состоялась

⁵ Строгецкий 1987b, 49.

⁶ Там же.

⁷ Наиболее полное отражение представления Рассела Мейггза о развитии афинского империализма нашли в его фундаментальной монографии об афинской империи: Meiggs 1972.

⁸ Meiggs 1963, 2–3.

⁹ Строгецкий 1987b, 38.

¹⁰ Кошеленко 1983, 237–238, 246.

¹¹ Строгецкий 2017, 32.

¹² Morris 2009 102, 141–154.

¹³ Строгецкий 1987c, 66.

¹⁴ Mattingly 1963, 268–271. Примечательно, что хорошо знакомый с творчеством Г. Мэттингли и разделявший большинство его построений А. Е. Паршиков также не ссылается на эту работу. Можем предположить, что по какой-то причине именно эта публикация была недоступна советским ученым.

в 1990 г.¹⁵ Однако приходится отметить, что комплекс работ Г. Мэттингли все же гораздо шире, и дискуссия, инициированная им еще в работе 1961 г. о Монетном декрете¹⁶, продолжалась на протяжении нескольких десятилетий, вовлечены в нее были такие ученые, как Р. Мейггз, Б. Д. Меритт, Г. Т. Уэйд-Гери и многие другие, а это десятки статей.

В этой же работе Владимир Михайлович впервые высказывает свою позицию относительно такого дискуссионного эпизода истории афинского морского союза, как знаменитая Египетская экспедиция, дату поражения в которой он принимает традиционную – 454 г.¹⁷, считает это поражение катастрофой и полагает, что именно потеря Египта обратила взоры афинян на запад¹⁸. Но в свете доказанной к настоящему моменту датировки договора Афин с Эгестой 418/17 г. до н. э. серьезные свидетельства такого поворота относятся скорее к 440-м гг. до н. э., возможно – как раз к основанию Фурий¹⁹.

В 1987 г. Владимир Михайлович защитил в ЛГУ докторскую диссертацию на тему «Афино-спартанский дуализм и борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. Период пентеконтаэтии (478–431 гг.)»²⁰. По материалам данного фундаментального труда в 1988–1991 гг. в различных антиковедческих изданиях, в том числе и в ведущем журнале по истории древности «Вестник древней истории», им был опубликован комплекс статей²¹, а логическое завершение деятельности ученого в данном направлении получила в 1991 г. с публикацией несколько видоизмененного текста диссертации в качестве учебного пособия, хотя в действительности это издание является полноценным монографическим исследованием²².

Целью работы является выявление причин роста противостояния между Афинами и Лаккедемоном. Текст разделен на пять глав, из которых первая посвящена внутривосточной борьбе в Афинах и Спарте в первой половине V в. до н. э. Последующие четыре главы освещают различные этапы противостояния двух союзных объединений: Пелопоннесского союза во главе со Спартой и Первого афинского морского союза. Итог же данного противостояния – Пелопоннесская война 431–404 гг. до н. э. – в работе не затрагивается. В рамках данной работы В. М. Строгоцкий обозначил свою позицию по большинству ключевых эпизодов истории Делосской симмахии, однако, не имея возможности углубляться в подробности, остановимся на тех суждениях В. М. Строгоцкого, которые представляются наиболее значимыми для формирования представления о концепции автора.

Свою точку зрения по проблеме афинской имперской политики и, собственно, термина «афинская империя» В. М. Строгоцкий излагает в начале IV главы «Первая Пелопоннесская война и возникновение афинской империи». Протестуя против использования терминов «держава» и «архэ», В. М. Строгоцкий говорит прямо: употребление современных терминов «империализм» и «империя» еще не ведет к модернизации, именно они лучше всего отражают сущность происходивших в Афинах процессов, и главная задача исследователя – в выявлении значения этих терминов относительно конкретных исторических условий²³. Соглашаясь с последним из перечисленных заявлений автора, тем не менее нельзя не возразить, что

¹⁵ Chambers, Galucci, Spanos 1990, 38–63.

¹⁶ Mattingly 1961, 148–188.

¹⁷ Иная точка зрения была к тому моменту уже высказана в отечественной историографии А. Е. Паршиковым, относившим экспедицию Афин и союзников в Египет к 462–456 гг. до н. э.: Паршиков 1970, 110. К сожалению, В. М. Строгоцкий ни в данной работе, ни в более поздних своих трудах (см., например: Строгоцкий 1991а, 121) не дает оценки предложенной А. Е. Паршиковым хронологии. О датировке и характере потерь афинян и союзников в ходе похода в Египет с указанием основной литературы см.: Khan 2008, 433–434; Рунг 2012, 25–40.

¹⁸ Строгоцкий 1987с, 65.

¹⁹ Экспедиция Толмида к берегам Пелопоннеса (Thuc. I. 108.4.; Diod. XI. 84. 6–8) может свидетельствовать о том, что уже в первой половине 450-х гг. до н. э. Афинами действительно предпринимались первые активные попытки обратиться на запад, однако они все же не достигали региона Великой Греции.

²⁰ Строгоцкий 1987а.

²¹ Строгоцкий 1988а, 1988б, 1990, 1991б. В более полном и развернутом виде положения, высказанные в данных работах, содержатся в упомянутом ниже обширном издании 1991 г., в связи с чем было решено обратиться к анализу именно этого текста.

²² Строгоцкий 1991а.

²³ Там же, 112.

сам термин «империализм» (и в меньшей степени – «империя») подводит нас к восприятию процессов, происходивших в Элладе в целом и в Делосской симмахии в частности, как преднамеренных. На с. 113 своего исследования В. М. Строгецкий прямо называет Делосскую симмахию на определенном этапе ее существования «афинской колониальной морской империей»²⁴ и среди причин, приведших к этому, указывает эволюцию внешней политики Афин, где «главной внешнеполитической целью было достижение гегемонии в Элладе»²⁵. Ранее уже отмечалось, что В. М. Строгецкий характеризует комплекс «имперских» мер афинян как связанный прежде всего с именем Перикла и явившийся результатом осознанной и продуманной политики (в этой работе так же: «афиняне под руководством Перикла осуществили ряд внутрисоюзных мероприятий... они подготовили превращение афинского морского союза в афинскую империю»²⁶).

Нет ничего удивительного в таком случае, что В. М. Строгецкий довольно эмоционально возражает против концепции Г. Мэттингли²⁷ и указывает не только на ее «уязвимость... с эпиграфической точки зрения»²⁸ (при этом, правда, не приводя контраргументов эпиграфического характера, а ссылаясь на работы западных исследователей²⁹). Очевидно, что его неприятие выводов Г. Мэттингли лежит глубже. Подчеркивая их «несогласованность с данными античной традиции, подтверждающими, что начало формирования афинской империи относится к середине V в. до н. э.», он считает «ошибочным постулат, что афинский империализм был следствием Пелопоннесской войны»³⁰. Однако то, что ряд декретов, утверждавших радикальный контроль Афин над союзниками, относится, возможно, скорее ко времени деятельности Клеона, а не Перикла, никак не отменяет того факта, что как раз начало формирования державных притязаний этого полиса в рамках союзного объединения пришлось именно на 460–440-е гг. до н. э.

В. М. Строгецкий, в четком соответствии своей концепции развития афинской истории V в., протестует против «афинской империи без имперской политики»³¹. Но не стоит забывать, что термин «империя» по отношению к союзному объединению применяют именно современные исследователи вопроса на основании анализа перипетий взаимоотношений афинян со своими союзниками. Отметим, что А. Е. Паршиков подчеркивал, что прежде всего то, что при принятии традиционных датировок большинства «имперских» декретов «проведенные этими декретами меры приходятся на мирную эпоху» до начала Пелопоннесской войны, как раз и формирует представление о «целенаправленной политике Перикла по консолидации державы»³², то есть является свидетельством проявления этого самого афинского «империализма». Вряд ли стоит считать, что перенос, например, в Афины казну союза в 454 г. до н. э., афиняне, действовавшие, несомненно, по инициативе именно Перикла (о чем свидетельствуют источники, см.: *Plut. Per.* 12. 1–2; *Diod.* XII. 38. 2), выполняли один из пунктов глобального плана по достижению гегемонии в Элладе, а не решали стоявшие перед ними вполне конкретные задачи. Позволим себе отметить, что такая картина продуманности, осознанного и спланированного пути по усилению эксплуатации союзников формируется во

²⁴ Строгецкий 1991а, 113.

²⁵ Там же, 114.

²⁶ Там же, 131.

²⁷ Основная идея Г. Мэттингли состоит в понижении дат ряда важнейших декретов, характеризующих отношения Афин и союзников, с 450–440-х гг. до н. э. на 420-е гг. до н. э. Все важнейшие работы Г. Мэттингли на эту тему опубликованы в сборнике его статей: Mattingly 1996.

²⁸ Строгецкий 1991а, 115.

²⁹ Комплекс работ, в которых содержится критика доводов Г. Мэттингли, огромен. Назовем только несколько публикаций авторитетных эпиграфистов, специально посвященных полемике с высказанными им идеями: Meritt, Wade-Gery 1962; Meritt, Wade-Gery 1963; Meiggs 1966.

³⁰ Строгецкий 1991а, 115.

³¹ Там же.

³² Паршиков 1980, 30. Докторская диссертация А. Е. Паршикова так и не была им защищена, и полная публикация ее текста представляется маловероятной. Впрочем, существует частично совпадающая с нею депонированная рукопись (Паршиков 1976), а также публикация ее раздела, посвященного афинским финансам (Паршиков 2016).

многим данными наших нарративных источников. Однако в этом случае именно наличие комплекса эпиграфических памятников различной степени важности и уровня сохранности должно служить для исследователя тем «костяком», на котором нарастет плоть исторической реальности.

И неслучайно в последние годы наблюдается некоторое ослабление интереса к тематике, связанной с историей афинской морской державы, как в отечественной историографии, так и за рубежом. Публикация исследования группы Чемберса – Галуччи – Спаноса в 1990 г. и опровержение максимы трехчастной сигмы привели к некоторому смятению среди исследователей, так как жесткий критерий датировки эпиграфических источников был опровергнут. И теперь время принятия некоторых важнейших декретов (например, Монетного декрета, декрета Клиния, декрета о статусе Халкиды) определить с безусловной точностью затруднительно, даже в случае обнаружения новых фрагментов³³. Формирование так называемой «новой ортодоксии», впрочем, ничем не лучше прежнего догматизма, и взвешенный подход, который демонстрирует, например, П. Родс³⁴, гораздо оправданней.

Итак, главными чертами афинского империализма, наиболее активно проявившимися в период 454–446 гг. до н. э., по мнению В. М. Строгецкого, являлись выведение колоний и клерухий на территории союзных полисов, конфискации земли, гнет налогового обложения, всестороннее вмешательство во внутреннюю жизнь союзников³⁵. Афинская империя, считает исследователь, окончательно оформилась в 440-е гг. до н. э., и «афиняне завершили превращение Делосской симмахии в афинскую империю, в которой они стали полновластными хозяевами»³⁶, а к 30-м гг. V в. до н. э. она достигла вершины своего могущества. Таким образом, В. М. Строгецкий отрицает, что именно Пелопоннесская война 431–404 гг. до н. э., а также приход к власти после смерти Перикла представителей радикальной демократии, самым ярким из которых был Клеон, привели к усилению гнета афинян по отношению к союзникам и наиболее одиозным мерам по их подчинению. Афинская империя сложилась именно в период пентеконтаэтии. Пелопоннесская же война – закономерный итог этого процесса, а никак не результат сочетания совокупности случайных факторов, и с этим последним утверждением трудно не согласиться. Особенно важным представляется вывод автора о том, что в результате преобладания центробежных сил во внешнеполитической истории Греции V в. до н. э. невозможным было создание в тех исторических условиях территориально целостного государства³⁷. Однако, как нам кажется, В. М. Строгецкий недооценивает здесь то, насколько близко удалось Афинам подойти к этому рубежу.

Впоследствии В. М. Строгецкий частично переработал и дополнил текст своего учебного пособия, результатом чего стала публикация в 2008 г. монографии «Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг.)»³⁸, однако ключевые выводы автора остались прежними. В настоящее время в отечественной историографии не существует более полной публикации, в которой бы с такой же тщательностью и вниманием к деталям, на основании широкого круга источников была бы создана цельная картина развития Первого афинского морского союза от его возникновения в качестве объединения независимых полисов к иному по своему характеру образованию, которое получило в историографии на-

³³ Примером может служить собственно сам Монетный декрет, с попытки передатировки которого в 1961 г. и началась тенденция перенесения дат многих других афинских эпиграфических памятников V в. до н. э. В ходе анализа нового фрагмента Монетного декрета, происходящего из Афитиса, некоторые исследователи (Hatzopoulos 2013–2014, 256–257.) уверились в правильности его датировки 425/424 г. до н. э., в то время как другие (Surikov 2017, 53) на основании того же самого фрагмента утвердились во мнении, что никаких новых и убедительных оснований для поздней датировки Монетного декрета данный фрагмент не дает.

³⁴ Rhodes 2008, 500–506. См. также: Papazarkadas 2009, 67–88, Tracy 2014, 105–107, 115.

³⁵ Строгецкий 1991а, 155.

³⁶ Там же, 158. Обратим внимание на то, что снова в данном случае процесс превращения Делосской симмахии в афинскую архэ, в «империю», выглядит в рамках концепции автора как поступательное движение к некой осознаваемой цели.

³⁷ Там же, 188.

³⁸ Строгецкий 2008.

именование афинской империи. Несмотря на появление новых гипотез и интерпретаций проблем истории Делосской симмахии в период пентеконтаэтии, концепция истории афинской империи, созданная Владимиром Михайловичем Строецким, представляет большой научный интерес.

Литература / References

- Кошеленко 1983 = *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 217–246.
Koshelenko G. A. Grecheskiy polis i problemy razvitiya ekonomiki [Greek polis and the problems of economic development] // Antichnaiya Gretsiya. T. 1. Stanovlenie i razvitie polisa. M., 1983. S. 217–246 [Ancient Greece. Vol. 1. Formation and development of the polis. Moscow, 1983. P. 217–246].
- Махлаюк 2010 = *Махлаюк А. В.* К 70-летию Владимира Михайловича Строецкого // Вестник древней истории. 2010. № 4. С. 202–204.
Makhlayuk A. V. K 70-letiyu Vladimira Michajlovicha Strogetsckogo [70th Birthday of Vladimir Mikhajlovich Strogetskiy] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 2010. No. 4. P. 202–204.
- Паршиков 1970 = *Паршиков А. Е.* К вопросу о хронологии афинского похода в Египет // Вестник древней истории. 1970. № 1. С. 107–111.
Parshikov A. E. K voprosu o chronologii afinskogo pochoda v Egipet [On the Chronology of the Athenian Campaign in Egypt] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 1970. No. 1. P. 107–111.
- Паршиков 1976 = *Паршиков А. Е.* Исследования по истории Афинской морской державы. Рукопись, депонированная в ИНИ ФБОН (ИНИОН) АН СССР (№ 1044 от 2 декабря 1976 г.). М., 1976. 200 с.
Parshikov A. E. Issledovaniya po istorii Afinskoy morskoy derzhavy. Rukopis', deponirovannaya v INI FBON (INION) AN SSSR (№ 1044 ot 2 decabrya 1976 g.) [Studies on the history of the Athenian naval arche. Manuscript, deposited in INI FLSS (INI-ON) AS USSR (№ 1044 of December 2, 1976)]. Moscow, 1976. 200 p.
- Паршиков 1980 = *Паршиков А. Е.* Афинская морская держава: дис. ... докт. ист. наук. Куйбышев, 1980. 258 с.
Parshikov A. E. Afinskaya morskaya derzhava [Athenian naval arche]. PhD dissertation. Kuibyshev State Pedagogical Institute named after V. V. Kuibyshev. Kuibyshev, 1980. 258 p.
- Паршиков 2016 = *Паршиков А. Е.* Афинские финансы в период Пелопоннесской войны // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. С. 285–319.
Parshikov A. E. Afinskie finansy v period Poloponnesskoy voyny [The Athenian Finance in the Peloponnesian war] // Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo [Dmitry Pozharsky University Bulletin]. 2016. No. 2 (4). Sovetskiy landschaft drevney oykumenu: otechestvennaya nauka o drevnem Vostoke i antichnosti v 1920–1980 gg. [The Soviet landscape of the ancient oecumene: Russian science of the ancient East and antiquity in the 1920s–1980s]. P. 285–319.
- Паршиков 1971 = *Паршиков А. Е.* О некоторых теориях в Фукидидовской литературе (Фукидид и Афинская держава) // Вестник древней истории. 1971. № 2. С. 148–157.
Parshikov A. E. O nekotorych teoriyach v fukididovskoy literature (Fukidid i Afinskayay derzhava) // On some theories in Thucydides literature (Thucydides and the Athenian arche) // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 1971. No. 2. P. 148–157.
- Рунг 2012 = *Рунг Э. В.* Кимон или Перикл: кто стоял за афинской экспедицией в Египет? // Мнемон. 2012. Вып. 11. С. 25–40.
Rung E. V. Kimon ili Perikl: kto stoyal za afinskoy ekspeditsiey v Egipet? [Cimon or Pericles: who was responsible for the Athenian Expedition to Egypt?] // Mnemon. 2012. Vol. 11. P. 25–40.
- Строецкий 1984 = *Строецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // Вестник древней истории. 1984. № 4. С. 114–123.
Strogetsky V. M. Antichnaiya traditsiya o prichinach Poloponnesskoy voyny i otnoshenie k ney d sovremennoy zapadnoevropeyskoy istoriografii [Ancient Tradition on the Causes of the Peloponnesian War and its Evaluation in modern western european Historiography]

- raphy] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 1984. No. 4. P. 114–123.
- Строгецкий 1987a = *Строгецкий В. М.* Афино-спартанский дуализм и борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. Период пентеконтаэтии (478–431 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Горький, 1987. 540 с.
Strogetsy V. M. Afino-spartanskiy dualizm i bor'ba za gegemoniyu v Gretsii. Period Pentekontaetii (478–431 gg.): diss. ... doct. hist. sciences [Athenian-Spartan dualism and the struggle for hegemony in Greece in the 5th century BC. The period of Pentekontaetia (478–431 BC). PhD dissertation]. Gorkiy, 1987. 540 p.
- Строгецкий 1987b = *Строгецкий В. М.* Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период Первой Пелопоннесской войны (460–455 гг.) // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 37–50.
Strogetsy V. M. Osobennosti vneshney polotiki Afin i Sparty v nachal'nyu period Pervoy Peloponnesskoy voyny [Features of the foreign policy of Athens and Sparta in the initial period of the First Peloponnesian War] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 1987. № 2. P. 37–50.
- Строгецкий 1987c = *Строгецкий В. М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н. э. и проблема основания колонии Фурий // Город и государство в античном мире: проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 55–79.
Strogetsy V. M. Politika Afin v Zapadnom Sredizemnomor'e v seredine V v. do n. e. i problema osnovaniya kolonii Furiy [Athens policy in the Western Mediterranean in the middle of the 5th century BC and the problem of foundation of the Thuri colony] // Gorod i gosudarstvo v antichnom mire: problemy istoricheskogo razvitiya [City and state in the ancient world: problems of historical development]. Leningrad, 1987. P. 55–79.
- Строгецкий 1988a = *Строгецкий В. М.* К вопросу о возникновении и целях Делосской симмахии // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 52–64.
Strogetsy V. M. K voprosu o vzniknovenii i tselyach Delosskoy simmachii [To the question of the Origins and Purpose of the Delian League] // Antichnoe obchestvo i gosudarstvo [Ancient society and state]. Leningrad, 1988. P. 52–64.
- Строгецкий 1988b = *Строгецкий В. М.* О трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз (к интерпретации надписи Tod., № 32.) // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего Средневековья. Барнаул, 1988. С. 20–29.
Strogetsy V. M. O transformatsii Delosskoy simmachii v Afinskiy morskoy soyuz [On the transformation of the Delian League into the Athenian naval union (to the interpretation of Tod 32)] // Problemy istorii ujsudarstva i ideologii antichnosti i rannego srednevekoviya [Problems of the history of the state and ideology of antiquity and the early Middle Ages]. Barnaul, 1988. P. 20–29.
- Строгецкий 1990 = *Строгецкий В. М.* Экономическая политика Афин в процессе формирования Афинской империи // Государство и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 42–60.
Strogetsy V. M. Ekonomicheskaya politika Afin v protsesse formirovaniya Afinskoj imperii [Economic policy of Athens during the formation of the Athenian empire] // Gosudarstvo i ideologiya v antichnom mire [State and ideology in the ancient world]. Leningrad, 1990. P. 42–60.
- Строгецкий 1991a = *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции: учебное пособие. Н. Новгород, 1991. 244 с.
Strogetsy V. M. Polis i imperiya v klassicheskoy Gretsii. Uchebnoe posobie [Polis and Empire in Classical Greece. Textbook]. Nizhny Novgorod, 1991. 244 p.
- Строгецкий 1991b = *Строгецкий В. М.* Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 158–167.
Strogetsy V. M. Problema Kallieva mira i ego znachenie dlya evolyutsii Afinskogo morskogo soyuza [The Problem of Callias' Peace and Its Significance for the Evolution of the Delian League] // Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. 1991. № 2. P. 158–167.
- Строгецкий 2008 = *Строгецкий В. М.* Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг.). СПб., 2008. 291 с.
Strogetsy V. M. Afiny i Sparta. Bor'ba za gegemoniyu v Gretsii v V v. do n. e. (478–431 gg.) [Athens and Sparta. Struggle for Hegemony in Greece in the 5th century BC (478–431)]. St. Petersburg, 2008. 291 p.
- Строгецкий 2017 = *Строгецкий В. М.* Социально-экономические и правовые основы эволюции Афинского морского союза // Мнемон. 2017. Вып. 17-2. С. 31–40.
Strogetsy V. M. Socialno-ekonomicheskije i provovye osnovy evolyutsii Afinskogo morskogo soyuza [Socio-economic and Legal Basis for the Evolution of the Delian League] // Mnemon. 2017. Vol. 17-2. P. 31–40.

- Суриков 2017 = *Суриков И. Е.* Новый фрагмент афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика) и его историческое значение // *Аристей: вестник классической филологии и античной истории.* 2017. Т. XV. С. 35–54.
Surikov I. E. Noviy fragment afinskogo monetnogo dekreta iz Afitisa (Chalkidika) i ego istoricheskoe znachenie [A new fragment of the Athenian Coinage Decree from Aphytis (Chalcidice) and its significance] // *Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua.* 2017. Vol. XV. P. 35–54.
- Chambers, Galucci, Spanos 1990 = *Chambers M., Galucci R., Spanos P.* Athen's Alliance with Eggesta in the Year of Antiphon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1990. Bd. 93. P. 38–63.
- Hatzopoulos 2013–2014 = *Hatzopoulos M. B.* The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // *Τεκμήρια.* 2013–2014. Vol. 12. P. 235–269. DOI: 10.12681/tekmeria.324.
- Khan 2008 = *Khan D.* Inaros' Rebellion against Artaxerxes I and the Athenian Disaster in Egypt // *The Classical Quarterly.* 2008. Vol. 58. No. 2. P. 433–434. DOI: 10.1017/S0009838808000529.
- Mattingly 1961 = *Mattingly H. B.* The Athenian Coinage Decree // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 1961. Bd. 10, hft. 2. P. 148–188.
- Mattingly 1963 = *Mattingly H. B.* The Growth of Athenian Imperialism // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 1963. Bd. 12, hft. 3. P. 268–271.
- Mattingly 1996 = *Mattingly H. B.* The Athenian Empire Restored. *Epigraphic and Historical Studies.* Ann Arbor, 1996. 561 p. + XVIII.
- Meiggs 1963 = *Meiggs R.* The Crisis of Athenian Imperialism // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1963. Vol. 67. P. 1–36. DOI: 10.2307/310817.
- Meiggs 1966 = *Meiggs R.* The Dating of Fifth-Century Attic Inscriptions // *The Journal of Hellenic Studies.* 1966. Vol. 86. P. 86–98. DOI: 10.2307/628996.
- Meiggs 1972 = *Meiggs R.* *The Athenian Empire.* Oxford, 1972. 619 p.
- Meritt, Wade-Gery 1962 = *Meritt B. D., Wade-Gery H. T.* The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century-I // *The Journal of Hellenic Studies.* 1962. Vol. 82. P. 67–74. DOI: 10.2307/628544.
- Meritt, Wade-Gery 1963 = *Meritt B. D., Wade-Gery H. T.* The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century-II // *The Journal of Hellenic Studies.* 1963. Vol. 83. P. 100–117. DOI: 10.2307/628456.
- Morris 2009 = *Morris I.* The Greater Athenian State (478–404 BC) // *The Dynamics of Ancient Empires. State Power from Assyria to Byzantium / ed. by I. Morris, W. Scheidel.* Oxford, 2009. P. 99–177.
- Papazarkadas 2009 = *Papazarkadas N.* Epigraphy and the Athenian Empire: Re-shuffling the Chronological Cards // *Interpreting the Athenian Empire / ed. by J. Ma, N. Papazarkadas, R. Parker.* London, 2009. P. 67–88.
- Rhodes 2008 = *Rhodes P. J.* After the Three-Bar “Sigma” Controversy: The History of Athenian Imperialism Reassessed // *The Classical Quarterly.* 2008. Vol. 58. No. 2. P. 500–506. DOI: 10.1017/S000983880800058X.
- Tracy 2014 = *Tracy St. V.* Down Dating Some Athenian Decrees with Three-Bar Sigma: A Palaeographic Approach // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2014. Bd. 190. P. 105–115.

DOI: 10.55000/MCU.2021.74.61.002

**ЖЕНЩИНА И ВЛАСТЬ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО
(ФРАНЦИЯ, XIV–XV ВВ.)**

М. В. Кузьмина

Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

kuzmmargarita@yandex.ru

В статье ставится вопрос о границах допустимого участия женщины в политической жизни во Франции в XIV–XV вв. Утверждается, что только те женщины, которые происходили из знатных и богатых семей, владевших земельной собственностью, имевшие влиятельных и богатых отцов, мужей, сыновей, могли рассчитывать на политическое влияние и проявление своих политических амбиций. Однако даже соответствие вышеуказанным критериям не гарантировало женщине быть приобщенной к власти, поскольку быть во власти – дело практически невозможное для женщин средневекового общества. Особо стоит вопрос о королевах, которые только в качестве регента королевства (как это произошло с супругой Карла VI Изабеллой Баварской) получали политическую власть, т. е. сам по себе статус королевы не означал, что она самостоятельно могла осуществлять власть, не делегированную ей королем.

Ключевые слова: власть, женщины, границы допустимого, королева, политика.

**WOMAN AND POWER: THE LIMITS OF THE PERMISSIBLE
(FRANCE, XIV–XVth CENTURIES)**

M. V. Kuz'mina

Institute of World History (Russian Academy of Sciences),

Moscow, Russian Federation

kuzmmargarita@yandex.ru

The article raises the question of the permissible limits of the women participation in political life in France in the XIV–XVth centuries. It is argued that only those women who came from noble and wealthy families, whose fathers, husbands, sons owned large land property, could provide political influence and the manifestation of their political ambitions. However, even meeting the above criteria did not guarantee a woman to be involved in power, since being in power is an almost impossible task for women in medieval society. There is a special thing to speak about queens who only as regents of the kingdom (as happened with the wife of Charles VI Isabella of Bavaria) could receive political power, i. e. queen status in itself did not mean that she could independently exercise power not delegated to her by the king.

Keywords: power, women, limits of permissible, queen, politics.

Говоря здесь о женщинах и власти, мы имеем в виду не столько способности женщин подчинять себе мужчин тем или иным способом, как это делалось в рамках куртуазной любви или в семье, но прежде всего возможность женщин осуществлять политическую власть, т. е. именно ту власть, право на которую на протяжении веков принадлежало исключительно мужчинам.

Власть политическая и власть экономическая всегда переплетаются и дополняют друг друга, а включенность женщин в политическую жизнь в период Средневековья обуславливалась их статусом – жены, вдовы, сестры, дочери, матери носителя власти, которой он обладал, владея земельной собственностью. Женщины, как отмечает Сюзанна Фоне-Вампль, хотели власти, а «...положение женщины определялось ее богатством, статусом ее родственников и могуществом ее сыновей», она стремилась быть помощницей своему мужу не только в том, что касалось домашнего хозяйства. Ее политическая власть заключалась

в том, чтобы «накопить достаточно собственности и сделать пожертвование церкви и выстроить монастырь»¹, обозначив своё влияние и могущество.

Особенностью Средневековья являлось то, что только мужчины, наследовавшие земли, считались полноправными их держателями, поскольку могли выполнять военную службу, но не женщины, а ведь именно через владение землей человек имел и власть политическую. Хотя политическая власть женщин начиная с XII века стала уменьшаться (имеются в виду женщины – жёны и вдовы владетельных сеньоров), тем не менее в период Столетней войны в отсутствие своих супругов или сыновей женщинам приходилось брать на себя управление земельной собственностью (частноправовые полномочия) и поэтому обладать определённой политической властью, т. е. осуществлять судебную, финансовую, административную власть на этих территориях (публично-правовые полномочия)².

Порой женщины управляли целыми областями. Например, графиня Маго (Матильда) д'Артуа (Mahaut d'Artois, 1268 (1270) – 1329)³, унаследовавшая графство Артуа в 1302 году от своего отца и позже даже ставшая пэром Франции. Она осуществляла власть на своих землях, опираясь, подобно королям, на совет – «équipes de pouvoir», некоторые члены которого имели университетское образование и имели отношение и к Парижскому парламенту⁴. Имея родственные связи с королевской династией и специально афишируя добрые отношения с королевской семьёй, она привлекла к административно-хозяйственной деятельности в графстве чиновников, часть из которых состояла на королевской службе, закрепляя их преданность и подъём по социальной лестнице тем, что делегировала им часть своей власти, установив также систему выплат и подарков, хотя связи с чиновниками были личными, а не договорными⁵.

Маго д'Артуа – знатная дама, пэр Франции – имела в силу владения большой территорией политический вес, но и она не избежала упреков, подозрений (в частности, в отравлении Людовика X и Иоанна I), сопротивления со стороны своих родственников, претендующих на её земли. В коллективном сознании использование ядов было отсылкой к проискам ведьм, что лишь подчеркивало женскую суть Маго, что усугубляло страх мужчин поступиться своими мужскими прерогативами⁶. Она должна была править как мужчина, но её правление было правлением женщины, воспитанной, по словам К. Балузар-Лубе, в культуре, которую можно охарактеризовать как культуру мужчин, о чём свидетельствует состав её библиотеки⁷, где преобладали рыцарские романы. Для визуализации своей власти в соответствии с принятыми нормами своего времени Маго строила аббатства, больницы и владела зверинцем, как это делали и короли, и аристократы.

Графиня Маго всячески подчеркивала свою близость к династии Капетингов, являясь частью её по крови, по культуре, духовно, но и, как отмечает К. Балюза-Лубе, «географически», т. е. она была больше «парижской принцессой», чем принцессой Артуа, стремясь чаще быть там, где находился король⁸. Однако, когда её дочерей (обе были супругами французских королей) обвинили в супружеской измене в 1314 г., её положение при дворе резко ухудшилось. Таким образом, её значимость как политической фигуры также упала.

Если Маго д'Артуа – это пример исключительной женщины. Но она жила в обществе, в котором роль женщин чаще всего ограничивалась их деятельностью в доме в качестве хозяйки, жены, матери. И королева не была исключением из этого правила. Какую же политиче-

¹ Дюби, Перро (ред.) 2009, 185–186.

² Verdon 2006, 84–85.

³ Balouzat-Loubet 2015, 173: «Petite-nièce, marraine et belle-mère de roi, princesse apanagée, membre du Conseil royal, pair de France, la comtesse d'Artois est une figure féminine qui a marqué l'histoire des derniers Capétiens».

⁴ Balouzat-Loubet 2009, 146–165.

⁵ Balouzat-Loubet 2009: «Ceci témoigne de la proximité entre Mahaut et la dynastie capétienne, qui partagent les mêmes équipes de pouvoir».

⁶ Dubi, Perro (eds.) 2009, 371.

⁷ Balouzat-Loubet 2015, 173.

⁸ Ibid., 182.

скую роль могли играть и играли ли королевы Франции? Вероятно, также в определённых границах, нарушая которые, они от этой власти отстранялись?

Королева Франции Изабелла Баварская (1371–1435), супруга короля Карла VI Безумного, или, как это устоялось во французской и англоязычной литературе, королева Изабо (Isabeau de Bavière, Isabeau of Bavaria), является фигурой, не только вызывающей до сих пор неоднозначные оценки. Она была по-своему исключительной фигурой. В своё время её активное участие в политике в качестве фактически сорегента королевства навлекло на неё недовольствие ближайших родственников короля и породило так называемую «чёрную легенду», бесспорно, вызванную политической ролью, которую она играла или пыталась играть.

Уже в XV веке образ королевы оброс всевозможными сплетнями (по мнению Т. Адамс, не ранее 1429 г., поскольку в этом году после победы Жанны д'Арк англичане снова нуждались в оправдании своих притязаний на французский трон)⁹. Этим же целям служила и сплетня о нелегитимности рождения дофина Карла, будущего короля Франции Карла VII – сына Изабо де Бавьер и Карла VI Безумного.

«Чёрная легенда» начала формироваться историками права, которых волновали вопросы регентства, в XVI веке; в XVIII веке образ Изабо служил оправданием свержения монархии; в XIX веке в неё были «вплетены» антигерманские настроения французских историков, и в таком виде она дошла до нас. Королеву обвиняли как в растрате государственных средств, алчности, прелюбодеянии, нелюбви к собственным детям, так и в разжигании гражданской войны – той, что именуется войной между Арманьяками и Бургиньонами, и в качестве апогея её разрушительной деятельности называлось заключение мира с Англией в Труа в 1420 году, в случае исполнения статей которого Франция могла перестать быть самостоятельным королевством.

Изабелла Баварская вышла замуж за французского короля Карла VI в 1385 году, была коронована в 1389 г. Это не наделяло её равными с королём властными полномочиями, поскольку королевский сан считался священным благодаря и коронации, и миропомазанию, которое королева не получала. В определённый момент для Изабеллы сложилась уникальная политическая ситуация. Отметим, что именно супружество с королём давало королевам особый статус. Ещё Карл Великий требовал от своих подданных подчинения приказам королевы как своим¹⁰.

После первого приступа безумия у Карла VI (1368–1422) 5 августа 1392 г., а затем повторившегося 28 января 1393 г., в том же 1393 году был принят королевский ордонанс, согласно которому у королевы появился ещё один особый статус – статус матери наследника, она становилась важным членом регентского совета при несовершеннолетнем дофине. Но всё более учащавшиеся приступы безумия короля (начиная с 1396 года о его болезни уже говорили как о «постоянной») привели к тому, что в 1402 году был издан ещё один ордонанс, подтверждённый в 1403 г., согласно которому полномочия королевы как арбитра были существенно расширены. И это давало ей возможность более легитимно заниматься политикой.

Королева, старавшаяся быть примерной супругой, хранившая верность безумному мужу (хотя молва и связывала её с герцогом Орлеанским и с некоторыми другими мужчинами) и действовавшая согласно традиционным взглядам на королеву как охранительницу домашнего очага и мира в королевстве, оказалась опасной для герцогов, увидевших в расширении её полномочий по опеке дофинов на фоне болезни короля, наступавшей всегда внезапно, угрозу своим притязаниям на власть. Волна диффамации, организованная герцогом Жаном Бургундским¹¹ на время утихнет после убийства герцога Орлеанского. Началась она в 1405 г.

⁹ Adams 2010, 38–72.

¹⁰ Сказкин (ред.) 1961, 437–446, ст. 16: «Желаем, чтобы в случае, если мы или королева кому-либо из управляющих что-либо прикажем или же от нашего или королевы имени сановники (*ministeriales*) наши – стольник (*sinescalcus*) и чашник (*butticularius*) – отдадут управляющим какое-либо распоряжение, пусть выполнят к тому самому сроку, к какому им будет указано».

¹¹ Adams 2013, 223–235.

и являлась, как считает Т. Адамс, стратегией продвижения себя, в данном случае – герцога Бургундского, за счёт очернения и оскорбления противника. Именно потому, что репутация королевы в глазах общества была слишком хороша, герцогу Бургундскому пришлось прибегнуть к различным средствам, чтобы ее испортить.

Ее забота о детях – прежде всего о дофинах, из которых двое старших сыновей умерли в 1415 и в 1417 гг., а последний сын, о котором надо было поэтому больше заботиться, – дофин Карл (будущий король Карл VII) оказался в силу политических обстоятельств по разные стороны с ней – не оставляет сомнения, что она делала всё, что могла. Её нельзя упрекнуть в отсутствии материнских чувств. Но как королева Изабо заботилась прежде всего о сохранении династии, стараясь отгородить по возможности дофинов от влияния герцогов, заботящихся о продвижении своих интересов. Силы оказались неравны, ей приходилось всё время лавировать между партийными группировками, идти на уступки и подвергаться притеснениям, терпеть поражения.

Если посмотреть на личность королевы без оглядки на «чёрную легенду», то можно сказать, что Изабелла, пытавшаяся доступными и понятными ей путями исполнить тяжелую миссию восстановления мира в королевстве, во многом стала заложницей традиционных взглядов на роль женщины в обществе, где за ней не признавалась способность быть политиком наравне с мужчинами. У неё было мало действенных инструментов влияния именно потому, что только наделение её королём некоторыми властными полномочиями (как регента) легитимизировало ее политическую деятельность. Королева не обладала и не могла обладать всей полнотой политической власти. Поэтому даже деятельность в качестве регента дофина была ограничена. Хотя в 1417 г., как пишет Ж. Фавье, «поскольку Карл VI полностью «отсутствовал», Изабелла официально объявила, что наделяет властью себя: Милостью Божьей королева Франции, по причине захвата моего государя короля осуществляющая управление и руководство оным королевством»¹², это не имело значения. В том же 1417 г. последовало королевское постановление об отмене права королевы заниматься делами короля во время его «отсутствия»¹³. В 1422 году после смерти Карла VI об Изабелле позабыли, она больше никого не интересовала.

Власть требовала от женщин мужских качеств. По словам Ж. Жерсона, охарактеризовавшего Кристину Пизанскую как выдающуюся женщину, таковой могла быть только мужественная / мужеподобная женщина¹⁴, т. е. только та, что действует и проявляет себя как мужчина. Изабелла такой не была.

Упрёк королеве, что она, подписав (вместо больного короля) мирный договор в Труа в 1420 г., допустила именование дофина Карла «так называемым» дофином, потому что он был якобы не сыном Карла VI, а результатом её прелюбодеяния с герцогом Орлеанским, не выдержал критики исследователей, обративших внимание на то, что это выражение использовалось для оскорбления в эту эпоху и не подразумевало нечто иное.

Королева Изабо действовала в рамках традиции, согласно которой статус королевы даёт широкие возможности, но он имеет и ограничения в том, что касается политической власти. Только в качестве регента она могла иметь серьёзное политическое влияние. Королева маневрировала с учётом конкретных политических ситуаций, из которых она пыталась доступными ей средствами выйти, сохраняя верность королю и династии в целом, показав себя человеком неглупым. Сложившееся мнение о ней как о «предательнице», прелюбодейке, не подкреплённое источниковым материалом, слишком однозначно, чтобы считать его верным.

На вопрос, каковы были возможности женщин в XIV–XV вв. в политике, можно ответить: они были ограничены. Политическая власть связана с владением земельной собственностью, исполнением важных государственных обязанностей и близостью к королевскому двору отцов, мужей, сыновей этих женщин. При желании или необходимости проявить свои политические амбиции такие женщины должны были нарушать границы определенного тра-

¹² Favier 2009, 433.

¹³ Adams 2010, 166–192.

¹⁴ Дюби, Перро (ред.) 2009, 416.

дициями и правилами данного общества поведения, брать на себя мужские функции. Здесь их ждало много проблем и трудностей. Даже статус королевы не давал женщинам политической власти в том объёме, которым обладали мужчины. Однако сказать, что политическая роль женщин во французском обществе этого периода была совсем незначительной, мы тоже не можем, хотя Жан Вердон и отметил, что «несмотря на выдающиеся исключения, политическая жизнь все ещё прежде всего – дело мужское, как в Средние века, так и в наши дни»¹⁵.

Литература / References

- Дюби, Перро (ред.) 2009 = История женщин на Западе. В 5 т. Т. II: Молчание Средних веков / под общей ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. К. Клапиш-Зубер; пер. с фр. под ред. Р. А. Гимадеева. СПб., 2009. 512 с.
Istoriya zhenschin na Zapade. V 5 tt. T. II: Molchanie Srednih vekov [Women's History in the West. In 5 vols. Vol. II: The Silence of the Middle Ages] / Ed. by Zh. Dubi, M. Perro. St. Petersburg, 2009. 512 p.
- Сказкин (ред.) 1961 = Хрестоматия по истории Средних веков. В 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961. Т. I. С. 437–446.
Khrestomatiya po istorii Srednikh vekov. V 3 t. [Chrestomacy on the History of the Middle Ages. In 3 vols.] / Ed. S. D. Skazkin. Moscow, 1961. T. I. P. 437–446.
- Favier 2009 = Фавье Ж. Столетняя война. СПб., 2009. 656 с.
Fav'ie Zh. Stoletnyaya voyna [Favier J. Hundred Years War]. St. Petersburg, 2009. 656 p.
- Adams 2010 = Adams T. The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria. Baltimor, 2010. 368 p.
- Adams 2013 = Adams T. Isabeau d Bavière: la creation d'une reine scandaleuse // Cahiers de Recherches Médiévales et Humanistes. 2013. No. 25. P. 223–235.
- Balouzat-Loubet 2015 = Balouzat-Loubet C. Mahaut d'Artois, une femme de pouvoir (1302–1329). Antoine Destemberg; Yann Potin; Emilie Rosenblieh. Faire jeunesses, rendre justice, Publications de la Sorbonne. 2015. P. 173–183.
- Balouzat-Loubet 2009 = Balouzat-Loubet C. Bien s'entourer pour mieux gouverner // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2009. № 116-1. P. 146–165.
- Verdon 2006 = Verdon J. La Femme au Moyen Âge. 7ème ed. Paris, 2006. 128 p.

¹⁵ Verdon 2006, 86.

DOI: 10.55000/MCU.2021.52.37.003

**МИРОВЫЕ СУДЬИ ГРАФСТВ
АНГЛО-ШОТЛАНДСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1536–1547 гг.**

A. A. Belytser

*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королёва,
Самара, Россия
abelhist@yandex.ru*

Статья посвящена анализу изменений в составе мировой комиссии графств на границе с Шотландией в период последней декады правления Генриха VIII. Если структура мировой комиссии не претерпела в этот период изменений, то состав поменялся весьма значительно. Из числа мировых судей были исключены представители аристократических семей Перси и Дакр, большая часть их родственников и клиентов. Вместо них ведущую роль в комиссии стали играть представители местного и пришлого дворянства. По-прежнему важное место в составе магистратов занимали представители пограничной администрации. Как и прежде количество мировых судей невелико по сравнению с другими графствами, и реже обновляется.

Ключевые слова: мировые судьи, Тюдоры, Камберленд, Нортумберленд, англо-шотландское пограничье.

**JUSTICES OF THE PEACE
OF THE ANGLO-SCOTTISH BORDER SHIRES IN 1536–1547**

A. A. Beltser

*Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
abelhist@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of changes in personnel of the commission of the peace of shires on the border with Scotland during the last decade of the reign of Henry VIII. During this period, the structure of the peace commission is not changed, but the stuff has changed very significantly. Members of the aristocratic families of Percy and Dacre, most of their relatives and clients were excluded from the number of magistrates. Instead, members of the local and alien nobility began to play a leading role in the commission. Representatives of the border administration still occupy an important place in the personnel of magistrates. The number of justices of the peace was still small, compared to other shires, and was updated less often.

Keywords: justices of peace, Tudors, Cumberland, Northumberland, anglo-scottish borders.

Последнее десятилетие правления Генриха VIII было ознаменовано целой серией важных событий в политической и религиозной сфере. Роспуск монастырей, «Благодатное паломничество», преобразования в сфере государственного управления, очередные войны в Шотландии и во Франции – все это придало этой декаде необычайную насыщенность. Именно вторую половину 1530-х гг. Дж. Элтон и его последователи связывали с «революцией в управлении», кардинальными переменами в сущности тудоровской монархии. Несмотря на то, что эта концепция уже серьезно пересмотрена, отрицать отличие королевской политики этого периода от более ранних мероприятий достаточно сложно. Начиная с 1530-х гг. королевская политика действительно приобретает более выраженный характер унификации и усиления власти монарха. Создание целого ряда государственных учреждений в центре и на местах должно было привести к переменам в балансе власти между монархом и различными группами как при дворе, так и в провинции.

Одной из отличительных черт политики короны в середине – второй половине 1530-х годов стала реорганизация системы управления регионами. Окраины монархии Тюдоров, северные земли, Уэльс и Ирландия, пережили смену моделей управления. Были ликвидирова-

ны иммунитеты. Уэльс был окончательно инкорпорирован в состав английского королевства, и на него была распространена английская система местного управления. В Ирландии потеряли господствующее положение графы Килдеры и английскими территориями на острове стали управлять наместники-англичане. В 1540-х годах начался процесс подчинения ирландских вождей и полного завоевания «Изумрудного острова». В северных, пограничных с Шотландией землях корона отказалась от опоры на местные аристократические роды Перси и Дакров и начала в большей степени опираться на местное нетитулованное дворянство и назначенцев из южных земель. Как на севере Англии, так и в Уэльсе были институционально оформлены региональные советы, которые были призваны служить инструментами королевской воли в регионах.

Преобразования, произведенные в 1530–40-х годах в управлении регионами, и их последствия получили достаточно полное освещение в исторической литературе. В первую очередь внимание исследователей привлекала королевская политика в Ирландии и Уэльсе¹. В отношении этих «национальных» окраин существует значительное количество работ, посвященных переменам, происходившим в эти годы, как на региональном уровне, так и в системе местного управления. Северным землям в эту эпоху в историографии уделено в этом плане несколько меньше внимания². Внимание исследователей в первую очередь привлекает пограничная администрация. Система местного управления пограничных графств в эти годы не получила должного освещения. Лишь в работах С. Эллиса постоянно затрагиваются вопросы, связанные с работой мировой комиссии Нортумберленда в раннетюдоровскую эпоху³. В то же время мировые судьи были неотъемлемой частью английской системы управления, одним из ее символов. Неслучайно инкорпорация Уэльса в состав Англии привела к его разделу на графства по английскому образцу и внедрению системы мировых судей. Точно так же ликвидация палатината Честер в это же время привела к появлению мировых судей и в этом регионе⁴.

Для мировых комиссий пограничных графств, Камберленда и Нортумберленда, традиционно были характерны редкость обновления и малочисленность. За последнее десятилетие правления Генриха VIII состав мировых судей в Камберленде обновлялся пять раз (в течение 1538–1542 годов), а в Нортумберленде всего 2 раза (в декабре 1536 года и марте 1538 года)⁵. Количество мировых судей за этот период варьировалось от 19 до 26 человек в Камберленде и от 31 до 40 человек в Нортумберленде. Если учесть, за период с 1509 по 1525 года численность магистратов не превышала 21 человека в Нортумберленде и 14 человек в Камберленде⁶, то видно, что курс на увеличение численности мировой комиссии англо-шотландского пограничья, начавшийся с созданием совета герцога Ричмонда, был продолжен.

Состав мировых комиссий английских графств начиная с 1520-х годов традиционно состоял из нескольких элементов. Возглавляли список высшие государственные сановники, которые фактически в работе мировых судей не принимали участия, аристократы, проживающие или обладающие владениями в графстве, судьи ассиз из судебного округа, которому принадлежало графство и, наконец, представители нетитулованного дворянства. Мировые комиссии Камберленда и Нортумберленда в указанный период не были исключением. Возглавляли список мировых судей три человека: Томас Одли, лорд-канцлер, Томас Ховард, герцог Норфолк, занимавший пост лорда-казначея и Чарльз Брендон, герцог Саффолк, президент королевского совета⁷. В 1536–1547 гг. двое из этой тройцы, Томас Ховард и Чарльз Брендон, периодически появлялись на севере в качестве королевских наместников и коман-

¹ Jones 1994; Bradshaw 1979.

² Bush 1971; James 1986; Ety 2006.

³ Ellis 2015; Ellis 2019.

⁴ Thornton 1993; Thornton 2000.

⁵ LP 11 № 1417 (3), LP 13 № 636 (27), 636 (41), LP 14 (1) № 1354 (20), LP 16 № 305 (29), LP 17 № 220 (30), 362 (28).

⁶ LP 1 № 717, 1048, 3553, 5506; LP 2 № 249; LP 3 № 1084; LP 4 № 1610.

⁷ LP 11 № 1417 (3), LP 13 (1) № 636 (27), 636 (41), LP 14 (1) № 1354 (20), LP 16 № 305 (29), LP 17 № 220 (30), 362 (28).

дующих армией, воюющей с Шотландией. Но основную часть времени они проводили при особе монарха, исполняли его поручения, либо пребывали в своих родных графствах: Норфолке и Саффолке в случае Ховарда, Саффолке и Линкольн в случае Чарльза Брендона. Соответственно, регулярного участия в работе мировых судей они не принимали. То же самое справедливо и в отношении Томаса Одли. К числу дигнитариев можно отнести и Уильяма Фицуильяма, графа Саутгемптона, который занимал пост лорда-адмирала, а затем лорда – хранителя Малой печати. Он на севере тоже практически не бывал и реального участия в работе комиссии не принимал. В состав мировых комиссий Нортумберленда и Камберленда 1538–1539 годов был включен также Томас Кромвель. В число мировых судей Камберленда в мае 1542 года был включен Джон Рассел, сменивший графа Саутгемптона на посту лорда – хранителя Малой печати⁸.

К числу судей ассиз Северного округа, которые постоянно добавлялись в число мировых судей, относились Кристофер Дженни, Джон Хинд, Джон Спелман и Эдвард Молино. Джон Спелман входил в мировую комиссию Нортумберленда 1536 года, Эдвард Молино – в мировую комиссию Камберленда в 1542 году. Кристофер Дженни входил в состав всех мировых комиссий Нортумберленда и всех комиссий Камберленда в этот период, кроме последней. Джон Хинд отсутствовал в мировой комиссии Нортумберленда декабря 1536 года, но присутствовал в составе всех остальных⁹.

Отдельную группу, как уже говорилось, в мировой комиссии представляли аристократы. В комиссии Нортумберленда 1536 года в их число входили Генри Перси, граф Нортумберленд, Ральф Невиль, граф Уэстморленд и Генри Клиффорд, граф Камберленд. Генри Перси, граф Нортумберленд был представителем могущественного рода Перси, располагавшего значительными земельными владениями в Йоркшире, Камберленде и Нортумберленде. Он занимал должность стража Восточной и Средней пограничных марок, добился к этому времени поста наследственного шерифа графства¹⁰. В декабре 1536 года граф уже был тяжело болен и вскоре скончался. Ральф Невил, граф Уэстморленд, не обладал владениями на территории графства, его земли находились на территории епископства Даремского. В этих землях Невили были одними из крупнейших собственников и входили в состав местных магистратов. Ральф Невиль периодически выполнял различные поручения короля в пограничных графствах, но в силу отсутствия земельных владений, так и не смог закрепиться в местной администрации. Генри Клиффорд, граф Камберленд, также не имел владений в Нортумберленде – его земли располагались преимущественно в Йоркшире и Уэстморленде. Генри Клиффорд приходился зятем графу Нортумберленду, он был женат на его сестре, но никаким влиянием в Нортумберленде не пользовался.

В 1538 году в числе мировых судей Нортумберленда мы не видим Генри Перси – граф умер, а его земли отошли короне. Генри Клиффорд, граф Камберленд и Ральф Невил, граф Уэстморленд остались в числе магистратов. Кроме того, в состав мировых судей был включен Роберт Огл, барон Огл. Он был представителем семьи нортумберлендских дворян, его предок получил от Эдуарда IV баронский титул за верную службу в пограничной администрации. Оглы были небогаты, владения семьи располагались слишком близко к шотландской границе, и их постоянно приходилось защищать от шотландских набегов¹¹.

В Камберленде в числе мировых судей в 1538, 1539, 1540 и в марте 1542 года мы видим Генри Клиффорда, графа Камберленда. Он занимал должность стража Западной марки с 1534 года и вплоть до своей кончины. Больших владений в Камберленде граф не имел, как уже говорилось, основной массив его угодий находился южнее, в Уэстморленде и Йоркшире. В комиссиях 1540 и марта 1542 года компанию графу составлял его старший сын и наследник, Генри Клиффорд, барон Клиффорд. В 1538 году кроме графа Камберленда в состав ма-

⁸ LP 17 № 362 (28).

⁹ LP 11 № 1417 (3), LP 13 (1) № 636 (27), 636 (41), LP 14 (1) № 1354 (20), LP 16 № 305 (29), LP 17 № 220 (30), 362 (28).

¹⁰ Hoyle 1992; Hunter Blair 1942, 78.

¹¹ Ellis 2018.

гистратов входил также Кристофер Коньерс, барон Коньерс. Резиденцией барона был замок Хорнби в Йоркшире¹². Показательно отсутствие в мировых комиссиях графства Уильяма Дакра, барона Дакра, который был крупнейшим земельным собственником региона. В 1534 году Дакр был арестован по обвинению в государственной измене, смещен со всех постов и подвергнут суду. Несмотря на то, что суд оправдал барона, в Камберленде он не был восстановлен в своем статусе полностью.

В отличие от целого ряда предыдущих комиссий в 1536–1547 годах в составе мировых судей слабо было представлено духовенство. В Камберленде в числе магистратов клирики не фигурировали. В Нортумберленде в составе судей в это десятилетие, так же как и в предыдущее, числился некий Томас, приор кафедрального монастыря в Дареме. В это время настоятелем кафедрального монастыря в Дареме был Хью Уайтхед, занимавший эту должность с середины 1520 года. Почему в списках фигурирует Томас, не совсем ясно, Томасом звали предыдущего настоятеля, Томаса Кастелла, занимавшего этот пост с 1494 по 1520 год. Хью Уайтхед занимал должность до 1540 года, пока монастырь не перешел под королевскую руку. Должность настоятеля была упразднена, а Хью Уайтхед был назначен первым его деканом. В 1538 году мировым судьей стал Катберт Огл, родственник барона Огла, тоже отмеченный как клирик.

Круг нетитулованного дворянства, в составе мировых судей варьировался от 21 до 28 человек в Нортумберленде и от 11 до 16 человек в Камберленде. Среди них выделяются несколько человек, которые входят в этот период в состав магистратов обоих графств – Томас Клиффорд, Томас Темпест, Томас Уортон и Роберт Боус. Двое из них, Томас Темпест и Роберт Боус, выходцы из Даремского палатината, давно занимали различные посты в пограничной администрации. Оба они входили в состав Совета герцога Ричмонда и, начиная с 1525 года, числились магистратами в северных графствах. Кроме того, они входили в состав реорганизованного в 1537 году Северного совета¹³. Томас Клиффорд был братом Генри Клиффорда, графа Камберленда и занимал должность губернатора Бервика на Твиде¹⁴. Томас Уортон, выходец из дворян Уэстморленда, начинал карьеру в окружении Клиффордов, затем стал ближайшим советником Генри Перси, графа Нортумберленда. После смерти графа Уортон перешел на королевскую службу, стал заместителем стража Западной марки, а фактически исполнял его функции при номинальном страже – графе Камберленде¹⁵.

К числу выходцев из других графств, занимавших различные посты в пограничной администрации, и в результате попавших в мировую комиссию принадлежали Уильям Юр, выходец из Дарема, и выходцы из Йоркшира – Роджер Ласселс и Джон Нортон, входившие в окружение семьи Перси.

В комиссии 1536 года список дворян Нортумберленда открывали два брата шестого графа Нортумберленда, Инграм и Томас Перси. Оба, однако, оказались на неверной стороне в ходе «Благодатного паломничества» и были казнены, а их владения конфискованы. В обе комиссии Нортумберленда попали Роберт Коллингвуд, Катберт Рэтклиф, Уильям Херон, Джон Беденелл, Роберт Клаверинг, Роберт Менелл, Джон Бентли, Лайонел Грей, Ральф Фенвик, Уильям Огл, Уильям Хилтон, Томас Стрэнджуэйс. В 1536 году в число мировых судей вошел Джон Херон из Чипчейза. Вместо него в 1538 году в составе магистратов мы видим Хуберта Хорсли, Катберта Хорсли, Джона Суинберна, Кристофера Митфорда, Томаса Хилтона, Реджинальда Карнаби, Джона Уидрингтона, Уильяма Фенвика и Роберта Эллеркера¹⁶. Представители этих семей регулярно занимали должность шерифа графства на протяжении тюдоровской эпохи¹⁷. Многих из них мы видим в числе либо должностных лиц королевской администрации в пограничье, либо в числе лиц, получающих содержание от Короны. Так, в

¹² Tonge (eds.) 1863, 48–49.

¹³ LP 12 (2) № 914 (1).

¹⁴ LP 12 (2) № 10.

¹⁵ James 1986, 91–141.

¹⁶ LP 13 (1) № 636 (27).

¹⁷ Hunter Blair 1942, 71–89.

1537 году в списке лиц пограничной администрации упомянуты Рейнольд Карнаби, Роберт Эллеркер, Джон Уидрингтон, Роберт Коллингвуд, Катберт Рэдклиф, Уильям Огл и Джон Хорсли¹⁸.

В первой половине 1530-х гг. в мировой комиссии графства было весьма значительным влияние Генриха Перси, шестого графа Нортумберленда, в состав судей входили его родственники и приближенные. Еще в комиссии 1536 года такая ситуация сохранялась, но после «Благодатного паломничества» и смерти графа влияние Перси ослабло. Несмотря на то, что в состав магистратов продолжали входить те дворяне, что занимали должности в хаусхолде Перси (Ласселс, Нортон, Карнаби), они стали получать пенсии от короны, да и должности в королевской администрации.

В Камберленде в число местных дворян, входивших в состав магистратов, были включены Томас Кервен, Эдвард Эльенби, Джон Лоутер. В 1538 и 1539 годах к этому кругу примыкали Кристофер Уортон, Джон Иртон, Ричард Бьюли, Томас Далстон, Ланселот Сэлкелд, Роберт Брискоу, Ричард Бервис и Уильям Бентли. В комиссии 1538 года в состав магистратов входил Джон Туэйтс. В 1540 году мировыми судьями стали Джон Лех и Уильям Масгрейв. В двух комиссиях 1542 года появляется Энтони Бервис. В мае 1542 года в состав мировых судей возвращается Томас Далстон и добавляются Томас Салкелд и Уильям Малкастер¹⁹. Как и в Нортумберленде, значительная часть дворян, входивших в состав мировых судей, числилась в списке занятых на королевской службе: Уильям Масгрейв, Джон Лоутер, Джон Лех, Эдвард Эльонби, Кристофер Уортон и Томас Далстон²⁰.

На протяжении конца 1520-х – первой половины 1530-х гг. в мировой комиссии Камберленда можно выделить наличие нескольких клиентел – Дакров, Клиффордов и Перси. После Благодатного Паломничества ситуация изменилась. Важную роль в составе мировой комиссии стали играть друзья и родственники Томаса Уортона. В их число входили Кристофер Уортон (брат Уортона), Томас Кервен (он был женат на сестре Уортона), Уильям Масгрейв (зять Томаса Кервена)²¹ и Эдвард Альонби (в 1545 году в письме к графу Шрусбери Уортон называет его своим другом²²). Несмотря на то, что самих Дакров не было в числе магистратов, некоторые их приверженцы места в мировой комиссии сохранили (например, Джон Лех). Интересы Клиффордов представляли Томас Клиффорд (брат графа Камберленда), Джон Туэйтс (слуга графа) и Томас Далстон (его управляющий)²³. Джон Лоутер, с одной стороны, входил в окружение Клиффордов и долгое время был заместителем первого графа Камберленда как шерифа графства Уэстморленд, а также помогал ему в отправлении обязанностей стража Западной марки. С другой стороны, Лоутер находился в хороших отношениях с Томасом Уортоном и находился в родстве с Томасом Кервеном, другом и родственником последнего.

Таким образом, в рассматриваемый период, с одной стороны, сохраняются все особенности мировых комиссий пограничных графств: малочисленность реально проживающих в графстве и работающих судей (по сравнению с южными графствами), редкость обновления, большая доля лиц, занятых в пограничной администрации. С другой стороны, состав мировых судей отражает изменения в распределении баланса сил в пограничье. Кризис власти Перси и Дакров привел к уменьшению, а то и исчезновению их родственников и клиентов из числа магистратов, а возвышение Томаса Уортона, наоборот, привело к преобладанию его друзей и родственников в составе мировых судей.

¹⁸ LP 12 (2) № 249.

¹⁹ LP 17 № 362 (28).

²⁰ LP 12 (2) № 249.

²¹ James 1986, 144–145.

²² Davidson, Kirk 1982.

²³ Hoyle (ed.) 1992, 159–160.

Литература / References

- Bradshaw 1979 = *Bradshaw B.* The Irish Constitutional Revolution of the Sixteenth Century. Cambridge, 1979. 303 p.
- Bush 1971 = *Bush M. L.* The Problem of the Far North: The Crisis of 1537 and its Consequences // Northern History. 1971. Vol. 6. P. 40–63.
- Davidson, Kirk 1982 = *Davidson A., Kirk L. M.* Aglionby, Edward I (1495–1553), of Carlisle, Cumb // The History of Parliament: the House of Commons 1509–1558 / ed. *S. T. Bindoff*. London, 1982. URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1509-1558/member/aglionby-edward-i-1495-1553> (дата обращения: 10.05.2021).
- Ellis 2015 = *Ellis S. G.* Defending English Ground: War and Peace in Meath and Northumberland, 1460–1542. Oxford, 2015. 210 p.
- Ellis 2018 = *Ellis S. G.* A Crisis of Lordship: Robert Ogle, Fifth Lord Ogle, and the Rule of Early Tudor Northumberland // Northern History. 2018. Vol. 55 (1). P. 61–75. DOI: 10.1080/0078172X.2018.1448565.
- Ellis 2019 = *Ellis S. G.* Border rule and defence in the English far north: the Northumberland peace commission under the early Tudors // Europa und die Welt: Studien zur Frühen Neuzeit in memoriam Günther Lottes. Hannover, 2019. S. 275–286.
- Etty 2006 = *Etty C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006. 288 p.
- Hoyle (ed.) 1992 = Letters of Cliffords, Lords of Clifford & earls of Cumberland. C. 1500–1565 / Ed. by *R. Hoyle* // Camden Miscellany. Vol. XXXI. London, 1992. P. 3–189.
- Hoyle 1992 = *Hoyle R.* Henry Percy, sixth earl of Northumberland and the fall of the House of Percy, 1527–1537 // Tudor nobility / Ed. by *G. Bernard*. Manchester, 1992. P. 180–211
- Hunter Blair 1942 = *Hunter Blair C. H.* The sheriffs of Northumberland: Part I // Archaeologia aeliana. 4th series. 1942. Vol. 20. P. 11–90.
- James 1986 = *James M.* Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. Cambridge, 1986. 485 p.
- Jones 1994 = *Jones J.* Early Modern Wales. 1525–1640. NY, 1994. 270 p.
- LP = Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921.
- Thornton 1993 = *Thornton T.* The Integration of Cheshire into the Tudor Nation State in the Early Sixteenth Century // Northern History. 1993. Vol. 29 (1). P. 40–63. DOI: 10.1179/nhi.1993.29.1.40.
- Thornton 2000 = *Thornton T.* Cheshire and the Tudor State 1480–1560. Woodbridge, 2000. 320 p.
- Tonge (ed.) 1863 = Heraldic visitation of northern counties in 1530 by Thomas Tonge. Durham, 1863. 233 p.

DOI: 10.55000/MCU.2021.87.13.004

ГОРОЖАНЕ И ЦЕРКОВЬ В АНГЛИИ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНДОНА XVI в.)

Л. Н. Чернова

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия
larisachernova@mail.ru*

В статье рассматривается влияние Реформации на экономическую жизнь и социокультурные представления горожан Лондона, выявляются различные конфессиональные предпочтения и неоднозначное отношение купцов и ремесленных мастеров к церковной политике английских монархов, особенно к секуляризации монастырских имуществ. На материале оригинальных источников автор показывает активное участие богатых горожан в покупке бывших монастырских и церковных земель, переориентацию купечества с рынка в Антверпене на рынки Гамбурга и Данцига, заинтересованность предприимчивых горожан в светском образовании, нашедшую отражение в основании ими бесплатных грамматических школ. Вместе с тем отмечается, что среди части горожан сохранялась приверженность католичеству: неприятие реформационного вероучения и новой обрядности, политики королевской власти в отношении церкви.

Ключевые слова: Англия, Реформация, Лондон, горожане, католики, протестанты, секуляризация, торговля, образование.

CITIZENS AND THE CHURCH IN ENGLAND DURING THE REFORMATION (BASED ON LONDON MATERIAL OF THE XVIth c.)

L. N. Chernova

*Saratov State University,
Saratov, Russian Federation
larisachernova@mail.ru*

The article examines the influence of the Reformation on the economic life and socio-cultural views of London's citizens, reveals various confessional preferences and the ambiguous attitude of merchants and artisans to the ecclesiastical policy of the English monarchs, especially to the secularization of monastic properties. Basing on the material of the original sources the author shows the active participation of rich citizens in the purchase of former monastery and church lands, the merchants' reorientation from the market in Antwerp to the markets of Hamburg and Danzig, the interest of enterprising citizens in secular education that is reflected in the foundation of free grammar schools. At the same time it is noted that among some of the citizens remained committed to Catholicism: rejection of the Reformation doctrine and the new rite, the policy of the royal government in relation to the Church.

Keywords: England, Reformation, London, citizens, Catholics, Protestants, secularization, trade, education.

В истории Англии, как и всей Европы, Реформация стала событием, определившим (вместе с Возрождением) содержание исторической эпохи перехода от феодального общества к индустриальному, от средневековой религиозной культуры к светской европейской культуре Нового времени. В собственно религиозном аспекте Реформация привела к отделению от Римско-католической церкви национальных протестантских церквей и возникновению нового типа социальной организации христианской жизни, утверждению отличного от католического понимания отношений между человеком и Богом.

В течение 1533 г. английский король Генрих VIII Тюдор (1509–1547), до того считавшийся лояльным и убежденным католиком, вывел церковь своей страны из подчинения Риму, а парламент Актом о супрематии 3 ноября 1534 г. официально передал королю все полномочия по управлению церковью, ранее принадлежавшие папе: все присущие власти

понтифика титулы, почести, достоинства, привилегии, юрисдикция и доходы переходили к английскому монарху. В результате такой королевской Реформации церковь Англии превратилась в национальную церковь, по умолчанию объединившую всех христиан королевства¹. Однако далее последовал длительный период «конфессионального определения»: признания реформированной догматики, а также форм религиозных практик и этических норм, выработки новых моделей социального поведения. При этом в Англии, по сравнению с континентальной Европой, процесс разделения протестантов и католиков проходил намного медленнее, а окончательное размежевание различных протестантских течений, сосуществовавших в рамках англиканской церкви, произошло только в ходе Гражданской войны 1640-х гг.²

Попытаемся выяснить, каким образом Реформация XVI в. отразилась на жизни горожан Лондона – самого крупного и экономически развитого английского города, столице королевства, какие поведенческие модели демонстрировали лондонцы в условиях социальных трансформаций и религиозного брожения в стране.

Прежде всего отметим появление новых экономических и финансовых возможностей, которые принесла с собой английская Реформация и которыми не преминули воспользоваться горожане Лондона, особенно купечество, по большей части с энтузиазмом включившееся в покупку секуляризованных монастырских и церковных земель и имуществ.

Секуляризованные земли, составлявшие четверть всей обрабатываемой территории страны, довольно быстро «ушли» от короны, разойдясь по частным рукам и поступив на рынок³. Напомним, что к 1547 г. было продано уже две трети секуляризованных церковных владений⁴. Главным образом, монастырские земли покупали представители джентри и младшие сыновья землевладельцев⁵, но свою роль сыграли и горожане. Правительство при этом предпочитало иметь дело с небольшим кругом лиц, располагавших значительными средствами – в среднем в 563 ф. Известно, в частности, что столичный ювелир сэр Мартин Боувз потратил 3300 ф. на покупку бывшей церковной недвижимости, а торговец шелковыми и бархатными тканями Роланд Хилл – 4900 ф.⁶ В общей сложности Генрих VIII сделал 19 пожалований крупнейшим лондонским купцам. Приведем лишь отдельные примеры. Торговец металлическими изделиями сэр Джеймс Харви в 1544 г. купил бывшие церковные земли и помещения в Лондоне (*Calendar of Wills 1890*, p. 706); торговец шелковыми и бархатными тканями Ричард Мэллори в 1549 г. приобрел в столице бывшую церковную собственность, состоявшую из дома с двором, меблированных комнат, лавок, винных погребов, конюшен и садов⁷.

И в графствах Англии лондонцы участвовали в скупке бывших монастырских и церковных владений: маноров, лесов и прочих земель и имуществ. Торговец сукном Уильям Кэпел, бакалейщик Джон Риверс, торговцы шелковыми и бархатными тканями Лайонел Дакет и Роджер Мартин, галантерейщик Уильям Гаррард, сукнодел Роланд Хэйвуд и торговец готовым платьем сэр Томас Уайт купили земли в Бакингемшире, Глостершире, Девоншире, Дербишире, Кенте, Ноттингемшире, Сомерсетшире, Стаффордшире, Суррее, Эссексе⁸.

О стоимости таких покупок можно судить на основании следующих фактов. Уильям Кэпел в 1486 г. заплатил 400 ф. за манор Саут Уоттон в Норфолкшире (*Calendar of the Close Rolls 1955*, p. 20, 21), а Джон Риверс купил в 1548 г. недвижимость в Кенте за 263 ф. 7 ш.⁹

Особенно преуспели на поприще скупки обширного фонда бывших монастырских владений богатые и влиятельные купцы и финансисты Грэшемы. Ричард Грэшем был мэром Лондона в 1538 г., Джон Грэшем возглавлял столичный муниципалитет в 1547 г. и занимал

¹ Исаев 2018а, 108.

² Серегина 2006, 5, 6–7.

³ Винокурова 2004, 68–69.

⁴ Винокурова, Дмитриева, Федосов 2013, 195.

⁵ Ерохин 2016, 50.

⁶ Савин 1906, 551, 343.

⁷ Willan 1953, 111.

⁸ *Ibid.*, 119, 92, 112–113, 97–98, 102.

⁹ *Ibid.*, 119.

значительные должности при дворе. Грэшемы заплатили казне свыше 20 тыс. ф. по 13 патентам¹⁰. Самая крупная купля-продажа секуляризованного имущества времени Генриха VIII состоялась 1 октября 1540 г.: сэр Ричард Грэшем получил патент на владения трех йоркширских монастырей. Продажная цена составляла 11 137 ф. 11 ш. 8 п. Из условленной суммы Грэшем сразу заплатил 6870 ф. 18 ш. 4 п. Кроме того, Грэшемы приобрели две десятинные ренты за 928 ф. и владения 13 бывших монастырей, располагавшиеся в 6 графствах, особенно в Суррее¹¹.

Активным покупателем секуляризованных церковных и монастырских имуществ был суконщик Джон Лэмбард. В июле 1544 г. ему удалось приобрести более чем за 400 ф. манор Хаддингтон, бывшее владение аббатства Лэкон в Уилтшире. В дальнейшем, в 1544–1546 гг., он потратил еще свыше 600 ф. на покупку секуляризованной церковной собственности, в частности в графстве Херефорд. По подсчетам Р. Уорник, с сентября 1540 по июль 1548 г. Лэмбард вложил в приобретение такого рода недвижимости по меньшей мере 1900 ф.¹²

Таким образом, лондонские купцы скупали секуляризованные церковные и монастырские владения не только в Лондоне, но и по всей стране, приобретая как отдельные держания, так и целые маноры и значительные комплексы недвижимости. По мнению А. Н. Савина, представители торгового и промышленного капитала Англии купили монастырской недвижимости на 98 тыс. ф.¹³ В целом же продажа секуляризованных земель и рент с монастырских держаний дала Генриху VIII около 1,5 млн ф., а Елизавета I (1558–1603) только в последние годы своего правления получила от распродажи земель 817 359 ф.¹⁴

Для некоторых тюдоровских лондонцев особым занятием стали земельные спекуляции. Известно, что секуляризованными землями в 1540–1550-е гг. торговал меховщик Генри Хэдсон, а бакалейщик Эдуард Джекмен в 1550–1560-е гг. покупал и продавал аналогичную собственность в Норфолкшире, Нортхемптоншире, Сассексе и Йоркшире¹⁵.

Надо признать, что реформационную политику английских королей столь однозначно приняли не все горожане Лондона, как, впрочем, и общество в целом. С этой точки зрения интересны отдельные, лучше сказать единичные, завещания. Что характерно: датированы они 1555 г., когда королевский трон занимала Мария I Тюдор (1553–1558), при которой церковь Англии возвратилась к католичеству. В 1553–1555 гг. из страны вынуждены были бежать около 800 приверженцев Реформации, нашедшие убежище в Эмдене, Страсбурге, Базеле, Цюрихе, Женеве, т. е. реформатских землях. На реформаторов, оставшихся в Англии, обрушились репрессии: 16 октября 1555 г. в Оксфорде были сожжены епископы Хью Латимер и Николас Ридли, а 21 марта 1556 г. – главный деятель англиканской Реформации архиепископ Томас Кранмер¹⁶. Однако проводившаяся Марией политика реставрации католицизма имела достаточно широкую поддержку и именно поэтому достигла значительных результатов. По сути, только ранняя смерть королевы помешала превращению Англии в католическую державу¹⁷. И среди лондонцев были те, кто придерживался традиционной веры, отнюдь не утратившей своей жизнеспособности.

Лондонский пекарь Томас Клейтон в завещании от 30 марта 1555 г. сетует на то, что «в последние годы правления короля Эдуарда VI поминальная молитва за усопших и все соответствующие церемонии были отменены и запрещены» (Calendar of Wills 1890, p. 659).

Действительно, при Эдуарде VI (1547–1553), занявшем трон в январе 1547 г., после кончины Генриха VIII, в Англии началась новая волна реформирования церкви, преимущественно по кальвинистскому образцу. Томас Кранмер и близкие к нему реформаторы при

¹⁰ Савин 1906, 544.

¹¹ Там же, 455–456, 552.

¹² Warnicke 1973, 3.

¹³ Савин 1906, 545.

¹⁴ Митрофанов 2000, 21.

¹⁵ Willan 1953, 102, 105.

¹⁶ Исаев 2018а, 110.

¹⁷ Серегина 2006, 19.

поддержке сподвижников и единомышленников Кальвина – немца Мартина Буцера, поляка Яна Лаского, шотландца Джона Нокса – не только отменили «Шесть статей» Генриха VIII, вероучение которых было очень близко католицизму, но и покончили с почитанием икон¹⁸.

Приход к власти Марии Тюдор, как отмечено выше, изменил баланс сил в пользу католицизма. Но, видимо, современники тех событий ощущали неустойчивость создавшегося положения. Тот же Томас Клейтон не исключает того, что ситуация вновь изменится и вернется в реформационное русло. Оставляя свою пекарню и прочее имущество «мастеру, смотрителям и братству Девы Марии и св. Клементя ремесла белых пекарей (или пекарей белого хлеба. – Л. Ч.) города Лондона, обязав их обеспечить соблюдение похоронного обряда с раздачей благотворительных даров в виде полпенсового белого хлеба, эля и т. д., с поминальным обедом в Холле пекарей», далее он пишет: «И если случится так, что такие посмертные дары для поминальной службы в годовщину его смерти или сама поминальная служба окажутся вне закона (как при Эдуарде VI. – Л. Ч.)... то пусть денежные суммы... будут переданы управляющим приютом для бедных детей в районе Ньюгейт...» (Calendar of Wills 1890, p. 659).

Дальнейшие события показали прозорливость Томаса Клейтона. После католички Марии Тюдор, скончавшейся 17 ноября 1558 г., к власти пришла Елизавета I, и реформа церкви Англии тотчас возобновилась, хотя и в умеренном варианте. 29 апреля 1559 г. парламент принял новый, второй Статут о королевском верховенстве. В соответствии с указаниями Елизаветы I уцелевшие сподвижники Кранмера разработали новый вероучительный документ – «39 статей» (в латинском варианте утвержден в 1563 г., а в английском – в 1571 г.) – оригинальное сочетание католического, лютеранского и кальвинистского богословия, которое и называется богословием англиканским¹⁹.

Еще одним противником Реформации, судя по завещанию от 20 апреля 1555 г., был торговец скобяными изделиями Томас Льюен, выступавший против разрушения монастырей и секуляризации монастырских земель и имуществ. Он завещал средства «на возведение нового монастыря в Сотре, графство Хантингдон, принадлежащего тому же ордену монахов, что и старый монастырь до его упразднения...» (Calendar of Wills 1890, p. 663). Льюен проявлял гораздо большую уверенность в реставрации католицизма, нежели Клейтон: он не сомневался в успехе и распорядился, чтобы сразу после восстановления монастыря его аббату были переданы денежные средства, оставленные завещателем, «чтобы в указанном монастыре ежедневно проводились службы и ежегодно произносились четыре проповеди за упокой его [завещателя] души» (Ibid.).

Реформация в Англии, осуществлявшаяся сверху, представляла собой серии политических решений, которые принимались в конкретных политических обстоятельствах и под влиянием определенных политических персоналий. Эти решения не являлись неизбежными, и Реформация воспринимались социумом и его отдельными представителями как некая цепь событий, а не что-то неотвратимое и необратимое²⁰. Как раз это и подтверждают рассмотренные завещания Томаса Клейтона и Томаса Льюена.

События Реформации, в полной мере развернувшиеся в континентальной Европе во второй половине XVI в., вызвали серьезные изменения в торговле, на европейских рынках, с которыми Англия была традиционно связана. Ситуация в Нидерландах, с 1560-х гг. ставших новым очагом реформационного движения, напрямую сказалась на деятельности компании купцов-авантюристов, первую скрипку в которой играли лондонские купцы. По некоторым данным, к 1500 г. купцы-авантюристы Лондона контролировали три пятых всей заморской торговли Англии²¹. В условиях, когда возникла проблема с Антверпеном – одним из важнейших рынков, ответственность за организацию торговли и поиски мест расположения новых рынков взяли на себя именно лондонцы²².

¹⁸ Исаев 2018b, 102.

¹⁹ Там же.

²⁰ Серегина 2006, 19.

²¹ Britnell 1997, 218.

²² Маркова 2011, 159–160.

Яркой иллюстрацией к сказанному может служить деятельность семейной компании лондонских купцов – братьев Ишем (Грегори, Джона и Генри), которая входила в состав компании купцов-авантюристов²³. Специфической чертой компании Ишем была торговля дорогим итальянским текстилем. Но одновременно Ишемы были тесно связаны с экспортом двух основных типов сукна из Англии: во-первых, традиционного английского широкого сукна, производимого преимущественно в Восточной Англии и в западных графствах (Глостершире, Сомерсетшире, Оксфордшире и Уилтшире) и находившего сбыт в Центральной Европе, во-вторых, так называемых «новых тканей» из Беркшира, Хемпшира, Девоншира и Йоркшира. «Новыми тканями» в XVI в. называли камвольные ткани, или «уэстедские» сукна, байку и саржу, которые отличались низким качеством (по сравнению с традиционным английским сукном), но их изготовление было легче и дешевле обходилось производителю. Эти сорта сукон предназначались для широких слоев покупателей, носились меньше и, следовательно, быстрее оборачивались на рынке; спрос на них был постоянным как в Германии и на востоке Европы, так и во Франции, Испании и других странах Средиземноморья. В Антверпене у братьев Ишем имелись склады для хранения английского сукна в объеме, стоимость которого превышала 3 тыс. ф. (Isham 1962, p. 162–165). Однако с 1569 г. ситуация в Нидерландах потребовала переориентироваться с Антверпена на Гамбург и Данциг. И уже с весны – лета 1571 г. Ишемы смогли перенаправить в Данциг основной экспорт востребованных и качественно улучшенных традиционных широких английских тканей, а все грубые ткани, преимущественно из Йоркшира, отправлялись в Гамбург (Isham 1962, p. 122–124).

Реформация стала значительным стимулом для демографического роста Лондона. Сюда не только устремился мощный поток нищих и обездоленных со всех концов королевства, но и прибывали преследуемые по конфессиональному признаку выходцы из европейских стран, охваченных Реформацией, а также те, кто по религиозным мотивам не мог оставаться в своих, приверженных католицизму, государствах. В самом Лондоне и особенно его предместьях, в первую очередь на секуляризованных землях, появились иммигранты из Германии, Франции, Фландрии, Италии, количество которых постоянно увеличивалось. В 1567 г. их насчитывалось около 2700 чел., из которых 2 тыс. – фламандцы и более 400 – французы, в 1579 г. число иммигрантов удвоилось, достигнув более 5 тыс. человек²⁴.

Не случайно швейцарский путешественник Т. Платтер, посетивший Лондон осенью 1599 г., обратил внимание на то, что здесь появилось множество семей из Нидерландов и Франции, «которые переселились [в Лондон] по религиозным причинам...» (Thomas Platter's Travels in England 1997, p. 189). Напомним, что Франция с начала 1560-х гг. погрузилась в длительный период кровавых Религиозных войн, вынуждавших протестантов покидать страну. В Нидерландах волна эмиграции поднялась сразу, как только распространилось известие о скором прибытии летом 1567 г. ближайшего советника Филиппа II Габсбурга (1556–1598) герцога Альбы: тысячи человек эмигрировали в Германские земли и Англию. В последней к этому времени окончательно догматически оформилась англиканская церковь, а Елизавета I оказывала поддержку нидерландским протестантам, направив в Соединенные провинции с войсками графа Лестера, который в январе 1586 г. был провозглашен наместником. В этой связи понятно замечание Платтера о том, что «их [выходцев из Нидерландов и Франции] приняли весьма благосклонно, устроили для них специальные места для проведения религиозных обрядов, откуда доносятся молитвы на их родном языке...» (Ibid.).

Реформация вкупе с культурой Возрождения, раскрепостившие внутренний мир человека, изменившие его мировоззрение, обусловили значительные перемены в образовании, отношении английского общества к знаниям, которые перестали быть уделом избранных²⁵. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» – эта английская поговорка, получившая распространение во второй половине XVI в., как нельзя лучше отражает суть этих трансформаций. Показательно, что Т. Платтер как особые приметы времени отмечает присутствие

²³ Чернова 2010, 68–74.

²⁴ Clark, Slack 1976, 68.

²⁵ Юсим 2013, 67.

в Лондоне студентов и торговлю книгами. В своем описании английской столицы он не раз обращает внимание на то, что в разных местах города «торговцы и переплетчики торгуют самыми разными книгами» (Thomas Platter's Travels in England 1997, p. 197). Безусловно, определяющую роль в их распространении сыграло появление в Англии типографий. В 1476 г. Уильям Кэкстон, обучавшийся типографскому искусству в Кёльне и Брюгге, основал первую типографию в Вестминстере, в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг, среди которых «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, чосеровский перевод Бозэция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, роман Мэлори «Смерть Артура», сочинения по истории и риторике. Особой популярностью в Англии пользовалось Священное Писание: тираж Библии и Нового Завета, опубликованных за время от Реформации до 1640 г., превысил миллион, а общее число названий ежегодно издаваемых здесь книг с 1500 по 1630 гг. возросло с 45 до 460²⁶. По замечанию Э. Бартона, «публика так стремилась читать и учиться, что практически все, что выходило в то время из-под пера писателей, быстро распродавалось – от недавно «англизированных» шедевров античности до баллад-однодневок»²⁷.

Повсеместно росло стремление к грамотности и увеличивалось число людей, умеющих читать и писать: к началу XVII в. в Лондоне 76 % ремесленников и лавочников могли по крайней мере подписаться²⁸. Возрос круг интеллектуальных запросов и интересов англичан, в первую очередь купцов, финансистов и мастеров-предпринимателей, усилилось их стремление к светским, более широким и практическим знаниям, необходимым для ведения «городских» дел. Закономерно, что повседневной заботой и некоторых лондонцев XVI в. стало желание дать своим детям, прежде всего сыновьям, хорошее, соответствовавшее потребностям эпохи, образование. Наглядный пример – Уильям, старший сын богатого лондонского суконщика Джона Лэмбарда. Уильям родился в 1536 г.; в 20 лет поступил в один из престижных колледжей Лондона – Lincoln's Inn, где получил прекрасное для своего времени юридическое образование и сделал весьма неплохую карьеру. Начав в 1579 г. с должности мирового судьи в графстве Кент, впоследствии Уильям Лэмбард назначался магистром суда лорд-канцлера (1592 г.), избирался членом руководства корпорации барристеров Lincoln's Inn (1597 г.), был президентом колледжа Кобхэм (с 1599 г.). Одновременно с этим Уильям создавал собственные сочинения (в том числе «Описание Англии», 1570 г.) и занимался издательской деятельностью, чем заслужил высокую оценку королевского правительства. В 1601 г., незадолго до смерти, он был назначен хранителем архивов лондонского Тауэра и вошел в историю как «елизаветинский хранитель древностей», антикварий²⁹.

В изменившихся условиях на смену старым церковным школам, многие из которых прекратили свое существование во время Реформации, пришли новые грамматические школы, число которых быстро росло. Их основателями зачастую были частные лица: немало богатых и известных людей завещало свои средства на их открытие и содержание. Еще до начала Реформации английский гуманист Джон Колет, известный теолог, реформатор, ревнитель христианского просвещения³⁰, принадлежавший к компании торговцев шелковыми и бархатными тканями, основал при соборе св. Павла в Лондоне, настоятелем которого он был, школу св. Павла (Calendar of Wills 1890, p. 640) – одну из лучших английских грамматических школ для обучения 153 мальчиков: преподавание в ней отличалось гуманностью, а учебный план предполагал изучение текстов классических авторов. При Вестминстерской церкви св. Петра действовала Вестминстерская школа, также считавшаяся одним из самых

²⁶ Бовыкин 2013, 113.

²⁷ Бартон 2005, 146.

²⁸ Бовыкин 2013, 111.

²⁹ Warnicke 1973, XIV–XV.

³⁰ Софронова 2016, 7.

престижных учебных заведений, где более чем 120 мальчикам преподавали классическую латынь и греческий язык³¹.

Во второй половине XVI в. богатые лондонские купцы Лоренс Шериф и Джон Лайон основали две ставшие впоследствии знаменитыми школы – Регби и Харроу. Торговец шелковыми и бархатными тканями сэр Роланд Хилл по завещанию от 6 апреля 1551 г. оставил средства для создания (и последующего ремонта) школы в его родном графстве Сэллоп, «в холле усадьбы, которую обычно называют Сент-Мэри Холл, и распорядился, чтобы «школьный учитель получал годовое жалованье в размере 10 ф. 13 ш. 4 п., а его помощник – 5 ф. 6 ш. 8 п. (Calendar of Wills 1890, p. 651–652). Школа была основана по патенту короля Филиппа и королевы Марии от 6 ноября 1555 г. и получила название «Свободная грамматическая школа сэра Роланда Хилла, рыцаря, горожанина и олдермена города Лондона». По аналогичному пути пошел меховщик сэр Эндрю Джадд: судя по завещанию от 1558 г., он основал «свободную грамматическую школу в Тонбридже (графство Кент) и оставил средства на содержание школьного магистра и младшего учителя» (Ibid., p. 668–669). Богатейший купец и финансист сэр Томас Грэшем 5 июля 1575 г. завещал ежегодную сумму в 200 ф. «...на обеспечение всем необходимым четырех человек, способных читать лекции по богословию, астрономии, музыке и геометрии, в его собственном доме в Лондоне, отведенном под нужды обучения, в течение 50 лет» (Ibid., p. 699), а также оставил 150 ф. «...на ежегодное обеспечение в течение 50 лет трех человек, способных читать лекции по праву, метафизике, риторике в том же доме...» (Ibid., p. 700).

Обучение в многочисленных грамматических школах было доступно всем, независимо от социального положения. Большие публичные школы принимали живущих в округе детей либо вовсе бесплатно, либо за очень небольшую плату. В некоторых школах специально резервировались бесплатные места для бедных. Поэтому особое значение приобрела благотворительность со стороны зажиточной части английского общества. Как видно из завещаний состоятельных лондонцев, в сферу их повседневных обязанностей, как и членов их семей, входит забота о школярах и студентах университетов. Выстраивая такую линию поведения, состоятельные лондонцы подражали дворянству, подчеркивая тем самым свою возросшую социальную значимость и самооценку. В частности, упоминавшийся выше Томас Льюен в 1555 г. оставил 5 ф. на содержание двух бедных студентов: одного из Оксфорда, другого из Кембриджа (Calendar of Wills 1890, p. 663). А Элизабет Николас, вдова торговца солью, в 1582 г. завещала на нужды студентов Оксфорда и Кембриджа по 60 ф. (Ibid., p. 707–708). Показательно, как эта амбициозная женщина объясняет свое решение: «чтобы остаться в памяти навсегда» (Ibid., p. 708). Фактически мы слышим мотив бессилия смерти перед человеческой памятью, способной предотвратить забвение усопшего и в этом смысле «победить» смерть. Но это также и свидетельство осознания этой деятельной и честолюбивой горожанкой своей значимости, и высокая оценка себя как личности, что характерно для культурных трендов Нового времени, во многом сформированных благодаря Реформации.

Таким образом, английская Реформация, проводившаяся по инициативе королевской власти, преследовавшей в первую очередь политические цели, оказала многоаспектное влияние на общество, в частности на городской социум Лондона. Исходя из экономических интересов, горожане, богатые купцы и ремесленные мастера-предприниматели активно включились в процесс скупки секуляризованных монастырских и церковных владений как в Лондоне, так и за его пределами, в графствах Англии, в спекулятивные операции с бывшим церковным имуществом. Кроме того, Реформация в континентальной Европе затронула торговые интересы столичных английских купцов. Прежде всего это связано с событиями в Нидерландах, вынудившими купцов-авантюристов искать новые рынки, переориентировать свою торговлю с традиционного рынка в Антверпене на рынки Гамбурга и Данцига.

В свою очередь, реформационное движение во Франции и Нидерландах, сопровождавшееся серьезными социальными и политическими потрясениями, разнообразило состав на-

³¹ Picard 2004, 220–222.

селения Лондона за счет сторонников новой церкви из этих стран, нашедших пристанище в елизаветинской Англии, в том числе в столице королевства.

Однако в Англии признание реформированной догматики, новых форм религиозных практик и этических норм, моделей социального поведения было длительным, сложным, противоречивым процессом, во многом обусловленным конкретными политическими интересами тех или иных персон, в первую очередь королей. В эпоху социальных изменений и религиозного брожения горожане Лондона демонстрировали различные конфессиональные предпочтения и неоднозначное отношение к церковной политике английских монархов, особенно к секуляризации монастырских имуществ. Среди лондонцев были те, кто сохранял приверженность католицизму, не принимая реформационное вероучение и новую обрядность, а также отвергая политику королевской власти в отношении церкви.

Вместе с тем Реформация внесла свой вклад в формирование внутренней свободы горожан, вместе с Возрождением изменила восприятие мира и оценку собственной значимости, помогла раскрыть мощный потенциал, энергию, деловые качества. Заинтересованность предприимчивых лондонцев в практических знаниях, в светском образовании нашла отражение в основании ими нового типа школ – бесплатных грамматических школ, в покровительстве школьным учителям и помощи студентам университетов. Благодаря этому имена некоторых купцов и предпринимателей Лондона XVI в., особенно второй его половины, сохранились в исторической памяти.

Литература / References

- Бартон 2005 = *Бартон Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005.
Barton E. Povsednevnyaya zhizn' anglichan v epohu Shekspira [Everyday life of the English in the age of Shakespeare]. Moscow, 2005.
- Бовыкин 2013 = *Бовыкин Д. Ю.* Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII веках // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 103–116.
Vovykin D. Yu. Povsednevnyaya zhizn' Evropy v XVI–XVII vekah [Everyday life in Europe in the 16–17th centuries] // World History: in 6 vols. Vol. 3: The World in early Modern Times / ed. by V. A. Vedyushkin, M. A. Yusim. Moscow, 2013. P. 103–116.
- Винокурова 2004 = *Винокурова М. В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004.
Vinokurova M. V. Mir anglijskogo manora. Po zemel'nyim opisyam Lankashira i Uiltshira vtoroy poloviny XVI – nachala XVII v. [The world of English manor. According to manorial surveys of Lancashire and Wiltshire: second half of the 16th – beginning of the 17th c.]. Moscow, 2004.
- Винокурова, Дмитриева, Федосов 2013 = *Винокурова М. В., Дмитриева О. В., Федосов Д. Г.* Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV – XVI веке // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 193–211.
Vinokurova M. V., Dmitrieva O. V., Fedosov D. G. Angliya, Shotlandiya i Irlandiya v kontse XV – XVI veke [England, Scotland and Ireland in the late 15th – 16th c.] // World History: in 6 vols. Vol. 3: The World in Early Modern Times / ed. by V. A. Vedyushkin, M. A. Yusim. Moscow, 2013. P. 193–211.
- Ерохин 2016 = *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб., 2016.
Erohin V. N. Stanovlenie natsii. Religiozno-politicheskaya istoriya Anglii XVI – pervoy poloviny XVII v. v sovremennoy britanskoy istoricheskoy nauke [The formation of a nation. Religious and Political History of England of the 16th – first half of the 17th c. in newest British historical science]. Moscow; St. Petersburg, 2016.
- Исаев 2018a = *Исаев С. А.* Реформация в Европе, 1517–1660 гг.: хронологический обзор // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 101–124.
Isaev S. A. Reformatsiya v Evrope, 1517–1660 gg.: hronologicheskiy obzor [The Reformation in Europe, 1517–1660: A Chronological Overview] // St. Petersburg Historical Journal. 2018. No. 3. P. 101–124.
- Исаев 2018b = *Исаев С. А.* Реформация в Европе: разновидности реформационных движений // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 97–122.

- Isaev S. A.* Reformatsiya v Evrope: raznovidnosti reformatsionnykh dvizheniy [Reformation in Europe: Varieties of Reformation Movements] // St. Petersburg Historical Journal. 2018. No. 2. P. 97–122.
- Маркова 2011 = *Маркова С. П.* Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011.
Markova S. P. Angliyskie kuptysy-avantyuristy [English Merchant Adventurers]. St. Petersburg, 2011.
- Митрофанов 2000 = *Митрофанов В. П.* Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI – первой трети XVII веков. Н. Новгород, 2000.
Mitrofanov V. P. Krest'yane i gosudarstvo v Anglii vtoroy poloviny XVI – pervoy treti XVII vekov [Peasants and the State in England in the second half of the 16th – first third of the 17th centuries]. Nizhny Novgorod, 2000.
- Савин 1906 = *Савин А. Н.* Английская секуляризация. М., 1906.
Savin A. N. Angliyskaya sekulyarizatsiya [English Secularization]. Moscow, 1906.
- Серегина 2006 = *Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006.
Seregina A. Yu. Politicheskaya mysl' angliyskih katolikov vtoroy poloviny XVI – nachala XVII v. [The Political Thought of the English Catholics of the Second Half of the 16th – Early 17th century]. St. Petersburg, 2006.
- Софронова 2016 = *Софронова Л. В.* Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М.; СПб., 2016.
Sofronova L. V. Dzhon Kolet: hristianskiy myslitel' renessansnoy epohi [John Colet: Christian Thinker of the Renaissance Era]. Moscow; St. Petersburg, 2016.
- Чернова 2010 = *Чернова Л. Н.* Семейная компания купцов Ишем в деловом мире Лондона второй половины XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2010. Т. 10, вып. 1. С. 68–74.
Chernova L. N. Semeynaya kompaniya kuptsov Ishem v delovom mire Londona vtoroy poloviny XVI veka [The Ishams' Family Corporation in London's Business World in the Second Half of the 16th Century] // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series "History. International Relations". 2010. Vol. 10, issue 1. P. 68–74.
- Юсим 2013 = *Юсим М. А.* События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 67–81.
Yusim M. A. Sobytiya i peremeny v duhovnoy zhizni Evropy: Vozrozhdenie, Reformatsiya, Kontreformatsiya [Events and Changes in the Spiritual Life of Europe: Renaissance, Reformation, Counter-Reformation] // World History: in 6 vols. Vol. 3: The World in Early Modern Times / ed. by V. A. Vedyushkin, M. A. Yusim. Moscow, 2013. P. 67–81.
- Britnell 1997 = *Britnell R.* The closing of the Middle Ages? England, 1471–1529. Oxford, 1997.
- Calendar of the Close Rolls 1955 = *Calendar of the Close Rolls. Henry VII. Vol. 1: 1485–1500 / ed. by K. H. Ledward.* London, 1955.
- Calendar of Wills 1890 = *Calendar of Wills, provided and enrolled in the Court of Husting, London, A. D. 1258 – A. D. 1688: in 2 pts. Pt. 2. A. D. 1358 – A. D. 1688 / ed. by R. R. Sharpe.* London, 1890.
- Clark, Slack 1976 = *Clark P., Slack P.* English Towns in Transition, 1500–1700. Oxford, 1976.
- Isham 1962 = *Isham, J.* John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / ed. by G. D. Ramsey. Gateshead, 1962.
- Picard 2004 = *Picard L.* Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. London, 2004.
- Thomas Platter's Travels in England = *Thomas Platter's Travels in England // London 1066–1914: Literary Sources and Documents: in 2 vols. / ed. and with intr. by X. Baron. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066–1800. Mountfield, 1997. P. 188–197.*
- Warnicke 1973 = *Warnicke R. M.* William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536–1601. London – Chichester, 1973.
- Willan 1953 = *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953.

НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.55000/MCU.2021.98.38.005

«ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ»: КОРОЛЕВСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ПРИ СТЮАРТАХ – ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. О. Гордиенко

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва,
Самара, Россия
stuartssergant@yandex.ru*

Статья посвящена анализу становления английского военно-морского флота в «долгом XVII веке». В конце правления династии Тюдоров английский флот был слабым. К началу углублявшихся англо-голландских противоречий администрация Карла I развернула широкомасштабное строительство современного флота. Обратной стороной этого процесса стало недовольство сословий налоговой политикой короны. Обновленный флот проявил себя в Первой англо-голландской войне. В эпоху Реставрации флот стал основой английского могущества. К началу XVIII в. Великобритания становится великой морской державой.

Ключевые слова: корабельные деньги, датские деньги, королевский флот, Карл I, Кромвель, Карл II, Яков II, граф Линдси, лорд – верховный адмирал.

“WOODEN WALLS”: THE ROYAL NAVY UNDER THE STUARTS – FEATURES OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

D. O. Gordienko

*Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
stuartssergant@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of the formation of the English navy in the “long XVIIth century”. At the end of the Tudor dynasty, the English navy was weak. By the beginning of the deepening Anglo-Dutch contradictions, the administration of Charles I launched a large-scale construction of a modern fleet. The reverse side of this process was the dissatisfaction of the estates with the tax policy of the Crown. The updated navy proved itself in the First Anglo-Dutch War. During the Restoration, the navy became the foundation of the English power. By the beginning of the XVIIIth century Great Britain is becoming a great maritime power.

Keywords: Ship's money, Danegeld, Royal Navy, Charles I, Cromwell, Charles II, James II, Earl of Lindsay, Lord High Admiral.

В 480 г. до н. э. афиняне получили у дельфийского оракула знаменитое пророчество, гласившее, что

«Лишь деревянные стены дает Зевс Тритогенею

Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам» (Hdt. VII. 141; пер. Г. А. Стратановского).

Деревянные стены – афинский флот, спасший жителей столицы Аттики от полчищ Ксеркса I, внесший свою посильную лепту в разгром персов и ставший основой афинской морской империи и ее главным аргументом силы. Благодаря флоту древние Афины стали талассократией. Британская империя, мыслившая себя в раннее Новое время силой, возродившей свет цивилизации, так же превратилась к XIX в. в морскую державу – силу, способную после победы в наполеоновских войнах бросить вызов любой стране или коалиции, осмелившимся оспаривать морское владычество Туманного Альбиона (что в конечном итоге

приведет Англию к участию в Первой мировой войне¹). Военно-морской флот стал символом ее политического и военного могущества, визитной карточкой «старой доброй Англии»².

В Средние века Англия не считалась великой морской державой, однако обладала всеми необходимыми ресурсами для того, чтобы ее короли могли в случае необходимости навязывать свое превосходство на море врагам короны. Самое великое из трех британских королевств имело значительное количество «прирожденных моряков» (людей, кормившихся за счет моря); на английских верфях строили достаточное количество хороших кораблей. Англия имела все необходимое для того, чтобы в начале правления династии Тюдоров включиться в процесс создания современного государства и начать строить один из его важнейших элементов – развитый аппарат насилия, который в данном случае олицетворялся королевскими военно-морскими силами. Единственной сложностью британских суверенов был поиск денег, необходимых для постройки и вооружения кораблей и найма их экипажей.

В XVI столетии при обоих Генрихах и Елизавете I началось строительство современного флота как государственного института³. Английский флот достаточно успешно принял вызовы, брошенные испанцами Филиппа II Туманному Альбиону⁴, – «новый католический крестовый поход»⁵ (и спровоцированный во многом деятельностью «морских псов» Елизаветы – ее знаменитых пиратов)⁶. К 1603 г. Англия подошла в процессе складывания мифа о «золотом веке» Тюдоров. Неотъемлемой и важной частью этого мифа стало морское могущество королевства⁷ (так ли это на самом деле – другой вопрос⁸).

Военно-морская политика Тюдоров, ее основные «родимые пятна» – нехватка денег на содержание флота, непонимание подданными необходимости сохранения аппарата насилия в мирное время (это относится и к проблеме развертывания постоянной сухопутной армии) перешла в полном объеме к их наследникам Стюартам. Спад накала страстей англо-испанского противостояния в первые годы правления Якова I сменился эскалацией напряженности после начала Тридцатилетней войны. Корона, проводя внешнеполитический курс, осознавала важность Голландии и Франции как основных английских союзников в Европе, но была раздражена растущим англо-французским колониальным противостоянием в Северной Америке⁹ и острой экономической конкуренцией с Соединенными провинциями. Особенно в рамках растущей англо-голландской напряженности важность обладания современным и сильным флотом выходила на первое место (впрочем, как и строительство флота французами¹⁰ под руководством кардинала Ришелье, великого строителя аппарата насилия¹¹).

В начале правления Карла I Англия познала горечь поражений в маловажных, но показательных и затратных конфликтах с Испанией (провальная Кадисская экспедиция¹²) и Францией (неудачи в ходе помощи гугенотам в Ла-Рошели)¹³. Администрация Карла I в первой половине 1630-х гг. своевременно отвечая на вызовы, брошенные эпохой, начала создание современных вооруженных сил – на «Изумрудном острове» королевский наместник Томас Уэнтворт, 1-й виконт Уэнтворт создавал ирландскую армию, в Англии первые лорды адмиралтейства (Ричард Уэстон, 1-й барон Уэстон и 1-й граф Портленд, лорд-казначей, Роберт Берти, 14-й барон Уиллоуби де Эресби, лорд – великий камергер и Уильям Джаксон, епископ Лондонский, лорд – верховный казначей, прелат, утешавший вечером 29 января 1649 г.

¹ Лихарев 2021.

² Rodger 1994.

³ Bourne 1868, 1–21.

⁴ Хейг 1997, 233.

⁵ Гэддис 2021, 164.

⁶ Губарев 2013; Froude 1895, 50–74; Гаврилов 2014.

⁷ Киселев 2012, 130.

⁸ Золотарев (ред.) 2003, 12.

⁹ Акимов 2005.

¹⁰ Winfield, Roberts 2017.

¹¹ Parrott 2003, 1–15.

¹² Young 1991, 41.

¹³ Kishlansky 1997, 15.

Карла I) строили королевский военно-морской флот (интересно, что видный историк британского флота Ч. Лоу морскую историю правления Карла I сведет только к поражениям конца 1620-х гг.¹⁴). Для Англии было унижительно, что для королевств Британии в 1620-е гг. проблемой были набеги левантийских пиратов¹⁵.

Организационная структура английского флота в целом сложилась в XVI столетии. Во главе флота находился лорд – верховный адмирал. С 1550 и до 1619 г. управление флотом было сосредоточено в руках тюдоровских креатур – треть века (1550–1554, 1558–1585 гг.) в должности лорда – верховного адмирала находился Эдуард Клинтон, 9-й барон Клинтон и 1-й граф Линкольн, преданный династии аристократ; при Марии Кровавой (1554–1558 гг.) флот был в руках Уильяма Ховарда, 1-го барона Ховард оф Эффингем (кузена будущей «королевы-девы»), при Елизавете, накануне «грозы 1588 г.», лордом-адмиралом становится сын Уильяма Чарльз Ховард, 2-й барон Ховард оф Эффингем и 1-й граф Ноттингем. Эра Ховарда-Ноттингема закончилась в 1619 г. – король передал его флотскую должность своему фавориту Бэкингему (годом ранее Ховард уступил высшую придворную должность лорда-стюарда кузену короля герцогу Ленноксу)¹⁶.

Административная деятельность 1-го герцога Бекингема оказалась дискредитированной его неудачами, политическими в первую очередь¹⁷. После его смерти (через месяц) 20 сентября 1628 г. Карл I назначает коллегиальное управление флотом – семеро джентльменов, занимавших высокие руководящие придворные и правительственные посты, взяли на себя управление институтом, нуждавшимся в восстановлении после поражений в начале царствования Карла I. Именно в рамках комиссии 1628 г. сложился тандем Уэстона и Берти (сменившего Уэстона на посту первого лорда адмиралтейства) в 1635 г. Одним из других комиссионеров был Френсис Коттингтон, 1-й барон Коттингтон, канцлер казначейства, ставший в 1643 г. лордом – верховным адмиралом. В 1638 г. король назначает первым лордом адмиралтейства, а затем и лордом – верховным адмиралом высокородного аристократа Элджернона Перси, 4-го барона Перси и 10-го графа Нортумберленда.

Перси подвел своеобразный итог каролинскому строительству флота – корона, титанически напрягая усилия и вызывая недовольство населения (пресловутые «корабельные» и «датские» деньги¹⁸), построила регулярный, достаточно сильный и современный военно-морской флот, однако в политическом плане большая часть командиров поддержала «круглоголовых» в разворачивавшейся гражданской смуте Войн трех королевств.

В «мятежные сороковые» годы XVII в. во главе флота оказались представители оппозиционной королю аристократии – в 1643 г. «парламентским» лордом – верховным адмиралом стал Роберт Рич, 2-й граф Уарвик (нобль с талантом к коммерции, колонизатор Северной Америки и пуританин). В 1645 г. была назначена комиссия, в которой компанию Уарвику составили главнокомандующий парламентской армией 2-й граф Эссекс, еще один «певец колониализма» в Северной Америке 1-й виконт Сей и Сил, а также 4-й барон Норт. Также комиссионерами являлись двенадцать представителей нетитулованного дворянства – парламентарии («комиссары» от правительства – в более позднем, времен Французской и Русской революций, смысле – и опытные чиновники). В 1649 г. в состав комиссии был введен Роберт Блэйк (тогда еще в чине полковника). Эта флотская администрация спасала остатки королевского флота после коллизий революции, мятежей; готовила военно-морские силы к обеспечению действий флота при поддержке десантов сухопутной армии для замирения кельтских окраин и, самое главное, взяла на себя ответственность за готовность флота к Первой англо-голландской войне¹⁹.

¹⁴ Low 1908, 50–51.

¹⁵ Oppenheim 1896a, 274–275.

¹⁶ Laughton 1899, 38.

¹⁷ Дюшен 2007, 264–291.

¹⁸ Woolrych 2004, 68.

¹⁹ Gardiner, Atkinson (ed.) 1899–1930. Vol. I/XIII, 81–83.

Комиссия, назначенная в декабре 1653 г. (десять джентльменов) была поистине «звездной» – лордами адмиралтейства стали вице-адмирал Уильям Пенн, генералы моря Роберт Блейк и Джордж Монк и генерал-майор Джон Десборо (зять Кромвеля)²⁰. Именно эти люди были ответственны за высокую боеспособность флота в конце войны с голландцами, войну с Испанией²¹ (в том числе удачную экспансию против испанцев на Карибах²²) и наведение порядка в Средиземном море.

Стюарты, понявшие необходимость обладания сильным флотом для удачной конкуренции между державами в колониальных и торговых аспектах большой европейской политики, создали флот, который, однако, принес серьезные дивиденды не им, а их врагам²³. Однако в выигрыше оказалась Англия. Основы внешней политики трех королевств в XVII столетии оказались непоколебимыми от Карла I к режиму Протектората и на протяжении Реставрации.

Весной 1660 г. на Британских островах произошла Реставрация монархии. Символично, что Карл II вернулся на родину на кораблях английской эскадры (флагман адмирала Монтагю из «Нейсби») был спешно переименован в «Царственного Карла»). Первое, с чем столкнулась корона летом 1660 г., – колоссальные долги по содержанию флота и армии, оставшиеся от Протектората и Второй республики²⁴. Король вынужден был пойти на резкое сокращение сухопутной армии, но флот был спасен.

Если главнокомандующим сухопутной армии стал Джордж Монк, 1-й герцог Эбемарл, то пост лорда – верховного адмирала Карл отдал своему младшему брату и наследнику престола Якову, герцогу Йоркскому. Учитывая возросшую роль института флота в системе современного британского государственного аппарата, тем более в канун продолжения противостояния с Соединенными провинциями²⁵, ведшегося почти исключительно силами флота²⁶, место главы морских сил приобретает большую значимость, чем при Тюдорах или Ранних Стюартах. Под руководством герцога Йоркского (первого лорда – верховного адмирала – члена королевской семьи после герцога Ричмонда, бастарда Генриха VIII и первого наследника престола на этом посту после другого герцога Йоркского – Ричарда III) флот пройдет сквозь победы (захват голландского Нового Амстердама, в том числе²⁷) и неудачи (Чатемский позор, например²⁸) Второй и Третьей войны с Голландией – противостояния не популярного (особенно в рамках традиционной британской историографии²⁹). Интересно, как менялось восприятие тех или иных событий в разные эпохи. Автор классической истории британского флота в конце XIX в. описывает неприязненно, как при приближении голландцев руководство Чатемских верфей больше заботилось об эвакуации собственного имущества, включая коллекцию моделей кораблей³⁰. В то время как в Средние века и раннее Новое время чертежей зданий или техники не существовало. Детальные деревянные модели и выступали в роли чертежа. От голландцев спасали секретную документацию (на свой манер). Сам наследник престола и его кузен принц Руперт Пфальцский, 1-й герцог Камберленд и генерал-капитан Монк-Эбемарл примут личное непосредственное участие в сражениях, рискуя своими жизнями. В битве при Лоустофе, в июне 1665 г., например, на флагмане наследника престола «Царственном Карле» рядом с герцогом будет убит капитан его роты телохранителей Чарльз Беркли, 1-й граф Фалмаут (Карл II рыдал, когда узнал об этом)³¹; ядром снесет

²⁰ Worden 1977, 62.

²¹ Симмс 2017, 63–64.

²² Bourne 1869, 31.

²³ Oppenheim 1896b.

²⁴ Wheeler 1996.

²⁵ Соколов 2017, 381.

²⁶ Campbell 1813, 138–142.

²⁷ Lodge 1881, 296.

²⁸ Coox 1949.

²⁹ Swinburne 1907, 97.

³⁰ Clowes 1898, 290.

³¹ Aylmer 2002, 25.

голову Ричарду Бойлу (сыну ирландского роялиста Ричарда Бойла, 2-го графа Корка и 1-го графа Берлингтона) – оторванный череп зубами пропорет плечо наследника престола.

Сложности, возникшие к завершению Третьей англо-голландской войны вынудят короля в 1673 г. принять на себя функции лорда – верховного адмирала, а реальное руководство флотом ляжет на плечи комиссии из двенадцати аристократов и высших коронных чиновников (первыми по значимости из них будут кузен короля принц Руперт, в этом же году возглавивший флот до 1679 г., и старший из бастардов короля герцог Монмут), а также Эдуарда Сеймура, казначея флота³² и Томаса Осборна, 1-го барона Осборна и 1-го виконта Латимера (через год ставшего графом Дэнби), лорда – верховного казначея (и предшественника Сеймура на посту казначея флота, каролинского гения финансов). Помимо адмиралтейства, как справедливо отмечает Т. Л. Лабутина, многие вопросы, связанные с развитием флота, продолжали курироваться королевским Тайным советом³³.

Именно тандем Сеймур – Осборн будет по-возможности эффективно решать финансовые проблемы, остро вставшие в первой половине 1670-х гг. перед английским флотом. Набирающий мощь левиафан – «последний довод короля» Англии демонстрировал свою эффективность (на его плечах лежали не только операции против голландцев на просторах Атлантики, Балтики и Средиземноморья, но и снабжение танжерского гарнизона, обречённого на двадцатилетие тяжелейшей борьбы с марокканцами – первая африканская и первая крупная колониальная война Англии раннего Нового времени). Также королевский флот взял на себя тяжелую ношу по защите английских коммерческих и гражданских интересов от варварийских пиратов, бывших грозой не только английских купцов в Леванте, но и побережья Британских островов ещё при ранних Стюартах (генерал моря Блейк стяжал свою славу именно против алжирцев)³⁴. Эта группа управляла флотом до 1679 г.

Конец 1670-х гг. ознаменовал не только тяжелый политический кризис³⁵ – недофинансирование вызвало серьезные проблемы в состоянии материально-технического состава флота³⁶. Однако в начале 1680-х гг. корона предприняла ряд довольно эффективных мер по усилению вооруженных сил – Карл II начал постепенное увеличение численности сухопутной армии и восстановление подведомственных адмиралтейству сил (ремонт действующих и постройка новых кораблей флота Его Величества³⁷, воссоздание корпуса морской пехоты в 1684 г.³⁸). По сути, администрация Карла II в конце его царствования начала подготовку к новому серьезному внешнеполитическому кризису – наметился отход от союза с Францией (Англия исчерпывала выгоды от союза с версальским двором – для Уайтхоллского двора «прекрасная Франция» однозначно становилась решительным и бескомпромиссным конкурентом – Вторая Столетняя война 1689–1815 гг. зарождалась еще до дуновения «протестантского ветра» осени 1688 г.). В 1684 г. Карл II принял на себя титул лорда – верховного адмирала. После 6 февраля 1685 г. Яков II последует по стопам своего почившего брата.

Администрация Якова II продолжит наращивать военную мощь трех королевств – новый король трогательно выпрашивал субсидии у французского посла, однако расходовались средства на крепнущую армию и флот (рост численности флота³⁹ происходил на фоне общего роста судостроения в стране⁴⁰). Яков II и его приближенные совершили массу политических ошибок (в конечном итоге приведшие этот режим к краху 1688–1690 гг.), однако нельзя отрицать того факта, что большая часть королевской армии и флот достались Марии II Стюарт и ее мужу (и двоюродному брату) Вильгельму III Оранскому⁴¹. Как бы общественное

³² Harris 2006, 215.

³³ Лабутина 1982, 42.

³⁴ Rowbotham 1964.

³⁵ Davies 1993.

³⁶ Glassey 1997, 50.

³⁷ Bryant 1936, 143–201.

³⁸ Gillespie 1803, 1.

³⁹ Станков 2014, 103.

⁴⁰ Пинкус 2017, 92–93.

⁴¹ Robinson 1894, 359–360.

мнение не относилось в 1690-х гг. к необходимости участия Англии «и других владений Его Британского Величества» в эпическом противостоянии с Францией (продолжившемся на заре XVIII в. в Войне за испанское наследство), аппарат насилия, заботливо подготавливавшийся на протяжении почти трети столетия сыновьями Карла I, стал именно тем «последним доводом» королей в Лондоне в разгроме врагов внешних⁴² и умиротворении врагов внутренних и способствовал событиям Унии 1707 г.⁴³

Приняв в 1689 г. титул лорда – верховного адмирала, новый король Вильгельм в скором времени уступил его адмиралу Артуру Герберту (милостью Вильгельма барону Герберт оф Торби и графу Торрингтон), моряку со стажем в четверть столетия и активному участнику заговора лета – осени 1688 г. Затем должность лорда-адмирала была упразднена, то и дело вводясь вновь, – ее занимали как опытные чиновники (Томас Герберт, 8-й граф Пемброук, например), так и члены королевской семьи (принц Георг Датский, герцог Камберленд, затем его супруга, королева Анна). Реально флотом руководило адмиралтейство и лорды – первые адмиралы, среди которых попадались колоритные фигуры вроде адмиралов Эдуарда Рассела (внук 4-го графа Бедфорда, кузен и зять героя «ржаного заговора» лорда Уильяма Рассела, милостью Вильгельма граф Орфорд, подписавший письмо, приглашавшее Вильгельма на английский трон⁴⁴) или сэра Джона Лика⁴⁵ (талантливого моряка, одного из старших офицеров, руководивших захватом и удержанием Гибралтара⁴⁶). Система управления флотом, сложившаяся при поздних Стюартах, перейдет в следующий век⁴⁷.

При Вильгельме III и Анне I англичане бросили вызов могуществу французского флота⁴⁸ (и флота Испании, имевшего определённый потенциал, несмотря на глубокий упадок в царствование «зачарованного короля» Карла⁴⁹). После войны за право посадить на испанский престол своего ставленника англичане (формально проигравшие в этом вопросе) закрепили за Туманным Альбионом статус великой (одной из) морской державы. При Стюартах, на протяжении «долгого XVII века» корона, ломая сопротивление политически активной части нации, вызывая революции, сумела построить достаточно эффективный и современный аппарат насилия, важнейшей частью которого стал флот Его Величества⁵⁰, который выдержал тяжелейшую борьбу с голландцами⁵¹ (практически современную тотальную экономическую и пропагандистскую⁵² войну в рамках войн в кружевах⁵³), ввязался не без успеха в морское противостояние с Францией, обеспечил преференции британской торговле за морями⁵⁴. Интересы Британии были обращены в будущее⁵⁵. Неслучайно представленная на суд изысканной публики (на маскараде у принца Фредерика Уэльского) 1 июня 1740 г. патриотическая песнь называлась «Правь, Британия!» и правила в ней Британия волнами (морями)⁵⁶.

⁴² Боббитт 2021, 228–239.

⁴³ Малкин 2016, 486–546.

⁴⁴ Harris 2007, 271.

⁴⁵ Mainwaring 1918–1919. Vol. I/II, 20–31.

⁴⁶ Campbell 1835, 518–524.

⁴⁷ Wilkinson 2004, 24.

⁴⁸ Кеннеди 2018, 130.

⁴⁹ Elliott 2002, 245–246.

⁵⁰ Сили 2004, 30.

⁵¹ Palmer 1997.

⁵² Staffell 2000.

⁵³ Кревельт 2019, 73.

⁵⁴ Chaudhuri 2006, 61–63.

⁵⁵ Соколов 2015.

⁵⁶ Richetti (ed.) 1996, 91.

Литература / References

- Акимов 2005 = *Акимов Ю. Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005.
Akimov Yu. G. Ot mezhkolonial'nykh konfliktov k bitve imperiy: anglo-frantsuzskoe sopernichestvo v Severnoy Amerike v XVII – nachale XVIII v. [From Inter-colonial conflicts to the Battle of Empires: Anglo-French rivalry in North America in the XVII – early XVIII c.]. St. Petersburg, 2005.
- Боббитт 2021 = *Боббитт Ф.* Щит Ахилла. Война, мир и ход истории. Т. I. М., 2021.
Bobbitt F. Shchit Ahilla. Voyna, mir i hod istorii [The Shield of Achilles. War, Peace and the Course of History]. Vol. I. Moscow, 2021.
- Гаврилов 2014 = *Гаврилов С. Н.* Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов н/Д, 2014.
Gavrilov S. N. Angliyskiy flot epohi Tyudorov kak gosudarstvennyy institute [The English Fleet of the Tudor Era as a State Institution]. Rostov-on-Don, 2014.
- Губарев 2013 = *Губарев В. К.* Фрэнсис Дрейк. М., 2013.
Gubarev V. K. Frensis Dreyk [Francis Drake]. Moscow, 2013.
- Гэддис 2021 = *Гэддис Д. Л.* О большой стратегии. М., 2021.
Geddis D. L. O bol'shoi strategii [About the Big Strategy]. Moscow, 2021.
- Дюшен 2007 = *Дюшен М.* Герцог Бекингем. М., 2007.
Dyushen M. Gertsog Bekingem [Duke of Buckingham.]. Moscow, 2007.
- Золотарев (ред.) 2003 = *История западноевропейских армий / под ред. В. А. Золотарева.* М., 2003.
Istoriya zapadnoevropeyskiy armiy [History of Western European Armies] / Ed. by V. A. Zolotarev. Moscow, 2003.
- Кеннеди 2018 = *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018.
Kennedi P. Vzlety i padeniya velikih derzhav: Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovaniy mirovykh tsestrov vlasti s 1500 po 2000 g. [The Ups and Downs of the Great Powers: Economic Changes and Military Conflicts in the Formation of World Centers of Power from 1500 to 2000]. Yekaterinburg, 2018.
- Киселев 2012 = *Киселев А. А.* Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. Волгоград, 2012.
Kiselev A. A. Rozhdenie imperii. Britanskoe gosudarstvo i kolonializm v XVII–XVIII vv. [The Birth of the Empire. The British State and Colonialism in the XVII–XVIII centuries] Volgograd, 2012.
- Кревельт 2019 = *Кревельт М., ван.* Трансформация войны. М., 2019.
Kreveld M., van. Transformatsiya voyny [Transformation of War]. Moscow, 2019.
- Лабутина 1982 = *Лабутина Т. Л.* Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681. М., 1982.
Labutina T. L. Politicheskaya bor'ba v Anglii v period restavratsii Styuartov. 1660–1681 [Political Struggle in England during the Restoration of the Stuarts. 1660–1681]. Moscow, 1982.
- Лихарев 2021 = *Лихарев Д. В.* Флот и военно-морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900–1914. СПб., 2021.
Liharev D. V. Flot i voenno-morskoe vedomstvo Velikobritanii na puti k Pervoy mirovoy voyne. 1900–1914 [The Fleet and the Naval Department of Great Britain on the way to the First World War. 1900–1914]. St. Petersburg, 2021.
- Малкин 2016 = *Малкин С. Г.* Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М., 2016.
Malkin S. G. Laboratoriya imperii: myatezh i kolonial'noe znanie v Velikobritanii v vek Prosveshcheniya [The Laboratory of Empire: Rebellion and Colonial Knowledge in Great Britain in the Age of Enlightenment]. Moscow, 2016.
- Пинкус 2017 = *Пинкус С.* 1688 г. Первая современная революция. М., 2017.
Pinkus S. 1688 g. Pervaya sovremennaya revolyutsiya [1688. The First Modern Revolution]. Moscow, 2017.
- Сили 2004 = *Сили Д. Р.* Расширение Англии // *Сили Д. Р., Крэмб Д. А.* Британская империя. М., 2004.
Sili D. R. Rasshirenie Anglii [Seeley D. R. The Expansion of England] // *Sili D. R., Kremb D. A.* Britanskaya imperiya [Seeley D. R., Cramb J. A. The British Empire]. Moscow, 2004.

- Симмс 2017 = *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство. М., 2017.
Simms B. Европа. Bor'ba za gospodstvo [Europe. The Struggle for Domination]. Moscow, 2017.
- Соколов 2015 = *Соколов А. Б.* «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015.
Sokolov A. B. «Prav', Britaniya, moryami»? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshney i colonial'noy politiki v XVIII veke ["Rule, Britannia! Britannia, rule the waves"? Political Discussions in England on Foreign and Colonial Policy in the XVIII century]. St. Petersburg, 2015.
- Соколов 2017 = *Соколов А. Б.* Кларендон и его время: странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб., 2017.
Sokolov A. B. Klarendon i ego vremena: strannaya istoriya Edvarda Hayda, kantslera i izgnannika [Clarendon and His Time: the Strange Story of Edward Hyde, Chancellor and Exile]. St. Petersburg, 2017.
- Станков 2014 = *Станков К. Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб., 2014.
Stankov K. N. Korol' Yakov II Styuart i stanovlenie dvizheniya yakobitov. 1685–1701 [King James II Stuart and the Formation of the Jacobite movement. 1685–1701]. St. Petersburg, 2014.
- Хейг 1997 = *Хейг К.* Елизавета I Английская. Ростов н/Д, 1997.
Heyg K. Elizaveta I Angliyskaya [*Haig K.* Elizabeth I of England]. Rostov-on-Don, 1997.
- Aylmer 2002 = *Aylmer G. E.* The Crown's Servants: Government and Civil Service under Charles II, 1660–1685. Oxford, 2002.
- Bourne 1868 = *Bourne H. R. Fox.* English Seamen under the Tudors: in 2 vols. Vol. II. L., 1868.
- Bourne 1869 = *Bourne H. R. Fox.* The story of our colonies: with sketches of their present conditions. L., 1869.
- Bryant 1936 = *Bryant A.* Samuel Pepys: The Years of Peril. Cambridge, 1936.
- Campbell 1835 = *Campbell J.* Lives of the British admirals: in 4 vols. Vol. II. L., 1835.
- Campbell 1813 = *Campbell J.* Naval history of Great Britain: in 8 vols. Vol. II. L., 1813.
- Chaudhuri 2006 = *Chaudhuri K. N.* The Trading World of Asia and the English East India Company 1660–1760. Cambridge, 2006.
- Clowes 1898 = *Clowes W. L.* The Royal Navy: A History from the Earliest Times to 1900: in 5 vols. Vol. II. L., 1898.
- Coox 1949 = *Coox A. D.* The Dutch Invasion of England: 1667 // Military Affairs. 1949. Vol. 13, No. 4. P. 223–233.
- Davies 1993 = *Davies J. D.* The Navy, Parliament and Political Crisis of the Reign of Charles II // The Historical Journal. 1993. Vol. 36. No. 2. P. 271–288.
- Elliott 2002 = *Elliott J. H.* Imperial Spain 1469–1716. L., 2002.
- Gardiner, Atkinson (ed.) 1899–1930 = First Dutch War: in 6 vols. Publications of the Naval Records Society. Vols. XIII, XVII, XXX, XXXVII, XLI, LXVI. L., 1899–1930.
- Froude 1895 = *Froude J. A.* English Seamen in the Sixteenth Century. Lectures Delivered at Oxford, Easter Terms, 1893–1894. NY, 1895.
- Gillespie 1803 = *Gillespie A.* An Historical Review of the Royal Marine Corps, from its Original Institution down to the Present Era, 1803. Birmingham, 1803.
- Glassey 1997 = *Glassey L. K. J.* Politics, Finance and Government // The Reigns of Charles II and James VII & II. L., 1997.
- Harris 2006 = *Harris T.* Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. L., 2006.
- Harris 2007 = *Harris T.* Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. L., 2007.
- Kishlansky 1997 = *Kishlansky M.* A Monarchy Transformed Britain 1603–1714. L., 1997.
- Laughton 1899 = *Laughton J. K.* From Howard to Nelson: twelve sailors. L., 1899.
- Lodge 1881 = *Lodge H. C.* A Short History of the English Colonies in America. NY, 1881.
- Low 1908 = *Low C. R.* Battles of the British army. L., 1908.
- Mainwaring 1918–1919 = *Mainwaring H.* The Life of sir John Leake: in 2 vols. Publications of the Naval Records Society. Vols. LII–LIII. L., 1918–1919.
- Oppenheim 1896a = *Oppenheim M.* A history of the administration of the royal navy and of merchant shipping in relation to the navy, from MDIX to MDCLX, with an introduction treating of the preceding period. L., 1896.
- Oppenheim 1896b = *Oppenheim M.* The Navy of the Commonwealth, 1649–1660 // The English Historical Review. 1896. Vol. 11, No. 41. P. 20–81.
- Palmer 1997 = *Palmer M. A. J.* The 'Military Revolution' Afloat: The Era of the Anglo-Dutch Wars and the Transition to Modern Warfare at Sea // War in History. 1997. Vol. 4, No. 2. P. 123–149.

- Parrott 2003 = *Parrott D.* Richelieu's Army: War Government and Society in France 1624–1642. Cambridge, 2003.
- Robinson 1894 = *Robinson C. N.* The British Fleet: The Growth, Achievements and Duties of the Navy of the Empire. L., 1894.
- Rodger 1994 = *Rodger N. A. M.* Britain // *Ubi sumus?: the state of naval and maritime history* / Ed. by *J. B. Hattendorf*. Newport (Rhode Island), 1994. P. 51–57.
- Rowbotham 1964 = *Rowbotham W. B.* The Algerine War in the Time of Charles II // Royal United Services Institution. Journal. 1964. Part I. Vol. 109, issue 634. P. 160–168. DOI: 10.1080/03071846409424311; Part II. Vol. 109, issue 635. P. 253–262. DOI: 10.1080/03071846409419724; Part III. Vol. 109, issue 636. P. 350–356. DOI: 10.1080/03071846409419739.
- Staffell 2000 = *Staffell E.* The Horrible Tail-Man and the Anglo-Dutch Wars // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2000. Vol. 63. P. 169–186.
- Swinburne 1907 = *Swinburne H. L.* The Royal Navy. L., 1907.
- Richetti 1996 = The Cambridge Companion to the Eighteenth-Century Novel / Ed. by *J. Richetti*. Cambridge, 1996.
- Wheeler 1996 = *Wheeler J. S.* Navy Finance, 1649–1660 // The Historical Journal. 1996. Vol. 39, No. 2. P. 457–466.
- Wilkinson 2004 = *Wilkinson C.* The British Navy and the State in the Eighteenth Century. L., 2004.
- Winfield, Roberts 2017 = *Winfield R., Roberts S. S.* French Warships in the Age of Sail 1626–1786: Design, Construction, Careers and Fates. Barnsley, 2017.
- Woolrych 2004 = *Woolrych A.* Britain in Revolution: 1625–1660. Oxford, 2004.
- Worden 1977 = *Worden B.* The Rump Parliament 1648–53. Cambridge, 1977.
- Young 1991 = *Young M. B.* Charles I. NY, 1991.

DOI: 10.55000/MCU.2021.40.37.006

ГЕНЕЗИС БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И НОВЫЙ СВЕТ***Н. С. Иванов***

*Институт всеобщей истории РАН,
 Центр латиноамериканских исследований,
 Москва, Россия
 nik3334@yandex.ru*

Автор рассматривает становление британской имперской идеологии под влиянием Великих географических открытий, прежде всего путешествий Х. Колумба, А. Веспуччи в Новый Свет. Имперские идеи в Британии, как и других европейских странах, зародились под влиянием наследия Римской империи. Первые практические уроки колонизации были получены британскими правителями в ходе создания так называемой «первой империи», при объединении Англии, Ирландии, Уэльса и Шотландии. Своеобразие британской имперской идеологии было связано с трудами известных деятелей Т. Мора, Ф. Бэкона, Дж. Ди, Р. Хаклейта, которые служили наглядной иллюстрацией сложного сочетания гуманистического идеализма эпохи Просвещения и стремления к колониальным захватам и власти.

Ключевые слова: идеология, Британская империя, Т. Мор, Р. Хаклейт, Дж. Ди.

THE GENESIS OF THE BRITISH IMPERIAL IDEOLOGY AND THE NEW WORLD***N. S. Ivanov***

*Institute of World History (Russian Academy of Sciences),
 Centre of Latin American Studies,
 Moscow, Russian Federation
 nik3334@yandex.ru*

The author examines the formation of the British imperial ideology under the influence of Great Geographical Discoveries, primarily the travels of H. Columbus, A. Vespucci to the New World. Imperial ideas in Britain, as in other European countries, were born under the influence of the heritage of the Roman Empire. The first practical lessons of colonization were learned by the British rulers during the creation of the so-called “first empire”, when England, Ireland, Wales and Scotland were united. The peculiarity of the British imperial ideology was associated with the works of famous figures T. More, F. Bacon, J. Dee, R. Hakluyt, which served as a clear illustration of the complex nature of the merger (convergence) between the humanistic idealism of the Enlightenment and the desire for colonial conquest and power.

Keywords: ideology, the British Empire, T. More, R. Hakluyt, J. Dee.

Термин «идеология» понимается автором в двух смыслах: во-первых, как мировоззрение, которое развивается ведущими мыслителями и постоянно корректируется в спорах и дискуссиях с оппонентами, и, во-вторых, как некая долгосрочная программа действий в рамках политики правящей элиты общества. Причем первое является главным, изначальным импульсом для второго, хотя порой составные элементы концепции Британской империи возникали в ходе конкурентной борьбы в определенном контексте конкретных политических событий.

Европейские дискуссии по этому вопросу опирались на более широкую традицию политической мысли, восходящей к классическим источникам Древней Греции, и особенно Рима, но также охватывали современную участникам событий Испанию и Соединенные провинции Нидерландов в рамках интенсивного европейского диалога, участники которого давали определения существовавшим империям и анализировали их главные черты¹.

¹ Pagden 1995.

Среди британских исследователей существует определенное согласие в том, что Британская империя ведет свое начало с правления Елизаветы I и основные черты ее сводятся к тому, что она была протестантской в конфессиональном отношении, англо-британской по национальной принадлежности, «джентльменской», «доброжелательной» и по большей части «неформальной» по своим целям и направленности, а также «внеевропейской», ибо она зародилась после эпохи Реформации, в результате деятельности самих англичан, использовавших для создания колоний не армию, а флот, который позволил им освоить обширные просторы мирового океана, открыть и освоить земли, лежавшие за тысячи километров от метрополии².

Эта официозная точка зрения все чаще подвергается критике, состоящей в том, что от истории империи (и соответственно, имперской идеологии) отсекается колониальная политика англичан по отношению к кельтскому «полумесяцу», окружавшему «ядро» – английское государство. По сути, это был тот же самый англо-британский империализм, хотя он не был ни «благожелательным», ни «джентльменским» по сравнению с описанием более поздних захватов заморских колоний.

«Внешний империализм», отмечали объективные историки, был копией и порождением «внутреннего колониализма», с развитием до экстремума идеологии национального превосходства, политической гегемонии, культурного превосходства и самоидентификации себя как «божественно предопределенной нации», предназначенной якобы для выполнения «цивилизаторской миссии в отношениях с кельтской окраиной», которая обозначала начиная с XVI в. колонизацию Ирландии³.

Среди современных историков есть тенденция к расширению хронологических рамок, созданию альтернативной исторической этиологии британского империализма, которая прослеживает генезис его существенных черт (супрематизм, расизм, изображение себя «нацией крестоносцев», восхваление «победоносных традиций» английского воинства, покорения и завоевания новых земель) в XII в., в ходе попыток «англичанивания» Шотландии и Уэльса, что зафиксировано еще в трудах Вильяма Мальмсберийского (1090–1143) и Гиральда Камбийского (Джеральда Уэльского) (1146–1223)⁴.

Как и в других европейских странах, генезис имперского сознания был непосредственно связан с историческими традициями Римской империи. Римский «пример для подражания» побуждал новых европейских «императоров» стремиться к территориальному расширению границ своих государств посредством захватов, альянсов, междинастических браков и т. п.

Одним из результатов восстановления римского права стало утверждение универсалистских притязаний императоров на звание *dominus mundi* (господин мира). Когда Карл V из династии Габсбургов стал в 1519 г. императором Священной Римской империи, его монархия, благодаря скрещиванию династических браков, стала самой огромной державой мира и ближе всего подходила к понятию «всемирной империи».

Папство также претендовало на историческую преемственность от Римской империи и «вселенский» статус, поскольку сама империя стала главным средством для распространения христианства после официального обращения Константина Великого в 312 г., и церковь сохранила свои позиции после падения Рима. Папа Римский Александр VI (Чезаре Борджия, высокопоставленный отравитель по прозвищу «аптекарь Сатаны») издал в 1493 г. буллу “*Inter caetera* № 2”, которая признавала «между прочим» (дословный перевод названия буллы) за Испанией и Португалией право на владение землями, открытыми в морских походах, а также утверждала соглашение о разделе мира между ними (практически передав этим странам полмира). Британия опоздала к этому дележу, однако не собиралась мириться с такой «несправедливостью».

Таким образом, претензии британских монархов на «империум» сталкивались с двумя могущественными соперниками. Титул «императора» британские монархи смогли получить

² Behrman 1977, 30–37, 113–116.

³ Hechter 1975; Corrigan, Sayer 1985; Kearney 1989, 106–127.

⁴ Gillingham 1987; Gillingham 1992; Davies 1993.

лишь после разрыва с папством. В преамбуле к «Акту об ограничении апелляции» 1533 г. – ключевому документу английской Реформации, составленному Т. Кромвелем по поручению Генриха VIII, запрещалось обращение к Папе Римскому по религиозным или иным вопросам, и король объявлялся высшей юридической инстанцией в стране: «Английское королевство является империей, а король имеет статус императора».

Титул «императора», принятый Генрихом VIII, имел не только антипапистский, но и территориальный подтекст, оформляя создание в 30-е гг. XVI в. «первой империи» и господство английской короны над Уэльсом, Ирландией и (в перспективе) Шотландией.

Насильственное включение Ирландии, Шотландии и Уэльса в «первую империю» сопровождалось поголовным истреблением целых городов и районов, стиранием с лица земли построек, сгоном местных жителей с их земель с полной конфискацией наделов, массовыми казнями, сознательной организацией голода, строительством военных поселений англичан. Основанием для этих зверств была уверенность английского правящего класса в «божественной предопределенности» его власти. Сочетание чрезвычайного насилия по отношению к местным «дикарям» и поддержания среди английских колонизаторов учтивости, хороших манер («цивильности»), а также христианских (протестантских) канонов тесно увязывались в идеологии как основы порядка внутри империи.

Однако наличие имперского сознания предполагало некую сложившуюся «концепцию Британской империи», то есть набор определенных идей, которых придерживалось значительное число членов политического сообщества, поддерживавших империю и обладавших специфически британскими чертами. И с XVI в. генезис имперского сознания Британии состоял прежде всего в обосновании «прав» Британии на колонии в Новом Свете.

Немалую роль в этом сыграли видные британские мыслители, прежде всего известный гуманист, просветитель и выдающийся деятель европейского Возрождения Томас Мор (1478–1535). В 1529 г. он был назначен на должность лорда-канцлера, став высшим сановником государства. Высочайшие оценки этого деятеля связаны прежде всего с его трудом «Утопия» («Золотой книжечкой, столь же полезной, сколь и забавной, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»), вышедшей в свет в 1516 г.⁵

Автор в первой части критикует несовершенство современной ему политической и экономической системы: «кровавое» законодательство о рабочих, политику «огораживания» и сгона крестьян с земель («Овцы поели людей»), деспотизм монархического режима и войны, разврат духовенства, коррупцию чиновничества, паразитизм аристократии.

А во второй части содержатся собственно взгляды Мора на идеальное общество, созданное на несуществующем острове Утопия. Возглавляет «идеальное» государство «мудрый монарх» (избираемый из числа ученых), труд обязателен для всех, и земледелием занимаются поочередно все граждане до преклонного возраста. Продолжительность рабочего дня – не более 6 часов. Нет денег – они используются только для внешней торговли. Все должности выборные, и интеллигенция (ученые) играет в управлении руководящую роль. Женщины имеют равные права с мужчинами, все религии равноправны, запрещен лишь атеизм. Главная черта экономики – отсутствие частной собственности (по взглядам Мора, именно частная собственность и деньги являются главным злом и порождают преступность). Продукты распределяются по потребностям, нет эксплуатации. Власть идет снизу вверх, начиная от семей.

Хотя описание острова Утопия, названия местных туземных народов, их обычаи носят вымышленный характер, однако и у современников, и у исследователей творчества Мора не вызывала сомнения «географическая привязка» к Новому Свету. Эта точка зрения поддерживается такими известными историками, как Д. Рамос, П. Шервин, Л. Гомес, Э. Мартинес, Ч. Строецки и др.⁶ Сведения о грандиозных событиях, связанных с открытиями Колумба, Веспуччи, других мореплавателей, Мор, будучи главным сановником Генриха VIII, получал

⁵ Мор 1935.

⁶ Gómez Rivas 2018, 163–167; Ramos 1982, 9; Sherwin 1917; Martínez Estrada 1963; Strosetzki 1990.

из опубликованных тогда книг, а также непосредственно от английской королевы Катерины Арагонской, дочери основателей испанского государства Фердинанда и Изабеллы.

Притом что гуманизм британца состоял в том, чтобы построить общество, где «высшей ценностью является человеческая жизнь», где все ресурсы направлены на реализацию лозунга «Все для блага человека», где этика и мораль основаны на духе разума, прогресса, максимальном использовании человеческих способностей, все это относилось лишь к утопийцам (то есть завоевателям, колонизаторам).

Автор изначально ставил англичан в качестве более высокой расы по сравнению с любыми туземцами. Утопийцы считали войну зверством, поэтому для победы прежде всего использовали хитрость, подкуп приближенных государя-врага и другие коварные способы. При этом, отмечал Мор, они нанимали в армию местных жителей и платили только тем, кто выжил в ходе баталий⁷.

Туземцы обрисованы как жалкие, примитивные дикари, которые не имели никаких законных прав на свою собственную землю исключительно из-за того, что они не могли «рационально признать законы природы» и обрабатывать земли, на которых они жили. Они были «грубым и диким народом», вина которого состояла в том, что земли оставались «пустыми и праздными» (известная концепция *terra nullius*, почерпнутая из арсенала Римской империи и служившая одним из главных предлогов для колониальных завоеваний).

Местные жители низводились до уровня животных, лишенных души, и их убийство рассматривалось как благо для «расчистки» необходимой утопийцам территории. Впервые на теоретическом уровне была создана порочная и самодовольная «логика исключения», состоящая из двух этапов. На первом, теоретическом, уровне создается «когнитивное отчуждение», когда завоеватели лишают местных жителей человеческих прав, низводя их до животного уровня. А затем можно без каких-либо угрызений совести уничтожать этих «полуживотных», не имеющих права на существование.

Альтернатива состояла либо в уничтожении («расчистке» места под будущую колонию), либо (в лучшем случае) ликвидации местных обычаев, традиционного образа жизни и навязывании рабского существования под пятой «продвинутых» утопийцев. Необходимо отметить, что в последующие века эта логика Мора применялась практически без изменений в ходе создания Британской империи.

Основатель колонии Утоп использовал насилие и географическую изоляцию, чтобы создать и навязать свой порядок в утопическом обществе. Утопийцы обладали непоколебимой уверенностью в своем превосходстве и рассматривали другие народы как свою естественную добычу и объект манипулирования.

Страницы «Утопии», посвященные отношениям между колонистами и туземцами, практически ничем не отличаются от современной стратегии и тактики империализма. Утопийцы, как и нынешние колониалисты, насильственно навязывали «прогрессивное, модернистское» иго туземцам, которые были обречены находиться на низшей ступени иерархии, а колонизаторы представляли «высшую расу», фактически захватившую суверенитет над подвластными ей территориями.

Утопийцы стравливали «унтерменшей» друг с другом, используя принцип Римской империи *divide et impera*, коррумпировали вождей туземцев, не останавливались перед политическими убийствами. Они побуждали местных жителей бунтовать против своих лидеров и убивать их еще до начала тотальной военной конфронтации⁸.

Для обеспечения этой «мягкой (или гибридной, выражаясь современным языком) войны» они широко используют золото и драгоценности, чтобы создать внутри стран, предназначенных для колониального захвата, полный хаос. Из работы Мора ясно, что утопийцы считают вполне этичным вмешиваться во внутренние дела других стран ради реализации собственных политических и экономических планов. Причем сам Мор лицемерно оправды-

⁷ Мор 1935, 100, 168, 175.

⁸ Там же, 160–168.

вает эту коварную политику «жалостью и состраданием» к другим народам, якобы «страдающим от тирании».

Утопийцы считают законными любые, самые низкие и подлые действия, при условии, что их тактика дает требуемые результаты. Но при этом они никогда не снимают маски набожности и святости, «идеалистического» превосходства над всеми остальными народами. Они достаточно мудры, чтобы произносить нужные миролюбивые и политкорректные речи, которые создают им благоприятный имидж. И повсюду проповедают идею, что именно они являются тем «флагманом», который ведет за собой все остальное человечество, скромно и повседневно несут бремя пресловутой «цивилизаторской миссии».

«Утопия» сыграла крайне важную роль в развитии не только британского, но и в целом европейского имперского сознания, так как автор был не заштатным литератором, а самым авторитетным среди гуманистов Европы, другом и соратником Эразма Роттердамского, лордом-канцлером Англии.

По сути, в международной политике это не «утопия», а настоящая антиутопия (в современном понимании этого термина). Территориальная экспансия является основной составляющей этой политики, и она оправдывается «бесспорным моральным превосходством» этого «идеального» государства. Утописты считают себя абсолютно свободными объявлять войны, назначать из числа своих граждан правителей для союзников и присваивать ресурсы других стран и народов по своему усмотрению.

Не менее важным для последующего развития британского колониализма являлся тот факт, что в «Утопии» были закреплены доктрины *terra nullius* и *vacuum domicilium*, почерпнутые из правовой системы Римской империи. Они были призваны «узаконить» экспроприацию земель коренных американцев, апеллируя к логике, которая характерна для Мора: утопийцы считали, что территория, которую они желали захватить, «юридически» необитаема, она «не существует» (является «местом, которого нет») до тех пор, пока не будет принадлежать им⁹.

«Утопия» Томаса Мора является одной из самых наглядных иллюстраций сложного сочетания гуманистического идеализма и стремления к колониальным захватам и власти. Идеи английского идеолога стали фундаментом, на котором впоследствии, с середины XVI в., были воздвигнуты концепции Джона Ди, Фрэнсиса Бэкона, идеолога колонизации Северной Америки Ричарда Хаклейта.

Мощное идеологическое движение, направленное на захват и колонизацию Нового Света, объединило множество разнородных сил. Среди них были теоретики (Джон Ди, Ричард Хаклейт и Т. Хэрриот), авантюристы, пираты и искатели приключений (Фрэнсис Дрейк, Уолтер Рэли, Томас Кавендиш, Хамфри Гилберт и Джон Смит), писатели и драматурги (Уильям Шекспир и Эдмунд Спенсер), художники (Джон Уайт и Теодор де Бри) и, наконец, монархи в лице Елизаветы I и Якова I.

Вирджинию (первую английскую колонию в Новом Свете) впервые обследовал в 1584 г. У. Рэли и назвал ее в честь «королевы-девушечницы».

Принято считать, что одним из первых идеологов Британской империи был Р. Хаклейт (1553–1616), собравший самую большую коллекцию географических карт и материалов, относившихся к Великим географическим открытиям. В 1589 г. он опубликовал свою грандиозную «Книгу путешествий»¹⁰ (расширенное издание вышло в свет в 1598 г.). Главной целью было содействие английским экспедициям и созданию колоний в Северной Америке.

Для поощрения экспансионизма в Новый Свет автор искусно лепил на страницах своих произведений «новую национальную идентичность», воспевал положительные черты «истинного английского характера», радикально отличавшегося от характера других народов и ориентированного на «мировой подход». Это, считал Хаклейт, являлось «божественным предопределением», которое позволит англичанам стать «повелителями мира».

⁹ Frost 1992.

¹⁰ Hakluyt 1589.

Не меньшую роль в создании британской имперской идеологии сыграл Джон Ди (1527–1608). Он был одной из ярчайших фигур европейского Ренессанса, его почитали как гения, мага, выдающегося философа, географа и алхимика. Многих отпугивала его аура «каббалиста и колдуна», но большинство аристократов и придворных королевских дворов Европы так или иначе подпадали под его влияние.

Считается, что он был главным советником королевы Елизаветы I и уже в наше время стал прообразом Джеймса Бонда (агента 007) для писателя Яна Флеминга. Известно, что Ди подписывал свои тайные послания Елизавете цифрами 007 – два нуля с точками в центре означали «тайные всевидящие очи» Джона Ди, а семерка была «счастливым числом» этого нумеролога и каббалиста. Именно он в своих трудах о колонизации Нового Света назвал этот континент «Атлантидой» (предваряя известный труд своего последователя Ф. Бэкона) и своей главной политической и идеологической задачей считал обеспечение экспансии Британской империи, исследование Нового Света и завоевание там новых земель¹¹.

В своих мистических прозрениях и фантастических беседах с «ангелами» он убеждался в блестящих перспективах освоения и колонизации британцами Нового Света и наступлении эпохи «нового мирового порядка». Конечно, маг мог искренне верить в свою «избранность» и общение с потусторонними силами, но скорее всего, этот хитрец и фокусник использовал различные трюки для того, чтобы убедить своих суеверных соотечественников в «божественном предопределении» создания Британской империи и колонизации Нового Света. Елизавета с готовностью подхватила эту игру в оккультизм и мистицизм, так как он помогал ей в реализации экспансионистских замыслов.

Как считают британские историки, величайшим наследием Ди является его важнейшая роль в превращении Британии в могущественную морскую державу. «Ди стал ярчайшей фигурой в генезисе Британской империи», – пишет историк У. Шерман¹². Именно ему приписывают изобретение самого термина «Британская империя». Ди играл видную роль в планах колонизации Нового Света, наряду с главой елизаветинского правительства У. Сесилом (бароном Берли), мореплавателями (и пиратами) Дж. Дейвисом и А. Гилбертом, путешественником, придворным (и также пиратом) У. Рэли.

У него был продвинутый долгосрочный план создания новой (а скорее, в рамках его историософии, «восстановления древней») Британской империи, которая смогла бы сравниться по могуществу с Испанской империей и папством и в отдаленной перспективе вытеснить и даже заменить их в роли мирового гегемона.

С подачи Ди в Англии вышли работы Дж. Пекхэма и Р. Хаклейта, в которых легендарные события древней истории бриттов и англов трактовались как реальные и на этом основании утверждался приоритет английской монархии перед испанской на колонизацию Нового Света¹³.

«Имперскую эстафету» в отношении Нового Света подхватил во времена Якова I его лорд-канцлер Френсис Бэкон (1561–1626). В «Новом Органоне» (1620) и «Новой Атлантиде» (1626) он на первое место в колонизации Нового Света поставил уже не оккультизм и мистицизм, а научные познания, отметив ведущую роль книгопечатания, пороха (огнестрельного оружия) и магнита (компаса), «ибо эти три открытия изменили весь облик и положение вещей во всем мире: первое – в литературе, второе – в военном деле, третье – в мореплавании, откуда последовали бесчисленные перемены, настолько великие, что ни одна империя, ни одна религия, ни одна звезда не может сравниться по силе и влиянию на человечество с этими механическими изобретениями»¹⁴.

Бэкон горячо ратовал в парламенте за основание колоний и принимал руководящее участие в разработке планов колонизации Вирджинии, а позднее – Ньюфаундленда. Наряду с компаниями по колонизации захваченных территорий быстро росли торговые компании.

¹¹ Yates 1978, XII.

¹² Sherman 1997, 187–188.

¹³ Hakluyt 1583.

¹⁴ Bacon 1858, 114.

Большинство компаний возникло при непосредственном участии Бэкона, он в качестве лорда – хранителя печати скреплял патенты на те или иные монополии, а в качестве лорда-канцлера формировал политику в этой области и давал разрешение на создание новых компаний. Как никто иной он знал о лихорадочной атмосфере быстрого обогащения, охватившей политическую и государственную элиту британского общества. Бэкон состоял пайщиком в нескольких компаниях и не отказывался от взяток (причем для чиновников той эпохи было принято получать их от всех соперничающих сторон). В итоге, пройдя через унижительный судебный процесс и отлучение от двора, Бэкон провел остаток жизни в своем имении, занимаясь литературной и научной деятельностью.

Основные работы философа, как очевидно при их анализе, непосредственно связаны с его практикой апологета насильственных методов создания и упрочения Британской империи. В «Опытах» («О колонизации») он с увлечением рисует программу захвата новых колоний и эксплуатации их сырьевых богатств в интересах растущего класса английской буржуазии и нового дворянства (джентри). Понимая, что такая политика колонизаторов неизбежно должна натолкнуться на сопротивление местного населения, Бэкон рекомендует: «Что до управления (колониями), то пусть оно будет в руках одного человека, а при нем должен быть совет, и пусть управление будет военным». Именно этот вариант использовался в последующие десятилетия колониальной экспансии¹⁵.

Понятия «новизны» («Новый Органон», «Новая Атлантида») и новаторства в работах Бэкона непосредственно связаны с открытием и эксплуатацией Нового Света. Для него это и реальная колонизация открытых земель, и метафора «нового света» знаний, которая связана с развитием науки. «Новый Свет» отождествляется со скрытыми сферами природы, которые существуют за горизонтом обыденных понятий, вне узких рамок этого «внутреннего моря», по которому человек совершает свою «навигацию» по старинке, наощупь, с помощью лишь своих непосредственных органов чувств. «Компас» в данной аллегории представляет собой новые практические подходы и новые методы научных исследований, используемых для открытия и покорения этих неизведанных доселе сфер. Скрытые от науки области природы описываются философом как «дикая местность», «пустошь», «чащоба», «дебри» – места, где в лучшем случае проложены извилистые и запутанные тропинки, где нет человеческого жилья, где можно легко заблудиться. Эти места существуют как на географическом, так и на интеллектуальном глобусе¹⁶.

Для Бэкона открытие Нового Света представляло собой решительный разрыв с многовековыми традициями мышления, которые сформировались прошлым опытом и рамками этого опыта. При описании Америки он подчеркивает прежде всего положительный опыт торговли и накопления (хотя и не отрицает необходимости в определенных обстоятельствах завоевания и колонизации), отмечая, что запас эмпирических знаний увеличился благодаря открытию множества народов Нового Света. Для него это стало примером того, как прирост новых знаний может способствовать глубокому преобразованию мира.

Концепция «человеческой империи», иначе говоря, полновластия людей (прежде всего, естественно, англичан) над природой и захваченными колониальными владениями, в еще более полном виде содержится в труде Бэкона «Новая Атлантида», своеобразной технократической утопии, которая была опубликована уже после смерти автора. Центральный персонаж Зеведей утверждает, что рабство, истребление и превентивная война оправданны в ряде случаев, когда используются против народа, «который на самом деле представляет собой не народ, а просто кучу, множество, толпу, беспорядочную массу или скопление людей». То есть когда «люди на самом деле не организованы в нацию или государство, а существуют как стадо животных»¹⁷.

Экспансия империи и политическое господство над аборигенами оправданно, когда оно ведется для установления гражданского правления и «естественного права» в тех местах, где

¹⁵ Бэкон 1954, 108.

¹⁶ Васон 1878, 39–41.

¹⁷ Васон 1859, 29, 31, 36.

побежденные люди «подобны животным или безмозглому телу, неспособному управлять своими действиями». Там, где есть «бесформенная куча людей» (heap of people), даже называющих себя «королевством» или «государством», но совершенно не способных или не желающих устанавливать политический порядок, там всегда есть справедливая причина войны для другой нации, которая является достаточно «гражданской или политизированной (policed), чтобы подчинить их своей власти»¹⁸.

Бэкон дал новое, «научное» и теологическое, обоснование британской имперской идеологии: открытие Нового Света и территориальное расширение европейских империй представляется не столько аналогией, сколько необходимым условием для развития наук и расширения господства человека над природой. Получалось, что открытие (и завоевание) все новых областей материального мира является признаком и условием раскрытия «интеллектуального глобуса». Если порох и компас являются примерами того, что может произвести «Новый Органон», то колонизация Нового Света – это не просто образ «человеческой империи», а неотъемлемый фундамент расширенной и «теоретически обоснованной» концепции Британской империи. И в этой империи не предполагается никакая жалость или снисхождение к местному населению, которое приравнивается к животным по причине того, что оно «преступно искажает образ Божий».

Литература / References

- Бэкон 1954 = *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления, нравственные и политические. М., 1954.
Bacon F. Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya, нравственные и политические [Bacon F. The New Atlantis. Experiments and Instructions, Moral and Political]. Moscow, 1954.
- Мор 1935 = *Мор Т.* Утопия. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. М.; Л., 1935.
Mor T. Utopia. Zolotaya kniga, stol' zhe poleznaya, kak zabavnaya, o nailuchshem ustroystve gosudarstva i o novom ostrove Utopii [Utopia. A Little, True Book, not Less Beneficial than Enjoyable, about How Things Should be in a State and about the New Island Utopia]. Moscow; Leningrad, 1935.
- Bacon 1878 = *Bacon F.* The Works of Francis Bacon. Vol. 1. NY, 1878.
- Bacon 1858 = *Bacon F.* The Works of Francis Bacon. Vol. 4. L., 1858.
- Bacon 1859 = *Bacon F.* The Works of Francis Bacon. Vol. 7. L., 1859.
- Behrman 1977 = *Behrman C. F.* Victorian Myths of the Sea. Athens (Ohio), 1977.
- Corrigan, Sayer 1985 = *Corrigan P., Sayer D.* The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution. Oxford, 1985.
- Davies 1993 = *Davies R.* The English State and the «Celtic Peoples», 1100–1400 // Journal of Historical Sociology. 1993. Vol. 6. P. 1–14.
- Frost 1992 = *Frost A.* Old Colonisations and Modern Discontents: Legacies and Concern // Proceedings of the Inaugural Conference of The Samuel Griffith Society. Vol. 2. Melbourne, 1992. P. 116–126.
- Gillingham 1987 = *Gillingham J.* Images of Ireland: 1170–1600: The Origins of English Imperialism // History Today. 1987. Vol. 37, No. 2. P. 16–22.
- Gillingham 1992 = *Gillingham J.* The Beginnings of English Imperialism // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. P. 392–409.
- Gómez Rivas 2018 = *Gómez Rivas L. M.* La Utopía Americana del obispo de Michoacán don Vasco de Quiroga: Espiritualidad y economía en los pueblos-hospital // Revista Librosdelacorte. 2018. No. 16. P. 156–171. DOI: 10.15366/lc2018.10.16.006.
- Hakluyt 1582 = *Hakluyt R.* Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. (1582). L., 1972.
- Hakluyt 1589 = *Hakluyt R.* The principall nauigations, voiages, and discoueries of the English nation: made by sea or ouer land to the most remote and farthest distant quarters of the earth at any time within the compasse of these 1500 yeeres: devided into three severall parts... the first conteining the personall travels of the English into Iudea, Syria, Arabia... the second comprehending the worthy discoveries of the English towards the north and northeast by sea as of Lapland... the third and last including the English valiant at-

¹⁸ Bacon 1859, 29.

- tempts in searching almost all the corners of the vast and new world of America: whereunto is added the last most renowned English navigation, round about the whole globe of the Earth. London, 1589.
- Hechter 1975 = *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. L., 1975.
- Kearney 1989 = *Kearney H.* The British Isles: A History of Four Nations. Cambridge, 1989.
- Martínez Estrada 1963 = *Martínez Estrada E.* El nuevo mundo, la isla de Utopía y la isla de Cuba // Cuadernos Americanos. 1963. Vol. 127, No. 2. P. 89–122.
- Pagden 1995 = *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500–1800. New Haven, 1995.
- Peckham 1583 = *Peckham G.* A True Report of the late Discoveries of the Newfound Landes. L., 1583.
- Ramos 1982 = *Ramos P. D.* Las Variaciones ideológicas en torno al descubrimiento de América. Valladolid, 1982.
- Sherman 1997 = *Sherman W.* John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. Amherst, 1997.
- Sherwin 1917 = *Sherwin P. F.* Some Sources of More's Utopia // Bulletin of the University of New Mexico. 1917. No. 88. P. 168–191.
- Strosetzki 1990 = *Strosetzki C.* Utopie de Thomas More: une réponse au débat sur le Nouveau Monde? / Moreana. 1990. Vol. 27, No. 101/102. P. 5–24.
- Yates 1978 = *Yates F. A.* The Rosicrucian Enlightenment. Boulder, 1978.

DOI: 10.55000/MCU.2021.45.86.007

У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АНГЛИИ

Т. Л. Лабутина

Институт всеобщей истории РАН

Москва, Россия

tlabutina2007@yandex.ru

В статье автор обращается к дискуссионной в исторической науке проблеме – возникновению ранних политических партий в Англии во второй половине XVII века и становлению двухпартийной системы на рубеже XVII–XVIII веков. На основе анализа произведений современников эпохи – известных деятелей просветительского движения Г. Болингброка, Дж. Свифта, Д. Дефо, Р. Стиля, Дж. Аддисона, маркиза Галифакса делается вывод о существовании в указанный период партий тори и вигов и их борьбе за власть. Ранние политические партии заметно различались с теми, которые существуют в современном мире. В то же время нельзя сбрасывать со счетов атрибуты, одинаково присущие ранним и современным партиям (партийная пресса, клубы, партийная пропаганда во время избирательных кампаний, деятельность идеологов и партийных лидеров). В пользу существования двухпартийной системы в ту пору говорит и наличие как однопартийных, так и смешанных кабинетов министров. К началу XVIII века политические партии заняли прочное место в структуре государственного правления, а двухпартийная система сделалась неотъемлемой частью конституционного устройства Англии.

Ключевые слова: Англия, конец XVII – начало XVIII века, политические партии, тори, виги, двухпартийная система, просветители.

AT THE ORIGINS OF THE TWO-PARTY SYSTEM IN ENGLAND

T. L. Labutina

Institute of World History (Russian Academy of Sciences),

Moscow, Russia

tlabutina2007@yandex.ru

In the article, the author addresses the problem discussed in historical science – the emergence of early political parties in England in the second half of the XVIIth century and the formation of a two-party system at the turn of the XVII–XVIIIth centuries. Basing on the analysis of the works of contemporaries of the era – famous figures of the Enlightenment H. Bolingbroke, J. Swift, D. Defoe, R. Style, J. Addison, the Marquis of Halifax, author concludes that the Tory and Whig parties existed in this period and struggled for power. The early political parties were noticeably different from those that exist in the modern world. At the same time, it is impossible to discount the attributes that are equally inherent in early and modern parties (the party press, clubs, party propaganda during election campaigns, the activities of ideologists and party leaders). In favor of the existence of a two-party system at that time, the presence of both single-party and mixed cabinet ministers also speaks. By the beginning of the XVIIIth century, political gained a firm place in the structure of state government, and the two-party system became an integral part of the constitutional structure of England.

Keywords: England, late XVII – early XVIIIth century, political parties, Tories, Whigs, two-party system, enlighteners.

Основой государственно-политической системы развитых стран мира являются парламентаризм, институт выборов и политические партии. Исторические условия становления каждого государства диктовали свои правила их развития. Классическим и наиболее интересным является именно британский опыт эволюции парламентаризма, поскольку он заложил основы современной демократии, а двухпартийная политическая модель стала прототипом партийных систем многих стран мира.

Проблема формирования политических партий и становления двухпартийной системы в Англии на протяжении последних двух столетий оставалась в историографии одной из дискуссионных. До XX века практически ни один ученый не подвергал сомнению наличие

партий в конце XVII – начале XVIII в., а некоторые из них (Т. Б. Маколей, С. Кент, К. Фейлинг, Дж. Тревельян) утверждали, что партии либералов и консерваторов являлись прямыми «потомками» вигов и тори XVIII века. В XX веке отдельные историки (Л. Нэмир, Р. Уолкотт) начали оспаривать подобное утверждение. В начале XXI в. появилось несколько новаторских работ (Дж. Кларк, Б. Хилтон, Дж. Хоппит), авторы которых вступили в полемику со сторонниками либеральной и марксистской трактовки британской истории XVII–XVIII вв. Анализ дискуссии, развернувшейся в англоязычной историографии по проблеме ранних политических партий и становления двухпартийной системы, подробно осветили в коллективной монографии «Политические партии Англии», изданной в 2017 г., В. Н. Ерохин и А. А. Киселев¹.

Советские историки изучали проблему возникновения партий в контексте политической истории Великобритании, не уделяя ей особого внимания. И лишь в последние десятилетия ученые стали активно заниматься историей партий консерваторов, либералов, лейбористов XIX–XXI вв. (М. В. Жолудов, М. П. Айзенштат, Т. Н. Гелла, Е. О. Науменкова, А. Ю. Прокопов и др.)², когда в Англии уже существовала двухпартийная система. К истории ранних политических партий обращались немногие ученые. Проблема формирования ранних тори и вигов впервые была поднята нами в ряде работ³. О партиях середины – второй половины XVIII в. писали С. Б. Семенов и М. А. Ковалев⁴. В то время как вышеперечисленные историки отстаивают концепцию существования ранних партий в Англии в конце XVII – начале XVIII в., профессор А. Б. Соколов, следуя в фарватере ряда зарубежных историков (прежде всего Дж. Кларка), подвергает ее сомнению⁵.

Если в историографии еще продолжается дискуссия по поводу возникновения партий, то источники той эпохи содержат неопровержимые факты, подтверждавшие их наличие. Это касается прежде всего трудов деятелей Просвещения, которые не только выступали в качестве партийных идеологов, но и открыто заявляли о своей причастности к тори либо вигам. К примеру, известный журналист Ричард Стиль, выступая в палате общин, прямо заявлял: «Я виг и послан сюда (в парламент. – *Т. Л.*) этой партией»⁶. Насколько оправданны были подобные утверждения?

Формирование политических партий тори и вигов, предшественниц современных консерваторов и либералов, относится к периоду правления Карла II Стюарта (1660–1681). Политика правительства создавала и объединяла недовольных в среде имущих слоев. В рядах господствующих классов начинают обозначаться политические симпатии и антипатии, о чем можно судить по тому, как происходило обсуждение в палате общин парламента многих законопроектов⁷. Первоначально для обозначения политических группировок, образовавшихся в 1660-х – начале 1670-х годов использовались термины «Двор» и «Отечество» для того, чтобы показать степень приближенности к правительству. К концу 70-х годов эти названия стали обозначать уже эмбрионы политических партий: «правительственной» и «оппозиционной». С 1679 г. за партиями закрепляются более лаконичные имена: «тори» (кличка ирландских католиков-роялистов, данная их политическими противниками) и «виги» (название шотландских бунтовщиков-пуритан, сторонников Ковенанта). С тех пор эти названия прочно вошли в лексикон политической истории Великобритании.

В правление последних Стюартов, короля Вильгельма Оранского и королевы Анны (1689–1714), в политической жизни страны партии тори и виги стали играть заметную роль. Влияние партий, за которыми стояли победившие в Славной революции 1688–1689 гг. классы-собственники, сделалось столь ощутимым в жизни общества, что уже практически было невозможно представить управление страной без их участия. В арсенале буржуазных идео-

¹ Ерохин 2017; Киселев 2017.

² Айзенштат (ред.) 2017, 136–333.

³ Лабутина 1982, 80–192; Лабутина 1994.

⁴ Семенов 1995; Семенов 2008; Ковалев 2015; Ковалев 2016.

⁵ Соколов 2006, 167.

⁶ Steele 1714, 7.

⁷ Лабутина 1982, 121–192.

логов (деятели просветительского движения) стали появляться теории, оправдывавшие необходимость управления государством при помощи чередования партийных министерств, которые, по сути, узаконивали существование политических партий в государственной структуре правления⁸. Просветители, сделавшие свой выбор политической ориентации на основе социально-имущественного положения и примкнувшие к одной из партий, сделались защитниками и проводниками идей тори либо вигов. Как же они сами относились к партиям и двухпартийной системе?

Как это ни покажется странным, но ни в одном из произведений интеллектуалов той поры не найдется положительных оценок возникшего в обществе деления на партии. Напротив, многие из них выступали с осуждающими речами по поводу партийных распри. К примеру, журналист Р. Стиль высказывал опасения, что «неистовое партийное рвение», когда достигнет полной силы, способно привести к гражданской войне и кровопролитию в стране. Партийные распри, на его взгляд, не только разрушают добродетель и разум людей из-за «варварского» отношения одной партии к другой, но и вселяют в англичан враждебность, «растравливают их души, передавая эти чувства и предубеждения потомкам»⁹.

Нелестными эпитетами наделял политические партии маркиз Галифакс, который сам на протяжении ряда лет возглавлял деятельность вигов. В памфлете «Мысли и рассуждения о политике» он утверждал, что «партийная вражда разделила мир на два лагеря». Галифакс подчеркивал, что многие люди спешат присоединиться к одной из партий «торопливо», не вдаваясь в цели и задачи, которые ставят перед собой тори и виги. Некоторые попадают в ряды партии по незнанию, «лишь бы не остаться не у дел». В партии, как правило, никто не может высказать собственного мнения, все должны довольствоваться общепринятыми положениями. И хотя оппозиционная партия критикует администрацию, состоящую из представителей правящей партии, однако при этом она бывает озабочена не искоренением ошибок и злоупотреблением, ею совершенных, а лишь своекорыстными интересами¹⁰. Более всего Галифакса возмущало то, что партии выступали от лица народа. «Партии в государстве подобны пиратам, маскирующимся в фальшивые наряды, – писал он в трактате “Государственные принципы”. – Они выдвигают требования о народном благе, а в действительности преследуют свою реальную выгоду». На основании вышесказанного Галифакс заключал: партии «позорят всю Англию»¹¹.

Журналист Джозеф Аддисон обращал внимание на то, что в различных слоях общества Англии заметно активизировался интерес к политике. В одном из номеров журнала «Фригольдер» он писал: «Наш остров, который прежде называли нацией святых, теперь по праву можно назвать нацией государственных мужей. Почти каждый ее представитель, вне зависимости от возраста, профессии или пола, имеет собственный взгляд на министров и их правление»¹². Аддисон подчеркивал, что различные вопросы политики вызывали пристальный интерес у представителей всех слоев общества. Студенты университета, сельские йоме-ны, сквайры, мировые судьи – все интересовались политикой. Не отставали от мужчин и прекрасная половина человечества: едва ли отыскалась бы в королевстве хотя бы одна женщина, не наслышанная о противоречиях в церкви или государстве. И вот в этом «хорошо ориентирующемся в политике обществе» начались раздоры, вызванные партийными разногласиями, принадлежностью к той или другой партии. «Наши дети присоединяются к фракциям еще до того, как узнают, где правая рука, а где – левая, – с иронией писал Аддисон. – Они едва научились говорить, но слова «виги» и «тори» становятся их первыми в жизни. Еще в младенчестве они обучаются ненавидеть одну половину нации и овладевают всей злобой и яростью партии до того, как наберутся уму-разуму»¹³.

⁸ Лабутина 1994, 131–148.

⁹ Steele 1714, 115, 119.

¹⁰ Halifax 1912, 225–227.

¹¹ Ibid., 182, 226–227.

¹² Addison 1751, 302–303, 305.

¹³ Ibid., 302.

Аддисон отмечал, что в период политических кризисов партийная борьба вызывала «сильнейшее брожение» даже в умах слабого пола. «Во всем городе едва ли найдется особа, которая не почитала бы себя способной судить о сложнейших спорах, церковных и государственных, – свидетельствовал журналист. – Торговки устрицами убеждены в незаконности наших епископов, служанки же утверждают незыблемость их прав». Просветитель считал, что «партийное рвение» дам только «разжигает ненависть и партийные распри среди мужчин и лишает женщин природного очарования, которым они наделены от рождения»¹⁴.

Осуждая деления в обществе на партии и подчеркивая его губительные последствия для страны, почти все просветители предпочитали объявить о своей «внепартийности». Лорд Болингброк утверждал, что его взгляды «отличаются от рассуждений, как тори, так и вигов»¹⁵. Литератор Д. Дефо заявлял, что пишет свои памфлеты не ради вознаграждения или служения партии, а исключительно «ради общества». Свифт предпочитал выступать в роли миротворца спорящих сторон, а Аддисон прямо объявлял о своем нейтралитете. Чем же объяснялось стремление просветителей отмежеваться от партий и объявлять о своей «внепартийности»? Причин тому было немало. Прежде всего это опасения за личную безопасность, которое испытывали наиболее известные памфлетисты и журналисты, стоявшие на страже интересов той или другой партии и выступавшие в их поддержку на страницах оппозиционной прессы. К примеру, Дефо, находившийся на службе у торийского министерства, но продолжавший симпатизировать вигам, в конце концов лишился доверия обеих партий. «Два дня тому назад, – писал он в журнале «Ревю», – я одновременно получил два письма: одно от разъяренного вига, а другое – от разгневанного *якобита* (сторонника сына монарха Якова II Стюарта, приверженца католицизма и партии тори. – *Т. Л.*). Первый грозит повесить меня, когда его партия вновь придет к власти, а другой угрожает немедленным убийством»¹⁶. Серьезные опасения за свою безопасность высказывал также Дж. Свифт. Когда в 1710 г. возникла угроза смены торийского кабинета, для укрепления позиций которого просветитель немало сделал, Свифт был вынужден обратиться за помощью к государственному секретарю лорду Болингброку. «После обеда я отвел его в сторону, – вспоминал позднее Свифт, – и, напомнив о всех услугах, которые я им (министрам-тори. – *Т. Л.*) оказывал и за которые не просил никакого вознаграждения, полагая, что, по крайней мере, смогу рассчитывать на безопасность», просил послать за границу «до наступления перемен»¹⁷.

Не последнюю роль среди причин, заставлявших памфлетистов и журналистов объявлять о своей «внепартийности», играли также их меркантильные соображения. Так, Аддисон заявлял, что считает необходимым занимать нейтральную позицию, поскольку боится, что «потеряет все свое влияние, если опустится до оскорблений какой-нибудь из партий». Не исключено, что журналист опасался лишиться не только доверия своих читателей, сколько тех доходов, которые приносил ему журнал «Спектейтор».

Утверждения о «внепартийности» делались преднамеренно, на наш взгляд, еще и для того, чтобы просветители могли предстать в глазах общественного мнения независимыми журналистами или памфлетистами, способными выражать не чье-либо, но собственное мнение. В действительности их отношение к партиям зависело от того, чьи интересы они сами защищали. Как правило, те, кто поддерживал «денежные интересы» (Дефо, Стил, Аддисон, Галифакс), выступали с самыми лестными оценками партии вигов и проводимой ею политики. Те же, кому ближе были интересы «земельных людей» (Свифт, Болингброк), с явной антипатией отзывались о виггах и их принципах, нередко искажали цели этой партии, чтобы скомпрометировать ее в глазах общественного мнения, но при этом всячески восхваляя партию тори. Примечательно, что на эту особенность указал Аддисон, когда задавался вопросом, что приводило англичан в ряды той или иной партии. На его взгляд, большинство сограждан при выборе партии руководствовались полученным образованием и личной

¹⁴ Аддисон 1987, 92–93.

¹⁵ Болингброк 1978а, 208.

¹⁶ Defoe 1711, 339.

¹⁷ Свифт 1981, 252.

выгодой. Аддисон справедливо утверждал, что споры между партиями лишены какой-либо принципиальности и ведутся по преимуществу «из-за высших должностей в государственном правлении», а потому большинство правящей партии «в действительности согласно с мнением тех, кто пребывает в оппозиции»¹⁸. Аддисону удалось также подметить тот факт, что в основе партийных делений лежат «земельные» и «денежные интересы».

Следует отметить, что многие просветители указывали на общность интересов обеих партий. В высказываниях Дефо и Аддисона прозвучала мысль об идентичности целей – это прежде всего удовлетворение собственных меркантильных интересов, а также нежелание каких-либо изменений в государственном правлении. О том же говорил и Болингброк, подчеркивавший, что пришедшие к власти тори преследовали те же «материальные выгоды в личных и партийных интересах, что и виги»¹⁹.

Пожалуй, еще одно объединяло тори и вигов. Это использование обеими партиями народных масс в качестве своеобразного рычага давления в своей борьбе. В правление последних Стюартов резко возросла политическая активность не только высших и средних слоев Англии, но и низов. Дефо на страницах журнала «Ревю» писал: «Наши пахари толкуют о плохом управлении двора, а чернь распевает баллады и сочиняет пасквили против правительства, усматривая в налогах, войне и поведении министров злоупотребления»²⁰. Подобной активностью народных низов в своих целях пользовались обе партии. «Мы (виги) использовали толпу по разным поводам, направляя ее усилия на устранение каких-либо злоупотреблений. Но когда работа была закончена, то у черни в мыслях не оставалось ничего дурного», – с долей цинизма признавал Дефо²¹. В народных массах он усматривал более серьезную опасность для своей партии, нежели в политических противниках. И хотя тактически он допускал использование низов для того, чтобы одержать верх над партией тори, одновременно подтверждал, что с последней вигам удавалось легко достичь компромисса, если возникала необходимость «обуздания» стихии народных масс.

Из высказываний просветителей становилось очевидным, что в партийной борьбе отстаивались интересы исключительно имущих слоев, хотя идеологи партий утверждали, что защищают национальные интересы. Этот факт признавали даже некоторые лидеры партий. К примеру, Галифакс утверждал, что партии «выдвигают требования о народном благе, а в действительности преследуют свою реальную выгоду»²². Между тем большинство просветителей продолжало пропагандировать идею о том, что тори или виги (в зависимости от того, к какой партии примыкал сам идеолог) выражают интересы всех слоев общества и ведут борьбу ради их блага. При этом они стыдливо умалчивали, что под «благом народа» подразумевали исключительно благо буржуа и «новых» дворян.

Поскольку в правление последних Стюартов в Англии происходил процесс становления двухпартийной системы, просветители не могли обойти своим вниманием проблему партийной оппозиции. Наиболее подробно данный вопрос был освещен лордом Болингброк. К размышлениям о необходимости создания партийной оппозиции в управлении страной просветитель обратился, когда оказался в эмиграции во Франции после воцарения на английском престоле в 1714 г. короля Георга I Ганновера. Современные партии представлялись ему «убогими червями земли», которые способны «отравлять ядом все вокруг». Излюбленные темы дискуссий партий – «подкуп и зависимость». Партии «ратуют за первое как за средство правления, достойное похвалы, и за второе – я имею в виду продажное, скрытое прихлебательство – как за неотъемлемую часть нашей конституции», – писал Болингброк в «Рассуждении о партиях»²³. В качестве противодействия подобным негативным явлениям просветитель предлагал создать оппозиционную партию. Подробно данный вопрос был рас-

¹⁸ Addison 1894, 45.

¹⁹ Bolingbroke 1787, 13.

²⁰ Wilson 1830a, 394.

²¹ Wilson 1830b, 134.

²² Halifax 1912, 182.

²³ Болингброк 1978b, 182.

смотрен им в работе «Письма о патриотизме». «Все, кто стремится к разрушению конституции, кто преследует лишь честолюбием и корыстолюбием, жаждет власти и личного обогащения, следует оказывать сопротивление, пока это еще возможно, и они окончательно не погрязли в пороках», – писал Болингброк. Для этой цели необходимо создание оппозиции. Он считал создание оппозиции плохому правлению долгом каждого честного человека и был уверен, что та партия, которая «оппозиционна и действует систематически... с легкостью достигнет поставленной цели»²⁴.

Важным в рассуждениях Болингброка представлялся вывод о том, что с помощью партийной оппозиции можно добиться одновременно двух целей: «связать» действия верховного правителя и поставить заслон против стихии масс, способной привести к гражданской войне. Таким образом, партийная оппозиция являлась своеобразным детонатором, препятствующим установлению тирании правителя, с одной стороны, и наступлению хаоса и анархии – с другой.

Обращение просветителей к проблеме партий и партийной оппозиции подтверждало, что в тот исторический период классы, формировавшие эти партии, приобрели значительный вес в государственной и общественной жизни страны. После Славной революции в Англии вступили в бой «земельные» и «денежные» интересы. Их представители одинаково нуждались в поддержке и помощи партий, поэтому идеологи тори и вигов в равной мере отстаивали цели и задачи соответствующих классов. Наличие двухпартийной системы в значительной степени облегчало правление буржуазии и обуржуазившегося дворянства, попеременно открывая доступ к правлению представителям «земельных» и «денежных» интересов. Разумеется, ни о каком принципиальном характере партийной оппозиции в тот период говорить не приходится.

Конечно, невозможно отождествлять ранние политические партии Англии с теми, которые существуют в современном мире. Ранние партии не были массовыми, их члены не платили взносов, случалось, что они переходили из одной партии в другую. В то же время нельзя сбрасывать со счетов атрибуты, одинаково присущие ранним и современным партиям. Это наличие партийной прессы, партийных клубов, активной партийной пропаганды во время избирательных кампаний, деятельность идеологов и партийных лидеров, а также следование рядовых членов их поручениям (написание памфлетов и статей). В пользу двухпартийной системы в ту пору говорит и наличие однопартийных или смешанных кабинетов министров. Таким образом, в споре о двухпартийной системе в Англии в начале XVIII века, на наш взгляд, вполне можно поставить точку. Именно с той поры политические партии заняли прочное место в структуре государственного правления, сделались неотъемлемой частью конституционного устройства Англии.

Литература / References

- Аддисон 1987 = *Аддисон Дж.* Эссе из журнала «Фригольдер» // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987. С. 88–94.
Addison J. Esse iz zhurnala «Frigol'der» [The Essay from the Frigolder Magazine] // Angliia v pamflete. Angliiskaya publicisticheskaya proza nachala XVIII veka [England in a lampoon. English publicist prose of the beginning of the XVIIIth century]. Moscow, 1987. P. 88–94.
- Айзенштат (ред.) 2017 = Политические партии Англии. Исторические очерки: монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной / под ред. М. П. Айзенштат. СПб., 2017.
Politicheskiye partii Anglii. Istoricheskiye ocherki [Political Parties of England. Historical essays: monograph in honor of Tatyana Leonidovna Labutina / Ed. by M. P. Ayzenshtat. St. Petersburg, 2017.
- Болингброк 1978а = *Болингброк Г.* Идея о Короле-Патриоте // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 197–239.
Bolingbroke H. Idea o korole patriote [The idea about the Patriotic King] // Bolingbroke. Pisma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters on studying and advantage of history]. Moscow, 1978. P. 197–239.

²⁴ Bolingbroke 1757, 22, 62.

- Болингброк 1978b = *Болингброк Г.* Рассуждение о партиях // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 165–196.
Bolingbroke H. Rassujdenia o partiayah [Reasoning on Parties] // Bolingbroke. Pisma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters on Studying and Advantage of History]. Moscow, 1978. P. 165–196.
- Ерохин 2017 = *Ерохин В. Н.* Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII – начале XIX в.: историографический очерк // Политические партии Англии. Исторические очерки: монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной. СПб., 2017. С. 16–30.
Yerokhin V. N. Politicheskiye partii i obshchestvo v Velikobritanii v kontse XVII – nachale XIX v.: istoriograficheskiy ocherk [Political parties and society in Great Britain at the end of XVIIth – the beginning of the XIXth centuries: Historiography sketch] // Politicheskiye partii Anglii. Istoricheskiye ocherki: monografiya v chest' Tat'yany Leonidovny Labutinoy [Political parties of England. Historical sketches: monograph in honor of Tatyana Leonidovna Labutina]. St. Petersburg, 2017. P. 16–30.
- Киселев 2017 = *Киселев А. А.* Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии // Политические партии Англии. Исторические очерки: монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной. СПб., 2017. С. 31–42.
Kiselev A. A. Problema formirovaniya angliyskoy dvukhpartiynoy sistemy v istoriografii [Problem of Formation of the English Two-party System in a Historiography] // Politicheskiye partii Anglii. Istoricheskiye ocherki: monografiya v chest' Tat'yany Leonidovny Labutinoy [Political parties of England. Historical sketches: monograph in honor of Tatyana Leonidovna Labutina]. St. Petersburg, 2017. P. 31–42.
- Ковалев 2015 = *Ковалев М. А.* Партия тори в эпоху вигской олигархии в отечественной историографии // Британский мир. История Британии: современные исследования. М., 2015. С. 195–201.
Kovalev M. A. Partia tory v apohu vigskey oligarhii v otechestvennoy istoriografii [The Tory Party during an era of Vigskey Oligarchy in a Russian Historiography] // Britanskiy mir. Istorია Britanii: Sovremennyye issledovaniya [The British World. History of Britain: Modern Researches]. Moscow, 2015. P. 195–201.
- Ковалев 2016 = *Ковалев М. А.* Парламентские партии середины XVIII века в представлениях теоретиков консервативной оппозиции (Г. Болингброк, Д. Юм) // Британский парламент вчера и сегодня. М., 2016. С. 169–177.
Kovalev M. A. Parlamentskiye partii serediny XVIII veka v predstavleniyakh teoretikov konservativnoy oppozitsii (G. Bolingbroke, D. Yum) [Parliamentary Parties of the middle of the XVIIIth Century in Representations of Theorists of Conservative Opposition (H. Bolingbroke, D. Hume)] // Britanskiy parlament vchera i segodnya [The British Parliament Yesterday and Today]. Moscow, 2016. P. 169–177.
- Лабутина 1982 = *Лабутина Т. Л.* Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.). М., 1982. 207 с.
Labutina T. L. Politicheskaya bor'ba v Anglii v period Restavratsii Styuartov (1660–1681) [Political Struggle in England during the Restoration of Stuarts (1660–1681)]. Moscow, 1982. 207 p.
- Лабутина 1994 = *Лабутина Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения. М., 1994. 303 с.
Labutina T. L. U istokov sovremennoy demokratii. Politicheskaya mysl' angliyskogo Prosveshcheniya. [The Origins of Modern Democracy. Political Thought of the English Enlightenment]. Moscow, 1994. 303 p.
- Свифт 1981 = *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981. 616 с.
Swift J. Dnevnik dlya Stelli [A Journal to Stella]. Moscow, 1981. 616 p.
- Семенов 1995 = *Семенов С. Б.* Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995. 115 с.
Semenov S. B. Politicheskiye vzglyady angliyskikh radikalov XVIII veka [Political Views of the English Radicals of the XVIIIth century]. Samara, 1995. 115 p.
- Семенов 2008 = *Семенов С. Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. 360 с.
Semenov S. B. Radikal'noye dvizheniye i bor'ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroy polovine XVIII veka [The Radical Movement and Struggle for Parliamentary Reform in England in the Second Half of the XVIIIth century]. Samara, 2008. 360 p.
- Соколов 2006 = *Соколов А. Б.* Рецензия на книгу: Т. Л. Лабутина. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005 // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 167–169.

- Sokolov A. B.* Retsenziya na knigu: T. L. Labutina. Kul'tura i vlast' v epokhu Prosveshcheniya. M., 2005 [Review of T. L. Labutina's book. Culture and Power in the Age of Enlightenment. M., 2005] // *Voprosy istorii*. 2006. No. 7. P. 167–169.
- Addison 1751 = *Addison J.* The Free-Holder or Political Essay. London, 1751.
- Addison 1894 = *Addison J.* Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894.
- Bolingbroke 1787 = *Bolingbroke H.* Letters on the Spirit of Patriotism. London, 1787.
- Defoe 1711 = *Defoe D.* A Review. Vol. 8. London, 1711.
- Halifax 1912 = *Halifax.* The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax. Oxford, 1912.
- Steele 1714 = *Steele R.* A Speech Supposed to be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Parliament. L., 1714.
- Wilson 1830a = *Wilson W.* Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe, Containing a Review of His Writings and His Opinions upon a Variety of Important Matters Civil and Ecclesiastical. Vol. 2. London, 1830.
- Wilson 1830b = *Wilson W.* Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe, Containing a Review of His Writings and His Opinions upon a Variety of Important Matters Civil and Ecclesiastical. Vol. 3. London, 1830.

DOI: 10.55000/MCU.2021.52.80.008

ГЕНЕРАЛ ПАТРИК ГОРДОН И ПЕРВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД (1695 г.)

К. Н. Станков

*Институт Российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия
stankov11@yandex.ru*

Оказавшийся на русской службе шотландский генерал Патрик Гордон принимал активное участие в разработке и реализации военных планов в 1690-е гг. Статья посвящена неизученным вопросам взаимодействия главных действующих лиц русского командования во время Первого Азовского похода и роли П. Гордона в этих событиях.

Ключевые слова: Патрик Гордон, Петр I, Азовские походы, Османская империя, «Азовское сидение».

GENERAL PATRICK GORDON AND THE FIRST AZOV CAMPAIGN (1695)

K. N. Stankov

*Institute of Russian History (Russian Academy of Science),
Moscow, Russian Federation
stankov11@yandex.ru*

Scottish General Patrick Gordon, who served in the Russian army at the time, took an active part in the development and implementation of military plans in the 1690s. The article is devoted to the unexplored issues of the interaction of the main figures of the Russian command during the First Azov campaign and the role of P. Gordon in these events.

Keywords: Patrick Gordon, Peter I, the Azov Campaigns, the Ottoman Empire, “The Azov siege”.

В основу статьи легли материалы Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА), в частности документы Разрядного приказа за 1695 г.¹ и «Дневник» шотландского генерала русской службы Патрика Гордона. Вообще надо отметить, что воспоминания П. Гордона за 1695 г. являются самым полным и подробным описанием Первого Азовского похода. Данные делопроизводственных документов касаются главным образом различных частных этой кампании, а другие источники личного происхождения (как очевидцев, так и современников, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях), напротив, носят, как правило, общий характер. В то же время стоит отметить, что Второй Азовский поход, хотя и являлся более важным, менее подробно освещен в этом источнике, чем первая азовская кампания.

Генерал Патрик Гордон оф Охлухрис (1635–1699) являлся одним из лучших военных командиров в ранней петровской армии – периода, предшествовавшего Великой Северной войне. Происходил он из Шотландии и принадлежал к наиболее крупному и влиятельному клану Гордон, сыгравшему немалую роль в истории своей страны. Будучи самым младшим в роду, а также из-за угрозы религиозных преследований (он принадлежал к немногочисленной католической общине) со стороны пресвитерианского большинства населения страны Патрик, как и многие его соотечественники, решил искать счастья на континенте. Он прошел службу в лучших армиях своего времени – шведской и польской. В 1686 г. он предложил свою шпагу царю Алексею Михайловичу и вместе с группой шотландских офицеров приехал в Московию. Он отличился в Чигиринских и Крымских походах и исключительно благодаря личным заслугам возвысился в русской армии до чинов полного генерала и контр-адмирала флота. Участие в борьбе с османами позволила Гордону получить определенный опыт в во-

¹ РГАДА Ф. 210. Оп. 12. № 1406–1407.

енно-инженерном деле. П. Гордон был намного опытнее и способнее швейцарца Франца Лефорта – другого любимца Петра I.

В историографии давно ведутся споры о том, кто явился инициатором Азовских походов. Н. Г. Устрялов утверждал, что это был Петр I², С. М. Соловьев – Лефорт³, Т. Г. Таирова-Яковлева – И. С. Мазепа⁴, М. М. Богословский – Гордон и Лефорт⁵. Н. И. Павленко предполагает, что именно П. Гордон, а не Ф. Лефорт подал идею, что «не у Перекопа, а у стен Азова заложен успех в прекращении набегов крымцев на русские и украинские территории»⁶.

20 января 1695 г. в Москве было принято решение отправить русские войска на юг с целью овладения турецкой крепостью Азов, а 6 февраля на военном совете в Москве был принят план военной операции. В источниках не содержится сведений о присутствии Патрика Гордона на совете, однако, учитывая его опытность и близость к Петру I, можно предположить, что он принял в нем непосредственное участие⁷. 25 февраля по указу царей генерал Гордон был назначен командиром одно из трех военных дивизий, отправившихся под Азов⁸. В своем «Дневнике» шотландец называет ее «армией».

Зимой и в начале весны 1695 г. Гордон был занят подготовкой к предстоящему походу⁹. Под его началом было 8 тыс. человек, причем ядром дивизии был один из лучших русских полков иноземного строя – Бутырский¹⁰. В то же время в дивизию Гордона входило несколько стрелецких полков, отличавшихся более слабой дисциплиной и боеспособностью, на что Гордон неоднократно сетует в «Дневнике»¹¹.

Дивизия Гордона должна была идти в авангарде. 27 января ему было объявлено о начале сбора войск, а 7 марта он выступил в поход. Однако из-за погодных условий, в частности, сильного снега, движение остановилось. В связи с этим Гордон писал через Лефорта Петру I о невозможности продолжения похода: «Я должен остаться здесь до весны и травы»¹².

1 апреля генерал Гордон получил приказ соединиться с донскими казаками и принять меры к тому, чтобы сведения о походе не достигли турок. Однако калмыцкий хан Аюка, узнав по своим каналам о готовящейся операции, предупредил о ней крымцев¹³. На рубеже мая – июня 1695 г. Гордон со своими войсками подошел к окрестностям Азова и разбил укрепленный лагерь¹⁴.

Дивизии Лефорта и Головина выступили из Москвы только в середине мая¹⁵. 29 июня они прибыли на р. Койсуг, «от Азова в верстах семи мерных»¹⁶. Гордон намеревался «указать другим генералам удобное место для лагеря»¹⁷. Однако его советы не были приняты. Лефорт и Головин сами выбрали позиции, причем, как показали последующие боевые действия, весьма неудачно¹⁸.

1 июля Гордон, дивизии которого по приказу царя было придано еще три полка, двинулся непосредственно под стены Азова. В ходе этой передислокации на его войска напали крымские татары, в стычках с которыми, как это сообщает в письме Петру I князь-кесарь

² Устрялов 1858, 219–221.

³ Соловьев 1991, 507.

⁴ Таирова-Яковлева 2011, 11, 48, 256.

⁵ Богословский 2005, 201–202.

⁶ Павленко 2009, 13.

⁷ Устрялов 1858, 224.

⁸ РГАДА Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. № 4. Л. 258.

⁹ РГАДА Ф. 210. Оп. 12. № 1406. Л. 742–748; № 1407. Л. 196–197, 371–381; Гордон 2014, 319, 326.

¹⁰ Лефорт 2006, 157–158.

¹¹ Гордон 2014, 353.

¹² Там же, 331.

¹³ Там же, 334.

¹⁴ Там же, 351–352.

¹⁵ Там же, 29–30.

¹⁶ Там же, 35.

¹⁷ Хэрд, Некрасов 1997, 196.

¹⁸ Там же.

Ф. Ю. Ромодановский, солдаты Гордона показали примерную выучку и в ходе сражения обошлись без потерь. В тот же день генерал овладел двумя валами в окрестностях Азова¹⁹.

На военном совете, состоявшемся 14 июня, встал вопрос о дальнейших действиях. Большинство офицеров высказалось за то, чтобы подождать основные силы и только после этого начать блокаду Азова. Однако Гордон настоял на немедленных действиях имеющимися в наличии силами²⁰. 15 июня недавно прибывший Петр I произвел разведку устья Дона, а Гордон – на суше. Выяснилось, что гарнизон Азова с моря постоянно снабжался продовольствием и боеприпасами, а также новыми турецкими частями. Таким образом, уже с самого начала осады Азова генерал пришел к выводу, что без помощи морского флота крепость взять невозможно²¹.

К концу июня после множества проволочек и несогласованностей под Азов прибыли все русские дивизии²². Петр I, начальствовавший на военном совете, распределил участки между генералами, Гордону была предоставлена ключевая позиция – подчиненные ему силы заняли центр, справа от него расположился Головин, а слева – Лефорт²³. В ходе боевых действий генерал Гордон лично ходил в наступление и отбивал вылазки турецкого гарнизона. Причем, несмотря на паническое отступление русских солдат в ходе одной из вылазок турок, Гордон лично оставался на позиции во главе малочисленных храбрецов и успешно отбивал атаки османов²⁴. Во время первого «Азовского сидения» фактически именно Гордон руководил всеми окопными и инженерными работами, так как остальные командиры не были сведущи в этом деле²⁵. Кроме того, благодаря успешным действиям артиллерии на центральной позиции, которая находилась в ведении Гордона, удалось нанести значительный урон Азовской крепости, в то время как деятельность Лефорта и Головина была гораздо менее результативной²⁶.

Гордон сталкивался с противодействием остальных двух генералов: Лефорта и Головина²⁷. Как отмечает американский историк Р. Мэсси, они «ревниво относились к превосходящему военному опыту генерала Гордона и были склонны объединяться на советах, чтобы превзойти ветерана-шотландца»²⁸. Эта точка зрения подтверждается замечанием М. М. Богословского, что уже в начале осады Гордон выступил с развернутым планом действий, однако из него был одобрен на военном совете лишь один пункт. Но его принятие, не учитывавшее всей совокупности мер, не имело смысла, что подтвердилось последующими событиями²⁹. Другими проблемами, с которыми сталкивался Гордон, были слабая дисциплина солдат, недостаточная подготовка офицеров, нерадение стрельцов, не рвавшихся в бой и не желавших, чтобы их использовали для окопных работ.

Как следует из «Походного журнала» 1695 г. основные вылазки азовским гарнизоном проводились на позиции Гордона и Лефорта, причем Гордон часто приходил на помощь последнему³⁰, о чем женевец умалчивает в своих письмах на родину, ссылаясь лишь на помощь Провидения в отбитых турецких атаках³¹.

Единственный военный успех русских войск, о котором, в частности, сообщает Петр I своему старшему брату-соправителю, – взятие двух каланчей, запиравших вход в устье Дона

¹⁹ Письма 1887, 35.

²⁰ Гордон 2014, 356.

²¹ Там же, 357–358.

²² Подробнее см.: Устрялов 1858, 228–232.

²³ Гордон 2014, 368.

²⁴ Там же, 370–371.

²⁵ Там же, 371–382, 385–388.

²⁶ Там же, 372.

²⁷ Там же, 374–376, 378–381, 395; Хэрд, Некрасов 1997, 197.

²⁸ Massie 1981, 140.

²⁹ Богословский 2005, 229–231.

³⁰ Хэрд, Некрасов 1997, 197.

³¹ Лефорт 2006, 163–164.

со стороны реки. Петр I приписывает эту победу себе³², а Н. Г. Устрялов – мужеству донских казаков³³, в действительности она принадлежит умелому руководству генерала Гордона и храбрости его солдат³⁴.

В источниках сообщается о мощной вылазке турок против позиций Гордона 15 июля. К чести Гордона Лефорт пишет: «Моему шурина Гордону не повезло, но не до такой степени, как пишут в “Курантах”», «он потерял 9 пушек, несколько знамен и несколько больших заклепанных пушек»³⁵. Между тем в своем «Дневнике» П. Гордон отмечает, что бой был проигран не столько из-за неумелого командования, сколько из-за недисциплинированности его солдат, которые в момент вылазки турок «в смятении бежали через траншеи мимо редута, где стояли орудия... в таком беспорядке и паническом ужасе, подобных коим я никогда не видал»³⁶. В этом году едва не погиб сам Гордон³⁷.

15 августа, как сообщается в «Походном журнале» Петра I, русскими войсками был предпринят генеральный штурм Азова, против чего всячески выступал Гордон, видя недисциплинированность солдат, неопытность и малое число отряженных на дело офицеров, а также нежелание наступающих пользоваться штурмовыми лестницами, заранее приготовленными по приказу Гордона. Как и предупреждал генерал, атака закончилась полным провалом. Русские потери составили более двух третей рядового состава³⁸. Как сообщает сам Гордон, если накануне «не было иных речей, как о штурме и взятии города», то после неудачного штурма на военном совете «не было ничего, кроме скорбных взоров и мрачных лиц»³⁹.

25 сентября 1695 г. последовал второй штурм русскими Азова, в котором на этот раз принял активное участие генерал Гордон, однако и этот штурм оказался неудачным.

12 октября, видя бесперспективность дальнейшей борьбы и ожидая смены сезона, русские войска снялись с лагеря и отправились на зимние квартиры. Генералу Гордону было дано ответственное поручение командовать арьергардом и отбивать многочисленные наскоки на русские войска крымской конницы⁴⁰.

Таким образом, Патрик Гордон внес значительный вклад в пусть и неудачный, но все же снабдивший петровские войска боевым опытом Первый поход на Азов в 1695 г. Безусловно, ключевая роль здесь принадлежит царю Петру I, однако царь во многом опирался на советы и действия своего «шкоцкого» генерала как наиболее талантливого из всех военачальников русской армии того времени. В этом случае имел значение огромный опыт Гордона, который тот получил в ходе обороны Чигирина в 1678 г., когда он подробно изучил действия османов, обладавших в то время лучшими инженерными войсками. Сказалась также служба шотландца в других военных кампаниях в составе шведской, затем польской и русской армии. Наконец, именно «Дневник» П. Гордона является наиболее полным источником по истории Первого Азовского похода.

Литература / References

Богословский 2005 =

Богословский М. М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1. М., 2005. 535 с.

Bogoslovskii M. M. Petr Velikiy: materialy dlya biographii [Peter the Great: the Materials for the Biography. In 6 vols.]. Т. 1. Moscow, 2005. 535 p.

³² Письма 1887, 38.

³³ Устрялов 1858, 235, 237.

³⁴ Гордон 2014, 376.

³⁵ Там же, 164.

³⁶ Там же, 377.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, 384–387.

³⁹ Там же, 387.

⁴⁰ Там же, 407–414, 416–424.

- Гордон 2014 = *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. М., 2014. 618 с.
Gordon P. Dnevnik, 1690–1695 [The Diary, 1690–1695]. Moscow, 2014. 618 p.
- Лефорт 2006 = *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов. М., 2006. 568 с.
Lefort F. Sbornik materialov i documentov [The Transactions of materials and Documents]. Moscow, 2006. 568 p.
- Письма 1887 = Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 / сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1887. 457 с.
Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [the Letters and Papers of the Emperor Peter the Great]. Vol. 1. St. Petersburg, 1887. 457 p.
- Павленко 2009 = *Павленко Н. И.* Лефорт. М., 2009. 232 с.
Pavlenko N. I. Lefort [Lefort]. Moscow, 2009. 232 p.
- Соловьев 1991 = *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 7. Т. 14. М., 1991. 701 с.
Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. [The Works. In 18 vols. Vol. 7. Vol. 14]. Moscow, 1991. 701 p.
- Таирова-Яковлева 2011 = *Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М., 2011. 525 с.
Tairova-Yakovleva T. G. Ivan Mazepa i Rossiyskaya Imperiya: istoriya “predatelstva” [Ivan Mazepa and the Russian Empire: the History of the “Betrayal”]. Moscow, 2011. 525 p.
- Устрялов 1858 = *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: в 6 т. Т. 2. СПб., 1858. 405 с.
Ustryalov D. G. Istoria tzarstvovaniya Petra Velikogo: v 6 t. T. 1 [The History of the Rule of Peter the Great. In 6 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, 1858. 405 p. (in Russian)
- Хэрд, Некрасов 1997 = *Хэрд Г., Некрасов А. М.* Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I // Исторический архив. 1997. № 3. С. 195–205.
Herd G., Nekrasov A. M. Britanskiy istochnik XVIII s. ob Azovskih pohodah Petra I [The British Source of XVIII c. about the Azov Campaign of Peter I] // Istoricheskiy Arhiv [Historical Archives]. 1997. № 3. P. 195–205.
- Massie 1981 = *Massie R. K.* Peter the Great. His Life and His World. NY, 1981. 543 p.

DOI: 10.55000/MCU.2021.90.39.009

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА АНГЛИИ XVIII ВЕКА***Е. А. Куцева***

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия
eakuceva@mail.ru*

В XVIII веке Англия становится одной из самых читающих стран в Европе, количество публикаций растет, как в Лондоне, так и в провинции. Развитие книжной торговли было связано с повышением грамотности населения, что стимулировало рост спроса на печатную продукцию. Периодические издания активно развивались, появлялись новые их виды и жанры (обзоры, ежедневные издания). Повышению спроса также способствовало развитие рекламы и обострение политической борьбы в стране. Отмена предварительной цензуры 1695 г. и Статут королевы Анны 1710 г. сыграли важную роль в формировании английской книжной культуры XVIII века, последний заложил основу авторского права в Англии. В статье исследуется организация книжного рынка в Англии XVIII века, анализируется развитие авторского права, особенности книгоиздания, проблема пиратства или нарушения авторских прав, создание системы библиотек.

Ключевые слова: книжная культура, Англия XVIII века, книгоиздание, книготорговля, отмена цензуры, статут королевы Анны, пресса, библиотеки.

THE BOOK CULTURE IN ENGLAND IN XVIIIth CENTURY***E. A. Koutseva***

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
eakuceva@mail.ru*

In the XVIIIth century England becomes one of the most reading countries in Europe, the number of publications is growing, both in London and in the provinces. The development of the book trade was due to an increase in literacy of the population, which stimulated an increase in demand for printed products. Periodicals are actively developing, new types of printed publications and new genres (reviews, daily editions) appear. The rise in demand also contributed to the development of advertising and intensification of political strife in the country. The abolition of preliminary censorship in 1695 and the Statute of Queen Anne of 1710 were significant for the formation of English book culture in the XVIIIth century, the latter laid the foundation for copyright in England. The article examines the organization of the book market in England in the XVIIIth century, analyzes the development of copyright, features of book publishing, the problem of piracy or copyright infringement, the creation of a system of libraries.

Keywords: book culture, XVIIIth century England, publishing, bookselling, abolition of censorship, the statute of Queen Anne, press, libraries.

Англия XVIII века была одной из самых передовых стран, где развивалась книжная культура. Этот процесс обусловлен следующими факторами: промышленной революцией, урбанизацией, ростом грамотности английского населения, отменой цензуры, развитием авторского права и становлением институтов гражданского общества.

В целом на протяжении XVIII века можно говорить о росте населения Англии, и, хотя в первой половине века была заметна демографическая стагнация, во второй половине началось ускорение темпов демографического роста, при этом в Европе лидерами были именно Англия и Ирландия¹. В начале XVIII века более 10 % всего населения Англии жило в Лондоне, поэтому Лондон являлся крупнейшим центром книжной индустрии. К 1750 году население Лондона равнялось половине населения всей страны. Однако процесс урбанизации затронул всю Англию и количество горожан выросло по всей стране².

¹ Мокир, Фотх 2012, 61, 63.

² Raven 2001, 2.

Грамотность населения Англии начинает расти с XVII века, к началу георгианской эпохи (1714 г.) среди мужчин грамотными были 45 %, а среди женщин – 25 %. К концу века грамотность среди мужчин – составляла 60 %, а среди женщин – 40 %³.

Промышленная революция способствовала развитию производства, урбанизации, большую роль в обществе стал играть средний класс. Шел процесс формирования гражданского общества, «Славная революция» и Билль о правах 1689 г. создали основы для его дальнейшего развития. К этому времени складывается институт двухпартийности (тори – виги), а избирательные кампании, клубы и общества испытывали потребность в печатной продукции, где отражались общественные реалии и позиции разных групп⁴.

Периодическая печать развивается с конца XVII – начала XVIII в. В Англии первая газета Oxford Gazette стала издаваться в 1665 г., а в 1702 г. появилась первая еженедельная газета The Daily Courant, а свою популярность периодическая публицистика получила уже в XVIII в. с изданием The Tatler (1709), The Examiner (1710) и The Spectator (1711)⁵. Несмотря на то, что многие литераторы в журналах и газетах заявляли о своей нейтральной позиции в отношении партийной системы, они склонялись то к одной партии, то к другой. Позиция просветителя зависела от его личных предпочтений и интересов. Партию вигов будут поддерживать Д. Дефо, Р. Стил, Дж. Аддисон, выступая за интересы «денежных людей». Тори представляли Дж. Свифт и лорд Болингброк, тем самым показывая общность позиций с английскими землевладельцами⁶.

До 1710 г. вся печатная продукция в Англии издавалась на основе патентной системы. Патенты выдавались королем или королевой для опубликования различных произведений. Чтобы осуществлять тотальный контроль за быстро развивающейся и потенциально опасной сферой печати, власть установила особые отношения с Компанией издателей – гильдией, с 1557 года официально объединившей печатников, книготорговцев и переплетчиков, которые с готовностью сотрудничали с властью, поскольку это отвечало их экономическим интересам⁷.

Эта корпорация имела исключительные права на печатание книг, ей и передавалось право цензуры. При печатании книги нужно было ее включить в реестр корпорации и, заплатив пошлину, получить лицензию, то есть разрешение на печать. Королевская власть подтверждала права корпорации на выдачу лицензий⁸. В 1662 г. был введен закон о предварительной цензуре (Licensing Act). Частным лицам запрещалось печатать книги, если они не имели лицензии или не входили в Лондонскую компанию канцелярских товаров. Импорт книг должен был осуществляться только при наличии специальной лицензии. Запрещались печать за рубежом и импорт английских книг. Никто не должен был возводить печатный станок или дом, или сдавать помещения для печати, не уведомив об этом компанию. Ограничивалось количество учеников у печатника (не более трех), количество печатных прессов, которое может быть у печатника (три пресси). Чтобы иметь больше печатных станков, нужно было получить специальное разрешение лорда архиепископа Лондона или Кентерберийского архиепископа. Печатники должны были заказывать по три экземпляра каждой книги, по одному для Королевской библиотеки и по одному для каждого университета (Licensing Act 1662, 428–435).

В 1695 г. заканчивался срок действия акта и парламент не проголосовал за его продление, таким образом, была отмена предварительная цензура. Церковь и парламент по-прежнему контролировали печатные издания и часто наказывали автора за критику в адрес церкви или государства.

Многие авторы выступали в защиту авторских прав и свободы слова, а издатели требовали восстановление цензуры, чтобы бороться с несанкционированными изданиями. Они

³ Созинова 2020, 151.

⁴ Айзенштат, 2009, 71–79.

⁵ Иванова 2020, 73.

⁶ Лабутина 2017, 13.

⁷ Алябьева, 2005.

⁸ Верховя 2017, 17.

трижды подавали такие петиции в парламент – в 1703, 1706 и, наконец, 1709 году, приводя стандартный набор аргументов в защиту своей утраченной монополии⁹.

В 1704 г. Д. Дефо издает «Эссе о регулировании печати». Он отмечает важность печати для развития образования, нравственности и науки, предостерегая от серьезных ограничений на распространение прессы, но считая, что данная сфера нуждается в регулировании. Особенно необходимо регулирование в литературе, которая поднимает религиозные и морально-нравственные вопросы¹⁰.

В эссе он выдвигает ряд возражений против регулирования прессы путём выдачи лицензий:

1) орган, выдающий лицензию и политические силы, которые его контролируют, получают возможность скрывать от людей информацию и манипулировать общественным мнением;

2) будет расти коррупция, так как будут попытки подкупить чиновников, выдающих лицензии;

3) многие достойные произведения не будут опубликованы, так как могут не получить лицензию на печать, если они не понравятся лицензиару;

4) если будет произведён возврат к политике выдачи лицензий на печать, это будет расцениваться, во-первых, как ущемление английских свобод, а во-вторых, будет получаться так, что прежние жалобы на произвол с лицензиями были необоснованны, что может подтолкнуть правительство к пересмотру и других прежних решений¹¹.

Вместо лицензирования Дефо предлагает, с одной стороны, установить некие рамки, за которые нельзя выходить, а с другой, ввести санкции для авторов и издателей, которые пишут и публикуют неподобающие вещи, но наказывать их уже по факту¹².

Впрос о возобновлении цензуры поднимался в обществе и в парламенте, но в 1697 г. палата общин большинством голосов выступила против возобновления закона о цензуре¹³.

10 апреля 1710 г. принимается закон «О поощрении образования путем закрепления за авторами или приобретателями копий печатных книг прав на последние на время, устанавливаемое отныне», известный под названием «Статут королевы Анны»¹⁴.

Он закреплял ряд важных новшеств:

1. Правом на текст обладает автор. Он может продать своё право издателю на 14 лет, по истечении которых может оформить и продать права на второй срок (ещё на 14 лет), иначе произведение переходит в общественное достояние. Перед публикацией произведение нужно зарегистрировать в специальном списке. Все произведения, опубликованные до 1710 года, получали одноразовый 21-летний срок копирайта.

2. Требование передавать экземпляры произведения в библиотеки.

3. Статут королевы Анны требовал, чтобы авторы или владельцы прав регистрировали свои произведения в книге регистрации компаний-продавцов в качестве условия защиты. В соответствии с этим законом, если автор был жив, после 14 лет предоставленных исключительных прав, он получал продление авторского права еще на 14 лет. Как первый современный закон об авторском праве, Статут королевы Анны признал авторское право как право автора, что стало важным изменением в философии и праве (Copyright Act 1710). Таким образом, закон признавал произведение общественным достоянием спустя 28 лет после его опубликования.

Этот закон игнорировали не только издатели, но и судьи, которые рассматривали дела о пиратстве. Суды в таких делах оперировали общим правом, основанном на неприкосновенности частной собственности¹⁵.

⁹ Алябьева 2004, 27.

¹⁰ Defoe 1704, 3.

¹¹ Ibid., 4–5.

¹² Ibid., 14.

¹³ Лабутина, Ильин 2018, 95.

¹⁴ Верховова 2017, 17.

¹⁵ Алябьева 2004, 35.

На протяжении столетия отмечается рост печатных изданий. До 1700 г. около 1800 изданий выпускались ежегодно; к 1800 году их число превысило 6000. Средний темп роста количества публикаций составлял чуть более 2 % годовых в период между 1740 и 1800. С 1740 по 1780 год среднегодовые темпы роста составляли 1,5 %, с 1780 года до конца века этот показатель увеличился почти до 3,5 %¹⁶.

Появляются новые типы изданий: сатира, обозрения, нравоучительные журналы, ежедневные газеты. К концу XVIII века появляется новый тип издания для широкого круга читателей – «бук трейд» (book trade). С середины века книгоиздание активно распространяется в графствах Англии¹⁷.

Наблюдался быстрый рост количества региональной прессы, этому способствовал закон, разрешавший строить типографии вне пределов Лондона в неограниченном количестве. В XVIII веке в употребление вошло слово «газета». Растущий средний класс и стал основным потребителем печатной продукции (книги, газеты, журналы). Цены на книги и периодику были довольно высокими, но печатники боролись за удешевление своей продукции. Издатели открывали системы платных абонементов, чтобы небогатые читатели могли брать интересующие их издания напрокат¹⁸. Для привлечения читателей владельцы газет и журналов всё чаще используют иллюстрацию¹⁹.

В связи с развитием периодических изданий и спроса на книжные новинки появляется новый жанр в английской литературе – литературные обозрения, также шел процесс становления литературной критики. Важную роль в развитии литературной критики сыграл *Gentlemen journal* (1692–1694), где публиковались небольшие рецензии на книжные новинки. Следующим таким изданием стало *The Monthly Review* (1749–1815). Позднее был создан *Critical Review* (1756–1817), редактор которого ставил задачу честного рецензирования работ без покупных рецензий, которые проплачивались либо издателями, либо книготорговцами. Этот тип изданий стал очень популярен, так как позволял сэкономить и время, и деньги рядовых читателей и при этом помогал быть в курсе литературных новинок. Выдвигался принцип анализа издания с выделением достоинств и недостатков. Благодаря соперничеству этих двух журналов жанр литературной критики и литературные обозрения становились все обстоятельственными, а художественный уровень рецензий вырос, немалую роль в этом сыграли критики, бывшие известными литераторами, такие как Голдсмит и Смоллетт²⁰.

Основатель *The Monthly Review* Ральф Гриффитс создал жанр ежемесячного обзора, представив новый элемент во взаимоотношениях между авторами, продавцами книг и читателями, а рецензирование книг вскоре стало неотъемлемой частью книжного бизнеса²¹. В номере за февраль 1750 г. говорилось, что читатели должны составить собственное мнение, а журнал лишь помогает в этом: «Наша задача состоит в том, чтобы не входить больше в область критики, насколько это возможно. Совершенно необходимо дать некоторое представление [читателям] о таких книгах, которые попадают под наше рассмотрение, и мы ограничимся нашими обзорами и цитатами» (*The Monthly Review*. 1750. Vol. 2. P. 260).

В книжном деле начинают выделяться самостоятельные подразделения, такие как книгоиздание, книгопроизводство и книготорговля.

Если говорить о книгоиздании, то, несмотря на развитие издательского дела в Англии, термин «издатель» (publisher) только в XVIII веке стал повсеместно употребляться и вошел в профессиональную терминологию. Традиционно издатели могли одновременно быть и книготорговцами. Так, Джон Дартон как известный книготорговец вел переговоры с авторами, заключал договоры и занимался вопросами публикации, выполняя и издательские функции. Ряд книготорговцев одновременно были печатниками и переплетчиками, примерами могут

¹⁶ Raven, 2001, 2.

¹⁷ Шомракова 2005, 88.

¹⁸ Созинова 2020, 154.

¹⁹ Коровкина 2005, 13.

²⁰ Поляков 2005, 97–99.

²¹ Forster 2001, 171–172.

служить издатели конца XVII – начала XVIII века Ричард Болдуин (1681–1698) и Джейкоб Тонсон II (1700–1735)²². В «Циклопедии, или Универсальном словаре искусств и наук» 1750 г. (изданная Э. Чемберсом в 1728 г. и переиздаваемая в Англии на протяжении столетия, созданная как обобщающая работа, содержащая все современные на тот момент знания по разным областям) нет специальной статьи, посвященной издателю, хотя в статье «книготорговец» выделяются мелкие розничные торговцы книг и издатели – паблишеры (publishers) (Cyclopaedia 1750).

Об издательской деятельности можно найти у Дж. Свифта в его «Сказке о бочке». Так, в апологии от автора пишется: «Если бы опубликование рукописи было доверено автору, он произвёл бы ряд исправлений». Издатели могли делать правки: «В подлинной рукописи автора не было столько пропусков, как в книге, и автору непонятно, почему некоторые из них остались незаполненными», – а также добавлять от себя: «В конце книги автор находит статью, озаглавленную «Отрывок», появление которой в печати поразило его больше, чем всё остальное» (Свифт 1704).

В этот период активно развивается книготорговля (bookselling). В Циклопедии 1750 г. есть термин «книготорговец» (bookseller) – профессиональный торговец книгами; который печатает их себе или требует, чтобы другие распечатали их для продажи. В прошлые времена часто бывало, что один человек был одновременно и печатником, и книготорговцем. Книготорговцы ставили на книгах, которые они продавали, специальные отличительные знаки (Cyclopaedia 1750).

Книготорговцев Англии XVIII века можно разделить следующим образом:

- 1) оптовый торговец, который торгует отечественными книгами;
- 2) оптовые торговцы, которые имеют дело только или в основном с религиозной литературой (библиями, молитвенниками, альманахами и т. д.) и которые также являются оптовыми дилерами;
- 3) розничные торговцы, специализирующиеся на новых книгах;
- 4) те, кто занимается преимущественно иностранными книгами;
- 5) те, кто продают старые книги (букинисты).

Право на воспроизведение книги почти всегда сразу покупалось книготорговцем-издателем или объединением книготорговцев. Большинство авторов отказывались от дальнейших претензий на авторское право. Большинство авторских прав было разделено между несколькими объединениями книготорговцев²³.

Наибольшая прибыль от книгоиздания XVIII века в Англии происходит от владения авторскими правами. Фундаментальное разделение среди книготорговцев было между теми, кто инвестировал и имел дело с собственностью на авторское право (за счет независимого или совместного финансирования), занимался продажей новых произведений, защищенных авторским правом, или покупал уже существующее авторское право (или долю в нём), и теми, кто печатал, продавал или распространял книги для правообладателей или торговал полностью за пределами авторских прав²⁴.

Одной из проблем, которые сдерживали развитие книготорговли в Англии XVIII века, была перевозка книг от издателей к книготорговцам. У книготорговцев того периода в деловой переписке постоянно фигурируют вопросы по доставке книг, так как транспортные расходы сильно увеличивали издержки и конечную цену продукта. Джон Мюррей, Бойер, издательский дом «Ноблес» (Nobles), Роберт Додсли, Томас и Мэри Купер и другие торговые издатели работали над созданием общей маркетинговой сети²⁵. С развитием системы дорог эта проблема будет решаться.

После отмены предварительной цензуры власть не могла непосредственно влиять на прессу, и средством экономического давления на прессу было введение штемпельного акта

²² Алябьева 2004, 19–20.

²³ Raven 2001, 15.

²⁴ Ibid., 14.

²⁵ Raven 2001, 13.

1712 г. на все печатные издания в лист и пол-листа и объявления²⁶. Это негативно сказалось на развитии печати. Ряд газет были заменены на листки, в которых печатались разные новости. Политические и литературные журналы сокращались в объеме и стали выходить реже – еженедельно или ежемесячно. Некоторые из них стали помещать карикатуры и, таким образом, превратились в сборники, которые назывались Magazine. Шло удорожание печатной продукции.

Как до принятия закон об авторских правах, так и после были случаи незаконного печатания книг, которые и тогда назывались пиратством. О пиратстве писал The Tatler в 1709 г.: «Это беззаконие совершается людьми, которые являются негодьями в рамках закона; и в самом совершении того, в чем они виновны, они открыто признают, что не причиняют никакого вреда, кроме страха быть наказанными за это. Эти негодяи, которых мы, авторы, называем пиратами, которые печатают любую книгу, стихотворение или проповедь, как только они появляются в мире, в меньшем объеме; и продают их, как и все другие воры, краденые товары, по более низкой цене» (The Tatler. 1709. Vol. 101). Эта статья, по-видимому, была вызвана пиратским изданием «Люкубрации Исаака Бикерстаффа, эсквайра», то есть собрания сочинений The Tatler (журнал издавался с 12 апреля 1709 г. по 2 января 1711 г., а в 1710–1711 гг. было издано все собрания журнала под этим названием). В авторах был и Джонатан Свифт, который использовал псевдоним Исаак Бикерстафф как часть мистификации, высмеивающей астролога Джона Партриджа. Р. Стил как редактор The Tatler решил оставить эту фамилию в названии при издании общего собрания сочинений.

Высокие цены на печатную продукцию объясняются тем, что, во-первых, сами технологии печати XVIII века в Англии были недешевы, а во-вторых, правительство облагало издателей высокими налогами. Удешевлению книг и журналов способствовал отказ от кожаных обложек, их заменили на картонные, а позже и на бумажные, это сделало книги дешевле. На бумажные обложки тоже стали наносить иллюстрации, что стало инструментом маркетинга и рекламы²⁷.

В XVIII в. с увеличением городского населения, развития грамотности у мужчин и женщин, формирования среднего класса шло развитие читательской среды. Разнообразие жанров литературы и становление романа способствовало приобщению широкого круга женщин к чтению.

Развитию читательской культуры способствовали и библиотеки. Именно на XVIII в. приходится их развитие. Существовали как большие библиотеки с читальными залами, так и малые, которые работали по подписке. Так как цены на книги были достаточно высокими и с принятием штемпельного сбора, войнами на континенте только росли, читательский годовой абонемент открывал доступ к чтению широким слоям населения, а не только аристократии. Многие библиотеки занимались и книгоизданием, в частности они искали новых авторов, а запросы читателей позволяли ориентироваться в предпочтениях. Также библиотеки работали и с анонимными авторами, в том числе и авторами романов, спрос на которые все рос. Среди новых авторов были и женщины, которые часто издавались анонимно и предпочитали взаимодействовать с издателями через посредников²⁸.

Таким образом, в XVIII в. в Англии формировалась книжная культура, которая включала книгоиздательство, книгопроизводство и книготорговлю, а также читательскую культуру. Отмена предварительной цензуры в 1695 г., принятие авторского права в 1710 г. способствовали бурному издательскому делу как в столице, так и в провинции. Благодаря промышленной революции активизировались производство и торговля, рост городов, формирование среднего класса, повысился уровень грамотности среди как мужского, так и женского населения, формировалась публичная сфера. Создавался общественный запрос на печатную продукцию, которую и предоставляли книготорговцы и издатели. Разнообразие

²⁶ Наквакина 2008, 107.

²⁷ Коровкина 2005, 14–15.

²⁸ Созинова 2020, 154–156, 159–160.

жанров, создание буктрейда, рассчитанного на массового читателя, – все это говорит о развитии книжной культуры в Англии XVIII века.

Литература / References

- Айзенштат 2009 = *Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг.* М., 2009. 398 с.
Ayzenshtat M. P. Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 [Power and Society of Britain 1750–1850]. Moscow, 2009. 398 p.
- Алябьева 2004 = *Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М., 2004. 400 с.
Alyab'yeva L. Literaturnaya professiya v Anglii v XVI–XIX vekakh [The Literary Profession in England in the XVI–XIXth centuries]. Moscow, 2004. 400 p.
- Алябьева 2005 = *Алябьева Л.* Сага о копирайте: легко ли рукопись продать? // Полит.ру. 21 февраля 2005. URL: <https://polit.ru/article/2005/02/21/copyright/>.
Alyab'yeva L. Saga o kopirayte: legko li rukopis' prodat'? [The Saga of Copyright: Is It Easy to Sell a Manuscript?] // Polit.ru. February 21, 2005. URL: <https://polit.ru/article/2005/02/21/copyright/>
- Верхова 2017 = *Верхова Н. Б.* Проблемы развития интеллектуальной собственности на литературные произведения в странах Западной Европы // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 14 (14). С. 15–18.
Verkhova N. B. Problemy razvitiya intellektual'noy sobstvennosti na literaturnyye proizvedeniya v stranakh Zapadnoy Yevropy [Problems of the Development of Intellectual Property for Literary Works in Western Europe] // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of Law. 2017. No. 14 (14). P. 15–18.
- Иванова 2020 = *Иванова Т. Н.* Английская публицистика XVII–XVIII вв.: тематика и лингвистическая сущность // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). 2020. № 29. С. 72–80.
Ivanova T. N. Angliyskaya publitsistika XVII–XVIII vv.: tematika i lingvisticheskaya sushchnost' [English Journalism of the XVII–XVIIIth centuries: Topics and Linguistic Essence] // *Studia Linguistica* (St. Petersburg). 2020. № 29. P. 72–80.
- Коровкина 2005 = *Коровкина Е. В.* Иллюстрация в английской печати XVII–XIX веков: автореф. дис. канд. наук: 10.01.10. М., 2005. 23 с.
Korovkina E. V. Ilyustratsiya v angliyskoy pechati XVII–XIX vekov. [Illustration in English Print of the XVII–XIXth centuries]. PhD Diss. Synopsis. Moscow, 2005. 23 p.
- Лабутина 2017 = *Лабутина Т. Л.* Политические партии Англии в оценках ранних просветителей // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 2. С. 5–19.
Labutina T. L. Politicheskiye partii Anglii v otsenkakh rannikh prosvetiteley [Political parties of England in Assessments of Early Enlighteners] // *Historia provinciae* – The Journal of Regional History. 2017. Vol. 1, No. 2. P. 5–19.
- Лабутина, Ильин 2018 = *Лабутина Т., Ильин Д.* Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2018. 312 с.
Labutina T., Ilyin D. Angliyskoye Prosveshcheniye: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl' [English Enlightenment: Socio-Political and Pedagogical Thought]. St. Petersburg, 2018. 312 p.
- Мокир, Фотх 2012 = *Мокир Дж., Фотх Г.-И.* Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства // *Экономическая социология*. 2012. Т. 13, № 5. С. 57–101.
Mokir J., Foth G.-I. Ekonomicheskiy rost v Yevrope v 1700–1870 gg.: teoriya i fakticheskiye svidetel'stva [Economic Growth in Europe in 1700–1870: Theory and Evidence] // *Economic Sociology*. 2012. T. 13, No. 5. P. 57–101.
- Наквакина 2008 = *Наквакина Е. В.* Борьба за свободу печати в западной Европе, США и России накануне и в период политической модернизации (середина XVIII – XIX в.) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Политика и право*. 2008. № 1. С. 106–118.
Nakvakina E. V. Bor'ba za svobodu pechati v zapadnoy Yevrope, SSHA i Rossii nakanune i v period politicheskoy modernizatsii (seredina XVIII – XIX v.) [Struggle for the freedom of the press in Western Europe, the USA and Russia at the point of and during the period of political modernization (in the middle of the XVIII – XIX century)] // *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2008. No. 1. P. 106–118.
- Поляков 2005 = *Поляков О. Ю.* К истокам критики в литературных обозрениях Англии середины XVIII века // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2005. № 13. С. 97–100.
Polyakov O. Yu. K istokam kritiki v literaturnykh obozreniyakh Anglii serediny XVIII veka [On the rise of criticism in mid-18 c. English literary reviews] // *Herald of the Vyatka State Humanitarian University*. 2005. No. 13. P. 97–100.

- Свифт 1704 = *Свифт Дж.* Сказка бочки. URL: https://librebook.me/a_tale_of_a_tub/vol1/2.
Swift J. Skazka bochki [The Tale of a Tub]. URL: https://librebook.me/a_tale_of_a_tub/vol1/2.
- Созинова 2020 = *Созинова К. А.* «Библиотечная революция» и культура чтения в Англии во второй половине XVIII – начале XIX в. // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 149–164.
Sozinova K. A. «Bibliotечnaya revolyutsiya» i kul'tura chteniya v Anglii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX v. [“Library revolution” and culture of reading in England in the second half of the 18 beginning of the 19th century] // Dialogue with Time. 2020. Issue 72. P. 149–164.
- Шомракова 2005 = *Шомракова Н. А.* Всеобщая история книги. СПб., 2005. 368 с.
Shomrakova N. A. Vseobshchaya istoriya knigi [General History of the Book]. St. Petersburg, 2005. 368 p.
- Copyright Act 1710 = *The Statute of Anne 1710.* URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/anne_1710.asp.
- Сyclopaedia 1750 = *Cyclopaedia: or, an universal dictionary of arts and sciences; containing an explication of the terms, and an account of the things signified thereby, in the several arts, both liberal and mechanical; and the several sciences, human and divine: The Figures, Kinds, Properties, Productions, Preparations, and Uses of Things.* London: Printed for W. Innys, J. and P. Knapton, S. Birt, D. Browne, T. Longman, R. Hett, C. Hitch, J. Hodges, J. Shuckburgh, A. Millar, J. and J. Rivington, J. Ward, M. Senex, and the Executors of J. Darby. Vol. 1. London, 1750.
- Defoe 1704 = *Defoe D.* An Essay on the Regulation of the Press. London, 1704. 22 p.
- Forster 2001 = *Forster A.* Review journals and the reading public. In: Books and their readers in eighteenth-century England: new essays / Ed. by *I. Rivers*. London – New York, 2001. P. 171–191.
- Licensing Act 1662 = *Licensing Act, 1662: An Act for preventing the frequent Abuses in printing seditious treasonable and unlicensed Bookes and Pamphlets and for regulating of Printing and Printing Presses / Statutes of the Realm: Vol. 5, 1628–80.* Publ. by Great Britain Record Commission. 1819. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp428-435>.
- Raven 2001 = *Raven J.* The book trades. In: Books and their readers in eighteenth-century England: new essays. Ed. by *I. Rivers*. London; New York, 2001. P. 1–35.

DOI: 10.55000/MCU.2021.89.98.010

КОДИФИКАЦИЯ МАСОНСТВА В АНГЛИИ: ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ (1717–1738 гг.)

С. Е. Киясов

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия
sergeykiyasov@mail.ru*

Автор рассматривает начальный этап регулярного масонского движения в Англии. Его идеологи сформулировали и применили на практике идеи, соответствующие духу Просвещения. Были также изменены организационные традиции «вольных каменщиков». Состоявшиеся реформы способствовали росту популярности масонских лож и быстрому их распространению за пределами Британии.

Ключевые слова: масонство, Великая ложа Англии, книга масонских «Конституций», братство «вольных каменщиков».

THE CODIFICATION OF FREEMASONRY IN ENGLAND: RESULTS AND SIGNIFICANCE (1723–1738)

S. E. Kiyasov

*Saratov National Researcher State University,
Saratov, Russian Federation
sergeykiyasov@mail.ru*

The author examines the early stages of the regular Masonic movement in England. Its ideologues have formulated and applied in practice the ideas corresponding to the spirit of the Enlightenment. The organizational traditions of the Freemasons were also changed. The reforms that took place contributed to the growth in popularity of Masonic lodges and their rapid spread outside Britain.

Keywords: Freemasonry, the Grand Lodge of England, book of Masonic “Constitutions”, brotherhood of Freemasons.

История философского (спекулятивного) масонства насчитывает несколько столетий. Первые ложи «вольных каменщиков», проводившие интеллектуальные собрания, появились в Шотландии на рубеже XVI–XVII столетий¹. В них участвовали местные дворяне, чиновники, адвокаты, учёные, торговцы и даже священники. В Англии подобные структуры («клубы протестантских господ»²) заявили о себе в период правления короля Якова I Стюарта (1603–1625)³. Послереволюционная смена правящей династии в Соединенном Королевстве (1714) продиктовала настоятельную необходимость реформирования старого, «якобитского» масонства. В процессе состоявшейся трансформации, 24 июня 1717 г., столичные братья провозгласили создание альтернативного центра – Великой ложи Лондона⁴. Последующие два десятилетия были посвящены идейному и организационному упорядочиванию (кодификации) нового, регулярного движения «вольных каменщиков». Осмысление этих событий, подкреплённое прочтением документального наследия обновлённого масонства, поможет раскрыть тайну его «назначения», а также объяснить причины его широкой популярности в Англии и за её пределами.

¹ Stevenson 1988.

² Short 1990, 49.

³ Hamill 1994.

⁴ Calvert 1917.

С момента зарождения Великой ложи организационные функции выполняли Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744), Джеймс Андерсон (1679–1739) и Джордж Пейн (1685–1757). Их созидательные усилия были отражены и закреплены в книге масонских «Конституций»⁵, узаконившей ортодоксальные принципы Вселенского масонского братства.

По оценке специалистов, Джон Теофил Дезагюлье – талантливый учёный и сторонник идеалов Просвещения – являлся наиболее авторитетным идеологом и лидером обновлённого масонства⁶. Пастор Джеймс Андерсон, именем которого была названа книга «Конституций», прославился как человек, сумевший канонизировать идеалы нового просветительского движения⁷. Работу над текстом «масонской Библии» он начал по поручению своего наставника и покровителя Джона Теофила Дезагюлье. Джордж Пейн, столичный ученый-антиквар и масон, стал автором «Общих постановлений» (General Regulations) – одного из важнейших разделов книги «Конституций». Этот уставной документ закрепил практику общих для «вольных каменщиков» степеней посвящения – Ученика, Подмастерья и Мастера.

Наиболее важной частью книги «Конституций» являются «Предписания вольных каменщиков» (Charges)⁸. Их текст – плод коллективного творчества Дезагюлье и Андерсона – разбит на шесть разделов, посвященных освещению вопросов взаимоотношения «вольных каменщиков» с государственными, религиозными и политическими институтами.

Первый раздел «Предписаний» («О Боге и религии») провозгласил толерантность и межконфессиональное примирение. Идеологи нового масонства установили, что вопросы вероисповедания должны носить частный характер и не могут препятствовать сотрудничеству людей доброй воли. Во имя прекращения религиозных войн, человечество призывалось к поклонению культу Великого Архитектора Вселенной.

В разделе «О верховном гражданском магистрате и подчинении» рассмотрены политические сюжеты. Заявляя о миролюбии и лояльности власти, «вольные каменщики» отказывались от участия в заговорах против законной власти. Масонство объявлялось противником войн и других форм кровопролития.

В разделе «О ложах» оговаривалось, что масон обязан быть членом какой-либо структуры братства «вольных каменщиков» и подчиняться как ее уставам, так и общему регламенту. Сама ложа выступала в качестве места духовной работы масона. Для участия в ней допускались люди «порядочные и верные, рожденные свободными, зрелого возраста и скромные, обладающие хорошей репутацией». В масонское братство не принимались «ни рабы, ни женщины, ни безнравственные и скандальные люди».

В разделе «О Мастерах, Смотрителях, Подмастерьях и Учениках» определены условия карьерного продвижения масона. Зафиксировано, что такие возможности полностью зависят от его собственных успехов, но не от старшинства и других преимуществ цехового братства. Обретенные заслуги давали возможность «вольному каменщику» занять должность Смотрителя, Мастера ложи, Великого надзирателя и даже Великого мастера всех лож. Оглашение этого принципа свидетельствовало о нацеленности нового движения на преодоление традиционных социальных барьеров, которые разделяли английское общество не меньше, чем религиозные распри и политические противоречия. Впрочем, его осуществление изначально натолкнулось на значительные трудности и не получило поддержки аристократии.

Раздел «Об управлении ремеслом во время работы», по-видимому, преследовал рекламные цели, поскольку заявлял о сохранении в ложе старых, ремесленных традиций масонского движения.

В разделе «О поведении» утверждались правила общения масонов в ложе и за её пределами. От братьев требовали взаимного уважения и безусловного признания верховенства масонских законов. Спорные ситуации должны были разрешаться исключительно внутри ложи. Третейской инстанцией для масона, чуждого споров и склок, являлась Великая ложа.

⁵ Anderson 1723.

⁶ Naudon 1987, 33.

⁷ Ligou 1987, 44–45.

⁸ Anderson 1723, 49–57.

Масоны должны были использовать любые виды посредничества, впрочем, совместимые с кодексом чести, для оказания взаимной поддержки. Ложа рассматривалась в качестве структуры, которая обеспечивала братьям защиту и покровительство от внешних посягательств на их благополучие. «Предписания» требовали также почтительного отношения к ложе, неразглашения её дел в домашнем кругу, соблюдения приличий за столом, следования семейным добродетелям.

Особое внимание в тексте «Предписаний» уделялось взаимоотношениям масонской ложи с иностранцами. По-видимому, такие рассуждения были вызваны оппозиционными действиями масонов-якобитов (сторонников Стюартов), с которыми Великая ложа Лондона не желала иметь ничего общего. По этой причине любого иностранца, желавшего установить контакты с братством, рекомендовалось подвергать тщательной проверке. Только в случае доказательства подлинности своих масонских убеждений гость мог рассчитывать на по-настоящему дружеский прием и поддержку.

А заключение лидеры Великой ложи подчеркивали древность масонства, его широкое распространение среди многих народов. Оговаривалось также стремление утвердить принципы «вольных каменщиков», берущие начало в библейские времена, навечно.

Убеждения новых «вольных каменщиков» отражали интересы послереволюционной правящей элиты Англии, заинтересованной во внутренней стабилизации и общественном примирении. Не удивительно, что текст масонских «Предписаний» следует духу таких официальных документов, как Акт о веротерпимости и Билль о правах (1689). Ориентируясь на заказ «сверху», а также проповедуя убеждения просветительского деизма, масонские лидеры поддержали политику веротерпимости. При этом для них, как и для государства, базовыми оставались ценности христианства. Важно подчеркнуть, что при выборе конфессиональных приоритетов масонства сыграли свою роль антикатолические убеждения эпохи Реформации. Вместе с тем присутствие в масонском движении представителей «неформальной» интеллектуальной элиты привнесло в его идеологию элементы оккультных наук и верований – мистики, астрологии, нумерологии, алхимии, популярных в этой среде со времен Ренессанса. В масонском религиозном ареопаге присутствовали также античные наслоения – учение пифагорейцев и древнегреческая мифология, а также элементы восточных языческих верований. Не меньший интерес идеологи масонского движения уделяли космогонии Древнего Египта, а также эзотерике средневековых каменщиков-строителей. В новых ложах в качестве священных атрибутов использовались их рабочие инструменты и цеховая символика. Кроме того, «вольные каменщики» века Просвещения включали в свои культовые обряды рыцарские (тамплиерские) традиции. Тем не менее эклектичность масонских воззрений не отвергала лояльности к устоявшимся в обществе верованиям. Как следствие, в новых ложах, которые стремительно распространялись в Британии, а затем и в странах Западной Европы, нашли своё место самые разные символы веры. Пытаясь упорядочить это многообразие, «вольные каменщики» провозгласили культ Великого Архитектора Вселенной, общего для всех людей божества.

К середине XVIII столетия старинные обряды и символика окончательно утратили свой первоначальный смысл. Их присутствие в масонских ложах стало данью аллегорическим традициям, непонятным большинству «вольных каменщиков». Рождение новых пышных ритуалов, имевших отношение к высоким степеням посвящения, носило исключительно конъюнктурный характер. Такие сценарии не открывали тайных знаний, а лишь подчеркивали растущую популярность движения, которое нуждалось в новых привлекательных декорациях. В контексте этих устремлений был реализован принцип иерархичности членства. Новые масонские степени разделили братство по критериям полезности и влияния. Внутри ордена сложилась элита, которая во многом дублировала социальные и прочие различия, существовавшие в обществе «непосвященных».

Подводя итоги, следует признать обоснованность вывода итальянского исследователя Микеле Морамарко, отметившего, что в начальные десятилетия XVIII века в Англии состоялась «кодификация вселенского, действительного и неконфессионального характера деятельности

ордена масонов»⁹. Обновленное движение получило широкое распространение в Европе и далеко за её пределами¹⁰. В ходе успешной организационной и культовой экспансии философского масонства, его ортодоксальные законы, провозглашенные Великой ложей Лондона, стали обязательными для всех структур Вселенского братства. Позиции регулярного масонства были подтверждены дополненным переизданием книги «Конституций» Джеймса Андерсона¹¹.

Литература / References

- Киясов 2010 = *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб., 2010. 398 с.
Kiyasov S. E. Masonstvo v epohu Prosvescheniya (genezis, ideologiya, evolyutsiya, status) [Freemasonry in the Age of Enlightenment (genesis, ideology, evolution, status)]. St. Petersburg, 2010. 398 p.
- Морамарко 1989 = *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем: пер. с итал. М., 1989. 304 с.
Moramarko M. Masonstvo v proshlom i nastojaschem [Freemasonry in the past and present]: translated from Italian. Moscow, 1989. 304 p.
- Anderson 1723 = *The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges.* L., 1723. 91 p.
- Anderson 1738 = *New Book of Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, The Containing their History, Charges, Regulations, Etc. Collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the Use of the Lodges / By James Anderson.* L., 1738. 232 p.
- Calvert 1917 = *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L., 1917. 412 p.
- Hamill 1994 = *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestons, 1994. 210 p.
- Ligou 1987 = *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de Daniel Ligou.* P., 1987. 1301 p.
- Naudon 1987 = *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P., 1987. 251 p.
- Short 1990 = *Short M.* Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. L., 1990. 711 p.
- Stevenson 1988 = *Stevenson D.* The first freemasons: Scotland's early lodges and their members. Aberdeen, 1988. 218 p.

⁹ Морамарко 1989, 103.

¹⁰ Киясов 2010.

¹¹ Anderson 1738.

DOI: 10.55000/MCU.2021.21.32.011

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕСТНЫХ ЭЛИТ И КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВИРГИНИИ
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США**

Е. П. Макаров

*Самарский государственный технический университет,
Самара, Россия
egor.makarov.esq@gmail.com*

В работе анализируются особенности политической и экономической обстановки, сложившейся в Виргинии к началу 1760-х гг. Отдельного внимания заслуживает проблема формирования самосознания торгово-финансовой элиты Виргинии, заметного на фоне международных политических процессов данного периода. Обратившись к вопросу неоднородности виргинской колониальной элиты, а также выделив участников колониального политического процесса, можно проследить становление и эволюцию виргинской аристократии в период обострения противоречий между колониальным обществом и властью метрополии.

Ключевые слова: Великобритания, Североамериканские колонии, Виргиния, колониальная элита, земельная аристократия, сепаратизм.

**PROBLEMS OF RELATIONSHIP
OF LOCAL ELITES AND COLONIAL ADMINISTRATION OF VIRGINIA
ON THE EVE OF THE AMERICAN WAR OF INDEPENDENCE**

E. P. Makarov

*Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation
egor.makarov.esq@gmail.com*

The paper analyzes the features of the political and economic situation that had developed in Virginia by the beginning of the 1760s. Special attention should be paid to the problem of the formation of self-awareness of the commercial and financial elite of Virginia, noticeable against the background of the international political processes of this period. Turning to the issue of the heterogeneity of the Virginian colonial elite, as well as highlighting the participants in the colonial political process, one can trace the process of the formation and evolution of the Virginian aristocracy during the period of aggravation of the contradictions between colonial society and the power of the metropolis.

Keywords: Great Britain, North American colonies, Virginia, colonial elite, landed aristocracy, separatism.

Изучение особенностей общества колониальной Виргинии XVIII в. дает возможность проследить динамику развития политических взглядов различных слоев населения. Особый интерес представляет период середины XVIII в., когда наблюдалось присоединение виргинцев к борьбе за большую степень автономности по отношению к метрополии. Источниковая база данного периода, представленная официальными документами властей Великобритании и колониальной администрации, мемуарами и письмами современников событий долгое время служила основой историографических работ, как современников рассматриваемых событий, так и более поздних исследователей. Из ранних работ по теме можно упомянуть труды Уильяма Стита, Роберта Беверли и Чарльза Кэмпбелла, анализировавших реалии Виргинии середины XVIII в. Их исследовательские наработки были существенно дополнены трудами таких историков, как Филипп Брюс, Мэри Стэнард, Моррис Тэллэлэр, Карл Бриденбау, Ричард Мортон, Джеймс Хорн.

Научный диалог касательно проблем политического и экономического пространства колониальной Виргинии середины XVIII в. учитывает множество факторов, оказывавших

влияние на взаимодействие местных элит и колониальной администрации. В контексте данного научного диалога появляется возможность выделить вопрос формирования идентичности местных элит. Социально-политическая деятельность колониальной элиты была особо заметна в политико-экономическом контексте и к середине XVIII в. напрямую воздействовала на общий уровень лояльности Виргинии к международной и колониальной политике Великобритании¹. Есть основания полагать, что именно решения, принятые местными элитами, оказались решающим фактором присоединения колонии к американской Войне за независимость.

Важно понимать, что с момента основания Виргинии колониальное сообщество формировалось главным образом исходя из вектора политики Великобритании на американском континенте. Политическая воля метрополии отражалась в политике Виргинской компании, бравшей за основу британские образцы социальной стратификации. Главная форма хозяйственной деятельности Виргинии – плантационное землевладение – закрепляла данную стратификацию².

Общественная структура Виргинии не была сложноорганизованной и разделяла колониальное общество на два пласта. Верхний пласт составляли крупные землевладельцы³. Нижний пласт формировала остальная часть населения Виргинии, напрямую или косвенно обслуживавшая нужды аграрного сектора, обеспечивавшего стабильность социальной иерархии. Миграционные потоки обеспечивали значительный прирост населения, встраивавшегося в существовавшую социальную структуру. Основой политико-экономического пространства колонии было сообщество плантаторов-землевладельцев, к которому относились земельные собственники, домовладельцы и фермеры, обеспечивавшие прочность колониальной экономики.

Приобщение к крупным товарно-денежным операциям обеспечивало вхождение в формальные политические структуры Виргинии, такие как Совет при вице-губернаторе и орган самоуправления Дом Бёрджесов (House of Burgesses). Совет при вице-губернаторе традиционно формировался представителями одних и тех же богатейших семейств колонии, что обусловило значительную степень замкнутости властных структур. Нарастание миграционных процессов также усиливало тенденции к солидарности и замкнутости колониальных элит, а автономность рассматривалась ими в качестве основы внутривластной стабильности колонии⁴.

Движение переселенцев на запад обеспечивало формирование связей между фермерскими хозяйствами, а также сплоченность землевладельцев определенного района, которые поддерживали политику наиболее крупного плантатора региона, входившего в Совет при вице-губернаторе или в Дом Бёрджесов⁵.

Можно выделить несколько групп интересов, формировавшихся под влиянием социально-экономических процессов. К первой группе можно отнести так называемых тайдуотерцев, контролировавших прибрежные равнины на юго-востоке Виргинии. Во вторую группу вошли так называемые пидмонтцы, контролировавшие земли в центральной Виргинии, которые географически относились к Пидмонтскому плато. Самые влиятельные семьи Тайдуотера и Пидмонта часто соотносили свои корни с аристократами, иммигрировавшими из Англии и Шотландии в период буржуазной революции⁶. К началу XVIII в. новое поколение семей тайдуотерцев и пидмонтцев определяло вектор политико-экономического развития колонии, проявив интерес к освоению западных территорий. Проект земельной экспансии на запад формировал третью группу интересов, обозначаемую собирательным названием землевладельцев приграничья, постепенно ставших срединной прослойкой колониального об-

¹ Stanard 1917.

² Talpalar 1960.

³ Burk 1804.

⁴ Horn 1994.

⁵ Beverley 2013.

⁶ Carr, Morgan, Russo 1989.

щества. Внутри данной прослойки шел непрерывный процесс перераспределения собственности и доходов. Это способствовало обогащению той части населения приграничья, которая усиливала экономическую активность и политически сближалась с тайдуотерской и пидмонтской элитой.

Анализируя взаимоотношения местных элит и колониальной администрации, можно заметить связь между возрастанием влияния элит и усилением их сопротивления политике Великобритании. Еще с XVII в. элиты Виргинии искали возможность действий в обход требований Навигационных актов, наносивших ущерб колониальной экономике⁷. Со времени, когда местные элиты стали претендовать на ведущую роль в принятии политических решений, они все чаще демонстрировали сопротивление политике назначаемых метрополией чиновников⁸. На примере сближения тайдуотерцев и пидмонтцев с населением приграничья можно проследить ускорение процессов социальной мобильности региона и демократизацию политически активной общественности колонии. Поддержка фермеров приграничья значительно усилила политические позиции семей Тайдуотера и Пидмонта, которые усилили стремление к самостоятельности в принятии ключевых решений внутренней политики Виргинии.

При этом колониальная администрация Виргинии была вынуждена формально придерживаться политической линии метрополии, но фактически руководствоваться требованиями местных элит. Примером подобного общественно-политического контекста может служить ситуация вокруг проекта земельной экспансии в долину Огайо. Несмотря на неоднозначный внешнеполитический фон событий 1753–1754 гг., обусловивший британо-французский конфликт, с внутривнутриполитической точки зрения проекты земельного расширения показывали фактическое сращивание колониальных элит и с исполнительной властью, и с местными законодательными органами⁹. Своеобразие взаимоотношений местных элит и колониальной администрации также может быть отражено на примере вооруженного столкновения у Грейт-Медоуз, перед которым приказы вице-губернатора Р. Динвидди, предусматривавшие возможность применения оружия в отношении иностранных военных, фактически были изданы под давлением колониальной элиты Виргинии¹⁰. Являясь вопросами объявления войны и заключения мира, соотносимыми не с региональной инициативой, а с международной политикой Великобритании, приказы вице-губернатора Р. Динвидди, санкционировавшие применение оружия в отношении иностранных военных, ярко демонстрировали модель взаимоотношений колониальной администрации и элит Виргинии, сочетавшей автономию принятия важных политических решений с формальным подчинением британскому правительству.

Литература / References

- Макаров 2020а = *Макаров Е. П.* Земельная экспансия британской колониальной элиты на примере деятельности компании Огайо накануне Франко-индейской войны 1754–1763 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 1 (58). С. 143–150.
- Makarov E. P.* Zemel'naya ekspansiya britanskoy kolonial'noy elity na primere deyatel'nosti kompanii Ogayo nakanune Franko-Indejskoy vojny 1754–1763 gg. [Land Expansion of the British Colonial Elite on the Example of the Activities of the Ohio Company during the French-Indian War of 1754–1763] // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2020. Vol. 10, No. 1 (58). P. 143–150.
- Макаров 2020b = *Макаров Е. П.* Контекстуальные особенности британо-французских колониальных противоречий накануне Франко-индейской войны 1754–1763 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2, № 2 (6). С. 52–58.

⁷ Bridenbaugh 1950.

⁸ Campbell 1860.

⁹ Макаров 2020а, 143–150.

¹⁰ Макаров 2020b, 52–58.

- Makarov E. P.* Kontekstual'nye osobennosti britano-frantsuzskih kolonial'nyh protivorechiy nakanune Franko-indeyskoy voyny 1754–1763 gg. [Contextual Features of the British-French Colonial Contradictions on the Eve of the French-Indian War of 1754–1763] // *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences.* 2020. Vol. 2, No. 2 (6). P. 52–58.
- Beverley 2013 = *Beverley R.* The History and Present State of Virginia: A New Edition with an Introduction by Susan Scott Parrish. Williamsburg, Virginia, 2013. 384 p.
- Bridenbaugh 1950 = *Bridenbaugh C.* The Seat of Empire. Political Role of Williamsburg in the 18-th Century. Williamsburg, 1950. 85 p.
- Burk 1804 = *Burk J. D.* The History of Virginia: from its first settlement to the present day. In 3 vols. Petersburg, 1804.
- Campbell 1860 = *Campbell C.* History of the Colony and Ancient Dominion of Virginia. Philadelphia, 1860. 774 p.
- Carr, Morgan, Russo 1989 = *Carr L. G., Morgan P. D., Russo J. B.* Colonial Chesapeake Society. Williamsburg, Virginia, 1989. 512 p. + XII.
- Horn 1994 = *Horn J.* Adapting to the New World: English Society in the Seventeenth Century Chesapeake. Chapel Hill, 1994. 461 p.
- Stanard 1917 = *Stanard M. N.* Colonial Virginia. Its People and Customs. Philadelphia – London, 1917. 520 p.
- Talpalar 1960 = *Talpalar M.* Sociology of Colonial Virginia. NY, 1960. 371 p. + XI.

DOI: 10.55000/MCU.2021.45.40.012

РЕВОЛЮЦИЯ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ В ОЦЕНКЕ Х. УОЛПОЛА

Н. С. Креленко

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Саратов, Россия
krelenkon@mail.ru*

Статья посвящена анализу восприятия Х. Уолполом конфликта между Великобританией и североамериканскими колониями. Х. Уолпол был близким к придворным кругам членом парламента, видным интеллектуалом. Его отношение к происходившим событиям отражены в письмах, которые он писал своим единомышленникам и знакомым. Содержание писем позволяет проследить, как менялись взгляды и настроения их автора, как корректировалась вигская система ценностей по мере изменения политической ситуации.

Ключевые слова: Великобритания, Х. Уолпол, вигские идеалы, североамериканские переселенческие колонии, война за независимость, лоялисты, парламентская оппозиция.

REVOLUTION IN THE NORTH AMERICAN COLONIES IN THE ASSESSMENT OF H. WALPOLE

N. S. Krelenko

*Saratov State University,
Saratov, Russian Federation
krelenkon@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of H. Walpole's perception of the conflict between Great Britain and the North American colonies. H. Walpole was a member of parliament close to court circles and a prominent intellectual. His attitude to the events that took place are reflected in the letters that he wrote to his associates and acquaintances. The content of the letters allows us to trace how the views and moods of their author were changing, how the Whig system of values was corrected as the political situation changed.

Keywords: Great Britain, H. Walpole, Whig ideals, North American resettlement colonies, war for independence, loyalists, parliamentary opposition.

Восприятие современниками событий, которые принято называть исторически значимыми, несомненно, интересно. Особенно, если можно проследить, как формировалось и эволюционировало это восприятие. Знакомство с эпистолярным наследием эпохи Просвещения представляет для этого широкие возможности. Тогда все, кто умел писать (число таких людей в западном обществе медленно, но неуклонно увеличивалось) вели переписку, своего рода заочный диалог «о разном» с родными, друзьями, деловыми партнерами, начальственными лицами и подчиненными.

Известно, что отношение подданных английской короны к конфликту между Лондоном и североамериканскими колониями Великобритании было далеко неоднозначным. Тем интереснее постараться проследить и понять мотивы, которыми руководствовались отдельные представители общества, особенно той его части, которую можно назвать правящей верхушкой современного событиям английского социума.

Особую ценность, как думается, при этом представляет собой возможность знакомства с динамикой восприятия происходившего теми, кто имел возможность наблюдать процесс в непосредственной близости от «политической кухни», не будучи его участником. Первое условие предполагает относительную осведомленность автора писем, а второе – опять же относительную – беспристрастность в оценках происходившего. А письма, выходявшие из-под

пера автора по мере того, как нарастающее взаимное неприятие сторон переросло в вооруженный конфликт, достаточно четко показывают, как менялось восприятие происшедшего со стороны наблюдателя.

Литературное наследие Хораса Уолпола (1717–1797) – это прежде всего его письма – дает, несомненно, богатый материал для осмысления того, как англичанин относился к конфликту между Великобританией как метрополией и ее североамериканскими колониями, населенными выходцами из Англии и Шотландии. Х. Уолпол прожил долгую жизнь и был внимательным наблюдателем тех перемен, которые переживала Великобритания на протяжении XVIII века. Его происхождение (сын первого английского премьер-министра Роберта Уолпола) и общественное положение (парламентарий близкий к придворным кругам) позволили ему наблюдать происходящее в том ракурсе, который можно назвать «вид сверху».

Отец нашего героя Р. Уолпол в первой четверти XVIII века выдвинулся как вигский политик. Это дало основание его сыну утверждать, что в его венах течет «вигская кровь» и он воспринимает себя «вигом до мозга костей»¹. Принимая во внимание эти декларативные апелляции к «вигским корням», не следует забывать, что единства среди тех, кто относил себя к вигам, кто имел вигскую систему ценностей, не существовало. Достаточно вспомнить, что премьер-министра вига Р. Уолпола заставила уйти в отставку соперничающая вигская группировка.

Современники подчеркивали различие между двумя парламентскими группировками вигов и тори. Виги акцентировали внимание на роли представительного органа в управлении страной, а своим главным лозунгом избрали постоянную апелляцию к свободе и правам личности. Тори предпочитали опору на традиции и значимость королевской власти. Объединяющим мировоззренческим началом при этом выступала идеология Просвещения, а «...английское Просвещение формировалось под знаком социально-политического энтузиазма, связанного с успехом «Славной революции». Ключевые понятия Просвещения в Англии: личная безопасность, права парламента, веротерпимость»².

Полученное образование (Итон, потом Кембридж) обеспечило младшего Уолпола современными ему знаниями в гуманитарной сфере (к точным наукам у него не было способностей), умением и стремлением осмысливать и оценивать то, что он наблюдал, опираясь на традиции Античности. Большое путешествие на континент в 1739–1741 годах расширило его кругозор. Коммуникабельность и умение слушать способствовали основательному пополнению его багажа знаний.

С начала 40-х годов и до 1767 г. Х. Уолпол заседал в парламенте. Более четверти века он был рядовым членом нижней палаты парламента (позднее таких депутатов называли «заднескамеечниками»), не произносившим зажигательных речей, не выступавшим в качестве лидера какой-нибудь группировки, не сочинявшим политических проектов, но умевшим смотреть и слушать, оценивать, осмысливать происходящее в политической жизни, иногда комментировать это в памфлетах или в приватной переписке.

Историческим фоном этой скромной политической карьеры служили масштабные изменения в жизни британского общества, проявлявшиеся в разных сферах общественной жизни. Среди проблем, пережитых британским обществом и государством в середине XVIII века, самой болезненной следует признать проблему взаимоотношений метрополии с переселенческими североамериканскими колониями.

Современники с беспокойством наблюдали за тем, как развивался этот конфликт. Многие фиксировали и комментировали происходящее в письмах, которые были важной составляющей бытовой культурной практики того времени. Привычка Х. Уолпола делиться своими впечатлениями в письмах, которых он написал более трех тысяч, а также то, что он просил своих корреспондентов возвращать письма, создало для потомков уникальную возможность познакомиться с закулисным парламентамской, придворной и культурной жизни английского

¹ Цит. по: Lewis 1961, 72.

² Gay 1967, X.

общества. Кроме того, письма, как источник, фиксирующий взгляды и мнения автора определенного времени, позволяет составить представления о том, как эти взгляды и мнения менялись.

Друзей по переписке у Х. Уолпола было довольно много, но в данном случае интерес представляют адресаты, с которыми отношения были многолетними, а тематика переписки связана с описанием и анализом политических событий. Среди постоянных корреспондентов важно назвать двух братьев Конвей, кузенов Х. Уолпола. Старший из них Френсис Конвей лорд Харфорд (1718–1794) был некоторое время послом в Париже. Особенно близкими были отношения Х. Уолпола с младшим из кузенов генералом Генри Конвеем (1721–1795). Оба они были членами нижней палаты парламента и придерживались одинаковых политических взглядов. Переписка между Уолполом и братьями Конвей – это обмен мнениями между единомышленниками, которые сверяют свои подходы и корректируют их по мере необходимости.

Письма трем другим адресатам примечательны тем, что в них содержатся сведения о происходящем в официальных кругах и в общественных настроениях столицы. Например, Хорас Манн (1706–1786) был дипломатическим представителем Великобритании во Флоренции, направленным туда премьером Р. Уолполом и оставшимся там до конца жизни. Для него были не просто интересны, но крайне важны любые сведения о жизни английского общества, прежде всего, конечно, сведения о политической ситуации и связанных с ней общественных настроениях. Регулярная и многолетняя переписка между ним и Хорри Уолполом продолжалась более сорока лет. Началась она после возвращения Уолпола из Италии в 1740 г. и прервалась со смертью Манна в 1786 г.

Другим корреспондентом, с которым Х. Уолпол охотно делился сведениями, наблюдениями и слухами о лондонской жизни, был его однокашник по Итону Джордж Монтегю (1713–1780). Большую часть взрослой жизни Д. Монтегю из-за финансовых проблем вынужден был жить в своем загородном доме, развлекаясь чтением и сочинением писем, причем иногда писал письма самому себе. Конечно, для него информация о происходящем в Лондоне, в парламенте, при дворе, получаемая от Уолпола, была своего рода пищей духовной. А Уолпол старался рассказать приятелю все, что считал важным и интересным.

С начала 1760-х годов Уолпол начал обмениваться письмами с Энн Фицпатрик леди Оссори (ок. 1737–1804). Эта переписка стала особенно насыщенной по мере того, как испортились отношения и сошла на нет переписка с Д. Монтегю. Семейные обстоятельства заставили графиню Оссори жить в сельской местности, а политические и светские новости ее чрезвычайно занимали. Таким образом, Х. Уолпол получил возможность делиться свежей информацией, комментировать ее, обращаясь к весьма заинтересованному и осведомленному лицу.

Впечатления, соображения и комментарии по поводу американских событий Х. Уолпола содержатся и в письмах другим адресатам, чаще всего людям, с которыми его связывали литературные и издательские дела.

Отдельно следует упомянуть еще об одном источнике, позволяющем лучше понять, как Х. Уолпол воспринял конфликт между Великобританией и ее североамериканскими колониями. В середине 1760-х годов Х. Уолполом были написаны «Иероглифические сказки», которые представляли собой нечто предвосхищавшее собой так называемую «литературу абсурда». Для понимания вопросов, рассматриваемых в данной статье, представляет интерес та часть текста, которая была написана от имени автора и касающаяся восприятия устоявшихся историко-политических стереотипов.

Конфликт между Лондоном и североамериканскими колониями был вызван тем, что в середине XVIII века метрополия, прежде не слишком вмешивавшаяся в дела колонистов, стала делать это настойчиво и категорично. Объяснялось это не чьей-то злой волей, а изменившимися обстоятельствами. Правительство молодого короля Георга III, унаследовавшего престол в 1760 г., пыталось решить за счет заморских подданных финансовые проблемы, возникшие, в частности, в результате успешной, но разорительной для Великобритании Семилетней войны. Кроме того, начавшийся промышленный переворот предполагал более интенсивное использование возможностей колоний в качестве рынков сбыта. Между тем за

предшествующие сто лет существования колоний колонисты, бывшие подданными британской короны, но не платившие налогов в британскую казну, привыкли чувствовать себя финансово независимыми и не желали изменения этой ситуации. Эта протестная позиция обосновывалась тем, что платить налоги, которые принимались без участия их представителей, несправедливо.

Пока конфликт проявлялся на уровне взаимных претензий, среди членов палаты общин довольно часто звучали голоса тех, кто оправдывал эту позицию и призывал к отказу от любой конфронтации с колонистами. Обосновывалось это требованием уважительного отношения к «правам и свободам». Этот вигский лозунг вполне соответствовал просветительской идее о равенстве всех людей, об уважительном отношении к правам человеческой личности. В числе правозащитников был и Х. Уолпол, поддерживавший в этом вопросе своего кузена генерала Г. Конвея. Тогда Х. Уолпол писал, что, если Англия возьмет верх, это повредит делу не только американской, но и английской свободы.

Как раз в середине 1760-х гг. Х. Уолпол предпринял попытку включиться в активную политическую деятельность в парламенте. Случилось это в связи с выступлением Д. Уилкса, с первым этапом выступлений этого ловкого политического авантюриста против непопулярного торийского правительства «королевских друзей». Тогда, в 1764–1765 гг. Х. Уолпол поддержал Г. Конвея в попытке защитить изгнанного из парламента Д. Уилкса. В ходе этого противостояния, разросшегося до массового движения, получившего выразительное название «Уилкс и свобода» (стоит обратить внимание, что имя парламентария-бунтаря идет первым), Уолпол столкнулся с тем, как далеки правильные идеи и лозунги от политических реалий.

Показательно, что в письме, написанном в начале мая 1770 г., когда конфликт между Лондоном и североамериканскими колониями уже набирал обороты, Уолпол оценил происходящее, как начало новой исторической эпохи, но привнес изрядную долю иронии в созданную им футуристическую перспективу. Тогда он представил, условно говоря, взгляд с высоты птичьего полета, обобщающий и несколько отстраненный. В частности, он рассуждал о тех идеях, которые, предположительно, используют деятели «будущего сената Каролины и Виргинии, где их будущие патриоты будут спорить о строгих и неподкупных добродетелях древних англичан». А это, по его мнению, должно бы заставить «нас краснеть в могилах за нелепые панегирики». Завершается этот пассаж словами: «Кто знает, но может даже наши индийские захваты и злодеяния могут стать объектами для одобрения в глазах американских школьников?» И далее следует предположение, что таким же был истинный подтекст традиционно прославляемых римских добродетелей³.

Эта фраза из частного письма перекликается с некоторыми пассажами одного сочинения Х. Уолпола. Примерно в это время он работал над «Иероглифическими сказками», представляющим собой набор интеллектуальных упражнений, проверки на прочность и развенчания привычных штампов исторических оценок. Любопытное рассуждение имеется в предисловии к «Иероглифическим сказкам». Там от имени издателя говорится, что при желании можно доказать, что «письма Ганнона к пуническому посланнику в Риме свидетельствуют, что Сципион был на жаловании у Ганнибала и что медлительность Фабия объясняется тем, что и его тоже содержал сей полководец»⁴. На чем будет основано это утверждение? В качестве доказательства может служить текст, фальшивый, но убедительно написанный и припрятанный так, чтобы его можно было обнаружить и использовать как подлинное историческое свидетельство.

А в результате герои древности, которые в глазах многих поколений почитались образцами благородства и преданности Риму, предстанут дельцами от политики, продавшими интересы своего государства. Для чего это нужно? Издатель объясняет и это: «Я сознаю, что это открытие пронзит мое сердце; однако поскольку мораль лучше всего преподавать, пока-

³ Уолпол 2005, 14.

зывая, как мало она значила для самых лучших людей, я принесу самые добродетельные имена в жертву воспитанию безнравственности сегодняшнего поколения»⁵.

Эти слова звучат неожиданно и почти кощунственно в устах человека, воспитанного на почитании античных героев, каковым был Х. Уолпол. Однако, учитывая, что он опубликовал в 1768 г. «Исторические сомнения относительно короля Ричарда III», книгу, в которой ставились под сомнение привычные обвинения в адрес последнего короля из династии Йорков, такой подход становится объясним, как в отношении культа римских доблестей, так и в отношении перспектив оценок поведения участников современных автору событий.

Не стоит забывать, что попытка принять участие в 1765–1766 годах в «большой политике», предпринятая Х. Уолполом, оставила у него неприятный осадок и отрезвляющее понимание того, какова подоплека действий акторов парламентской драмы. В биографических работах о судьбе Х. Уолпола отмечается, что в 1767 г. он заявил о том, что не будет более выдвигать свою кандидатуру в парламент. Казалось бы, с чего вдруг ему, депутату-«заднескамеечнику» (если пользоваться современной терминологией), отказываться от привычного, необременительного почетного статуса члена парламента (*member of parliament*). Этот факт фиксируется, но не объясняется или объясняется обидой на то, что его участие (в качестве консультанта кузена Г. Конвея)⁶ в действиях вигов в поддержку Х. Уолпола в 1765 г., не было оценено и отмечено.

Согласно этой версии, обидевшийся Уолпол, уехал осенью 1765 г. в Париж. Там он имел возможность пообщаться с находившимся в эмиграции Д. Уилксом и, возможно, взглянул на происходящее иначе. Может быть, дело в том, что, на несколько месяцев оказавшись вовлеченным в реальную политику, увидел, что за звучными лозунгами стоят личные, глубоко корыстные интересы. А вигские ценности, привитые ему с детства, связанные с почитанием памяти отца и красиво выглядевшие вне житейских и политических реалий заметно потускнели при соприкосновении с суровой практикой жизни. И сам Д. Уилкс, и шумное движение, им спровоцированное, разочаровало Уолпола и заставило его много переоценить.

Присмотревшись к неофициальной деятельности многих представителей власти, Уолпол констатирует в письмах их корыстолюбие и деловую нечистоплотность. Может возникнуть вопрос, а как он воспринимал весьма противоречивую деятельность собственного сэра Роберта Уолпола? Думается, что там он использовал другие мерки и подходы, пропущенные через фильтр детских воспоминаний. Его отношение к ведущим политикам времен его среднего возраста выражено в письме 1778 г. У. Майсону по поводу смерти «великого коммонера» У. Питта лорда Чатема: «Я, безусловно, не пойду на похороны. Я не хожу на кукольные представления...»⁷. Учитывая эти обстоятельства, вполне понятно появление иронических замечаний об искажении политических реалий в общественной памяти.

Что касается восприятия Х. Уолполом происходившего за океаном, по мере развития событий признание ценности идеи свободы, свободы для всех, в частности признание требований колонистов, оказывается в противоречии с интересами Великобритании, его позиция утрачивает свою цельность и ясность. В письмах 60-х годов американская тема упоминается как нечто тревожащее, но она не слишком занимает его. В 1774 г. в письме Х. Манну глухо упоминается о суете в городе в связи со «сложным положением в Северной Америке»⁸.

В конце 1770-х годов реплики в письмах становятся откровенно эмоциональными и непоследовательными. В февральском письме 1779 г. графине Оссори он сетует на то, что приходится «страдать из-за иллюминации по поводу покорения Америки...», подчеркивая отсутствие единодушия по поводу успехов английской армии: «Вчера вечером у нас был великолепный Вестминстер, и выстрелы и фейерверки до шести утра; но Сити, как я слышал, не был освещен...»⁹. С одной стороны, автор дает понять о своем неопределенном отноше-

⁵ Уолпол 2005, 14.

⁶ Ketton-Cremer 1946, 225.

⁷ Walpole 1914, 329.

⁸ Ibid., 317.

⁹ Ibid., 330.

нии по поводу празднично освещенного Вестминстера «по поводу покорения Америки». Одновременно отмечает, но не комментирует, что сердце столицы, Сити, не участвовал, а значит, не одобрял этого проявления торжества.

Зато спустя полгода, когда фортуна отвернулась от англичан, обращаясь к литератору У. Майсону, он написал: «Это почти невыносимо, видеть, что Англия пала так низко... Она лишилась людей, оружия, богатства, флотов...»¹⁰. В этих словах слышится искренняя боль. Они не просто отражают позицию индивидуума, но передают общее умонастроения британского общества, когда «в 70-х годов обнаружилось все негативные последствия неудачной войны с США: военные поражения, резкое ухудшение международного положения Британии, экономические и финансовые трудности»¹¹.

В одном из писем, написанных в следующем 1780 г., Уолпол пытается объяснить не столько адресату, графине Оссори, сколько самому себе, как он относится к происходящему: «Моя кровь вигов не может принять падение океанской империи. Подобно римлянам, я за то, чтобы Рим господствовал над миром, а дома пусть будет свобода...» Для себя Уолпол откровенно выстроил систему приоритетов: «...Хороший патриот – плохой гражданин мира; но гражданин мира, с той поры как мир создан, – это самое бесполезное существо»¹². Другими словами, престиж своего государства ставится выше абстрактного идеала.

Переписка начала 80-х годов содержит несколько соображений о масштабах потерь и перспективах дальнейшего существования страны. В январском письме 1781 г. Г. Конвею написано следующее: «С удивлением смотрю на наше безумие. Еще почему? Разве страны не подвержены опьянению, как личности? Разве предвидения, опирающиеся на расчеты, не опровергаются так же часто, как пророчества мечтателя?» А в заключении он с горечью заметил: «Мы обороняемся, чтобы защитить то, что осталось, вернее, отложить, возможно, на год мир, который покажет нашу наготу и бессилие...»¹³.

В ноябре 1781 г. в письмах разным адресатам прозвучал крик обиды и боли. «...Нам завидовали, нас ненавидели, но нас не презирали...»¹⁴, – писал он графу Страффорду. В письме графине Оссори дается оценка тому, что произошло: «Зависимость Америки не стоило покупать ценой тысяч жизней, сорока миллионов деньгами... потери суверенитета над морем и потери самой Америки. По природе мы были торговцами, и лучше бы вынести несколько оскорблений, чем стоять за Дело чести по такой высокой цене»¹⁵.

Тогда же было написано письмо Х. Манну. В нем возмущение конкретным событием (капитуляция армии Корнуолиса под Йорктауном) дополнено общей характеристикой закончившегося конфликта.

Содержание этого письма заслуживает отдельного внимания, ведь генерал Чарльз Корнуолис был одним из многочисленных родственников семьи Уолполов (его мать была племянницей Р. Уолпола, а значит – кузиной Х. Уолпола). На начальном этапе конфликта с колониями Корнуолис, был одним из пяти членов верхней палаты, голосовавших против введения «гербового сбора».

Однако, когда конфликт перерос в вооруженное столкновение, он, имевший военный опыт, в 1776 г. в чине генерал-лейтенанта отправился во главе двух с половиной тысяч солдат в Америку, где довольно успешно действовал сначала под командованием генералов Г. Клинтона и У. Хау, а позднее самостоятельно. В Лондоне именно в Корнуолисе видели «Колумба, который сможет вернуть Америку»¹⁶, и ошиблись в своих ожиданиях.

Главным в письме стал не факт признания поражения самого по себе. Оно начинается с описания пленения армии генерала Корнуолиса и с того, что тот не сумел защитить лояли-

¹⁰ Walpole 1914, 333.

¹¹ Семенов 2008, 206.

¹² Walpole 1914, 338.

¹³ Walpole 1840, 108.

¹⁴ Ibid., 150.

¹⁵ Walpole 1914, 357.

¹⁶ Walpole 1814, 357.

стов (колонистов, воевавших на стороне метрополии) и обрек их тем самым на смерть. Именно этот поступок Корнуолиса видится Уолполу позорным, хотя он убежден, что в парламенте ему постараются найти оправдание. И в этом он оказался совершенно прав: карьера Ч. Корнуолиса вполне благополучно продолжалась. Он занимал самые высокие посты на государственной службе и Ост-Индской компании, преимущественно в Индии и в Ирландии, вплоть до внезапной смерти в 1805 г.

Подводят итог, Уолпол считает нужным сказать об этой трагической ситуации такие слова: «С того часа, что роковое яйцо, Закон о гербовом сборе, был заложен, он мне не нравился, из него вылупились гадюки»¹⁷, – и меланхолично заметить, что для старика, каким он является, прошлое и будущее имеют равную удаленность и занимательность.

Знакомство с тем, как воспринимал Х. Уолпол события, связанные с утратой Великобританией своих заморских колоний, представляет интерес прежде всего потому, что позволяет понять изменение настроений и взглядов одного из представителей интеллектуальных кругов своего поколения. Исходное в восприятии конфликта между метрополией и переселенческими колониями – фактическая убежденность в том, что происходит противостояние в рамках единого социума. Ведь колонии были переселенческими, большинство колонистов были таковыми в первом-третьем поколении, имели родственников в Англии или Шотландии, были тесно связаны с метрополией хозяйственными интересами, имели тот же менталитет, ту же систему ценностных ориентиров.

Для Х. Уолпола, убежденного почитателя сторонника вигских свобод, совершенно естественным представлялось признавать право на эти свободы заокеанских подданных Великобритании. Практическая политика показала, насколько абстрактные идеалы далеки от житейских реалий. Просчеты правительства короля Георга III, в значительной степени спровоцированные оппозицией (парламентской и внепарламентской), привели к тому, что «семейная склока» переросла в нечто совсем иное. Фактически Х. Уолпол вместе со многими соотечественниками продемонстрировал, что для него важнее не отвлеченные идеалы, а интересы своей страны.

Литература / References

Семенов 2008 =	<i>Семенов С. Б.</i> Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. 360 с.
<i>Semenov S. B.</i> Radikalnoe dvizhenie i bor'ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroy polovine XVIII veka [The Radical Movement and the Struggle for Parliamentary Reform in England in the Second Half of the XVIII th Century]. Samara, 2005. 360 p.
Уолпол 2005 =	<i>Уолпол Х.</i> Иероглифические сказки. Тверь, 2005. 58 с.
<i>Walpole H.</i> Ieroglificheskie skazki [Hieroglyphic Tales]. Tver, 2005. 58 p.
Gay 1967 =	<i>Gay P.</i> The Enlightenment: An Interpretation. Vol. I. L., 1967. 555 p.
Greenwood 1913 =	<i>Greenwood A. D.</i> Horace Walpole's world. A sketch of Whig society under George III. L., 1913. 258 p.
Ketton-Cremer 1946 =	<i>Ketton-Cremer R. W.</i> Horace Walpole. L., 1946. 334 p.
Lewis 1961 =	<i>Lewis W. S.</i> Horace Walpole. NY, 1961. 252 p.
Walpole 1840 =	<i>Walpole H.</i> The letters of Horace Walpole, the earl Orford. In 6 vols. Vol. V. L., 1840. 620 p.
Walpole 1914 =	<i>Walpole H.</i> Selected letters of Horace Walpole. L., 1914. 426 p.

¹⁷ Walpole 1914, 357–359.

ХОРАС УОЛПОЛ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТИСТ

М. А. Ковалёв

*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия
mkovalyov.89@mail.ru*

В статье рассматриваются два политических памфлета английского политика, писателя, историка и коллекционера Х. Уолпола. Он не был выдающимся государственным деятелем или политическим мыслителем, однако оставил важные документы эпохи, в которых даётся характеристика многим современникам (лорд Бьют, У. Питт-Старший, Г. Фокс, Дж. Гренвилль, лорд Галифакс, Ф. Дэшвуд, Э. Бёрк и многие другие). В силу этого немногочисленные политические памфлеты Х. Уолпола позволяют дать представление об объективности его оценок.

Ключевые слова: Великобритания, колонии, виги, памфлет, монархия, парламент, Америка.

HORACE WALPOLE AS A POLITICAL PAMPHLETEER

М. А. Kovalyov

*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs,
Vladimir, Russia
mkovalyov.89@mail.ru*

The article examines two political pamphlets of the English politician, writer, historian and collector H. Walpole. H. Walpole was not an outstanding statesman or political thinker, but left important documents of his epoch, which characterize many contemporaries (Lord Bute, W. Pitt, G. Fox, J. Grenville, Lord Halifax, F. Dashwood, E. Burke and many others). Therefore the few political pamphlets of H. Walpole afford an opportunity to give an idea of the degree of objectivity of his assessments.

Keywords: Great Britain, colonies, Whigs, pamphlet, monarchy, Parliament, America.

Хорас Уолпол – сын знаменитого премьер-министра Р. Уолпола. В 40–60-е гг. XVIII в. был членом парламента. Однако больше известен благодаря своей частной жизни как интеллектуал, писатель, историк искусства, коллекционер. В России он изучен главным образом филологами как литератор¹. Хотя имеются статьи Сергея Викторовича Королёва и Наталии Станиславовны Креленко об Уолполе как интеллектуале².

Уолпол-младший – один из представителей британской элиты, семья которого придерживалась вигской позиции. В то же время его вряд ли можно назвать выдающимся политиком или политическим мыслителем. Однако его перу принадлежит крупное историческое произведение – четырёхтомная «История правления Георга III», охватывающая период в 1760–1772 гг.³ Хотя это произведение и не является историческим исследованием даже в понятиях своего времени⁴, оно даёт характеристики ряду политических деятелей раннего периода правления Георга III. Среди них: лорд Бьют, У. Питт-Старший, Г. Фокс, Дж. Гренвилль, лорд Галифакс, Ф. Дэшвуд, Э. Бёрк и многие другие. В этом отношении политические взгляды самого Х. Уолпола представляют интерес с позиции объективности его оценки современников.

¹ Тесцов 1997.

² Королёв 2002, 379–382; Креленко 2015, 66–70; Креленко 2019, 183–186.

³ Kallich 1968, 834.

⁴ Креленко 2019, 184.

Сочинений же конкретно на политическую тематику у него не так много. В настоящем докладе я представлю анализ двух его памфлетов: «Письмо от Цо-Хо» (1757 г.) и «Отчёт об обнаруженных недавно великанах» (1766 г.). Полное название первого памфлета – «Письмо Цо-Хо, китайского философа, из Лондона, своему другу Линь Ши в Пекине»⁵. Оно выдержано в духе подражания «Персидским письмам» Монтескьё. Подобные сочинения были популярны в Великобритании середины XVIII в. (встречаются у Голдсимта, Литтлтона и др.⁶). Рассуждение от имени вымышленных лиц (в сочетании с анонимностью) позволяло обезопасить автора от преследований. В то же время подход, представлявший английские порядки глазами «Другого», выражает претензию на объективность и заслуживает особого внимания.

Вымышленный китаец не встаёт на позицию той или иной партии по понятным причинам. Он, по замыслу автора, искренне стремится понять суть государственного строя Великобритании (и шире – Западной Европы). Вся его критика (если можно так сказать) проистекает из отмеченной им непоследовательности британских властей. Он сравнивает парламентскую монархию в Великобритании и абсолютную – во Франции. Французы привержены разного рода предрассудкам, но они тверды в своих заблуждениях. Французы почитают своего короля. Англичане, напротив, слишком свободны, чтобы придерживаться всерьёз каких-либо принципов; вместо важных идей они предпочитают важные имена. Их отношение к королю зависит от того, насколько сам король лоялен действующему на данный момент министерству⁷.

Впрочем, Цо-Хо довольно позитивно расценивает принцип ответственности министров перед правительством. Однако он недоумевает, почему те или иные члены правительства попадают под суд или лишаются места, а затем вновь оказываются у власти (независимо от их реальной виновности). В данном сюжете рассказчик намекает на казнь адмирала Бинга, обвинённого в потере о. Менорка. Цо-Хо считает лоббирование и наличие внепарламентских связей противоречащими самому парламентскому режиму⁸. Что касается королевской власти, китаец красноречиво замечает: «Ты мог бы сказать, что у них нет короля»⁹. Такая система, по его словам, оскорбляет всех: как тех, кто чтит авторитет короля, так и тех, кто ценит правосудие и права подданных.

Сюжет другого памфлета «Отчёт об обнаруженных недавно великанах»¹⁰ начинается с сюжета о плавании капитана Байрона в Патагонию, где он столкнулся с великанами. Сам по себе их образ необходим автору лишь для изменения масштаба (и ракурса) рассматриваемых общественно-политических отношений (подобную роль играла у Свифта страна Бробдинг-нег). Однако, в отличие от «Путешествий Гулливера», рост патагонских великанов лишь на 3–4 фута превышает человеческий, что придаёт фабуле оттенок реализма, тем самым придавая сатире особую остроту. Надо заметить, что написана она с большим остроумием, языком, блистающим парадоксами, причём автор балансирует на грани реализма и фантастики. Например, «с открытием великанов – заявляет Уолопол, – нашим натуралистам, политикам, священникам и романистам открывается новое поприще, и тем самым они поднимаются от пигмеев до великанов...»¹¹.

Автор интересуется размерами вымышленной страны и пропорциональностью отдельных её объектов: домашнего скота, птицы, хлебных зёрен. Всё это делается ради оценки её полезности для колонизаторов. Он, в частности, выражает озабоченность тем, была ли земля великанов провозглашена владением британской короны. Задаётся вопросом, почему не были вывезены в Англию их женщины для улучшения породы англичан, которые, по утвер-

⁵ Walpole 1757.

⁶ Ковалёв 2018.

⁷ Walpole 1757, 1.

⁸ Ibid., 2–3.

⁹ Ibid., 5.

¹⁰ Walpole 1766.

¹¹ Ibid., 11.

ждениям патриотов, уже не одно столетие продолжают мельчать¹². Вместе с тем Уолпол не считает возможным и ввозить великанов в качестве новых мужей для английских вдов. Ведь таким способом Ирландия лишится последнего источника дохода. Брак по расчёту – единственная возможность для ирландских мужчин добиться чего-то в жизни¹³. Здесь, конечно, имеет место намёк на униженное положение Ирландии под английским господством.

Элемент иронии над религией и церковью также присутствует в трактате. К примеру, автор рассуждает о возможности обращения великанов в христианство. Ставит вопрос об их природе: относятся ли они к тем народам, которые существовали до Ноева потопа, или их следует рассматривать как потерянные десять племён израильских? В обоих указанных случаях данный народ вовсе не следует считать язычниками, которых следовало бы просветить христианским учением. Напротив, они должны сохранить веру в Бога в её первозданной чистоте. В противном же случае, если аборигены окажутся язычниками, их идолы пополнили бы музейные коллекции. Данная ирония направлена, очевидно, уже против антиквариетов – собирателей древностей, к которым относился и он сам¹⁴.

Свою долю насмешек получили в памфлете и деятели искусства. По словам автора, если бы образованная публика получила доступ к произведениям искусства, созданным гигантами, она узрела бы вовсе не те образы, что были созданы «мелкими» британскими писателями и поэтами. Но здесь ирония автора переносится и на него самого: «...Невелика разница с сюжетом одной страшной истории современного известного автора, который не нашёл ничего лучше для своего великана, как заставить его расти, пока тот не пошатнул собственный замок...»¹⁵ Здесь имеется в виду, конечно, его собственный «роман ужаса» «Замок Отранто», написанный несколькими годами ранее (в 1764 г.).

Уолпол также полагает необходимым «позаботиться» и об их хартии. Ибо на какой правовой основе земля великанов войдёт в состав Великобритании? Британские свободы, полагает он, слишком священны, чтобы распространять их по земному шару. К тому же великанов можно использовать вместо чернокожих рабов: пусть Африка вздохнёт свободно. Однако что делать, если великаны восстанут? Уолпол предусмотрительно предлагает калечить их, а также подавлять в них дух свободы. Здесь он ссылается на пример Древнего Рима, остававшегося образцом для интеллектуальной и политической элиты Великобритании. Но в данном случае он обращает внимание на отношение римлян к провинциям, против варварского разграбления которых выступали знаменитые ораторы. В этих словах звучит осуждение колониальной политики Великобритании XVIII в. Он также добавляет, что все реки текут и все копи полнятся золотом лишь для того, чтобы Англия, Франция и Испания раз в десять лет спускали все богатства в Германию. В данном случае осуждается участие Британии в войнах на континенте (конкретно – в Семилетней войне). В довольно резкой форме он обрушивается на практику покорения земель за морями, высмеивая миссионерскую деятельность среди туземцев, которая довольно быстро сменяется их эксплуатацией и нередко физическим уничтожением¹⁶.

В духе литературного парадокса Уолпол осмеивает захватнические амбиции Великобритании, отвергая необходимость предъявлять претензии на «миллион акров Гигантландии». Он предлагает решить проблему следующим образом: великанов не следует завоевывать, нужно просто сделать их пайщиками новоучреждённой Вест-Индской компании. И добавляет, что этим путем он намечает создание новой Компании Южных морей (поскольку Патагония находится в Южной Америке)¹⁷. Тем самым он делает отсылку к известному скандалу с разорением Компании Южных морей, произошедшему в 1721 г. Так в памфлете предаются осмеянию и финансовые спекуляции британской элиты.

¹² Ibid., 11–13.

¹³ Walpole 1766, 23–24.

¹⁴ Ibid., 25–29.

¹⁵ Ibid., 30.

¹⁶ Ibid., 14–17.

¹⁷ Ibid., 19.

Интересное пересечение с «Письмом Цо-Хо» содержится в сюжете о королевской власти, к которому он переходит от сюжета с колониями. Королями, он полагает, рождаются, а не становятся. С явной насмешкой автор описывает исключения из этого принципа. К примеру, Перу, где жители уже устали обменивать золото на тиранов. Кроме того – Россию, где Петру I наследовала солдатская проститутка (в оригинале soldier's trull – имеется в виду Екатерина I). Подлинные индийские князья, утверждает Уолпол, и вовсе рождены на Треднидл-стрит (улица в Сити, деловом районе Лондона)¹⁸. Снова критике подвергается зависимая от олигархии монархия.

Внезапное исчезновение всякой информации о великанах, якобы обнаруженных капитаном Байроном, памфлетист интерпретирует как правительственный заговор. Власти, по его словам, скрывали от нации такой ценный ресурс, они их попросту «прикарманили». Однако такое положение вещей автор полагает довольно опасным. Ведь внезапное появление на улицах Лондона сорока или пятидесяти тысяч великанов, не знакомых с цивилизацией, прежде независимых и ещё не забывших о своей свободе, чревато непредсказуемыми последствиями. С другой стороны, рассуждает он, в Великобритании слишком маленькая оппозиция, чтобы последняя могла допустить к власти кого-либо значительнее их¹⁹.

Таким образом, используя как метафору образ великанов, их нахождение, затем исчезновение и рассмотрев различные варианты их использования, Уолпол подвергает критике политику современного ему правительства. Он последовательно подверг осмеянию все варианты использования Британией диковинных туземцев, доводя каждое своё рассуждение до абсурда. Тем самым Х. Уолпол, используя эту тему, отмежевался от всех политических позиций.

На наш взгляд, в обоих памфлетах автор не выдвигает политических идей как таковых. Он выделяет два политических режима: абсолютизм и парламентаризм, каждый из которых имеет свои особенности, недостатки и, вероятно, преимущества. В Англии XVIII в., согласно памфлетам Уолпола-младшего, не реализуется ни один из них. Однако реальный государственный строй Британии, в его понимании, сочетает недостатки обоих. В силу этого вряд ли можно считать, что политические взгляды, в отличие от иных соображений, наложили существенный отпечаток на оценку Х. Уолполом своих современников.

Литература / References

- Ковалёв 2018 = *Ковалёв М. А.* Британская конституция XVIII века в оценке барона Дж. Литтлтона // Британия: История, культура, образование: сб. статей международной конференции / под ред. *А. Б. Соколова*. Вып. 4. Ярославль, 2018. С. 164–168.
Kovalyov M. A. Britanskaya konstitutsiya XVIII veka v otsenke barona Dzh. Littltona [XVIIIth century British constitution in baron G. Littleton's account] // Britaniya: Istoriya, kultura, obrazovaniye: sb. statey mezhdunarodnoy konferentsii / Ed. *A. B. Sokolov*. Vol. 4. 2018. P. 164–168.
- Королёв 2002 = *Королёв С. В.* Гораций Уолпол и Джон Спенсер: два английских дара второй половины XVIII в. // Книга: исследования и материалы. 2002. С. 379–382.
Korolyov S. V. Goratsy Uolpol i Dzhon Spenser: dva anglyskikh dara vtoroy poloviny XVIII v. [Horace Walpole and John Spencer: two English gifts of the second half of the XVIIIth century] // Kniga: issledovaniya i materialy. 2002. P. 379–382.
- Креленко 2015 = *Креленко Н. С.* Итальянские впечатления Х. Уолпола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 66–70. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-1-66-70.
Krelenko N. S. Italyanskiye vpechatleniya Kh. Uolpola [Italian impressions of H. Walpole] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2015. Vol. 15, issue 1. P. 66–70. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-1-66-70.
- Креленко 2019 = *Креленко Н. С.* Х. Уолпол об истории и историках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 183–186. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-2-183-186.

¹⁸ Walpole 1766, 19–21.

¹⁹ Ibid., 21–22.

- Krenko N. S. Kh. Uolpol ob istorii i istorikakh [H. Walpole on History and Historians] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. Vol. 19, issue 2. P. 183–186. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-2-183-186.*
- Тесцов 1997 = *Тесцов С. В. Переписка Горация Уолпола как литературный документ эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. СПб., 1997. 22 с.*
Testsov S. V. Perepiska Goratsiya Uolpola kak literaturnyy dokument epokhi [H. Walpole's Correspondence as a Literature Document of His Epoch]. PhD thesis. St. Petersburg, 1997. 22 p.
- Kallich 1968 = *Kallich M. Horace Walpole Against Edmund Burke: A Study in Antagonism (Part One) // Studies in Burke and His Time. 1968. Vol. IX. P. 834–863.*
- Walpole 1757 = *Walpole H. A letter from Хо-Хо, a Chinese philosopher at London, to his friend Lien Chi at Peking. L., 1757. 6 p.*
- Walpole 1766 = *Walpole H. An account of giants lately discovered. In a letter to a friend in the country. L., 1766. 31 p.*

DOI: 10.55000/MCU.2021.86.97.014

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ БРИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ В ИНДИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

Л. Р. Сабитова

*Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия
sabitovaliliya90@mail.ru*

В статье предпринята попытка осмысления британской политики по обеспечению безопасности владений в Индии в период вторжения Наполеона Бонапарта в османские Египет и Сирию. Обозначены исторические истоки «индийской тревоги», проанализированы позиции основных ответственных структур (министерства иностранных дел, Контрольного совета по делам Индии, местной администрации) и выявлены противоречия между ними, определившие отсутствие четкой стратегии.

Ключевые слова: Великобритания, Индия, Г. Дандас, У. Гренвилль, Р. Уэллсли.

THE PROBLEM OF BRITISH INDIAN POSSESSIONS' SECURITY AT THE TURN OF THE XVIII–XIXth CENTURIES

L. R. Sabitova

*Saratov State University,
Saratov, Russian Federation
sabitovaliliya90@mail.ru*

The article attempts to explain British policy of providing Indian possessions' security during the period of Napoleon Bonaparte's invasion in Ottoman Egypt and Syria. The historical sources of "Indian anxiety" are defined. The positions of the main responsible structures (Foreign Office, Board of Control for India, local administration) are analyzed and contradictions between them, which led to the absence of definite strategy, are eliminated.

Keywords: Great Britain, India, H. Dundas, W. Grenville, R. Wellesley.

Как известно, колониальная Индия долгое время являлась «жемчужиной британской короны». Хотя полностью территория Индостана перешла под управление Лондона лишь в середине XIX столетия (с 1858 г., когда Ост-Индская компания, управлявшая индийскими территориями, окончательно передала свои административные функции британской короне), вопрос о защите этих богатых азиатских владений был обозначен гораздо раньше. В частности, задуматься об их обороне и сохранности британских политиков заставила неудачная война с североамериканскими колониями (1775–1783). После их потери, наиболее ценными для Англии колониальными территориями были признаны обширные владения, которые находились под контролем Ост-Индской компании. С этого момента их безопасность стала одной из ключевых проблем внешней политики империи, соперничество за эти территории вошло в историю дипломатии как «Большая игра» в Азии¹.

Приоритет в этом направлении принадлежал кабинету У. Питта-младшего, который уже в 1784 г. настоял на принятии Индийского акта. Главной идеей данного документа явилось установление государственного контроля над индийскими владениями Ост-Индской компании. В этих целях был создан Контрольный совет по делам Индии. Его глава, близкий друг премьер-министра, Генри Дандас полагал, что в случае англо-французского вооруженного конфликта данная территория будет атакована в первую очередь. Впрочем, меры пре-

¹ Ingram 1980, 160–171.

досторожности пока были ограничены наблюдением за восточной политикой французов, которая оставалась весьма неопределенной и противоречивой².

Первой по-настоящему серьезной угрозой для британских владений в Индии, традиционно считается Восточный поход Наполеона Бонапарта (1798–1799). В историографии, особенно отечественной, утвердилось мнение, что вслед за вторжением в Египет, а затем и в Сирию, должно было состояться французское вторжение в Индию³. На эту мысль исследователей наталкивали документы (доклад Талейрана, переписка и приказы Наполеона, более поздние «Комментарии» французского императора, продиктованные им в ссылке на острове Святой Елены). Отметим, однако, что некоторые данные явно противоречат данному выводу. Например, адмирал Нельсон после победы над французским флотом при Абукире (1798) отмечал в своей переписке, что попавшие ему в руки депеши Бонапарта не упоминали об Индии⁴. К тому же, после уничтожения французской эскадры и установления господства английского флота в Средиземном море, экспедиция Бонапарта была явно сориентирована на действия именно на ближневосточной территории. Так или иначе, вопрос о намерениях Бонапарта на Востоке остаётся открытым. Завесу в этой области может приоткрыть осмысление политики Лондона по вопросу обеспечения безопасности английских владений в Индии на рубеже XVIII–XIX столетий.

В этом направлении следует выделить и охарактеризовать действия трёх важных инстанций, деятельность которых отражала общую стратегию внешнеполитических усилий Англии:

- контрольного совета по делам Индии и директоров Ост-Индской компании (Лондон);
- министерства иностранных дел (Лондон);
- генерал-губернатора Индии.

Исходя из оценок стратегии действий данных инстанций, можно определить, насколько реальной, по мнению англичан, являлась возможность проникновения армии Бонапарта в Индию и какие меры безопасности предпринимались для её защиты.

По мнению английского историка Э. Ингрэма, «если существовали структуры, отвечающие за индийские владения, то они были обязаны принимать во внимание любую, даже незначительную опасность». Действительно, Генри Дандас, глава Контрольного совета по делам Индии, рассматривал (ещё до вторжения Восточной армии Наполеона) три варианта французского вторжения на Индостан:

- Тулон – Стамбул – Трапезунд (Черное море) – далее: через Кавказ и Персию в Индию;
- Тулон – сирийская Александретта – далее: через территорию Аравийского полуострова к Персидскому заливу и на кораблях – в Индию;
- Тулон – египетская Александрия – Суэц – далее: через Красное море на кораблях в Индию⁵.

Вариативность в оценке ситуации доказывает, что точными данными о намерениях французов англичане явно не располагали. Об этом же свидетельствует быстрое отклонение первого варианта гипотетической угрозы. В частности, сам Дандас полагал, что если турки и пропустят французов, то русские вряд ли смирятся с их появлением в Черном море и на Кавказе. Второй вариант был также явно неэффективен. Англичане нашли его излишне рискованным и утомительным из-за неизбежного длительного перехода по пустыне. Как бы то ни было, охранять акваторию Персидского залива была послана сильная английская эскадра. Третий вариант угрозы для Лондона казался наиболее вероятным, так как для него имелись соответствующие предпосылки.

Для англичан не было секретом, что еще после русско-турецкой войны 1768–1774 гг., поставившей под угрозу целостность Османской Порты, французы начали рассматривать

² Ingram 1984, 27.

³ Линецкий 1942, 113.

⁴ Трухановский 1984, 135.

⁵ Ingram 1975, 258.

планы оккупации Египта. В течение 70–80-х годов XVIII столетия они соперничали с англичанами в Египте за предоставление им торговых привилегий, в частности права транзита товаров и почты из Красного моря в Средиземное через Суэц⁶. Однако Египет фактически вышел из-под повиновения султану и находился во власти мамелюкских беев, договориться с которыми европейцам было непросто. В то же время, давать им привилегии отказывался и Стамбул. В этой ситуации французские королевские агенты предлагали решить проблему путем вооруженного вторжения, чтобы «помочь» султану разобраться с мятежными подданными и обеспечить безопасность своей торговли. В Лондоне об этих планах знали и требовали подробных отчетов от своего посла в Париже. Однако в 1785 г. французское правительство посчитало, что цена подобной операции намного превысит выгоды от неё. Тем не менее англичане продолжали считать Египет одной из возможных целей противника, откуда открывается прямой путь в Индию.

Ситуация изменилась после начала Французской революции и прихода на пост министра иностранных дел Великобритании лорда Уильяма Гренвилля (1791). Этот политик считал приоритетным европейское направление внешней политики: Франция, по его мнению, должна была быть разгромлена на континенте. Другую точку зрения представлял Генри Дандас, с 1794 г. совмещавший пост главы Контрольного совета по делам Индии с должностью военного министра. Он считал более важным захват новых и защиту старых колоний: только они могли дать ресурсы для войны в Европе⁷.

Противостояние названных государственных деятелей и представляемых ими структур во многом определило непоследовательность и противоречивость действий англичан на восточном направлении. Гренвилль упорно блокировал все предложения Дандаса по усилению здесь английских позиций, а также игнорировал сообщения английских агентов на Ближнем Востоке о нарастающей активности французов. Между тем такие сообщения приходили уже в период существования первой антифранцузской коалиции (1793–1797). Так, Спенсер Смит, британский представитель в Стамбуле и родственник Гренвилля, писал о появлении французов в Омане, где они пытались шантажом склонить местного правителя на свою сторону с целью сделать Маскат опорным пунктом на пути в Индию. Планировалось, что агенты смогут вмешаться во внутренние дела Индии и подорвать там британское влияние. Согласно другим донесениям, французы собирались договориться с Ираном, но эта инициатива была безрезультатной, так как послы, вынужденные путешествовать инкогнито, появились в Исфагане без подарков и в разгар внутренних волнений. На данном этапе как Форин Оффис, так и Контрольный совет по делам Индии не были обеспокоены: деятельность французских агентов явно была неэффективной. Однако в 1795 г. Уильям Сидней Смит, командовавший эскадрой в Турции, предупредил Гренвилля о том, что если французы когда-либо займут Египет, то это развернет всю торговлю и коммуникацию европейцев с Индией от мыса Доброй Надежды к Ближнему Востоку. Об этом же писал Дандасу адмирал Бланкетт, эскадра которого патрулировала Красное море. Однако мнение британских морских офицеров услышано не было. Более того, в 1796 г. адмиралтейство приняло решение эвакуировать флот из Средиземного моря. Против такого решения выступил Дандас, считавший присутствие флота в регионе необходимым, хотя бы для поддержки сухопутных операций в южной Европе. Его поддерживал советник, сэр Марк Вуд, предлагавший в качестве военно-морской базы занять Мальту и обеспечить барьер от французского вторжения в Египет. Наконец, присутствие флота было необходимо для защиты английской торговли в Леванте, в частности для конвоирования торговых судов.

Несмотря на это, министр иностранных дел Великобритании заявил, что Ближний Восток не стоит внимания, и не верил, что французы могут направиться в Египет после громких побед в Европе – в Италии и на Рейне. Более того, он отказался от практики содержания консульств на Ближнем Востоке. По мнению Гренвилля, они не стоили затрат:

⁶ Ingram 1978, 3–21.

⁷ Ingram 1970, 206.

при необходимости, их должны были содержать заинтересованные торговые компании – Левантийская и Ост-Индская. В частности, он настоял на отзыве консула в Египте Джорджа Балдуина, который отбыл в Англию весной 1798 г., как раз накануне вторжения французской армии. Впрочем, даже когда оно стало свершившимся фактом, Гренвилль заметил: «Французская армия в Египте наносит интересам Англии гораздо меньше вреда, чем в каком-либо другом месте»⁸.

Тем не менее после того, как направление главного удара французов на Востоке было определено, Лондон, верный своей традиции воевать руками союзников, занялся проблемой их поиска. К примеру, Г. Дандас планировал защищать Индию при помощи русских войск. Критикуя эту инициативу, лорд Гренвилль потребовал передать ему четкие планы передвижения русских солдат, а также схемы возможных военных операций. Помимо этого, шеф Форин Оффис потребовал сведения о границах и положении дел в конгломерате индийских государств. В итоге глава Контрольного совета склонился к мнению, что воевать на стороне англичан проще всего привлечь турок, отправив в Стамбул необходимое количество своих военных специалистов. В итоге англичане реализовали именно этот план. При этом турки воевали за свои провинции (Египет и Сирию) и далеко от Индии. Однако осуществление задуманного обошлось англичанам дороже, чем предполагалось. Лондону пришлось отправить на Ближний Восток весьма значительные по численности сухопутные воинские контингенты из Индии, а также корпус генерала Р. Аберкромби из метрополии. В Средиземном море активно поддерживали антифранцузские операции эскадры Г. Нельсона и У. С. Смита; попытку заблокировать французов в Египте планировал осуществить адмирал Бланкетт из Красного моря. Его план предусматривал закрыть контролируемую акваторию для торговли и судоходства. Однако этому воспротивились чиновники Бомбея, частным образом торговавшие в Красном море, и генерал-губернатор Индии, маркиз Р. Уэллсли, посчитавший, что проблемы доступа к Святым местам для индийских мусульман-паломников, созданные англичанами, могут привести к антианглийским выступлениям в самой Индии.

Впрочем, не все политики были встревожены угрозами Франции в отношении Индии, считая, что для вторжения у противника (к тому же ослабленного внутренним революционным хаосом) не было ни сильного флота, ни хорошо укрепленных баз на Востоке (Египет, Сирия, Аравия, Персидский залив)⁹. В частности, эту точку зрения отстаивали министр иностранных дел У. Гренвилль и генерал-губернатор Индии Р. Уэллсли. Тем не менее высадка французских войск в Египте активизировала антианглийские и профранцузские силы в самой Индии. Уже за несколько лет до вторжения Бонапарта в Египет и Сирию правитель княжества Майсур Типу-султан вел с Парижем переговоры и даже составил возможный план раздела Индии между Францией и Майсуром. Наполеон также переписывался с мятежным правителем и желал ему удачи в непростой борьбе с англичанами. Однако практических последствий эти усилия не имели. Более того, внешние контакты Типу-султана английские власти использовали как повод для войны с Майсуром. Вскоре англичане взяли Серингапатам, столицу мятежного княжества. При штурме погиб и Типу-султан, так и не дождавшийся помощи от генерала Бонапарта. Кроме Майсура, англичане подчинили себе голландский Цейлон, который в условиях превращения метрополии в Батавскую республику мог стать сферой французского влияния. Таким образом, ряд возможных угроз был благополучно устранен. Однако британским владениям в Индии эти победы безопасности ещё не гарантировали.

В 1800 году союзнические отношения с Англией разорвала Россия, чья внешняя политика, усилиями императора Павла, начала смещаться в сторону союза с Наполеоном. Политики списывали этот поворот на сумасбродство российского императора, самым ярким доказательством которого был план по отправке казаков в Индию. Однако при ближайшем

⁸ Ingram 1978, 13.

⁹ Штейнберг 1948, 109.

рассмотрении донесений дипломатов становится ясно: в отличие от планов Наполеона, военные расчёты Павла I англичане считали весьма реальными.

Переход в русское подданство Грузии (1801) убедил их, что поход казаков Платова в Индию может состояться через Кавказ. В этой связи возникла необходимость «отгородиться» от России территориями граничивших с Индостаном стран. Таковыми рассматривались Иран и Афганистан. Однако мнения английских политиков разделились. Чиновники в Индии выступали за союз с Ираном – значительным по территории государством, враждебно настроенным по отношению к России. В 1800 и 1809 гг. полковник Дж. Малкольм совершил предварительные дипломатические визиты в Тегеран. Уже в ходе второго было достигнуто соглашение¹⁰. Однако союз с Ираном имел отрицательные стороны. Во-первых, страна была слишком слаба, чтобы эффективно противостоять России. Во-вторых, предполагаемый альянс неминуемо обеспечивал политические «осложнения» в отношениях с Россией (интриги англичан во время русско-иранской войны 1806–1813 гг. подтолкнули Александра I к Тильзиту) и Турцией (шиитский Тегеран был врагом суннитского Стамбула на протяжении нескольких столетий)¹¹. По этой причине влиятельные политики в Лондоне были против дальнейшего сближения с Ираном. Так, Контрольный совет по делам Индии выступал за союз с суннитским Афганистаном. Это снимало для англичан осложнения в отношениях с Турцией и давало повод уповать на помощь султана в ходе переговоров с кабульским эмиром. Однако генерал-губернатор Уэллсли выступил против союза с Афганистаном. По его мнению, война с ним могла стать предлогом захватить Удх – государство, расположенное между Бенгалией и Афганистаном. В итоге, ни с Ираном, ни с Афганистаном действующего союза у англичан не получилось. Помимо Ирана и Афганистана, в Лондоне также рассматривались проекты соглашений с наместниками ближневосточных провинций султана (Оман, Багдад) – на случай новых планов вторжения со стороны Франции. Однако и здесь безуспешно: каждая сторона искала выгоды для себя.

В начальные годы XIX столетия деятельности Контрольного совета, по-прежнему захваченного идеей обеспечения безопасности индийских владений, стал активно противиться Форин Оффис. Хаотичное вмешательство эмиссаров Совета в дела ближневосточных государств могло лишь повредить европейским интересам Англии и её усилиям по формированию антифранцузских коалиций¹². Позиция министерства в этом направлении подкреплялась твёрдым убеждением, что владениям Англии в Индии уже ничто не угрожает. Французы, несмотря на довольно активную провокационную деятельность на Востоке, явно сосредотачивались на европейских делах. Россия же после убийства императора Павла была возвращена в лагерь союзников Англии.

Таким образом, проблема безопасности британских владений в Индии на рубеже XVIII–XIX вв. предстает в качестве темы весьма противоречивой. Такое состояние дел явилось следствием неоднозначной оценки данного внешнеполитического фактора различными британскими политиками и заинтересованными структурами. Контрольный совет по делам Индии в лице своего лидера выступал за создание для Индии «щита» из ближневосточных территорий. Со своей стороны, хозяева министерства иностранных дел Великобритании рассматривали Восточное Средиземноморье и Ближний Восток исключительно в контексте европейских интересов Лондона. В этой ситуации Восточный поход Наполеона расценивался ими не в качестве реальной угрозы Индии, а в большей степени как возможность и предлог открыть новый театр военных действий и привлечь новые силы (Россия, Турция) на борьбу со своим главным континентальным соперником – Францией.

¹⁰ Amini 2000, 43.

¹¹ Гулиа 1978, 56.

¹² Ingram 1975, 271.

Литература / References

- Гулиа 1978 = *Гулиа Д. Г.* К истории Восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. 111 с.
Gulia D. G. K istorii Vostochnogo voprosa: russko-turetskaya voina 1806–1812 gg. i Angliya. [On the History of the Eastern Question: Russo-Turkish War and England]. Sukhumi, 1978. 111 p.
- Линецкий 1942 = *Линецкий В.* Уроки Восточной экспедиции // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 111–119.
Linetskiy V. Uroki Vostochnoy ekspeditsii [The Lessons of the Eastern Expedition] // Istoricheskiy Zhurnal. 1942. No. 7. P. 111–119.
- Трухановский 1984 = *Трухановский В. Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. М., 1984. 334 с.
Trukhanovkiy V. G. Sud'ba admirala: triumf i tragediya [The Admiral's Fate: the Triumph and the Tragedy]. M., 1984. 334 p.
- Штейнберг 1948 = *Штейнберг Е.* Англо-майсурские войны в 90-х годах XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 98–109.
Shteinberg E. Anglo-Maisurskiye voiny v 90-kh godakh XVIII veka [Anglo-Mysore Wars in the 90-th years of the XVIII century] // Voprosy istorii. 1948. No. 1. P. 98–109.
- Amini 2000 = *Amini I.* 2000. Napoleon and Persia: Franco-Persian relations under the First Empire. Washington, 2000. 228 p.
- Ingram 1970 = *Ingram E.* Two Views of British India: The Private Correspondence of Mr. Dundas and Lord Wellesley, 1798–1801. Bath, 1970. 344 p.
- Ingram 1975 = *Ingram E.* The Rules of the Game: A Commentary on the Defense of British India, 1798–1829 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1975. Vol. 3, No. 2. P. 257–279.
- Ingram 1978 = *Ingram E.* From trade to empire in the Near East – I: the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, No. 1. P. 3–21.
- Ingram 1980 = *Ingram E.* Great Britain's Great Game: an Introduction // The International History Review. 1980. Vol. 2, No. 2. P. 160–171.
- Ingram 1984 = *Ingram E.* In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London, 1984. 236 p. + XVIII.

DOI: 10.55000/MCU.2021.44.42.015

СУДЬБА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЛИЗАБЕТ ИНЧБАЛЬД (1753–1821): В КРУГУ АНГЛИЙСКИХ РАДИКАЛОВ

Е. А. Макарова

*МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
makarova200957@yandex.ru*

Статья посвящена практически не изученной в отечественной историографии фигуре – актрисе, писательнице, драматургу и литературному критику Элизабет Инчбальд (1753–1821), которая в 1790-е годы XVIII века, когда во Франции разыгрывались драматические события революции, входила в тесный круг английских политических радикалов, к которому принадлежали Уильям Годвин, Томас Холкрофт и другие, и в своих произведениях отразила политический дискурс эпохи.

Ключевые слова: Элизабет Инчбальд, Уильям Годвин, Томас Холкрофт, Французская революция, английский радикализм.

THE FATE AND ACTIVITIES OF ELIZABETH INCHBALD (1753–1821): IN THE CIRCLE OF ENGLISH RADICALS

E. A. Makarova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
makarova200957@yandex.ru*

The article is devoted to an almost unknown figure in Russian historiography – the actress, writer, playwright and literary critic Elizabeth Inchbald, who in the 1790s of the XVIIIth century, when the dramatic events of the revolution were played out in France, was part of a close circle of English political radicals, to which William Godwin, Thomas Holcroft and others belonged, and in her works reflected the political discourse of the epoch.

Keywords: Elizabeth Inchbald, William Godwin, Thomas Holcroft, French Revolution, English radicalism.

Начало революции во Франции было встречено в Англии с симпатией и воодушевлением. Либеральные круги видели в ней осуществление конституционных принципов 1688 года, правительство надеялось на ослабление своего давнего конкурента, приверженцы просветительской философии расценивали её как беспрецедентный триумф теории¹. Английский радикализм, берущий свое начало в 60-х годах XVIII века, получил под влиянием событий во Франции новый стимул к развитию. Воодушевленные обещанием новой социальной системы, радикалы, настроенные враждебно по отношению к существующим установлениям, выдвигали требование политической свободы. В среде интеллектуалов обсуждались идейные принципы, которые должны были его обосновать². Английское движение за политическую свободу было представлено такими деятелями, как Дж. Тэлуолл, Дж. Пристли, Т. Пейн, Т. Холкрофт, М. Уолстонкрафт, У. Годвин.

В эпоху социальных потрясений, когда мыслящие люди стремились дать ответы на поставленные временем вопросы, чрезвычайно важна была роль интеллектуальных лидеров, наделенных способностью к теоретическим обобщениям. И если лидером консервативного лагеря стал Эдмунд Бёрк, написавший в 1790 году «Размышления о революции во Франции», то в оппозиционном движении начала 1790-х годов на одно из первых мест выдвинулся по-

¹ Макарова 1987, 247–248.

² Allen 1924, 277.

литический мыслитель и философ Уильям Годвин (1756–1836) – бывший диссентерский проповедник, с 1782 года поселившийся в Лондоне и занимавшийся литературной и публицистической деятельностью. Желая принять участие в полемике в Бёрком, Годвин в 1791 году приступил к написанию монументального трактата «Исследование о политической справедливости», который, по его собственным словам, «поставил бы политические принципы на непоколебимую основу»³. Работа шла в тесном взаимодействии с интеллектуалами радикального направления. Трактат, опубликованный в 1793 году, а также изданный в 1794 году роман «Калеб Уильямс» во многом явились результатом брожения сил и идей, которые выражали эти люди.

Годвин на протяжении всей жизни обладал даром силой своей мысли привлекать последователей и друзей, оказывая глубокое влияние на их мировоззрение и жизнь⁴. Исследователи справедливо говорят о «годвинианском круге» (*Godwin's circle*) – его интеллектуальном окружении⁵. Оппозиционная деятельность этого круга единомышленников рассматривается как «важный культурный феномен» 1790-х годов⁶. *Godwin's circle* включал людей, вышедших из низших слоев среднего класса, многого достигших путем самообразования и ставивших «таланты, заслуги и добродетели» выше тех привилегий, которые дают богатство и воспитание.

Некоторые члены этого круга с энтузиазмом поддержали высказанные Годвином положения. Другие отнеслись к ним с настороженностью, поскольку выводы, к которым он пришел, пойдя дальше всех своих предшественников, оказались оригинальными и неповторимыми⁷. Поэтому изучение той атмосферы, в которой были созданы самые известные произведения Годвина, представляет значительный интерес.

В интеллектуальном окружении Годвина мы видим не только мужчин, но и выдающихся женщин той эпохи: М. Уолстонкрафт, Х. М. Уильямс, А. Олдерсон, А. Барбо, М. Хейз, Э. Фенвик, Ш. Смит, М. Робинсон, Э. Инчбальд. По словам исследовательницы Б. Тэйлор, это была «первая группа женщин-интеллектуалок, ворвавшихся в британское движение за политические реформы... что было беспрецедентным событием»⁸. Сочинения, вышедшие из-под пера этих незаурядных женщин, прямо или косвенно отражали политические потрясения 1790-х годов.

В данной работе предполагается рассмотреть эту тему на примере литературного взаимодействия Уильяма Годвина с писательницей и драматургом Элизабет Инчбальд, которая входила в круг его ближайших друзей, была известна в театральных и литературных кругах и причислялась современниками к радикальному направлению.

Элизабет Инчбальд (в девичестве Симпсон) родилась в Станнингфилде (графство Саффолк) в 1753 году в католической семье. Ее отец умер, когда ей было 8 лет, а мать была обременена многочисленным семейством. Элизабет с детства любила театр и мечтала стать актрисой. В 1772 году, в возрасте 19 лет, она оставила родительский дом и отправилась в Лондон, желая начать там самостоятельную жизнь⁹. В этом проявилось присущее ей стремление к независимости. Обосновавшись у своей замужней сестры, Элизабет предприняла попытки стать актрисой. Это далось ей нелегко. Сказывалось отсутствие протекции и легкое заикание. Тем не менее благодаря трудолюбию и упорству ей удалось усовершенствовать свое актерское мастерство.

В 1772 году она вышла замуж за актера Джона Инчбальда¹⁰, который был почти вдвое старше ее. Этот брак не основывался на любви. Скорее он был способом оградить себя от

³ Paul 1876a, 67.

⁴ Allen 1924, 278, 279.

⁵ Philp 1986, 9, 61, 120–142, 175–193, 227.

⁶ Garnai 2009, 17; Philp 1986, 171–172.

⁷ Алексеев 1960, 261.

⁸ Taylor 2003, 178.

⁹ Manvell 1987, 1–5.

¹⁰ Boaden 1833a, 30–31.

проявлений вольного обращения с актрисами в театральной среде и одновременно преуспеть в сценической карьере. В том же году Элизабет уже играла Корделию в спектакле «Король Лир» – ее мечта наконец-то осуществилась¹¹. Особый успех Инчбальд имела, когда играла в провинции. На сцене лондонского театра «Ковент-Гарден» в 1780 году ее таланты заслужили меньше похвал. Тем не менее в пьесах Шекспира она сыграла роли Джульетты и Дездемоны. В 1777 году состоялось ее знакомство со знаменитой актрисой Сарой Сиддонс и ее младшим братом Джоном Кемблом – актером и антрепренером. По-видимому, Элизабет была тайно в него влюблена, но их отношения так и не вышли за границы дружеских¹². Тогда же она приступила к написанию одного из своих главных романов, получившего впоследствии название «Простая история»¹³.

После неожиданной смерти мужа в 1779 году Инчбальд, оставшись вдовой в возрасте 26 лет, никогда более не связывала себя узами брака. Высоко ценя свою независимость, она стремилась к тому, чтобы всемерно развить и образовать себя, читая философские и поэтические произведения, литературные эссе и романы. Первые пробы пера, увлечение писательством, помимо всего прочего, стали средством получения заработка¹⁴.

Поскольку Инчбальд как актриса хорошо знала театр изнутри, она начала с написания «фарсов»¹⁵. По большей части они были навеяны французскими постановками, с которыми она познакомилась в Париже. Так как «фарсы» имели успех у публики, за ними последовали комедии. Первая из них – «Великий Могол» (1784) – понравилась зрителям и принесла автору 100 гиней, немалую по тем временам сумму. Сильная сторона Инчбальд как драматурга заключалась в остроумных диалогах и обращении к актуальным социальным проблемам. В общей сложности за период с 1784 по 1805 год ею были созданы более 20 пьес, из которых 18 были опубликованы¹⁶. Ставились они главным образом на сцене лондонских театров «Ковент-Гарден» и «Хеймаркет». К 1789 году Инчбальд достигла такой степени известности как драматург, что завершила свою актерскую карьеру, которая продолжалась в общей сложности 17 лет, и сосредоточилась на литературном труде.

В 1791 году вышел в свет первый роман Инчбальд «Простая история» (“*A Simple Story*”)¹⁷, который, как считают исследователи, был отчасти автобиографическим¹⁸. В первой его части излагалась история юной мисс Милнер, отец которой, умирая, оставил ей состояние и сделал ее опекуном католического священника Доррифорта. Богатая, жизнерадостная и независимая, она восхищается Доррифортом, но не хочет подчиняться его строгим правилам, желая вести светский образ жизни. Постепенно мисс Милнер осознает, что влюблена в своего опекуна, но его духовный сан не позволяет ей открыть ему свои чувства. Когда Доррифорт неожиданно наследует титул лорда Элмвуда и освобождается от обетов, они обручаются. Однако после счастливого начала, брак их закончился катастрофой. Во время долгого отсутствия Элмвуда в Индии, у его жены завязывается роман с поклонником, ухаживавшим за ней в годы ее молодости.

Вторая часть «Простой истории» переносит читателя на 17 лет вперед и повествует о жизни дочери мисс Милнер и лорда Элмвуда – Матильды. Ее судьба представляет собой полную противоположность жизни ее матери. Лорд Элмвуд вначале отторгает дочь, а затем примиряется с ней. Матильду, в отличие от её матери, притягивает, а не отталкивает проявление патриархальной власти, что в конечном счете завершается счастливым браком.

Роман автобиографичен и этим во многом, обусловлено то, что он наполнен психологической и даже политической напряженностью. Элизабет Инчбальд, рано лишившаяся отца

¹¹ Boaden 1833a, 32.

¹² Manvell 1987, 9, 15; Boaden 1833a, 75.

¹³ Inchbald (1791) 1986.

¹⁴ Garnai 2009, 122.

¹⁵ Sigl 1989, 202.

¹⁶ Garnai 2009, 122.

¹⁷ Inchbald (1791) 1986.

¹⁸ Jenkins 2003, 274–275; Garnai 2009, 133.

и вышедшая замуж за человека вдвое старше себя, ощущала необходимость в поддержке и опеке. С юности следовавшая твердым моральным принципам, она смогла преодолеть опасности, связанные с отношениями зависимости. Отсюда проистекало ее умение проводить грань между зависимостью «естественной» и «искусственной», сопряженной с моральной нечистоплотностью. Не менее остро для Инчбальд стоял и вопрос различения стремления к свободе и независимости от прерогатив мужчин с одной стороны, и своеволия женщины – с другой¹⁹.

«Простая история» полна парадоксов, которые в полной мере были описаны психологией лишь в XX веке. В случае с матерью богатство и стремление к независимости, омраченные своеволием, приводят к катастрофе. Обретая лорда Элмвуда, мисс Милнер теряет себя (что символизирует подаренное им во время помолвки траурное кольцо как предзнаменование будущих несчастий)²⁰. В случае с Матильдой, её бедность и покорность обстоятельствам в конечном счете приводят к благу. Разгадка этого парадокса связана с мотивами поведения, которые коренятся в воспитании. Об этом прямо сказано в финале романа: «мистер Милнер, дед Матильды, лучше бы распорядился, если бы передал свое богатство дальним родственникам, как это сделал лорд Элмвуд, давший своей дочери вместо наследства хорошее воспитание!»²¹. Воспитание Матильды уравнивает её эмоциональную чувствительность и интеллектуальную рациональность и именуется в романе «школой благоразумия». Пройдя её, Матильда обретает «трезвомыслие»: она знает достаточно, чтобы не хотеть слишком много. Роман «Простая история» имел большой успех у читающей публики. Живописующий страсти и чувства героев, он может быть отнесен к «романам страсти» ('*novel of passion*') – раннему примеру литературы романтизма.

Отечественное литературоведение склонно трактовать «Простую историю» как произведение, следующее «традиции английского романа о воспитании чувств конца XVIII века»²². «Простая история» была популярна в то время не только в Англии, но и в Европе в целом²³. Об этом свидетельствовал перевод книги на французский, а также то, что она дважды (в 1794 и в 1848 годах) переводилась на русский язык²⁴.

Годвин, прочитавший рукопись романа Инчбальд в 1790 году, еще до его выхода в свет, был поражен «свободным и философским» складом ее ума²⁵. «Простая история» служила для него источником вдохновения. Известно, что он перечитывал ее каждый раз, когда писал свои наиболее значимые романы – «Калеб Уильямс» (1794), «Сент-Леон» (1799), «Флитвуд» (1804), «Делорейн» (1831)²⁶.

Личное знакомство Годвина и Инчбальд, быстро переросшее в настоящую дружбу, относится к 29 октября 1792 года²⁷. Элизабет Инчбальд, будучи на три года старше Годвина, уже оставила сцену и достигла успеха и известности как драматург и автор романов. Годвин, обосновавшийся в Лондоне десятью годами ранее, автор многочисленных сочинений, написанных в разных жанрах, дописывал тогда последние разделы трактата «Исследование о политической справедливости» – одного из самых значительных произведений своей жизни, сделавшего автора «властителем дум» целого поколения. По словам литературного критика У. Хэзлитта, трактат «увлек за собою наиболее пламенные и смелые умы своего времени»²⁸.

Начиная с этого момента они регулярно обменивались светскими визитами, вместе посещали театральные спектакли, что зафиксировано в дневниковых записях Годвина, читали и

¹⁹ Garnai 2009, 125.

²⁰ Inchbald (1791) 1986, 193.

²¹ Ibid., 338; Garnai 2009, 130.

²² Сарана 2017, 262.

²³ Там же, 263.

²⁴ Инчбальд 1848.

²⁵ Boaden 1833a, 159.

²⁶ Clemmit 2009, 111, 115.

²⁷ Locke 1980, 358; Garnai 2009, 176; Philp 1986, 239.

²⁸ Hazlitt 1858, 47–50.

комментировали сочинения друг друга, писали письма. Этот диалог, хотя и с некоторыми перерывами, продолжался более четверти века²⁹.

В отличие от большинства женщин, примыкавших к «годвинианскому кругу», Инчбальд, как уже было сказано выше, исповедовала католицизм. Парадоксальным образом это сближало ее с Годвином, вышедшим из среды английских диссентеров, поскольку как католики, так и диссентеры в Англии, не принадлежа к официальной церкви, не обладали всей полнотой гражданских прав вплоть до реформ 1828–1829 годов.

Хотя некоторые исследователи полагают, что чувства Годвина к Элизабет Инчбальд до появления в его жизни Мери Уолстонкрафт были более чем дружескими³⁰, мало свидетельств, которые подтверждали бы это³¹. Скорее можно говорить о том, что взаимное личное уважение Годвина и Инчбальд находило главное выражение в их искреннем восхищении литературными талантами друг друга и взаимной критике своих недостатков.

Знакомство их началось с обсуждения пьесы Инчбальд «Резня» (*“Massacre”*)³², в которой содержались аллюзии на убийство более тысячи заключенных, главным образом роялистов, в Парижских тюрьмах в сентябре 1792 года³³. Еще в августе 1792 года в Англии начали публиковаться известия о жестокостях, творимых во Франции, что побудило Инчбальд в октябре создать собственную драматическую версию происходящего. Хотя в пьесе речь шла о событиях Варфоломеевской ночи 1572 года, было понятно, что за этим стоят современные события. Автор живописует историю семьи Трикастен, которая скрывается в своем поместье от разъяренной толпы. Герой повествования и его отец предстают перед судом и оказываются оправданы, в то время как женщины и дети, пытавшиеся спастись бегством, растерзаны толпой. Инчбальд исследует проявления нетерпимости и жестокости, которые несут с собой силы, приводимые в действие революцией³⁴.

Автор направила рукопись пьесы как радикалам – У. Годвину и Т. Холкрофту, так и апологетам действующей власти – Дж. Хардингу и Дж. Тэйлору. Предчувствуя приближение нарастающей волны правительственных репрессий, особенно после принятия в мае 1792 года королевской прокламации против «мятежных сочинений», Годвин советовал Инчбальд воздержаться от публикаций на политические темы, которые могли быть истолкованы как «подстрекательские». Инчбальд последовала совету Годвина: «Резня» не была поставлена на сцене, ее публикация была отложена³⁵. Лишь в 1833 году, одиннадцать лет спустя после ее смерти, первый биограф Инчбальд Джеймс Боаден включил ее в качестве приложения к написанной им ее биографии³⁶.

Дневниковые записи Годвина этого периода полны упоминаний об Инчбальд. Причем он не делает различий между ней и своими друзьями-мужчинами, такими как Томас Холкрофт и Уильям Николсон, с которыми в ходе написания «Политической справедливости» он регулярно встречался и вел дискуссии на политические и философские темы. В декабре 1792 года, посетив судебный процесс, на котором Томасу Пейну заочно было предъявлено обвинение в публикации «крамольной клеветы» (второй части «Прав человека»), Годвин пригласил Инчбальд, чтобы «поговорить об Эрскине (Томас Эрскин – адвокат Пейна на процессе. – Е. М.) и Франции...»³⁷. Кроме того, во время их встреч беседы велись на литературные и философские темы – «о Шеридане и чтении», «свободе и необходимости», «образовании» и «браке»³⁸.

Возможно, именно Инчбальд мы обязаны тем, что Годвин решил издать в 1794 году свой роман «Калеб Уильямс» где он в литературной форме развивал идеи «Политической

²⁹ Clemit 2009, 109.

³⁰ Jenkins 2003, 272, 364; Locke 1980, 110; Kelly 1976, 91.

³¹ Clemit 2009, 109.

³² Inchbald 1833.

³³ Boaden, 1833a, 365.

³⁴ Макарова 2020, 169–176.

³⁵ Clemit 2004, 74.

³⁶ Inchbald 1833; Boaden 1833a, 355–380.

³⁷ Goodwin 1979, 271.

³⁸ Clemit 2004, 73.

справедливости». Начав писать роман в феврале 1793 года и написав большую часть первого тома, он отправил его для прочтения Джеймсу Маршаллу, с которым в свое время учился в Хокстонской диссентерской академии, желая знать его мнение. И получил обескураживающий совет сжечь написанное³⁹. К счастью, Инчбальд, прочитавшая не только первый, но и последующие разделы романа и проанализировав его достоинства и недостатки, вынесла следующий вердикт: «...Люди, обладающие вкусом и способностью к суждению, будут восхищены исключительными талантами, непрестанной энергией ума, которую Вы проявили»⁴⁰. Она также прозорливо предвидела, что «Калеб Уильямс» будет интересен для всех слоев английского общества. Эта поддержка способствовала завершению романа, который имел огромный успех. В 1817 году Годвин в письме к Инчбальд с благодарностью и «некоторым волнением» вспоминал «тот род взаимодействия, который происходил между нами, когда Калеб Уильямс был еще молод и в расцвете сил... и сотни раз с большим удовольствием смотрел на... заметки на полях и примечания, которыми Вы украсили страницы моих сочинений того периода»⁴¹. Инчбальд также высказывала в письмах свое мнение о художественных достоинствах «Калеба Уильямса». После прочтения первых тридцати страниц она восторженно писала Годвину: «Никто не радуется, так как я, когда обнаруживает что-то новое. Я нахожу, что Ваш стиль отличается от всего, что я когда-либо встречала... должна добавить к похвалам Вам, что это тончайший и в то же время самый краткий способ передачи человеческих ощущений»⁴².

Созданный в годы антиякобинского террора, «Калеб Уильямс» отразил зловещую обстановку преследований. Оптимизм «Политической справедливости» сменяется в нем пессимистическими настроениями⁴³. Здесь необходимо отметить, что к 1793 году и друзья и враги Французской революции уже не так относились к ней, как в первые два года после взятия Бастилии. На состояние общественного мнения решительно повлияли сентябрьские убийства 1792 года, провозглашение Франции республикой, казнь Людовика XVI и последовавшее за ней начало войны между Англией и Францией (в феврале 1793 года). Английское правительство консолидировалось и приступило к активному подавлению оппозиционных настроений. Первые процессы против «английских якобинцев» начались осенью 1793 года, что было прямым посягательством на свободу слова и печати. В начале 1794 года репрессии продолжились, и вплоть до 1 февраля 1795 года действие Habeas Corpus Act было приостановлено. Осенью 1795 года в парламент были внесены законопроекты, получившие в английском обществе название «биллей о затыкании рта». Деятельность членов Лондонского корреспондентского общества была приравнена к государственной измене, а сами они клеймены как «враги отечества»⁴⁴.

Ближайшее окружение Годвина оказалось затронуто этими репрессиями. Осуждены были лидеры Эдинбургского «конвента» Т. Мюир и Т. Ф. Палмер, привлечены к суду двенадцать видных членов Лондонского корреспондентского общества: Т. Гарди, Дж. Тэлуолл, Дж. Горн-Тук, Т. Холкрофт и др. Томас Холкрофт (1745–1809) – которого связывала тесная дружба как с Годвином, так и с Инчбальд – был драматургом, автором романов, переводчиком, актером. Вышедший из очень простой семьи (отец его был сапожником) он добился успеха путем самообразования. Холкрофт был пламенным сторонником принципов Французской революции. В 1791 году он способствовал выходу в свет первой части «Прав человека» Т. Пейна. В 1792 году Холкрофт вступил в Общество конституционной информации, а в начале 1794 года был назначен членом комитета связи для работы с Лондонским корреспондентским обществом. За свою деятельность осенью 1794 года он был обвинен в государственной измене и содержался в Ньюгейтской тюрьме. В декабре 1794 года Холкрофт был

³⁹ Paul 1876a, 89.

⁴⁰ Paul 1876a, 139; Locke 1980, 69–70.

⁴¹ Clemit 2009, 110; Boaden 1833b, 111; Clemit 2004, 74.

⁴² Clemit 2009, 111.

⁴³ Макарова 1987, 258.

⁴⁴ Там же, 254–257.

освобожден без суда, после того как были оправданы Т. Гарди и Дж. Горн-Тук. В этом была большая заслуга Годвина, опубликовавшего «Критический разбор обвинения, представленного главным судьей лордом Эйром большому жюри присяжных». Вскрыв хитросплетения обвинительного акта, Годвин разоблачил планы правительства: «Доселе все считали, что действительно был раскрыт какой-то опасный заговор... но тут упала повязка с глаз тех, кто еще слепо верил правительству, и все вдруг увидели, что само правосудие совершало преступление»⁴⁵. Несмотря на то, что философия Годвина исключала доктрину действия, он нашел в себе достаточно гражданского мужества, чтобы в период репрессий правительства против политической оппозиции в 1793–1794 годах выступить в защиту английских «якобинцев».

Элизабет Инчбальд, несмотря на присущую ей осторожность, не осталась безучастной к происходящему. Узнав, что Холкрофт заключен в тюрьму по обвинению в государственной измене, она «не тревожась за себя, и не желая бросить друга... тотчас же отправилась с издателем Робинсоном в Ньюгейт, чтобы навестить его»⁴⁶.

В этом зловещем политическом климате Англии середины 90-х годов XVIII века был создан следующий роман Инчбальд – «Природа и искусство» (“Nature and Art”)⁴⁷. Он был подготовлен к публикации в 1794 году и соединял в себе сентиментальную историю с социальной критикой. В январе 1794 года рукопись романа была разослана Инчбальд для прочтения друзьям – Годвину, Холкрофту и Дж. Хардингу⁴⁸.

Годвин регулярно помогал Инчбальд в подготовке ее рукописей к публикации⁴⁹. Над черновиком романа «Природа и искусство» он работал, следуя ее прямым указаниям, данным в письме от 24 января 1794 года. Она писала: «Умоляю, отмечайте плохую орфографию и грамматику, неясности, занудство и т. д. ...И, молю Вас, не проповедуйте»⁵⁰. Более того, Годвин настойчиво поощрял ее к изданию романа, написание которого у нее ушло два года⁵¹. После завершения работы над рукописью Годвин в 1795 году, как свидетельствуют его дневниковые записи, прочитал ее дважды. После этого Инчбальд продала ее издателю Робинсону за 150 фунтов⁵².

Хотя в романе «Природа и искусство» Инчбальд воздержалась от прямых отсылок к революции, ее консервативно настроенные друзья выступили с его осуждением. Ее предупреждали, что это сочинение может повлечь за собой политическое и судебное преследование. Биограф Инчбальд Дж. Боаден писал, что «время от времени она получала анонимные письма, призывающие к осторожности»⁵³. Публикация была отложена. В послании Годвину этого периода Инчбальд писала, что «перед ее мысленным взором стоит Ньюгейт»⁵⁴. В конечном счете роман вышел в свет только в 1796 году. В нем на первое место вышла политическая повестка дня, а социальная критика была выражена самым простым и ясным образом⁵⁵. Автор книги стремилась показать губительные последствия воздействия на человека жестокого и лицемерного общества.

«Природа и искусство» повествует о двух братьях, Уильяме и Генри Норвинах, приехавших в Лондон без гроша в кармане. Генри удается достичь финансового благополучия и дать брату образование, а затем получить для него место в церковной иерархии. После женитьбы Уильяма, отчасти по настоянию жены, он отрекается от своего брата, который, взяв маленького сына, также названного Генри, присоединяется к англичанам, направляющимся

⁴⁵ Макарова 1987, 257–258.

⁴⁶ Boaden 1833a, 330.

⁴⁷ Inchbald (1796) 1994a; Inchbald (1796) 1994b.

⁴⁸ Kelly 1976, 98; Jenkins 2003, 372.

⁴⁹ Boaden 1833a, 315–330.

⁵⁰ Clemit 2009, 110.

⁵¹ Boaden 1833b, 354.

⁵² Ibid., 3.

⁵³ Boaden 1833a, 330.

⁵⁴ Paul 1876a, 141.

⁵⁵ Garnai 2009, 140–141.

на остров у берегов Африки. Там колонизаторы (за исключением двух Генри) погибают во время восстания местных жителей. Главные герои оказываются в плену. По прошествии лет Генри удается тайно переправить сына в Англию и передать на попечение брата. Уильям, охваченный чувством вины, берет его в дом, чтобы воспитывать вместе со своим сыном, также названным Уильямом.

Инчбальд в романе прослеживает судьбы молодых людей, противопоставляя «естественное» воспитание юного Генри элитарному, но «искусственному» образованию его кузена. Когда юноши достигают совершеннолетия, Уильям становится заносчивым и эгоистичным, готовым манипулировать теми, кто ниже его по рангу, ради личной выгоды. Генри – «естественный» человек, не разделяет ценностей общества, в которое он был принят. Он разоблачает неравенство и несправедливость, с которыми постоянно сталкивается в семье своего дяди.

Тем временем Уильям-младший знакомится с молодой деревенской девушкой Ханной Примроуз, которую соблазнив, бросает. Далее история Ханны становится одной из главных тем романа – ее беременность, оставление ребенка и последующее воссоединение с ним, впадение в нищету, связи с преступным миром, за которыми следует неизбежная смерть (по иронии судьбы именно Уильям, возглавляющий суд, не узнавая Ханну, приговаривает ее к смерти). Роман завершается тем, что Генри вызволяет своего отца из плена и воссоединяется с ним и Ребеккой – женщиной, которая преданно ждала его в хижине на берегу моря, в добровольном изгнании из жестокого и лицемерного общества, пагубное воздействие которого показано на протяжении всего произведения. Здесь слышны отголоски идей Руссо (о «естественном человеке, не испорченном цивилизацией») и Вольтера (финал романа перекликается с последними строками из «Кандида» – «каждый должен возделывать свой сад»).

Реакция на роман не заставила себя ждать. Консервативный «Британский критик», признавая, что «книга написана... замечательно хорошо», в то же время выражал «серьезное несогласие со многими принципами», которые в ней утверждаются, обнаруживал «множество искажений в описании характеров и ситуаций, много неточностей». Более всего рецензент сокрушался о том, что автор имеет «самые одиозные и преувеличенные представления» относительно «ошибок и слабостей тех, кто занимает высокое положение»⁵⁶. Позже, в 1800 году «Антиякобинское обозрение» – официозное, лоялистски настроенное издание, пошло еще дальше, назвав роман Инчбальд «нагромождением самого наглого, зловредного и дерзкого абсурда», а ее саму «демократической гиеной»⁵⁷.

В отличие от первого романа Инчбальд в «Природе и искусстве» социальные проблемы Англии конца XVIII века и политическое мировоззрение автора доминируют над тонкой проработкой характеров героев. Неотъемлемым элементом сюжета становится критика институтов власти, которые оказывают роковое воздействие на судьбы центральных персонажей. Существование цензуры, сцены несправедливого суда⁵⁸ (явно написанные под влиянием «Калеба Уильямса» Годвина), мольба о справедливости и тщетность попыток ее добиться⁵⁹, когда главное – это «не преступление, а то положение, которое нарушитель занимал в обществе»⁶⁰; война и ее пагубные последствия; воспитание «вне цивилизации» и элитарное английское образование, которое препятствует независимому мышлению⁶¹; взаимоотношения колонизаторов с туземным населением⁶²; жесткая иерархическая структура английского общества, нежелание властей оказать помощь бедным арендаторам в голодные годы⁶³ и жестокие кары (повешение), которые полагались за попытки бунта⁶⁴, – все это показывает полити-

⁵⁶ Garnai 2009, 133.

⁵⁷ Ibid., 6–7, 133.

⁵⁸ Inchbald (1796) 1994b, 142–143.

⁵⁹ Ibid., 23–24.

⁶⁰ Inchbald (1796) 1994a, 123.

⁶¹ Inchbald (1796) 1994a, 46; Inchbald (1796) 1994b, 56.

⁶² Inchbald (1796) 1994a, 51; Inchbald (1796) 1994b, 125, 126.

⁶³ Inchbald (1796) 1994a, 124.

⁶⁴ Inchbald (1796) 1994a, 126–129.

ческую ангажированность Инчбальд и то, что прямо или косвенно она возлагает ответственность за голод и нужду на короля и парламент.

Как явствует из письма к Годвину, под одним из отрицательных персонажей (лорд опочивальни Бендхем) был выведен не кто иной, как «его всемилостивейшее Величество Георг Третий»⁶⁵. Подоплекой антимонархических настроений Инчбальд были события голодного 1795 года, когда разъяренная, враждебно настроенная толпа напала на карету короля, следовавшего на открытие сессии парламента. Все это свидетельствовало о глубине радикального послания Инчбальд. В этом смысле, говоря об этом романе, можно вслед за канадским исследователем Г. Келли причислить Инчбальд, наряду с Годвином и Холкрофтом к кругу «английских якобинцев», деятельность которых способствовала формированию радикального политического мышления в ходе революционного десятилетия 1789–1799 годов⁶⁶.

Общее впечатление после прочтения романа «Природа и искусство» выразил У. Хэзлитт, писавший, что «это одна из самых трогательных и интересных историй». Но воздействие её на чувства читателя «самое удручающее». По его мнению, произведение «опустошает душу... удерживая от того, чтобы прочесть книгу дважды»⁶⁷: осознание несправедливости и неравенства, отсутствие альтернативы, когда некуда укрыться от безжалостной жестокости общества⁶⁸.

В 1797 году в отношениях Годвина и Инчбальд произошло охлаждение, за которым последовал неожиданный разрыв. Это было вызвано тем, что она открыто рассорилась с Мери Уолстонкрафт. После заключения брака с Годвином стало ясно, что Уолстонкрафт прежде никогда не была замужем за отцом своей дочери Фанни – Гилбертом Имлеем. Ожидание Уолстонкрафт рождения второго ребенка, говорило о том, что связь ее с Годвином продолжалась какое-то время, о чем Инчбальд даже не предполагала. Отсутствие великодушия и понимания с ее стороны, желание не повредить своей репутации, привели к взаимным обвинениям. Даже спустя несколько месяцев, узнав о смерти Уолстонкрафт после рождения дочери (будущей Мери Шелли), Инчбальд признавалась Годвину, что, хотя она и потрясена, она не чувствует «ни малейшей доли раскаяния [за свое прежнее поведение]». В ответном письме Годвин с горечью писал о её «низменном, жестоком и оскорбительном» поведении по отношению к его покойной жене⁶⁹.

Тем не менее Годвин и Инчбальд не смогли полностью оборвать соединяющую их связь, хотя их дружба так и не обрела прежней теплоты. В 1805 году он прислал ей свой новый роман «Флитвуд». Инчбальд после прочтения дала ему высокую оценку, подчеркивая, что он написан «рукой Мастера» и отметив психологическую напряженность повествования. Все недостатки романа, по ее мнению, искупались его главным достоинством: «Все это человечно (*Human*), и в этом состоит его превосходство»⁷⁰.

О доверительности отношений свидетельствовало то, что Инчбальд просила Годвина прочитать написанные ею мемуары, желая знать его мнение. Несмотря на одобрение писателя, рукопись четырехтомного труда в конечном счете была сожжена по совету духовника Инчбальд⁷¹. В начале XIX века Инчбальд занималась главным образом литературной критикой и написала порядка 125 предисловий к монументальному изданию Лонгмана «Британский театр» (1806–1809). После 1819 года она переселилась в католическую богадельню, где и умерла в 1821 году в возрасте 68 лет.

⁶⁵ Paul 1876a, 140–141; Inchbald (1796) 1994a, 119–120; Jenkins 2003, 347; Garnai 2009, 138.

⁶⁶ Kelly 1976, 8.

⁶⁷ Hazlitt 1904, 127–128.

⁶⁸ Garnai 2009, 134.

⁶⁹ Paul, 1876a, 276, 278.

⁷⁰ Clemit 2004, 74.

⁷¹ Boaden 1833a, 2–3; Boaden 1833b, 223.

* * *

Инчбальд, усвоившая с детства твердые нравственные правила, была в то же время наделена обостренным стремлением к личной независимости, которое отчетливо проявлялось на всех этапах ее жизни. Вначале она утвердила себя как актриса и сделала первые пробы пера. Ход событий и произошедшие под его влиянием перемены в общественном климате сделали востребованными ее стремления и мысли. Это позволило ей отразить в художественной форме злободневные социальные проблемы. Не будь этих событий и людей, которые окружали Инчбальд и генерировали неординарные идеи, ее талант, быть может, не раскрылся бы в полной мере. Но радикализм ее воззрений, выразившийся в романе «Природа и искусство», проявился бы так или иначе, поскольку он был не заимствованной схемой, но плодом ее личных наблюдений. С наступлением реакции на рубеже веков она вернулась к хорошо знакомой ей теме театра – на этот раз в качестве театрального критика, а в последние годы жизни все больше находила опору в католической вере.

Произведения Инчбальд запомнились современникам не только критикой социального строя и политической системы, довлеющих над личностью, но и размышлениями о природе самой этой зависимости. Следуя логике Руссо, она разделяет зависимость на естественную и искусственную (в этом смысл названия романа «Природа и искусство»). Понимание естественной зависимости опиралось на ее сильное чувство эмоциональной привязанности к фигурам, обладающим авторитетом, и стремление к социальной респектабельности. Разбирая на примерах судеб своих персонажей влияние личностных мотиваций и социальных стратегий разных поколений, Инчбальд показывает, как искусственная зависимость создается здесь и сейчас из естественных потребностей человека.

Творческое взаимодействие Годвина и Инчбальд, зародившееся в революционное десятилетие и продолжавшееся в течение почти тридцати последующих лет, служит яркой демонстрацией на практике тех установок, которые были сформулированы Годвином еще в «Исследовании о политической справедливости». Истина, по его мнению, могла быть обретаена в результате открытой и честной дискуссии, при помощи которой можно было достичь социального и политического улучшения: «Мы должны писать... спорить... беседовать»⁷². Но это сотрудничество не исчерпывается данными установками. По всей видимости, в подобном интеллектуальном общении Инчбальд черпала уверенность в возможности и перспективности естественных форм взаимодействия людей, которые не были омрачены бременем искусственных зависимостей, но опирались бы на естественное стремление человека следовать нравственным авторитетам.

Литература / References

- Алексеев 1960 = *Алексеев М. П.* Уильям Годвин // *Алексеев М. П.* Из истории английской литературы. Этюды. Очерки. Исследования. М.; Л., 1960. С. 254–303.
Alekseev M. P. Uil'yam Godvin [William Godwin] // *Alekseev M. P.* Iz istorii angliyskoy literatury. Etyudy. Ocherki. Issledovaniya [Essays on the History of English Literature]. Moscow; Leningrad, 1960. P. 254–303.
- Инчбальд 1848 = *Инчбальд Э.* Простая история // Отечественные записки. 1848. Т. 59. № 6-7.
Inchbald E. Prostaya istoriya [A Simple Story] // *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland]. Vol. 59. № 6-7.
- Макарова 1987 = *Макарова Е. А.* Отношение У. Годвина к Великой французской революции и его деятельность в Англии в тот период // Французский ежегодник – 1985. М., 1987. С. 245–263.
Makarova E. A. Otnoshenie U. Godvina k Velikoy frantsuzskoy revolyutsii i ego deyatel'nost' v Anglii v tot period [William Godwin's attitude towards the French revolution and his activities in Britain during that period] // *Frantsuzskiy ezhegodnik – 1985* [The French yearbook – 1985]. Moscow, 1987. P. 245–263.

⁷² Цит. по: Clemit 2004, 72.

- Макарова 2020 = *Макарова Е. А.* Восприятие Французской революции XVIII века в творчестве Элизабет Инчбальд (1753–1821): пьеса «Резня» (1792) // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия. Владимир, 2020. С. 169–176.
Makarova E. A. Vospriyatie Frantsuzskoy revolyutsii XVIII veka v tvorchestve Elizabet Inchbald (1753–1821): p'esa «Reznya» (1792) [The Perceptions of the French Revolution in Elizabeth Inchbald's works: the case of «The Massacre» (1792)] // Istoricheskiy opyt mirovyh civilizatsiy i Rossiya [The Historical Experience of the World's Civilizations and Russia]. Vladimir, 2020. P. 169–176.
- Сарана 2017 = *Сарана Н. В.* Английский «соперник» романа Гончарова: обыкновенная история или простая? // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 1. С. 262–267.
Sarana N. V. Angliyskiy «sopernik» romana Goncharova: obyknovennaya istoriya ili prostaya? [The English rival to Goncharov's novel: the Easy or Simple story?] // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». [The Herald of the Tver State University. Philology]. 2017. № 1. P. 262–267.
- Allen 1924 = *Allen B. S.* Minor Disciples of Radicalism in the Revolutionary Era // Modern Philology. 1924. Vol. 21. P. 277–301.
- Boaden 1833a = *Boaden J.* Memoirs of Mrs. Inchbald: including her familiar correspondence with the most distinguished persons of her time. In 2 vols. Vol. I. London, 1833. 380 p.
- Boaden 1833b = *Boaden J.* Memoirs of Mrs. Inchbald: including her familiar correspondence with the most distinguished persons of her time. In 2 vols. Vol. II. London, 1833. 402 p.
- Clemit 2004 = *Clemit P.* Godwin, Women, and “The Collision of Mind with Mind” // The Wordsworth Circle. 2004. Vol. 35. № 2. P. 72–76.
- Clemit 2009 = *Clemit P.* Holding Proteus: William Godwin in his letters // Repossessing the Romantic Past / Ed. by H. Glen, P. Hamilton. Cambridge, 2009. P. 98–115.
- Garnai 2009 = *Garnai A.* Revolutionary Imaginings in the 1790s. Charlotte Smith, Mary Robinson, Elizabeth Inchbald. London, 2009. 250 p.
- Goodwin 1979 = *Goodwin A.* The Friends of Liberty. The English democratic Movement in the Age of the French Revolution. Harvard, 1979. 594 p.
- Hazlitt 1858 = *Hazlitt W.* The Spirit of the Age: or, Contemporary portraits. London, 1858. 429 p.
- Hazlitt 1904 = *Hazlitt W.* The Collected Works of William Hazlitt. In 12 vols. Vol. VIII. London, 1904. 570 p.
- Inchbald (1791) 1986 = *Inchbald E.* A Simple Story / Ed. by *J. M. S. Tompkins*. Oxford, 1986. 384 p.
- Inchbald 1833 = *Inchbald E.* The Massacre (1792) // Memoirs of Mrs. Inchbald: including her familiar correspondence with the most distinguished persons of her time. In 2 Vols. / Ed. by *J. Boaden*. Vol. I. London, 1833. P. 355–380.
- Inchbald (1796) 1994a = *Inchbald E.* Nature and Art (1796). In 2 vols. Vol. I. Oxford – NY, 1994. 242 p.
- Inchbald (1796) 1994b = *Inchbald E.* Nature and Art (1796). In 2 vols. Vol. II. Oxford – NY, 1994. 203 p.
- Jenkins 2003 = *Jenkins A.* I'll Tell You What: The Life of Elizabeth Inchbald. Lexington (KY), 2003. 608 p.
- Joughin 1934 = *Joughin G. L.* An Inchbald Bibliography // Studies in English: The University of Texas Bulletin. 1934. No. 14. P. 59–74.
- Kelly 1976 = *Kelly G.* The English Jacobin Novel 1780–1805. Oxford, 1976. 262 p.
- Kelly 1994 = *Kelly G.* Women Novelists and the French Revolution Debate: Novelizing the Revolution / Revolutionizing the Novel // Eighteenth-Century Fiction. 1994. Vol. 6. No. 4. P. 369–388.
- Locke 1980 = *Locke D.* A Fantasy of Reason. The Life and Thought of William Godwin. London, 1980. 398 p.
- Manvell 1987 = *Manvell R.* Elizabeth Inchbald: a Biographical Study. NY; London, 1987. 240 p.
- Paul 1876a = *Paul Ch. K.* William Godwin: His Friends and Contemporaries. In 2 vols. Vol. I. London, 1876. 387 p.
- Paul 1876b = *Paul Ch. K.* William Godwin: His Friends and Contemporaries. In 2 vols. Vol. II. London, 1876. 340 p.
- Philp 1986 = *Philp M.* Godwin's Political Justice. London, 1986. 278 p.
- Robertson 2013 = *Robertson B. P.* Elizabeth Inchbald's Reputation: a Publishing and Reception History. London, 2013. 265 p.
- Sigl 1989 = *Sigl P.* Elizabeth Inchbald // The Dictionary of Literary Biography: Restoration and 18th Century Dramatists. Vol. 89 / Ed. by P. R. Backscheider. Detroit, 1989.
- Taylor 2003 = *Taylor B.* Mary Wollstonecraft and the Feminist Imagination. Cambridge, 2003. 331 p.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX ВЕКЕ

М. В. Жолудов

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
mikhailzhol@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности развития партийно-политической системы Великобритании в XIX в. Особое внимание уделено исследованию влияния парламентских реформ на формирование партийных структур. Автор подчеркивает роль парламентской реформы 1832 г., положившей начало серьезным преобразованиям парламентской системы государства. В результате произошла трансформация двухпартийного тандема «виги – тори» в связку «либералы – консерваторы». Утверждается также, что к концу XIX в. в Великобритании были созданы массовые политические партии современного типа.

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, двухпартийная система Великобритании, виги, тори, радикалы, парламентская реформа 1832 г.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE TWO-PARTY SYSTEM OF GREAT BRITAIN IN THE XIXth CENTURY

M. V. Zholudov

*Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation
mikhailzhol@yandex.ru*

The article deals with the specific features of the development of the party and political system of Great Britain in the XIXth century. The author emphasizes the role of the parliamentary reform of 1832, which marked the beginning of serious transformations of the parliamentary system of the state. As a result, there was a transformation of the bipartisan tandem of “Whig – Tory” into a bunch of “Liberals – Conservatives”. It is also argued that by the end of the XIXth century mass political parties of the modern type were created in Great Britain.

Keywords: United Kingdom, XIXth century, two-party system of UK, the Whigs, the Tories, the Radicals, parliamentary reform of 1832.

Двухпартийная система Великобритании зародилась во второй половине XVII в. накануне «Славной революции» в виде группы «тори – виги» и, совершив сложный исторический путь и претерпев многочисленные метаморфозы, продолжает благополучно существовать по сей день в виде тандема «лейбористы – консерваторы». Под двухпартийностью обычно понимают комбинацию двух основных партий, действующих в тесном контакте друг с другом и взаимозависимости, имеющих постоянно и на определенных исторических отрезках принципиально общие задачи, решаемые, однако, различными методами в зависимости от их истолкования теми социально-политическими группами, интересы которых представляет и выражает каждая из партий. На протяжении своей более чем трехсотлетней истории британская двухпартийная система была неотъемлемой и важнейшей частью политического организма Великобритании. Тесно связанная с социально-экономической структурой британского общества, с его идейно-политической атмосферой, она постоянно находилась в центре политического процесса, во многом определяя его направление и характер.

Для истории двухпартийной системы Великобритании характерны неоднократные перегруппировки, то есть изменения в партийных комбинациях. Так, первоначальную комбинацию «виги – тори» сменил тандем «либералы – консерваторы», который в настоящее время функционирует как «лейбористы – консерваторы». Партийные перегруппировки меняли

соотношение сил на политической арене страны и временно создавали определенные возможности для смягчения социально-политических конфликтов в рамках конституционно-правовой системы английского государства. Перегруппировки всегда были связаны с особенностями развития британского общества, которое не всегда шло гладко и безболезненно. Выдвигая новые идейно-политические концепции, они способствовали задаче сохранения стабильности и предотвращения серьезных социальных потрясений в Великобритании. Любая партийная перегруппировка являлась не простой сменой названий партий, а политическим отражением глубоких качественных преобразований в социально-экономической и идейной сферах государства. Истории развития двухпартийной системы Великобритании эпохи Нового времени посвящены труды известных современных отечественных ученых, внесших значительный вклад в исследование этой проблемы¹.

Девятнадцатый век стал временем особенно серьезного совершенствования двухпартийной системы Великобритании, приспособляющейся к новым реалиям индустриального общества. Одна из самых серьезных партийных перегруппировок произошла в первой половине XIX в., что было непосредственно связано с проведением первой парламентской реформы 1832 г.² Именно тогда партийную комбинацию «виги – тори» сменила комбинация «либералы – консерваторы». В своем современном облике британская двухпартийность появляется именно в XIX в., когда в Великобритании было положено начало формированию политической системы индустриальной нации классического образца. Превратившись в ведущую промышленную и колониальную державу, Великобритания стала примером в отношении государственно-правовых норм и институтов для других стран мира. Многие черты, характеризующие современные демократические системы, – парламентское правление, двухпартийность, местное самоуправление, – получили в Великобритании свое классическое выражение.

После принятия закона о парламентской реформе 1832 г. двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек» («гнилые местечки» – избирательные округа в Великобритании, потерявшие свое бывшее социально-экономическое и политическое значение, но продолжавшие обладать правом направления в парламент одного или двух депутатов), перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов. Новые политические реалии диктовали необходимость поиска новых методов и форм борьбы за власть, учитывавших усиление роли электората, палаты общин и общественного мнения. В пореформенный период начал меняться характер парламентских выборов, все чаще стали встречаться случаи реальной борьбы за голоса избирателей.

Парадоксально звучит, но в годы, последовавшие за 1832 г., виги-либералы, чьими усилиями в основном и был принят Великий акт о реформе и которые поэтому имели высокий авторитет в британском обществе, плохо приспособлялись к новым политическим условиям, в то время как тори-консерваторы значительно опережали своих политических противников в создании партийной структуры, форм и методов борьбы за власть. Результаты не заставили себя ждать – в палате общин медленно, но поступательно стало расти число депутатов от консервативной партии. В 1832 г. их насчитывалось 150, через три года их представительство увеличилось до 290 человек, в 1837 г. составило 313, а в 1841 г. – 370, то есть примерно равное с либералами количество³.

Причину такого отставания, вероятно, следует искать в коалиционном характере партии и идейной разобщенности либералов. В 30–50-х годах XIX в. либеральная коалиция по-прежнему еще очень мало походила на современные политические партии. У нее отсутствовали самые элементарные по нынешним понятиям атрибуты политической партии: не было программы и устава партии, фиксированного членства, системы локальных организаций, не

¹ Айзенштат 1997, 2009; Гелла 2008; Лабутина 1982; Семенов 2008.

² Жолудов 2019, 147–155.

³ Торопова 1998, 21.

проводились регулярные конференции или съезды. У нее не было даже общепризнанного официального лидера. Тем не менее термин «партия» постоянно был в обращении (особенно после 1832 г.) у тогдашних политиков и публицистов, если им необходимо было обозначить разнородную, но в то же время взаимосвязанную группировку реформаторов в палате общин. Правда, сама эта партия называла себя в те времена по-разному: «либеральной», «вигской», «умеренной», «конституционалистской», «радикальной», «передовой» и тому подобное⁴.

У либеральной партии отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамвортским манифестом (Тамвортский манифест – предвыборное воззвание Р. Пилия; Тамворт – избирательный округ, где он выдвигал свою кандидатуру), который сыграл роль первой партийной программы консерваторов. Манифест был составлен в духе умеренного реформизма, что являлось альтернативой радикализму вигов и радикалов и торизму ультратори. Этот документ способствовал сплочению консервативной партии, преодолению внутреннего кризиса и выдвижению Пилия в признанные лидеры партии. Тамвортский манифест содержал положения, которые стали основными партийными принципами консерваторов на долгие годы: незыблемость традиционных государственных институтов Великобритании, приоритет короны над парламентом, сохранение роли палаты лордов, поддержание авторитета англиканской церкви, упорочение колониальной империи и унии с Ирландией. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли собой коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон. Первая либеральная программа была представлена У. Гладстоном лишь в январе 1874 г. До этого времени либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т. д.

По-разному у либералов и консерваторов решалась проблема лидерства в партии. Коалиционный характер либеральной партии определил отсутствие общепризнанного лидера партии. На этот факт указывал один из лидеров либералов Т. Б. Маколей, когда в 1834 г. давал характеристику либеральной партии: «Сильнейшая партия, без всякого сомнения, это та партия, которую я называю левым центром, партия, которая идет дальше, чем большинство членов нынешнего министерства, однако не так далеко, как это делают Хьюм и Уортбуртон (лидеры радикалов. – М. Ж.). Эта партия сильнее всех остальных партий государства вместе взятых... Но она не имеет лидера»⁵.

По мнению многих современников, наиболее приемлемым кандидатом на роль лидера либеральной партии был лорд Олторп. Он был популярен среди различных слоев британского общества и среди всех политических сил, входивших в либеральную коалицию, он обладал политическим тактом, был лишен социальных предрассудков, имел интересные идеи в вопросах о подоходном налоге и «хлебных законах». Но у лорда Олторпа было два необычных для политика изъяна: отсутствие политических амбиций и нежелание работать в правительстве.

Взгляды лидеров либеральной партии по главным политическим вопросам порой существенно отличались друг от друга, хотя почти все они уверяли сторонников в своей лояльности к конституционному строю страны. Так, лорд Рассел заявил в 1835 г.: «Конституции этой страны во всех ее проявлениях я остаюсь преданным по чувству, убеждению и долгу»⁶. Лорд Дарем следующим образом определял задачи своей политической деятельности: «Я хочу объединить как можно большее число британцев под началом существующих учреждений страны – трона, палаты лордов, палаты общин и государственной церкви»⁷. Однако Рассел и

⁴ Southgate 1962, 39.

⁵ Gash 1965, 165.

⁶ Там же.

⁷ Gash 1965, 165.

Дарем по-разному собирались защищать конституционные устои Великобритании. Так, Дарем в отличие от Рассела не возражал против введения тайного голосования, сокращения срока деятельности парламента и более широкого избирательного права. Различны были и методы практической политической работы лидеров либерального лагеря. Лидеры правого вигского крыла либеральной партии (граф Грей, виконты Мелбурн и Пальмерстон, лорды Олторп и Рассел) были выходцами из родовитых аристократических кругов Великобритании и традиционно занимались «чистой» политикой, входя в правительственный кабинет и занимая высокие парламентские и государственные должности. Политической агитацией и налаживанием контактов с массами занимались радикалы и левые виги (Брум, Бэрдетт, Дарем и др.). Они постоянно выступали в прессе и на массовых митингах, публиковали резкие политические памфлеты. Брум и Дарем были главными авторами журнала «Эдинборо ревью», ставшего, по существу, печатным органом либералов.

Партийными лидерами консерваторов в 30–40-х гг. XIX в. были герцог Веллингтон и сэр Роберт Пиль. Герцог имел громкую европейскую славу победителя Наполеона в битве при Ватерлоо и соответственно большую популярность в Англии. Веллингтон, являясь лидером харизматического типа и возглавляя консервативную фракцию в палате лордов, пользовался непререкаемым авторитетом в партии. Однако, несмотря на свои правоконсервативные взгляды, он старался не препятствовать реформаторским устремлениям своего более молодого и более активного однопартийца Р. Пиль. Пиль, сын богатого мануфактуриста, сделал стремительную карьеру в партии тори, занимая высокие посты в торийских правительственных кабинетах. Но ведущую роль в партии он стал играть лишь после 1832 г. благодаря своим титаническим усилиям по восстановлению позиций партии, которые были значительно ослаблены поражением по вопросу о реформе. Р. Пиль принял реформу 1832 г., понимая, что назревшие реформы надо проводить, не дожидаясь революций. Его целью в пореформенные годы стало объединение консервативных сил в борьбе против радикализма. Он утверждал в одном из своих писем в январе 1833 г., что главной задачей консервативной партии должно стать «сопротивление радикализму, предотвращение дальнейшего вторжения демократического влияния, которое будет предприниматься (возможно, и с успехом) как естественное продолжение тех достижений, которые уже имеются...»⁸.

Р. Пиль раньше и лучше, чем либеральные политики, осознал необходимость изменения методов и форм партийной деятельности, став реальным лидером консерваторов не только в парламенте, но и за его пределами. Пиль показал себя как блестящий оратор и талантливый организатор партии. Он лично контролировал деятельность парламентских организаторов-вигов (от англ. *whip* – кнут или загонщик), которые старательно следили за посещаемостью консервативными депутатами заседаний парламента, инструктировали членов парламента, как голосовать по каждому вопросу, занимались вербовкой сторонников среди колеблющихся депутатов. Р. Пиль большое значение придавал установлению связей с политическими единомышленниками в провинции, созданию сети постоянно действующих консервативных организаций на местах. К 1836 г. по всей Великобритании было создано, по некоторым оценкам, до нескольких сотен консервативных обществ.

Ситуация с развитием сети местных партийных организаций существенно изменилась после принятия нового избирательного закона. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей – сторонников той или иной партии. Предусматривались ежегодная регистрация избирателей и уплата ими определенной суммы денег при внесении в избирательные списки. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов – Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов – Ливерпульская консервативная ассоциация. Важность появления нового элемента политической системы прекрасно понимали лидеры обеих партий. Дарем в одном из своих публичных выступлений в 1834 г. отмечал: «Первейшим делом для нас сейчас является создание и оформление политических ассоциаций в каждом городе и каждом селении империи. Если они появятся, то нас никогда вновь не

⁸ Айзенштат 1997, 118.

предадут ни безумные тори, ни робкие виги»⁹. Р. Пиль в письме Ч. Арбартноту от 8 ноября 1838 г. указывал на огромное значение регистрационных организаций: «Появился совершенно новый элемент политической власти – более могущественный, чем государь или палата общин, а именно – регистрация избирателей»¹⁰. Консерваторы активнее и успешнее использовали новую регистрационную систему, и даже иногда вносили необходимые деньги за избирателей. Это, конечно же, способствовало увеличению числа депутатов-консерваторов, а также дальнейшему политическому размежеванию в провинции. Партийные регистрационные общества проводили регулярные собрания, встречи с депутатами парламента, организовывали по подписке сбор средств на нужды партии. Каждое общество имело секретаря и казначея. Но их главными задачами все-таки были подготовка и проведение выборов. Они занимались подбором кандидатов, оказанием им материальной поддержки, участвовали в регистрации избирателей. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными. Борьба между кандидатами была редким явлением вплоть до середины 80-х гг. XIX в. Лишь к концу века двум ведущим британским партиям удалось создать более или менее совершенную сеть избирательных ассоциаций.

Принятие Акта о реформе вызвало потребность в создании центральных координирующих органов партий. В 1832 г. по инициативе герцога Веллингтона был образован клуб «Карлтон» – политический клуб консерваторов, обладавший значительным влиянием в консервативной партии. «Карлтон», являясь закрытым учреждением, давал возможность политической элите консерваторов, членам палаты общин и палаты лордов возможность ежедневно встречаться в неформальной обстановке. К 1839 г. этот клуб насчитывал 1100 членов. В 1834 г. умеренные радикалы создали так называемый Вестминстерский клуб, который вскоре стал именоваться Вестминстерским клубом реформ. Но ввиду известной политической несамостоятельности радикалов этот клуб оказался нежизнеспособным и просуществовал лишь до 1838 г. Роль штаб-квартиры либеральной партии стал играть созданный в 1836 г. клуб «Риформ», объединивший как радикалов, так и вигов, то есть всех тех, кто не был консерватором и стоял на реформаторских позициях¹¹. Создание клуба «Риформ» стало важным шагом на пути консолидации либеральных сил Великобритании. Однако «Риформ» и «Карлтон» в 30-е гг. XIX в. действовали как непрофессиональные партийные центры, своего рода дискуссионные клубы, в которых проходили «обкатку» предложения, представляемые затем партиями в парламенте. Они не имели тесных связей с провинцией. Лишь через полстолетия «Риформ» и «Карлтон» получили статус официальных национальных партийных центров либералов и консерваторов.

В отличие от более организованных консерваторов либеральная партия Великобритании 30-х гг. XIX в. представляла весьма аморфную парламентскую коалицию. Состав ее постоянно менялся. В момент появления коалиции в середине 1830 г. в нее вошли виги, каннингиты, радикалы, ультратори и даже несколько тори, недовольных политикой герцога Веллингтона. Однако еще до принятия билля о реформе ультратори и тори покинули коалицию, а каннингиты фактически слились с группировкой вигов. Таким образом, к 1832 г. в либеральную партию входили главным образом виги и радикалы.

Вигское крыло доминировало в либеральной партии на протяжении 30–50-х гг. XIX в. Либеральные правительства почти целиком состояли из вигов. Лидерами либералов в палате общин и палате лордов были также виги. Виги были сильны своей сплоченностью и клановостью. Это была партийная группировка кланового типа. Вигские семьи поддерживали друг с другом традиционные, насчитывающие не одно столетие связи; выбирали себе жен и мужей из узкого круга претендентов.

⁹ Jennings 1961, 91.

¹⁰ Bulmer-Thomas 1965, 77.

¹¹ Gash 1953, 405.

В конце 20-х гг. XIX в. виги как парламентская партия находились на грани исчезновения. Даже на февральской (1830) сессии парламента они были разобщены, у них не было партийного лидера. Деятельность партии ограничивалась приемами у лорда Олторпа, чего было явно недостаточно для проведения какого-либо определенного курса в палате общин. Закон о реформе 1832 г. фактически уничтожил «старую» вигскую партию. Лорд Рассел писал в 1839 г.: «Я всегда считал, что вигская партия, как партия, будет уничтожена биллем о реформе»¹². Так оно и вышло. Но, с другой стороны, билль дал вигам шанс на выживание в новых условиях.

После 1832 г. либеральное правительство лорда Грея проводило в основном умеренно-консервативную политику, мало отличавшуюся от той, которой бы на его месте придерживался торийский кабинет. Сам Грей писал об этом следующим образом: «Мы старались проводить эти мероприятия по реформе, строго следуя консервативным принципам, желая прикрыть слабые стороны правительства и оградить его от нападков противников»¹³. Лишь один вопрос радикального характера был вынесен правительством на рассмотрение палаты общин – вопрос о реформе ирландской церкви. И этот вопрос впервые расколол либеральное большинство палаты общин на «старых» вигов и тех, кто к ним примкнул в начале 30-х гг.

Некоторые из «старых» вигов были напуганы стремлением радикалов к дальнейшей демократизации избирательной системы страны. Они рассматривали реформу 1832 г. как «окончательную» меру и больше не желали никаких изменений. В 1834 г. по этой причине Стенли и Грэм, влиятельные члены кабинета лорда Грея, вышли из состава правительства, посчитав его деятельность излишне радикальной. Грэм в письме Гренвиллу следующим образом объяснял свой поступок: «Я стал представителем моего родного графства как член старой вигской партии, связав себя обещаниями поддержать парламентскую реформу, но я остался явным сторонником протестантской церкви и противником тайного голосования, коротких парламентов и всех тех лозунгов, с помощью которых нападают на королевскую и аристократическую власть. Не следует удивляться моему выходу из партии вигов. Они [виги] сохранили имя, но, как мне кажется, изменили своим принципам. Я же сохранил свои принципы, но равнодушен к имени»¹⁴. Однако далеко не все «старые» виги отвернулись от либерального правительства. Большинство продолжало его поддерживать. По мнению известного британского исследователя Н. Гаша, это произошло из-за сильно развитого у вигов чувства клановости и исторической традиции антиторизма¹⁵.

Выход из партии Стенли, Грэма и их сторонников, с одной стороны, стимулировал развитие правительственного кризиса, который повлек за собой отставку кабинета лорда Грея и приход к власти консервативного правительства. Но, с другой стороны, уход ряда правых вигов укрепил либеральную коалицию, сделав ее более гибкой и открытой по отношению к радикалам.

В сложных условиях политического кризиса 1834 г. либеральной коалиции удалось сохранить единство. Уже в феврале 1835 г. в Личфилд-хаузе по инициативе Дж. Рассела было проведено совещание представителей оппозиционных группировок (вигов, английских и ирландских радикалов). Совещание, целью которого являлась выработка плана совместных действий по низложению правительства консерваторов, продемонстрировало сплоченность либеральной коалиции и способствовало возвращению либералов к власти в том же 1835 г., хотя не обошлось без конфликтов. Так, некоторые «старые» виги (например, Грей и Ланздаун) возражали против участия в соглашении такой одиозной, на их взгляд, фигуры, как лидер ирландских радикалов-рипилеров Д. О'Коннел (рипилеры – ирландские сторонники расторжения англо-ирландской унии 1800 г.). Однако, как показало время, О'Коннел проявил себя

¹² Gash 1965, 157.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., 159.

¹⁵ Ibid., 160–161.

преданным союзником. По справедливому замечанию Н. Гаша, личфилдское соглашение создало прочную основу для оформления «реальной» либеральной партии¹⁶.

Личфилдское соглашение показало стремление вигов и радикалов к компромиссу. Виги, используя либеральные идеи умеренного реформаторства, пытались, и безуспешно, направить радикальные настроения в либеральной коалиции в поддающиеся управлению рамки. К 1835 г. группировки радикалов и рипилеров в палате общин существенно ослабли. Многие крайние радикалы переходили на более умеренные, либеральные позиции. Размеры независимой радикальной группировки постепенно уменьшались на протяжении 30-х гг. XIX в. К парламентским выборам 1837 г. независимых радикалов в палате общин осталось всего лишь несколько человек. Журнал «Энньюэл реджистер», анализируя расстановку политических сил в палате общин накануне выборов 1837 г., выделил три группировки в либеральной коалиции (332 чел.): английские и ирландские радикалы (80), либералы (100), виги (152). Однако эти подсчеты надо признать весьма приблизительными, так как очень трудно было различить грань между радикалом и либералом.

Таким образом, во второй половине 30-х гг. XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе, как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции. Это явление подметил журнал «Вестминстер ревью»: в результате парламентских выборов 1837 г. в палате общин уменьшилось количество как «чистых» вигов, так и левых радикалов, одновременно увеличилось число умеренных радикалов, которые составляли большинство партии реформаторов. По мнению журнала, эти люди представляли средние и высшие круги британского общества, поддерживали идею сохранения в Великобритании конституционной монархии, палаты лордов и палаты общин, выступали против всеобщего избирательного права. Многие из них были приверженцами государственной англиканской церкви, но видели необходимость проведения умеренной церковной реформы и призывали к веротерпимости. Эти люди настаивали на введении принципа тайного голосования в избирательную систему страны, сокращения срока деятельности парламента, ликвидации или объединения небольших избирательных округов, отмене «хлебных законов» и проведении радикальной реформы ирландской церкви. «Вот такие мнения в основном преобладали среди новых членов палаты общин, – констатировал автор статьи в «Вестминстер ревью», – и эти люди выражали наиболее общие тенденции в реформаторских настроениях»¹⁷.

Промышленный переворот и связанные с ним изменения в социально-политической структуре положили начало процессу перегруппировки в двухпартийной системе Великобритании. На рубеже 20–30-х гг. XIX в. в стране начался довольно длительный переходный период, в ходе которого происходила постепенная замена системы «тори – виги» на систему «консерваторы – либералы». Перегруппировка партий была неразрывно связана с развитием индустриального общества в Великобритании. Выдвигая новые социально-политические концепции, она объективно способствовала сохранению относительной стабильности и социального мира в стране. Перегруппировка была не простой сменой названий партий, а сложным процессом качественных изменений политических и социальных структур Великобритании.

Партийная перегруппировка означала необходимость серьезного пересмотра программных установок «старых» парламентских партий тори и вигов. Тори, бывшие у власти в течение почти всей первой трети XIX в., сначала не смогли перестроить свою программу в соответствии с новыми веяниями времени и поэтому переживали период глубокого раскола. Виги же оказались более восприимчивыми к новым реалиям, проявили гибкость и компромисс в отношениях с различными социальными слоями Великобритании. Сохранив политическое единство, они возглавили либерально-реформистское движение в стране, провели в

¹⁶ Gash 1965, 171.

¹⁷ Ibid., 169.

жизнь парламентскую реформу 1832 г., доминировали в британской политике на протяжении почти всего оставшегося XIX в. Однако, из-за идейной и организационной разобщенности они упустили инициативу. В результате у власти вновь оказались консерваторы, сформировавшие кабинет под руководством «разумного» консерватора Р. Пиля (1841–1846). Деятельность правительства Р. Пиля завершилось принятием весьма либерального закона об отмене «хлебных законов» (1846), что привело, правда, к очередному расколу консерваторов.

Парламентская реформа 1867 г. значительно расширила избирательный корпус страны, что потребовало изменения форм и методов партийной работы на местах. Старая система временных регистрационных ассоциаций стала уже неэффективной. Возникла потребность в создании постоянно действующих партийных организаций в избирательных округах для ведения действенной партийной пропаганды. Пионерами в реорганизации партийной системы стали либералы Бирмингема. Их лидер – известный предприниматель и политик Джозеф Чемберлен – к парламентским выборам 1868 г. создал постоянные местные отделения партии во всех приходах города (приход – низшая административная единица города). Во главе местной партийной организации стоял избираемый комитет, созданный с целью повышения ответственности за проведение избирательной кампании и предвыборной агитации. Городской комитет руководил всей деятельностью партии в городе. Бирмингемская организация либералов не исчезла после окончания избирательной кампании, а продолжила свою деятельность и в периоды между выборами. Новая система придала либералам в Бирмингеме огромную силу и организованность, что позволило им с большим преимуществом выиграть уже выборы 1868 г. Вскоре по «бирмингемскому образцу» были созданы локальные партийные организации либералов в других городах Великобритании.

В 1877 г. в Лондоне была создана Национальная либеральная ассоциация, которая объединила локальные организации либералов. Таким образом, реорганизация либеральной партии на местах была доведена до конца в общенациональном масштабе и была образована постоянно действующая, строго централизованная партийная система.

Новая партийная система оказалась чрезвычайно эффективной. Она помогла либералам доминировать на британской политической арене вплоть до конца XIX в. Вскоре ее переняли и консерваторы. По существу, британские либералы в конце 60–70-х гг. XIX в. создали такую партийную систему, которая в своих основных чертах существует в развитых демократических государствах до сих пор.

Таким образом, мы видим, что двухпартийная система Великобритании 30–40-х гг. XIX в. обладала высокой эффективностью в политическом процессе и устойчивостью. Объясняется это, прежде всего комплексом социально-экономических и идеологических факторов исторического развития страны. Правящая элита Великобритании всегда была заинтересована в поддержании состояния равновесия в отношениях двух главных политических партий. Однако такой курс неизбежно вызывал недовольство тех социальных сил, чьи интересы ущемлялись двухпартийной системой. Возникла возможность появления третьей партии. В таком случае одна из партий выступала с идеей реформаторства, таким образом, переманивая на свою сторону хотя бы часть социальной базы возможной третьей партии. Движению за третью партию наносился смертельный удар (так было с радикалами, фритредерами и чартистами).

В XIX в. двухпартийная система Великобритании совершила переход от аристократических парламентских партий в начале века до массовых партий общенационального типа в его конце.

Литература / References

- Айзенштат 1997 = *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество в 30–40-е гг. XIX в. М., 1997.
Ayzenshtat M. P. Britanskiy parlament i obshchestvo v 30–40-e gg. XIX v. [The British Parliament and Society in the 30–40s of the XIX century]. Moscow, 1997.
- Айзенштат 2009 = *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850. М., 2009.

- Ayzenshtat M. P. Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 [Power and Society of Britain 1750–1850]. Moscow, 2009.*
- Гелла 2008 = *Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX в. Орел, 2008.*
Gella T. N. U. Gladston, liberaly i Britanskaya imperiya v posledney treti XIX v. [W. Gladstone, Liberals and the British Empire in the last third of the XIX Century]. Orel, 2008.
- Жолудов 2019 = *Жолудов М. В. Политические партии и движение за парламентскую реформу в Великобритании в начале 30-х гг. XIX в. // Исследования зарубежной истории. Вып. 1 / под ред. Е. П. Бариновой, Е. А. Гуськова. Самара, 2019. С. 147–155.*
Zholudov M. V. Politicheskie partii i dvizhenie za parlamentskuyu reformu v Velikobritanii v nachale 30-h gg. XIX v. [Political Parties and the Movement for Parliamentary Reform in the Great Britain in the Early 30s of the XIX Century] // Issledovaniya zarubezhnoy istorii [Studies of foreign history]. Vol. 1 / ed. by E. P. Barinova, E. A. Guskov. Samara, 2019. P. 147–155.
- Лабутина 1982 = *Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681 гг.). М., 1982.*
Labutina T. L. Politicheskaya bor'ba v Anglii v period restavratsii Styuartov (1660–1681) [Political Struggle in England during the Restoration of Stuarts (1660–1681)]. Moscow, 1982.
- Семенов 2008 = *Семенов С. Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.*
Semenov S. B. Radikal'noye dvizheniye i bor'ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroy polovine XVIII veka [The Radical Movement and Struggle for Parliamentary Reform in England in the Second Half of the XVIIIth century]. Samara, 2008.
- Торопова 1998 = *Торопова С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии. Ярославль, 1998.*
Toropova S. Yu. Stanovlenie i evolyutsiya dvuhpartijnoy sistemy viktorianskoy Anglii [The Formation and Evolution of the Two-party System of Victorian England]. Yaroslavl, 1998.
- Bulmer-Thomas 1965 = *Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. Vol. I. 1640–1923. London, 1965.*
- Gash 1953 = *Gash N. Politics in the Age of Peel. A Study in the Technique of Parliamentary Representation. London, 1953.*
- Gash 1965 = *Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics. 1832–1852. Oxford, 1965.*
- Jennings 1961 = *Jennings W. I. Party Politics. Vol. 2 The Growth of Parties. Cambridge, 1961.*
- Southgate 1962 = *Southgate D. The Passing of the Whigs. 1832–1886. London, 1962.*

DOI: 10.55000/MCU.2021.80.42.017

РАДИКАЛИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ДЕБАТОВ 1854 ГОДА В КОНГРЕССЕ США ПО БИЛЛЮ «КАНЗАС – НЕБРАСКА»

Н. И. Осипов

*Самарский кадетский корпус
Министерства внутренних дел Российской Федерации
ossian-60@mail.ru*

В статье анализируются политические идеи, взгляды, воззрения представления, концепции и принципы, которыми руководствовались конгрессмены палат Конгресса США при обсуждении положений билля об образовании территорий Канзаса и Небраски, касающихся условий и порядка определения правового статуса рабства на этих территориях. В статье выясняются, сопоставляются и оцениваются смысловые и идейно-политические различия в позициях дискутирующих сторон, определяется значимость итогов дебатов для последующего политического развития США по пути раскола американской нации и американского национального государства.

Ключевые слова: правовой статус рабства, принцип невмешательства, принцип суверенитета поселенцев, принцип «свободной почвы», права штатов, «узкое» и «широкое» толкование конституции США, секционные антирабовладельческие и прорабовладельческие настроения, предпочтения, предубеждения и предрассудки, секционные парадигмы политического сознания и поведения.

THE RADICALIST'S POLITICAL DISCOURSE OF THE DEBATE OF 1854 IN THE US CONGRESS ON THE KANSAS – NEBRASKA BILL

N. I. Osipov

*Samara Cadet Corps of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ossian-60@mail.ru*

The article studies the political ideas, views, perceptions, concepts and principles that guided the congressmen of the Houses of the US Congress while discussing the provisions of the bill on the formation of the Territories of Kansas and Nebraska regarding the conditions and procedure for determining the legal status of slavery in these territories. The article clarifies, compares and evaluates the conceptual, ideological and political differences in the positions of the debating parties, determines the significance of this debate for the subsequent political development of the United States along the path of the split of the American nation and the American national state.

Keywords: legal status of slavery, principle of non-interference, principle of sovereignty of settlers, principle of “free soil”, state rights, “strict” and “broad” constructions of the US constitution, sectional anti-slavery and slavery tendencies, preferences, prejudices and biases, sectional paradigms of political consciousness and behavior.

Дебаты в палатах Конгресса США по актуальным проблемам политического, социально-культурного и социально-экономического развития, начиная с первого созыва федерального конгресса в 1788 году, приобрели определяющее значение для формирования общественного мнения и определения направленности политически активной части американцев. Материалы дебатов тиражировались и распространялись по всем штатам в количествах сопоставимых с периодическими изданиями. Выступления конгрессменов и сенаторов переиздавались как памфлеты, с добавлением комментариев и различных сопутствующих материалов.

Бурный рост в 20–50-е годы XIX века наименований и тиражей газет, журналов разной периодичности, издаваемых во всех штатах, способствовал ещё большей вовлечённости материалов дебатов в Конгрессе США в круг заинтересованного чтения и обсуждения огромных масс избирателей, многочисленных партийных функционеров, активистов различных общественных объединений и организаций. Тем самым такого рода дебаты становились информационным каналом, мощным коммуникативно-пропагандистским средством оказания

воздействия на общественное сознание американцев, на формирование общественного мнения различных общественных слоёв и групп по наиболее важным и насущным вопросам развития страны.

В свою очередь, сами дебаты конгрессменов велись под обратным воздействием массовых настроений, представлений, идей, получивших широкое распространение и массовую популярность. Петиции, обращения, предложения граждан, резолюции митингов, законодательных штатов, представительных органов самоуправления, направляемые конгрессменам и используемые ими в процессе дебатов, привносили в парламентские дискуссии эти настроения, идеи, предложения по решению острых, актуальных вопросов, меняя ход и направленность дебатов.

Обсуждаемые и принимаемые конгрессменами по итогу дебатов билли, реализуемые уже как законы, вновь становились предметом новых обсуждений, дискуссий и дебатов, во многом определяя направленность политического, социально-экономического и социально-культурного развития страны. Посылаемые и принимаемые в ходе дебатов идейные импульсы, политические послы оказывали самое действенное влияние на эволюцию общественного мнения американского общества, массовую политическую активность и массовое политическое сознание американцев.

Поэтому материалы дебатов в Конгрессе США являются очень важным историческим источником для изучения политических, настроений, представлений, взглядов и убеждений американцев на разных этапах американской истории. Особенно эти материалы значимы и ценны при изучении поворотных моментов и переломных кризисных периодов истории США.

Конгресс США, партийные фракции в Сенате и палате представителей выступали политическими институтами, которые предназначены находить решение назревших проблем социально-экономического, социально-культурного и социально-политического развития страны посредством инициирования, разработки, обсуждения и принятия необходимых законодательных актов. В ходе парламентских дебатов происходил поиск этих политических решений и должно было бы достигаться согласие по наиболее острым проблемам национального развития. Тем самым конгресс и политические партии играли ключевую роль в преодолении кризисов на поворотных этапах становления американской нации и национального государства.

События 1854 года, связанные с выдвижением, обсуждением и принятием билля «Канзас – Небраска», явились именно таким поворотным моментом американской истории. Последствия обсуждения и принятия этого билля оказались таковыми, что страна была направлена на путь неумолимого нарастания социально-культурного отчуждения, идейно-политического непонимания и взаимного политического отторжения, приведшего к расколу американского общества и распаду американского национального государства на рубеже 1860–1861 годов, завершившегося затяжной, разрушительной и кровавой Гражданской войной в 1861–1865 годах.

Третий раз в истории США, начиная с образования федерального государства в 1787 году, политические дебаты в палатах Конгресса США по вопросу о территориальном распространении рабства происходили в условиях разразившего в стране общенационального кризиса, который во многом был вызван самими же дебатами. В 1820–1821 и в 1850 годах эти дебаты приводили к заключению компромиссных соглашений, позволявших обеспечить временное разрешение кризисов. В 1854 году предложенное политиками решение вопроса о статусе рабства на территориях в решающей мере спровоцировало ряд последовательных политических кризисов, завершившихся сессией и Гражданской войной.

Понять и объяснить такой исход политического противостояния в 1854 году возможно, на наш взгляд, только при условии специального изучения политического дискурса дебатов в Сенате и палате представителей Конгресса США по вопросу о принятии билля об организации территориального управления для Канзаса и Небраски. Политические дебаты по вопросу

о принятии территориального билля «Канзас – Небраска» превратились в жёсткую идейную полемику между сторонниками и противниками сохранения и распространения рабства.

Эта полемика почти полностью сосредоточилась на конкурирующих интерпретациях ряда положений из различных текстов, которые должны были обосновать и оправдать необходимость отмены или сохранения запрета территориального рабства, содержавшегося в тексте акта конгресса, принятого конгрессом США 6 марта 1820 года, получившего в истории США наименование Миссурийского компромисса. Этот акт конгресса предусматривал согласие на принятие Миссури как штата с конституцией, узаконивавшей рабовладение, при условии раздела оставшейся территории, так называемой Луизианской покупки 1803 года, по широтной линии на две части. К северу от этой линии распространение рабства запрещалось, а к югу оно могло быть допущено по решению населения территории в процессе формирования органов территориального самоуправления и последующем принятии конституции штата.

Конгресс США до этого утвердил в 1789 году принятый континентальным конгрессом Конфедерации американских штатов Северо-Западный ордонанс 1787 года, запрещавший распространение рабства на одних федеральных территориях, а в 1790 году принял Юго-Западный ордонанс, который допускал распространение рабства на других территориях по согласию населения этих территорий. Соединение императивного запрета распространения рабства для одних территорий и дозволения его для других территорий, находившееся в сфере исключительной юрисдикции федерального конгресса, составило суть принятого компромиссного положения Миссурийского территориального билля 1820 года¹.

Такое решение конгресса при принятии в Союз нового рабовладельческого штата было явно навязанным южанам политическим условием, определявшим правовой статус рабства на федеральных территориях. Принцип раздела этих территорий актом конгресса явно в большей степени соответствовал политическим представлениям, преобладавшим в северных свободных штатах. Поэтому полагаем излишними сомнения, выраженные российским историком С. А. Исаевым в его статье, по поводу определения политической направленности и значимости Миссурийского компромисса. Необоснованным представляется нам его утверждением об отмене Миссурийского компромисса решением 1857 года Верховного суда США по делу Дреда Скота².

Данным решением конгрессу было запрещено в дальнейшем определять статус рабства на федеральных территориях. Отмена Миссурийского компромисса произошла в мае 1854 года после принятия билля «Канзас – Небраска». Дебаты по этому биллю сосредоточились преимущественно на вопросе о правомерности и допустимости определения Конгрессом США правового статуса рабства на федеральных территориях. И тот факт, что южане в январе – мае 1854 года консолидировались на платформе отмены Миссурийского компромисса, позволяет со всей определённой уверенностью утверждать о его большем соответствии интересам противников территориального распространения рабства в северных штатах.

Именно вопрос о праве или даже обязанности федерального государства определять статус, саму возможность существования рабства на новых территориях являлся важнейшим и принципиальным в ходе всех дебатов. В такой острой форме он был поставлен двумя радикально настроенными группировками конгрессменов: либеральными юнионистами и южанами-секционалистами, являвшимися сторонниками «южных прав». Они воспользовались дебатами, чтобы выразить свои позиции по этому вопросу.

Первые заявили об обязательности запрета всякого дальнейшего территориального распространения рабства решением федерального государства в лице Конгресса США, а вторые – о такой же обязательности и гарантированности отказа федерального государства от принятия любых запретительных или даже ограничительных антирабовладельческих мер. Не они стали инициаторами выдвижения билля «Канзас – Небраска», но именно они смогли

¹ Весь процесс возникновения Миссурийского кризиса и последующего его разрешения посредством инициирования, разработки, обсуждения, принятия и утверждения Миссурийского компромисса подробно и полно рассмотрен в работе американского историка Дж. Мура: Moore 1967.

² Исаев 2007, 82–88.

с наибольшим успехом использовать эти дебаты для максимально возможного усиления своего политического влияния³.

Сторонники особых прав южных штатов, вольно или невольно следуя совету своего идейного вождя Джона К. Кэлхуна, высказанного им ещё в 1847 году, объединились с южными условными юнионистами различной партийной принадлежности и сформировали в Конгрессе США коалицию конгрессменов южных штатов. Целью этой коалиции стала отмена Миссурийского компромисса. Это привело к тому, что осуществление всей программы проэкспансионистских политических и экономических мер, намеченной в 1852–1854 годах руководством демократической партии, оказалось в полной зависимости от решения вопроса об отмене Миссурийского компромисса.

Необходимость организации двух новых территорий их состава земель, входивших в состав так называемой Луизианской покупки, была связана с далеко идущими планами руководства демократической партии и лично самого Дугласа. Они предполагали открытие новых западных земель для освоения в рамках намеченного принятия гомстед-акта и реализации проекта северного маршрута возможной постройки трансконтинентальной железной дороги. В данном маршруте наиболее были заинтересованы штаты «нового Запада»: Айова, Висконсин, Миссури и Мичиган.

Особая политическая настоятельность организации новых федеральных территорий была вызвана тремя обстоятельствами, определившимися к началу 1854 года. Первым таким обстоятельством стал «выход» обеих колонизационных потоков прямо к границам штатов Миссури и Айова с территорией Небраски. Вторым обстоятельством стало стремление политиков ряда штатов Северо-Запада и «пограничного» Юга добиться утверждения северного маршрута прокладки трансконтинентальной железной дороги. Третьим обстоятельством явилось заинтересованность фермеров штатов Запада и Северо-Востока в принятии гомстед-акта о бесплатной раздаче для хозяйственного освоения новых западных земель, наиболее доступным источником которых им представлялась именно территория Небраски. Стремительно и непрерывно нарастающий с 1851 года приток иммигрантов из стран Европы в ещё большей мере актуализировал вопрос о территориальной экспансии на западные земли.

Определение статуса рабства на территории Небраски являлось практически значимым вопросом, как и в 1819 году, когда решался вопрос о принятии территории Миссури в Союз, поскольку она была уже занята поселенцами, требовавшими узаконить рабство в конституции будущего штата. Территория Небраски уже заселялась, и её готовы были занять поселенцы, ждавшие на границах территории со штатами Айова и Миссури решения конгрессом вопросов о прекращении действия договоров с индейскими племенами и определения судьбы запрета на распространения рабства, принятого в 1821 году.

Начиная с 1844 года в конгрессе неоднократно предпринимались попытки принять территориальный билль для Небраски. Каждый раз у многих конгрессменов находились различные возражения против организации новой территории. И вопрос о сохранении или снятии запрета на территориальное распространение рабства был наиболее острым и болезненным.

Очередная попытка принятия территориального билля для этих земель была предпринята в марте 1853 года, но билль был заблокирован в сенате по основаниям слабой заселённости и полного преобладания на этих землях индейских племён, с которыми ранее были заключены многочисленные договоры о признании их прав на эти земли. Сенатор от штата Миссури Дэвид Р. Атчисон публично и в личных разговорах с Дугласом заявил об особой причине его нежелания поддерживать данный билль из-за наличия в нём признания действия принятого 6 марта 1820 года запрета на распространение рабства⁴.

Для Атчисона вопрос о территориальном распространении рабства уже в 1852 году стал ключевым в противостоянии с Т. Х. Бентоном и многочисленными его сторонниками за место в Сенате Конгресса США. Раскол среди демократов в штате Миссури был крайне опа-

³ Gienapp 1987, 86–87; Holt 1978, 149–151; Holt 2004, 108–111; Potter 1976, 134–135; Sewall 1976, 258–259; Craven 1957, 186–187; Cooper 1978, 353–355.

⁴ Congressional Globe 32nd Congr., 2nd Sess. P. 1113; Capers 1959, 93; Johnson 1970, 253; Parrish 1961, 116–117.

сен для позиций Дугласа как партийного лидера, поскольку этот штат имел ключевое значение для реализации планов постройки трансконтинентальной железной дороги и принятия гомстед-акта. Атчисон победил в этом противостоянии под экспансионистскими прорабовладельческими лозунгами. Занятие Атчисоном в декабре 1853 года позиции председателя Сената Конгресса США в ещё большей степени усилило для Дугласа значимость поддержки Атчисона как лидера демократов Миссури и одного из лидеров демократов штатов Юго-Запада⁵.

Атчисон не мог сам выступить с предложением об отмене восьмого раздела Миссурийского компромисса, поскольку отсылка на его действие прямо содержалась в конституции штата Миссури. Тогда он вместе с лидерами южных демократов сенаторами Эндрю П. Батлером (Южная Каролина), Джеймсом М. Мейсоном (Вирджиния), Робертом М. Т. Хантером (Вирджиния), Робертом Тумбсом (Джорджия) и конгрессменом от штата Джорджия Александром Х. Стефенсом стал уговаривать в личных беседах и в письмах внести в билль «Канзас – Небраска» такое положение. Такое южное давление, оказанное на Дугласа в ноябре 1853 – январе 1854 года, признают многие американские историки и главные его биографы А. Джонсон, Дж. М. Кейперс, и Р. У. Йохансен⁶.

Более того, в крупнейшей организации демократов в штате Нью-Йорк в 1852–1854 годах произошёл очередной раскол по вопросу о территориальной экспансии рабства. Лидер проюжной группировки в демократической партии штата Нью-Йорк Даниэл С. Дикинсон обратился к Дугласу с идеей превращения нового территориального билля в обязательную партийную меру, поддерживаемую президентом Пирсом. Дикинсон надеялся использовать эту меру как способ получения поддержки президентской администрации Ф. Пирса в борьбе против своих оппонентов в партийной организации.

Тем самым очевидно, что прорабовладельческая законодательная инициатива Дугласа рождалась как своего рода объединительная партийная мера. Такой выбор объяснялся тем что, демократическая партия, добившись принятия конгрессом в 1850 компромиссных мер и закрепив их одобрение в партийной предвыборной платформе в 1852 году, заняла откровенно проюжную прорабовладельческую политическую позицию. Она теперь во многом предопределяла предрасположенность лидеров демократов к решению насущных вопросов политического развития страны с обязательным учётом позиции южного крыла партии по вопросу о гарантиях сохранения и распространения рабства.

16 и 21 января 1854 года Дуглас получил неожиданную деятельную поддержку в своих усилиях по отмене Миссурийского компромисса со стороны южных вигов условно-юнионистской направленности в лице сенаторов А. Диксона и Дж. Э. Баджера. Они предложили поправки к биллю, которые были учтены Дугласом в последней версии билля Канзас – Небраска и превратили уклончивое дезавуирование антирабовладельческого пункта Миссурийского компромисса в его безоговорочную отмену. Эта отмена обосновывалась несоответствием принципу невмешательства Конгресса США в определение статуса рабства на территориях, утверждённому компромиссом 1850 года, что означало недействительность и аннулирование соответствующего пункта Миссурийского компромисса (*inoperative and void*)⁷.

Южным вигам после провального поражения на президентских выборах 1852 года и в условиях острого внутривыборного противостояния с антирабовладельческим большинством в партийных организациях северных штатов крайне важно было найти способ усиления своего влияния на избирателей Юга. Вопрос об отмене запрета рабства, включенного в Миссурийский компромисс, был весьма удобным поводом продемонстрировать особую заботу о правах и рабовладельческих интересах граждан южных штатов на западных территориях⁸.

⁵ Parrish 1961, 123–124, 126, 143.

⁶ The letters of Stephen A. Douglas. Urbana (Ill.), 1961. 283–298; Holt 1978, 146, 147; Holt 2004, 99, 102; Capers 1959, 93, 94; Johnson 1970, 234, 235–236; Johansen 1973, 256–257.

⁷ Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess. P. 175, 176, 222, 240.

⁸ Craven 1957, 184; Cooper 1978, 347–349; Holt 2004, 103.

Таким образом, в январе – феврале 1854 года в конгрессе сформировалась межпартийная консервативно-условно-юнионистская коалиция, готовая пересмотреть запретительное положение Миссурийского компромисса. Мотивации этого пересмотра явно не имели прямого отношения к проблеме освоения этих новых территорий. Партийно-политические соображения были для инициаторов пересмотра доминирующими побудительными импульсами. Поэтому они с самого начала дебатов заявляли об идейной принципиальности выдвигаемых ими обоснований необходимости отмены запретительных пунктов Миссурийского компромисса. Слово «принцип» стало самым употребительным в речах сторонников отмены антирабовладельческого восьмого пункта Миссурийского компромисса.

Политический дискурс дебатов в Конгрессе США 30 января – 25 мая 1854 года сформировал политический словарь всех последующих политических дискуссий по вопросу рабства вплоть до президентских выборов 1860 года. В ходе их были озвучены, обоснованы политические понятия и пропагандистские лозунги, отразившие все политические взгляды и представления по проблеме определения статуса рабства на территориях. Большая их часть была унаследована от всех предыдущих политических дискуссий, начиная с периода обсуждения аннексии Техаса в 1843–1845 годов и завершая дискуссиями на партийных конвентах 1852 года и положениями партийных предвыборных программ на президентских выборах того же 1852 года.

Начиная с «великих дебатов» в Сенате Конгресса США марта 1850 года, явственно определилось размежевание политиков, придерживавшихся юнионистских взглядов, при определении ими ответственности федерального государства за сохранение и распространение рабства. Консервативные юнионисты придерживались позиции равной и совместной ответственности Севера и Юга. Условные юнионисты отстаивали идеи о наличии особых прав Юга по обеспечению федеральным государством сохранения и распространения рабства. Либеральные юнионисты отрицали всякую ответственность федерального государства за сохранение и распространения рабства и требовали отказаться от неё во всех сферах исключительной юрисдикции федерального государства⁹.

В ходе дебатов, начавшихся после внесения 24 января 1854 года сенатором Стивеном А. Дугласом, председателем комитета Сената Конгресса США, территориального билля «Канзас – Небраска», они были усилены добавлением новых аргументов, новых политических терминов и призывов. Политический дискурс этих дебатов с самого начала получил преимущественно пропагандистско-агитационную направленность. Конгрессмены стремились не столько предложить какие-то новые идеи и решения по вопросу определения статуса рабства на территориях, сколько высказать и обосновать новые более яркие, резкие по форме, полемически заострённые интерпретации прежних доктрин и принципов.

В докладе сенатского комитета и во внесенном Стивеном А. Дугласом билле «Канзас – Небраска» содержалось положение об отмене действия восьмого раздела Миссурийского акта, запрещавшего навсегда (*forever*) рабство на территориях, которые должны были бы войти в состав Союза по решению Конгресса США, к северу от географической линии 36 градусов и 30 минут северной широты. Консервативно-юнионистское обоснование этого положения в речи сенатора Стивена А. Дугласа 30 января 1854 года и можно считать началом полномасштабной парламентской дискуссии, продолжавшейся до 25 мая того же года¹⁰.

Вторым по значимости фактором, в решающей мере определившим дискурс этой дискуссии, стало опубликованное 24–25 января рядом газет «Воззвание независимых демократов», основными авторами которого были сенаторы Салмон П. Чейз (Огайо) и Чарльз Самнер (Массачусетс). В этом политическом манифесте либерально-юнионистской направленности содержалась уничтожающая, крайне резкая по тональности критика предложения Дугласа и ранее озвученных южными сенаторами-вигами, приверженцами условно-

⁹ Это размежевание было обосновано мною в статье: Осипов 2004, 82–95.

¹⁰ Congressional Globe 33d Congr., 1st Sess. P. 275–280.

юнионистских взглядов, Арчибалдом Диксоном (Кентукки) и Джорджем Э. Баджером (Северная Каролина) поправок схожего содержания¹¹.

«Воззвание независимых демократов» стало неизбежным и неминуемым ответным идейным манифестом убеждённых сторонников либерально-юнионистских взглядов по вопросу распространения рабства. Вся последующая идейная полемика велась на основе понятий, идейных аргументов, установок и оценок, содержащихся в тексте этого документа. Чейз и Самнер попытались перехватить политическую инициативу у сторонников консервативно-юнионистского и условно-юнионистского понимания решения проблемы определения пространственно-территориальной будущности рабства в рамках американского национального государства. Они объявили и организовали массовую пропагандистскую кампанию во всех северных штатах посредством массового распространения и активного публичного обсуждения своего воззвания. В речах противников принятия билля «Канзас – Небраска» главным стало слово «соглашение».

В конгресс уже в конце марта посыпались многочисленные петиции, обращения, меморандумы, резолюции легислатур северных штатов. Этические, религиозные, историко-политические, историко-правовые, политико-теоретические и теоретико-правовые аргументы воззвания во многом поспособствовали расколу консервативных юнионистов в конгрессе и за его пределами. Часть их оказали активное идейное противодействие сторонникам отмены Миссурийского компромисса и сформулировали собственную позицию по вопросу противодействия территориальной экспансии рабства. Они предлагали сохранение нейтралитета федерального государства по отношению к территориальному распространению рабства, оставляя за конгрессом право определения статуса рабства на новых территориях посредством выработки последующих компромиссов без отмены прежних. Такой подход предполагал достижение нового юнионистского согласия по вопросу о территориальном распространении рабства.

Сторонники и противники прохождения в конгрессе билля «Канзас – Небраска», содержащего положение об отмене действия восьмого раздела Миссурийского акта, превратили политическую дискуссию по вопросу об оправданности, необходимости и допустимости такой политической меры в конкуренцию различных идейных интерпретаций альтернативных и одних и тех же текстов правовых, историко-документальных, мемуарных и политико-агитационных документальных материалов. Они обратились к истории принятия всех прежних компромиссных решений по вопросу об определении правового статуса рабства на федеральных территориях, начиная с Северо-Западного ордонанса 1787 года¹².

Дуглас и все те, кто разделял его позицию по вопросу об отношении к Миссурийскому компромиссу, соглашались с необходимостью неограниченно долгого сохранения двух колонизационных потоков на западных землях и обеспеченной всей силой федерального государства защиты «особого южного института» и рабовладельческой собственности. Заявляемая им приверженность компромиссу 1850 года и содержащимся, по его заверениям, в нём принципам невмешательства и «народного суверенитета» со всей очевидностью означала защищённость рабства на территориях со стороны федеральных властей, ими управляющих¹³.

Принципиальность отмены принятого решением федерального конгресса запрета рабства его же другим решением была малоубедительной, но проюжная прорабовладельческая направленность новой принципиальной политики федерального государства в решении вопроса о статусе рабства на территориях всем представлялась совершенно очевидной. Отстаиваемый Дугласом принцип суверенитета поселенцев был закреплён в билле «Канзас – Небраска» в наиболее приемлемой для южан формулировке.

¹¹ Congressional Globe 33d Congr., 1st Sess. P. 281–282; Trefousse 1968, 68–69.

¹² Наиболее показательны речи сенаторов С. П. Чейза (Огайо), Э. Эверета (Массачусетс), Т. Смита (Коннектикут), Дж. Б. Уэллера (Калифорния), Дж. Петитта (Индиана), Р. М. Т. Хантера (Виржиния), Э. П. Батлера (Южная Каролина), Р. Бродхэрда (Пенсильвания), Ч. Самнера (Массачусетс): Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 133–140, 158–163, 168–178, 197–200, 212–221, 221–228, 232–240, 247–251, 262–270.

¹³ Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 326–329; Capers 1959, 118–119; Johnson 1970, 311, 314.

Недопущение принятия поселенцами свободных штатов запретительных антирабовладельческих мер в период до получения согласия федерального конгресса на принятие ими конституции для вхождения в Союз как штата стало рассматриваться южанами в качестве важнейшей политической гарантии прав рабовладельцев на переселение с рабами на новые территории. В этом контексте провозглашаемый Дугласом отказ федерального конгресса от права регулировать отношения рабовладения на федеральных территориях в большей мере мог в перспективе соответствовать интересам свободных поселенцев в Канзасе.

Принцип «невмешательства» означал отказ конгресса от полномочий определения правового статуса рабства на федеральных территориях. Большинство конгрессменов-южан заявили, что этих полномочий у федерального государства вообще и не было, а любые подобные действия Конгресса США являются неконституционной узурпацией власти федеральным государством в ущерб правам южных штатов. Но при этом южане в ходе дебатов переинтерпретировали теорию «прав штатов» в наступательную программу трансграничной защиты рабства на всей территории США. Суверенитет штатов, по их мнению, будучи первичным по отношению к суверенитету федерального государства обязывал его обеспечивать равную реализацию и защиту интересов граждан всех штатов¹⁴.

Сохранение прав граждан южных штатов на рабовладельческую собственность должно было быть обеспечено федеральным государством на территориях, поскольку оно, по выражению сенатора от штата Южная Каролина Эндрю П. Батлера, выступает «конституционным опекуном по отношению к территориям, устанавливая там для всех поселенцев ограниченную конституционную монархию». Другой сенатор-южанин Роберт Тумбс из Джорджии выразился ещё более определённо и откровенно. Он заявил, что действие Конституции в отношении рабства локализирует рабство как социальный институт и национализует его как законную форму собственности. «Флаг Союза, – заявил он, – реет над всеми принадлежащими ему рабовладельческими территориями и защищает каждого американского гражданина»¹⁵.

Американский историк Артур Бестор в своей замечательной статье, опубликованной ещё в 1965 году, убедительно показал, что применительно к решению вопроса о территориальном распространении рабства в 1846–1860 годах доктрина суверенитета штатов стала обоснованием экстратерриториальной, экстраюрисдикциональной защиты прав рабовладения на всех территориях, предусматривающей беспрепятственное его распространение. Теория суверенитета штатов позволяла определять рабство как национальный институт подконтрольный рабовладельческим штатам и обязательный на федеральных территориях¹⁶.

Принцип «народного суверенитета» понимался южанами согласно такой интерпретации доктрины суверенитета штатов как условие обеспечения их права свободно переселяться и оставаться на территориях со своими рабами вплоть до принятия конституции будущего штата. Введение ею запрета на владение рабами можно было бы оспорить в федеральных судах, включая Верховный суд. Любое другое понимание этого принципа отвергалось большинством южан как неконституционное дискриминационное ограничение прав граждан южных штатов. Запретительное положение Миссурийского компромисса для них стало видимым доказательством такой дискриминации, узаконенной решением Конгресса США.

Для южан было важно всячески дискредитировать Миссурийский компромисс, отвергая обвинения в том, что его отмена бесчестным отказом от обязательств, принятым южанами при заключении этого торжественного соглашения (*solemn compact*). Они не желали признавать его отмену «грубым нарушением священного обещания» (*gross violation of a sacred pledge*) или «преступным предательством драгоценных прав» (*criminal betrayal of precious*

¹⁴ Наиболее последовательно эта стейтрайстская позиция сторонников «южных прав» была обоснована в речах сенаторов: Р. М. Т. Хантера (Виржиния), А. Дж. Брауна (Миссисипи), Э. П. Батлера (Южная Каролина), Р. Тумбса (Джорджия), конгрессменов: Дж. К. Брекинриджа (Кентукки), Ф. Филлипса (Алабама), У. Смита (Виржиния): *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 222, 223–224; 230–231; 238–239; 347–349; 441–442; 533–534; 555–556.

¹⁵ *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 351.

¹⁶ Bestor 1965, 583–587.

rights). Эти характеристики, содержащиеся в воззвании независимых демократов, были болезненно восприняты самим Дугласом и яростно опровергались южными конгрессменами¹⁷.

Миссурийский компромисс определялся ими как самый обычный законодательный акт без всяких признаков соглашения, применение которого к другим территориям неоднократно саботировалось политиками и законодателями северных штатов. Ограничительная линия отвергалась как неконституционное, несправедливое попрание прав южан на территориях, с которым южане мирились и пытались ему следовать при разрешении вопроса о статусе рабства в Техасе, Орегоне, Калифорнии, Нью-Мексико и Юте, но всякий раз сталкивались с отказом северян продлить эту разделительную линию далее на запад¹⁸.

С этим категорически были не согласны противники отмены линии Миссурийского компромисса. Одни из них выступали с последовательно фрисойлерских антирабовладельческих позиций при лидерстве сенаторов Самнера и Чейза, а другие с последовательно консервативно-юнионистских позиций при лидерстве сенаторов Эдварда Эверетта (Массачусетс), Сэма Хьюстона (Техас) и Джона Белла (Теннесси). Тех и других, при всех различиях во взглядах на проблему рабства, объединяла высокая оценка значимости Миссурийского компромисса для обеспечения устойчивого политического развития и сохранения единства страны. Он характеризовался в «Воззвании независимых демократов» терминами «священное соглашение» (*solemn compact*), «священное обещание, обет» (*sacred pledge*), великий компромисс. Необходимость и обязательность его сохранения не вызвала у них никакого сомнения и все обоснования его отмены отвергались и опровергались. Противники отмены Миссурийского компромисса видели в нём надёжную и проверенную временем юнионистскую политическую меру. Они были едины в признании необходимости и обязательности для федерального государства принятия мер по ограничению территориального распространения рабства и неизбежной необходимости его изживания¹⁹.

Дуглас и другие сторонники отмены Миссурийского компромисса из северных штатов предпочитали больше указывать на несовместимость принципа этого компромисса с принципами компромисса 1850 года, которые он считал универсальными, и на этом основании считали, что они могут и должны заместить принцип Миссурийского компромисса и аннулировать его действие. Принципы невмешательства и «народного суверенитета» преподносились как более демократичные и отвечающие либеральным ценностям американского общества и государства²⁰.

Рабство негров оправдывалось ими с расистских позиций и выводилось из-под регулирующего воздействия федерального законодательства как творение локального позитивного права штатов. Конституционные положения, касающиеся рабства, трактовались в качестве

¹⁷ Выступления Стивена А. Дугласа 30 января и 3 марта 1854 марта в сенате конгресса США // *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess. P. 276–280; *Ibid.* Appendix. P. 325–338. Выступления сенаторов Р. М. Т. Хантера, Э. П. Батлера, Р. Тумбса и конгрессменов-южан: А. Г. Стефенса (Джорджия), П. Юинга (Кентукки), Дж. К. Брекиринджа // *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 222, 226–228; 234–235, 239; 349–350; 193–194; 251–252; 439–441.

¹⁸ Сенаторы-виги А. Диксон (Кентукки) и Дж. Баджер (Северная Каролина) в своих речах наиболее полно выразили эту позицию // *Ibid.* Appendix. P. 145–147, 150–151, 154–155.

¹⁹ *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess. P. 281–282; Об этом было заявлено в речах сенаторов: С. П. Чейза (Огайо), Т. Смита Коннектикут), Ч. Самнера (Массачусетс), Э. Эверета (Массачусетс), У. Сьюарда (Нью-Йорк), Дж. Купера (Пенсильвания), Дж. Белла (Теннесси), С. Хьюстона (Техас), конгрессменов: Дж. Мичама (Вермонт), Л. Д. Кэмбелла (Огайо), Д. Мэйса (Индиана), Т. Х. Бентона (Миссури), Дж. Гидингса (Огайо), С. У. Паркера (Индиана), Дж. Смита (Нью-Йорк), Т. Дж. Хант (Луизиана) // *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 133, 138, 139; 175, 176, 177; 262, 268, 269; 158, 162, 163; 154–155, 768, 770; 507, 508, 509; 414, 415, 946; 205, 206, 338, 340; 188, 189; 245, 246; 164, 166; 558, 560; 986, 988; 789, 790; 525, 526, 527; 436, 437, 438.

²⁰ Кроме самого Дугласа эти идеи активно отстаивали сенаторы: М. Норрис (Нью-Гэмпшир), Л. Кэсс (Мичиган), Дж. Г. Уэллер (Калифорния), Р. Бродхэд (Пенсильвания), Дж. Р. Томпсон (Нью-Джерси), Р. Тумбс (Джорджия), Р. М. Т. Хантер (Виржиния), А. Диксон (Кентукки), конгрессмены: Дж. К. Аллен (Иллинойс), А. Г. Стефенс (Джорджия), Дж. К. Брекириндж (Кентукки), Ч. Скелтон (Нью-Джерси) // *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 304, 305; 271, 272, 274, 275, 278–279; 198–199, 200; 247–249; 255–257; 348, 349; 224, 226; 143–144; 253–255; 193–197; 440–445; 190–193.

правовых гарантий субъективных собственности прав южан. Право на самоуправление, поэтому распространялось, по их убеждению, и на владение белыми гражданами рабами, которые считались неготовыми и неспособными на самоуправление²¹.

Сторонники Дугласа из южных штатов прямо прославляли рабовладельческие порядки как цивилизационное благо для негров, добродетель белых и основу благосостояния всей страны. Поэтому запрет рабства на территориях определялся ими не только как неконституционная, оскорбительная дискриминационная узурпация власти, но и как вредная политическая мера, подрывающие экономические, культурные и нравственные основы американского общества²².

Именно замена, замещение Миссурийского компромисса компромиссными актами 1850 года стала доминирующей тематикой дебатов. Вся аргументация, которую приводили сторонники принятия билля «Канзас – Небраска» для обоснования необходимости отмены линии Миссурийского компромисса как принципа решения вопроса о территориальном распространении рабства строилась на противопоставлении этих двух компромиссов. При этом для северных конгрессменов прежде всего было важно обеспечить максимально возможное в правовом отношении выведение конгресса из процесса принятия решения вопроса о статусе рабства на территориях, а для южных конгрессменов – обеспечить максимально полную защищённость рабовладельческих прав южан на территориях.

Первое достигалось, по мнению сторонников принятия билля, применением принципа «самоуправления», а второе – применением принципа невмешательства. В конечном итоге применение данных принципов одновременно к территориям Канзаса и Небраски означало обязательную необходимость отмену широтной разграничительной линии и допущение распространения рабства на этих территориях, которое предполагалось прежде только к югу от этой линии. Федеральное государство ограничивало свои регулирующие полномочия в отношении рабства и одновременно предоставляло дополнительные гарантии обеспечения прав рабовладельцев на западных территориях.

Прояужная и прорабовладельческая направленность всех обоснований отмены Миссурийского компромисса, высказанных сторонниками Дугласа, была слишком очевидной. Поэтому обесценивались все их утверждения о демократичности «суверенитета поселенцев» и патриотичности невмешательства конгресса в определение статуса рабства на территориях. Все речи сторонников билля могли восприниматься сочувственно и быть убедительными в залах конгресса, в которых на тот момент преобладали партийные функционеры демократической партии, которым было известно о поддержке билля президентом Пирсом. Но эти же речи, напечатанные, повторяемые и обсуждаемые в различных аудиториях за пределами залов и лобби зданий Капитолия, приобретали совсем иное звучание и понимание.

Никакой демократичности в отмене запрета рабства на территориях, принятого решением парламента, граждане северных штатов не заметили. Каких-либо чувств патриотизма по поводу того, что этот запрет соответствует интересам южан, они не испытывали, скорее наоборот. В отмене запрета распространения рабства на территориях, куда готовы были уже переселиться десятки тысяч граждан свободных штатов, они с полным основанием могли увидеть коварные и бесчестные происки южан-рабовладельцев. Как заметил историк Майкл Ф. Холт, «ниспровержение Миссурийского компромисса очень было похоже на явное свидетельство существования заговора обладающих властью рабовладельцев (*slave power*) для то-

²¹ Наиболее откровенные расистские обоснования прозвучали в речах сенаторов Дж. Петита (Индиана), А. Дж. Брауна (Миссисипи), Э. П. Батлера (Южная Каролина), Р. Тумбса (Джорджия), Р. Бродхэрда (Пенсильвания), Дж. Г. Уэллера (Калифорния), У. С. Доусона (Джорджия), И. Туси (Коннектикут), И. Бенжамина (Луизиана), Дж. А. Байярда (Делавэр), конгрессменов: Дж. К. Брекинриджа (Кентукки), Дж. Л. Клигмана (Джорджия), П. Филлипса (Алабама): *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 213–214, 219; 230–231; 237–238; 349, 350, 351; 248, 249; 198, 199; 304, 305; 314, 315; 767, 768; 776, 779; 443, 444, 447, 448; 491, 492; 533, 534.

²² В речах сенаторов Э. П. Батлера из Южной Каролины, А. Брауна из Миссисипи, Дж. Э. Баджера из Северной Каролины, конгрессменов П. Юинга и Дж. К. Брекинриджа из Кентукки, Джона Кэрра из Северной Каролины прозвучали подобного рода аргументы: *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 237, 239; 232; 149; 252; 445–446; 168.

го, чтобы использовать своё доминирование в федеральном государстве, чтобы распространить рабство вопреки воле большинства американцев»²³.

Поэтому намного больший сочувственный отклик в северных штатах вызвали утверждения либеральных юнионистов о том, что выдвижение билля «Канзас – Небраска» было следствием и наглядным свидетельством агрессии сторонников и пособников рабовладения, подпадания федерального государства под власть рабовладельцев (*slave power*). Они усматривали в действиях Дугласа «ужасный заговор» (*atrocious plot*) против интересов свободных тружеников страны и всего Старого света, реализацию «наглого замысла» (*bold scheme*), направленного против свободы в Америке. Самнер прямо обвинил сторонников билля Дугласа в том, что именем свободы они открывают двери рабству и с проповедями о равных правах на устах растаптывают естественные права человека²⁴.

С гуманистических, демократических и патриотических позиций либеральные юнионисты осуждали рабство как преступное посягательство на права и свободы человека, деспотическую по своей природе систему социальных отношений, как позор и проклятие американской нации. Они полагали, что федеральное государство повсюду в пределах своей юрисдикции должно отменять и запрещать рабство, поскольку его сохранение и распространение противоречит политическим и конституционным принципам организации и функционирования американского государства.

Запрет распространения рабства к северу от широтной линии, определённой Миссурийским компромиссом, либеральные юнионисты рассматривали как важный ограничитель территориального распространения рабства, «межевой столб свободы» и пример верности заветам отцов-основателей политики федерального государства в решении вопроса о статусе рабства на федеральных территориях. Чейз оценил отмену в этой части Миссурийского компромисса как наступление эры реакции. Неизбежным ответом, по их убеждениям, явится реорганизация партий и образование партии, которая станет добиваться денационализации рабства. Самнер и Сьюард обосновывали денационализацию как истинную политику по отношению к рабству, завещанную отцами-основателями²⁵.

Либеральные юнионисты в лице прежде всего фракции свободных демократов расценивали открыто заявленное консервативными юнионистами намерение отменить действие антирабовладельческого положения Миссурийского компромисса как неоспоримое свидетельство общего изменения направленности политики федерального государства, которому следует противопоставить общенациональное антирабовладельческое движение. Они сами же немедленно приступили к организации такого движения, используя пропагандистские возможности парламентских дебатов. В ходе этих продолжительных дебатов апробировались и сразу «транслировались» на места антирабовладельческие аргументы, доказательства и лозунги, отвечающие требованиям политического момента и настроениям широких масс населения северных штатов.

Хьюстон и Белл разделяли с либеральными юнионистами оценку Миссурийского компромисса как «священного соглашения между штатами». Хьюстон определял его в качестве гарантии существования институтов Юга и сохранения Союза. Хьюстон прямо приравнивал значимость Миссурийского компромисса к значимости компромиссных положений о рабстве в Конституции США 1787 года. Белл прямо увязывал своё отношение к отмене этого компромисса с негативным отношением к этой мере огромного большинства граждан в северных штатах. Он предупреждал о самых пагубных и губительных последствиях отмены Миссурийского компромисса для единства страны²⁶.

²³ Holt 1978, 149.

²⁴ «Воззвание независимых демократов» и речи Салмона П. Чейза и Чарльза Самнера, растиражированные по всей стране вызвали наибольший общественный резонанс: *Congressional Globe* 33rd Congr., 1st Sess. P. 282; *Ibid.* Appendix. P. 139, 140; 268, 269, 270; Trefousse 1968, 69–71.

²⁵ *Ibid.* Appendix. P. 140; 150, 151, 153, 155; 267, 268, 269, 270.

²⁶ *Ibid.* P. 205, 206; 414, 415.

Критическую позицию этих ортодоксальных консервативных юнионистов по отношению к биллю «Канзас – Небраска» наиболее полно высказали сенаторы Эдвард Эверетт (Массачусетс), Джон Белл (Теннесси), Сэм Хьюстон (Техас), Джон М. Клейтон (Делавэр), Джеймс Купер (Пенсильвания) и представители Ч. Скелтон (Нью-Джерси), Д. Мейс (Индиана), Р. Э. Фентон (Нью-Йорк), Томас Х. Бентон (Миссури), Джеймс Дж. Хант (Луизиана). Они в первую очередь указывали на деструктивность, дестабилизирующее и провоцирующее политическое воздействие предложений об отмене линии Миссурийского компромисса. Само вынесение билля «Канзас – Небраска» они считали несвоевременным, неподготовленным, затратным и вредным политическим мероприятием. Все они признавали Миссурийский компромисс соглашением между Югом и Севером, которое долгие годы соблюдалась сторонами. Теперь же предлагается его самым бесчестным образом нарушить без всякой видимой выгоды для Юга, но при этом с явными неблагоприятными последствиями для согласия между американцами и явным ущербом для единства страны²⁷.

Эверетт, Белл, Клейтон, Купер и Бентон подчёркивали конъюнктурный политиканский характер предлагаемого билля, не видели в нём какую либо конструктивную и принципиальную альтернативу Миссурийскому компромиссу. Бентон определил билль «Канзас – Небраска» как «политиканскую игру в ущерб миру и гармонии Союза». Белл саркастически заметил: «Конгресс совсем не подходит на роль установителя незыблемых принципов»²⁸.

Для Бентона все рассуждения о принципах компромиссных биллей 1850 года представлялись совершенно безосновательными и вздорными, хотя он был единственным сенатором, который проголосовал за все эти билли. Соответственно, считая компромисс 1850 сделкой на определённых условиях, в конкретных политических обстоятельствах и по отношению к сугубо определённым территориям, Бентон отверг всякое соотнесение компромиссных биллей 1850 года с «великими компромиссами 1787 и 1820 годов»²⁹.

Эти лидеры консервативных юнионистов отрицали даже саму постановку вопроса о замещении принципами компромисса 1850 года принципов Миссурийского компромисса 1820 года. Поэтому они отменяли всю аргументацию в пользу отмены линии Миссурийского компромисса, основанную на данном предположении. Они считали необходимым сохранение всех заключённых компромиссов для обеспечения взаимопонимания, мира и согласия между Севером и Югом. По существу, данная часть консервативных юнионистов соглашались с утверждениями либеральных юнионистов о недопустимости предоставления федеральным государством гарантий распространения рабства на новые территории.

Многие консервативные юнионисты осознавали сложившееся неприятие северянами рабства, видели их нежелание принимать на себя всякую ответственность за его сохранение и распространение. Растущее отчуждение между Севером и Югом они увязывали со злонамеренной политизацией южными и северными экстремистами отношения северян и южан к проблеме сохранения и распространения рабства. Для консервативных юнионистов эта проблема и далее могла решаться только совместными объединёнными усилиями умеренных, трезвомыслящих, патриотически настроенных деловых кругов и политиков Севера и Юга, как это получилось в 1850–1852 годах.

В отличие от либеральных юнионистов эти ортодоксальные консервативные юнионисты не были принципиальными противниками территориального распространения рабства, но при этом они отрицали необходимость законодательного обеспечения и гарантирования его распространения. Поэтому они не считали необходимым для федерального государства определение и занятие им какой-либо политической позиции по отношению к территориальному распространению рабства. Федеральное государство, по их мнению, должно было играть роль беспристрастного арбитра в решении всех спорных вопросов между свободными и рабовладельческими штатами Союза, считаясь с интересами и правами граждан тех и других.

²⁷ Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 161–163; 412–415, 945, 947–948; 205–207, 338–340; 388–393; 505–509; 190–193; 163–166; 157–158; 557–561; 435–439.

²⁸ Ibid. P. 560, 414.

²⁹ Ibid. P. 557, 558–560.

Но в создавшейся политической ситуации весны – лета 1854 года такая их позиция не могла более находить широкой поддержки ни в северных, ни в южных штатах. Критикуя сторонников билля «Канзас – Небраска» они усиливали позиции либеральных юнионистов, настаивая на сохранении Миссурийского компромисса и соглашаясь в этом с либеральными юнионистами, они способствовали консолидации консервативно-условной коалиции юнионистов в Конгрессе США. Эта консолидация при ведущей роли демократов привела к принятию билля сначала в сенате, а затем и в палате представителей, что в ещё большей мере ускорило образование межпартийной антирабовладельческой коалиции в северных штатах, стремительно превращавшегося в новую политическую партию.

Раскол консервативных юнионистов, раскол вигской партии явственно обнаружился в ходе дебатов по биллю «Канзас – Небраска». Политический дискурс либеральных юнионистов и консервативных юнионистов, осудивших отмену антирабовладельческих положений Миссурийского компромисса, оказался во многом сходным: бесчестие, подлое нарушение обязательств торжественного соглашения Юга и Севера, провоцирование секциональной розни, агитации и пособничество сецессионистским взглядам и настроениям.

Традиционалистский юнионизм Белла, Бентона, Клейтона, Купера и Хьюстона ставил значимость сохранения Союза выше всех секционалистских пристрастий, предрассудков и предубеждений, секциональных социальных и политических приоритетов. Они считали необходимым продолжить следовать прежним компромиссам, заключать новые компромиссы, не отменяя прежних. Они предлагали американцам примириться бременем общей ответственности за сохранение, распространение и последующее постепенное изживание рабства без риска раскола страны.

Политический дискурс дебатов по биллю «Канзас – Небраска» определили политики, которые требовали немедленного определения позиции федерального государства по отношению к территориальному распространению рабства: радикальное крыло либеральных юнионистов в лице представителей фракции «независимых демократов» и южные условные юнионисты. Для тех и других отмена или сохранение Миссурийского компромисса стало своего рода политическим тестом на готовность федерального государства определиться с отношением к территориальному распространению рабства.

Для южных юнионистов инициирование отмены Миссурийского компромисса стало наиболее приемлемым средством демонстрации своей приверженности «южным интересам». Принципы невмешательства, «суверенитета поселенцев», самоуправления, равенства прав штатов на территориях виделись им более прочной основой сохранения единства союзного государства³⁰.

Либеральные юнионисты этим принципам успешно в пропагандистском отношении противопоставили принципы «фри сойл», «денационализации» рабства, «всеобщего равенства и свободы». Открытие Канзаса и Небраски для распространения рабства решением конгресса США было подано ими как преступная, антидемократическая агрессия «власти рабства» (*slave power*), угрожающая правам и свободам американцев³¹.

Принцип фри сойл (*free soil*), или свободной почвы, был постулатом конституционных аболиционистов, сформулированным ими в конце 30-х годов XIX века в связи с дебатами об аннексии Техаса. Исходя из установки, что «свобода – национальна, а рабство – секционально» аболиционисты обосновывали положения о недопустимости распространения рабства на территории, где его не было или где оно было ранее отменено, и обязанности федерального государства запретить распространение рабства на всех федеральных территориях как богопротивного, антигуманного и антидемократического социального института.

Если до середины 40-х годов предложения о принятии решением федерального государства запрета территориального распространения рабства выдвигались только аболиционистами и отдельными политиками, то с 1846 года многие северные политики на уровне легислатур

³⁰ Cooper 1978, 356–367; Craven 1957, 187–188.

³¹ Blue 1973, 218–219; Mayfield 1980, 194; Sewall 1976, 254–255.

штатов и Конгресса США стали приверженцами принципа «фри сойл» и стали добиваться его применения для определения статуса рабства на присоединяемых территориях Юты, Нью-Мексико, Калифорнии, Орегона. Фрисойлерские идеи в 1846–1850 годах получили самое широкое распространение в северных штатах. Они звучали в резолюциях legislatures северных штатов, в законодательных инициативах северных конгрессменов, в лозунгах антирабовладельческих партий «Фри сойл», «Свободные демократы», «Независимые демократы»³².

Для противодействия этой агрессии они призвали к образованию широкого общенационального антирабовладельческого политического движения. Тем самым дебаты в Конгрессе США по биллю «Канзас – Небраска» были использованы ими для идейной подготовки и пропагандистскому содействию формированию такого движения. Начался стремительный процесс консолидации новой антирабовладельческой парламентской коалиции, который, в свою очередь, содействовал формированию антирабовладельческих межпартийных коалиционных политических объединений в штатах, которые в мае – июле трансформировались в качестве первых местных организаций новой республиканской партии.

Общественное мнение в США в отношении к территориальному распространению рабства бесспорно стало эволюционировать в противоположных направлениях на Юге и на Севере. Пресса самым деятельным образом вовлекалась в пропагандирование противоположных взглядов, оценок и суждений значимости и последствий отмены Миссурийского компромисса. В статье российской историка-американиста Т. В. Алентьевой убедительно показан быстрый переход ведущих газет в северных и южных штатах от отражения происходивших в конгрессе дискуссий к активному распространению прорабовладельческих и антирабовладельческих взглядов, суждений и представлений после принятия билля «Канзас-Небраска»³³.

По существу, идейная дискуссия в палатах конгресса в феврале – мае 1854 года по вопросу о принятии билля стала идеологически моделировать новую партийно-политическую группировку и реорганизацию прежней двухпартийной системы демократы-виги. Политический дискурс конгрессовских дебатов января – мая 1854 года в формате противопоставления секциональных ценностных приоритетов и идеологических парадигм привнес в политическое развитие американского общества в 50-е годы XIX века фактор нарастающего конфликтного общенационального политического дискутирования, приводившего к нагнетанию отношений между американцами настроений социальной вражды и ненависти.

Трансформирование этого дискутирования сначала в массовое политическое антирабовладельческое политическое движение, а потом и в партию, возможно и не было predetermined данными дебатами, но, несомненно, произошло во многом под их стимулирующим воздействием. Итоги голосований в Сенате и палате представителей Конгресса США 3 марта, 22 и 25 мая стали ещё одним фактором ускорения формирования новой массовой антирабовладельческой политической в северных штатах, так как они вошли в явное противоречие с преобладающими в них настроениями полного неприятия отмены Миссурийского компромисса.

Любой сведущий в политике американец, рассматривая результаты голосований, мог сделать два вывода: прохождение в обеих палатах конгресса билля «Канзас – Небраска» стало возможным благодаря партийной солидарности конгрессменов-демократов и консолидации конгрессменов-южан. В Сенате состоялось два голосования: 3 марта и 25 мая. Из 62 сенаторов в голосованиях приняли участия 51 и 48 соответственно. Из 38 сенаторов-демократов в голосованиях приняло участие 31 сенатор. 26 сенаторов-демократов проголосовали за принятие билля и 5 – против. У вигов это соотношение составило 11 к 7 и 9 к 6 соответственно. Южные сенаторы-демократы проголосовали в соотношении 13 к 1 и 12 к 0

³² Происхождение, распространение и социально-политическое значение фрисойлерских идей рассмотрено в работах американских историков Ф. Блу, Э. Фонера (Blue 1973; Foner 1970; Foner 1980), а также в статьях российских историков Н. И. Осипова и В. В. Прилуцкого (Прилуцкий 2009, 60–64; Осипов 2011, 23–47).

³³ Алентьева 2008, 150–158.

ответственно. Объединение демократов и большинства вигов-южан обеспечило принятие билля в Сенате Конгресса США³⁴.

В Палате представителей наблюдалась схожая статистика. Из 236 конгрессменов в голосовании 22 мая приняло участие 213. 113 из них проголосовали «за» и 100 «против». Из 159 демократов в голосовании приняли участие 143 конгрессмена, из которых 98 проголосовали «за» и 45 «против». Из 81 конгрессменов-южан, принявших участие в голосовании, 72 проголосовали «за» и 9 «против». Все северные виги (41), все свободные демократы (4) и все независимые конгрессмены (2) проголосовали против принятия билля «Канзас – Небраска». Северные демократы проголосовали в соотношении 41 «за» и 41 «против»³⁵.

Вся полнота политической ответственности за отмену Миссурийского компромисса легла на демократическую партийную делегацию в Конгрессе США. Отмена стала возможной при самой активной поддержке подавляющего большинства южных конгрессменов. Северная и южная части партийной делегации вигов проголосовали противоположным образом. Поэтому у всех противников отмены Миссурийского компромисса были все основания для утверждений о прорабовладельческой направленности принятого усилиями демократов конгрессом политического решения.

В ходе дебатов в Конгрессе США в январе – мае 1854 года не менее значимо было и то, о чём предпочитали умалчивать большинство конгрессменов, особенно из числа сторонников отмены запрета на территориальное распространение рабства в Канзасе и Небраске, хотя эти темы прозвучали в «Воззвании». Все эти темы были связаны с экспансионистскими планами демократической партии.

Соперничество юго-западных и северо-западных штатов из-за определения предпочтительного маршрута для построения трансконтинентальной железной дороги почти не упоминалось в дебатах. Выделение земельных грантов для её строительства, принятие гомстед-акта и подготовка аннексии Кубы как части партийной программы демократов могли укрепить коалицию северо-западных демократов, южан-юнионистов и южан стейтрайстикой политической направленности, которая обеспечила принятие и признание компромисса 1850 года. Намеренная сосредоточенность на критике антирабовладельческих аспектов Миссурийского компромисса должна была привлечь широкую избирательную поддержку демократов в южных штатах и укрепить их доминирующие позиции на юге, завоёванные по итогам президентских выборов и выборов в Конгресс США в 1852 году.

Выпадение этих тем из дискурса дебатов может быть объяснено только нежеланием всех дискутирующих сторон по различным и даже противоположным мотивам рисковать привлечением внимания к этим темам в прямой связи с вопросом о территориальном распространении рабства. Такое умолчание можно с полным основанием определить как проявление воздействия противоречий в американском обществе, порождённых сложившимся противоположным отношением граждан США к территориальному распространению рабства.

В процессе дебатов выявились и активно политически использовались националистические и расистские предрассудки и настроения, усилившиеся в массовом сознании американцев в конце 40-х – первой половине 50-х годов XIX века. По инициативе конгрессменов-вигов из среднеатлантических штатов (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Мэриленд и Делавэр) был поднят вопрос о недопущении иностранцев на западные земли и лишение их избирательных прав при формировании органов самоуправления на территориях. Расистские аргументы активно использовались сторонниками принятия билля «Канзас – Небраска» из северных и южных штатов на всём протяжении дебатов.

Националистические поправки к биллю в марте и мае 1854 года неоднократно выносились на голосование в обеих палатах Конгресса США. Дебатирование по этим поправкам явно поспособствовало разжиганию весной – летом 1854 года националистической пропаганды нового найтивистского движения «ничего-незнаек». В расистских речах конгрессменов зву-

³⁴ Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess. P. 532, 1254.

³⁵ Ibid. P. 1321.

чали не только оправдательные прорабовладельческие мотивы, но и прямая апологетика рабства как наилучшей социальной системы в отношении с представителями низших рас. Откровеннее всех высказался сенатор-виг условно-юнионистской ориентации от штата Джорджия Роберт Тумбс. Он заявил: «Народ этой республики... понимает, что американские свободы были завоёваны белыми людьми и для белых людей, нашей расой и для нашей расы и все, кто в этой стране или в Англии симпатизирует негритянской расе, является во всём врагами и угнетателями белых людей повсюду»³⁶.

Ожесточённая критика рабства «как легализированной южанами бесчеловечной преступной деятельности, соучастие в которой и ответственность за которую они навязывают северянам», прозвучавшая в речах наиболее радикальных противников билля «Канзас – Небраска», вызвала немедленный агрессивно-апологетический ответ сторонников билля, которые стали доказывать благотворность рабства для негров, для белых и для общественного благополучия. При этом сторонники принятия билля из северных штатов с готовностью признавали обязательность для северян соблюдения прав южан на территориальное распространение рабства³⁷.

Политический дискурс дебатов января – мая 1854 года оказался до такой степени радикализированным, что он превратил Конгресс США в поле идейно-политического размежевания в правящей элите американского государства и последующего секционального раскола в политических партиях и американском обществе. Институты американской демократии со всей очевидностью и огромной разрушительной силой выявили ценностное противостояние, линии политической конфронтации и регионального противоборства в американского обществе. Но при этом оказались неспособными преодолеть эти противоречия и выработать взаимоприемлемую согласованную программу мер по их урегулированию в прежних конституционно-правовых и политико-институциональных рамках.

Консенсусные основания функционирования политической системы американского общества были подорваны, что привело к дезорганизации, дезинтеграции и реорганизации двухпартийной системы как одного из наиболее значимых для её стабильного и поступательного развития институтов. Реорганизация прежней двухпартийной системы пошла таким образом, что последующее партийно-политическое соперничество со всей неизбежностью вело страну по пути к сецессии и Гражданской войне.

Литература / References

- Алентьева 2008 = *Алентьева Т. В.* Билль Канзас – Небраска 1854 года в отражении общественного мнения северян // Актуальные проблемы исторической науки и исторического образования: в 2 ч. Часть 1. Бирск, 2008. С. 150–158.
Alent'eva T. V. Bil' Kansas – Nebraska 1854 goda v otrazhenii obchestvtnnogo mneniya severiyan [Kansas-Nebraska Bill of 1854 in the Reflection of the Northern Social Opinion] // Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki i istoricheskogo obrasovaniya [The Actual Problems of Historical Science and Historical Education: in 2 pts. Part 1. Birk, 2008. P. 150–158.
- Исаев 2007 = *Исаев С. А.* Миссурийский компромисс, 1819–1821 // Американский ежегодник. М., 2007. С. 72–89.
Isaev S. A. Missuriskiy kompromiss, 1819–1821 [Missouri compromise, 1819–1821] // Amerikanskiy eghegodnik [American year-book]. Moscow, 2007. P. 72–89.
- Прилуцкий 2009 = *Прилуцкий В. В.* Образование партии фрисойлеров и ее политическая платформа // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С. 60–64.
Prilutskiy V. V. Obrasovaniee partii frisoylerov i yieyo politicheskaya platforma [Formation of Free Soil Party and Its Political Platform] // Bulletin of Bryansk State University. 2009. No. 2. P. 60–64.

³⁶ Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 351.

³⁷ Выступления сенаторов Л. Кэсса (Мичиган), Дж. Петита (Индиана), Дж. Р. Томпсона (Нью-Джерси), М. Норриса (Массачусетс), И. Туси (Коннектикут), Р. Бродхэда (Пенсильвания): Congressional Globe 33rd Congr., 1st Sess., Appendix. P. 272–274; 213, 215; 256, 257; 308, 309; 313, 314; 248, 249; 254, 255.

- Осипов 2004 = *Осипов Н. И.* «Великие дебаты» в Сенате Конгресса США и юнионистское движение 1850 года // Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика. М., 2004. С. 82–95.
Osipov N. I. «Velikie debaty» v Senate Kongresse SShA i unionistskoe dvizhenie 1850 goda [«Great debates» in a Congress of USA and Unionist Movement in 1850] // Konflikt i konsensus v amerikanskom obshchestve: teoriya i praktika [Conflict and Consensus in the American Society: Theory and Practice]. Moscow, 2004. P. 82–95.
- Осипов 2011 = *Осипов Н. И.* «Кризис идентичности» американской нации в середине XIX века // Americana. Сборник научных трудов, посвящённый 150-летию начала Гражданской войны в Северной Америке. Волгоград, 2011. С. 23–47.
Osipov N. I. «Krizis identichnosty» amerikanskoy natsii v seredine XIX veka [The Crisis of Identity of the American Society in the middle of the XIXth Century] // Americana. Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchyonnyu 150-letiyu nachala Grazhdanskoj vojny v Severnoy Amerike [Americana. A Collection Scientific Works Dedicated to 150th Anniversary of the beginning of the Civil War in the Northern America]. Volgograd, 2011. P. 23–47.
- Bestor 1965 = *Bestor A.* State Sovereignty and Slavery: A Reinterpretation of Proslavery Constitutional Doctrine, 1846–1860. In: American past. Conflicting interpretations of the great issues. Ed. by S. Fine and G. Brown. Vol. I. Toronto, 1965.
- Blue 1973 = *Blue F.* Free Soilers. Third Party Politics, 1848–1854. Urbana (Ill.), 1973. 376 p.
- Capers 1959 = *Capers G. M.* Stephen A. Douglas. Defender of the Union. Boston – Toronto, 1959. 262 p.
- Cooper 1978 = *Cooper W. J.* The South and politics of slavery 1828–1856. Baton Rouge (Loui.), 1978. 401 p. + XV.
- Craven 1957 = *Craven A. O.* The growth of Southern nationalism 1848–1861. Baton Rouge (Loui.), 1957. 433 p. + XI.
- Foner 1970 = *Foner E.* Free Soil, Free Labour, Free Men: The Ideology of Republican party before the Civil War. NY, 1970. 372 p.
- Foner 1980 = *Foner E.* Politics and ideology in the age of the Civil War. NY, 1980. 262 p.
- Gienapp 1987 = *Gienapp W. E.* The origins of the Republican party 1852–1856. NY, 1987. 564 p.
- Holt 1978 = *Holt M. F.* The political crisis of the 1850s. NY; London, 1978. 719 p.
- Holt 2004 = *Holt M. F.* The fate of their country. Politicians, slavery extension, and the coming of The Civil War. NY, 2004. 192 p.
- Johansen 1973 = *Johansen R. W.* Stephen A. Douglas. NY, 1973. 993 p.
- Johnson 1970 = *Johnson A.* Stephen A. Douglas. A study in American politics. NY, 1970. 504 p. + X.
- Mayfield 1980 = *Mayfield J.* Rehearsal for republicanism: Free Soil and politics of antislavery. Port Washington (NY), 1980. 220 p.
- Moore 1967 = *Moore G.* The Missouri controversy 1819–1821. Gloucester (Mass.), 1967. 383 p. + VIII.
- Parrish 1961 = *Parrish W. E.* David Rice Atchison of Missouri – Border politician. Columbia (Missouri), 1961. 271 p. + XI.
- Potter 1976 = *Potter D. M.* The impending crisis 1848–1861. NY, 1976. 688 p.
- Sewall 1976 = *Sewall R. H.* Ballots for freedom. Antislavery politics in the United States 1837–1860. NY, 1976. 379 p. + XVI.
- Trefousse 1968 = *Trefousse H. L.* The Radical Republicans. Lincoln’s Vangard for Racial Justice. NY, 1968 [1969]. 492 p. + XIV.

DOI: 10.55000/MCU.2021.43.92.018

**ИТАЛЬЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ НА СТРАНИЦАХ
БРИТАНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В НАЧАЛЕ 1860-х ГОДОВ**

Т. Н. Гелла

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Орел, Россия

gellat@mail.ru

Статья посвящена вопросам презентации политических событий в Италии 1861–1862 годов на страницах британских периодических изданий. Основной акцент в статье сделан на анализе отношения английских современников к процессам образования Итальянского королевства, роли видных итальянских политических деятелей на завершающем этапе Рисорджименто и на восприятии британцами особенностей национального характера итальянцев.

Ключевые слова: британская периодика, Рисорджименто, К. Кавур, Дж. Гарибальди, римский вопрос, Наполеон III.

**THE ITALIAN THEMES ON THE PAGES OF BRITISH PERIODICALS
IN THE EARLY 60s OF THE XIXth CENTURY**

T. N. Gella

Orel State University named after I. S. Turgenev

Orel, Russia

gellat@mail.ru

The article is devoted to the presentation of political events in Italy in 1861–1862 on the pages of British periodicals. The main focus of the article is on the analysis of the attitude of English contemporaries to the processes of the formation of the Italian Kingdom, the role of prominent Italian political figures at the final stage of the Risorgimento, and the perception of the peculiarities of the national character of the Italians by the British.

Keywords: British periodicals, Risorgimento, C. Cavour, J. Garibaldi, the Roman question, Napoleon III.

Великобритания в середине XIX в. представляла собой быстро развивающуюся в экономическом и политическом плане державу, крупнейшую колониальную империю и ведущего игрока на мировой арене. Стремление быть всегда и во всем главной страной в мире определяло менталитет британцев, осознававших и лелеявших свое превосходство над другими народами, оставлявших за собой право судить их и советовать им, как жить, как править и выстраивать отношения с другими государствами. Во многом общественное мнение жителей Соединенного Королевства формировалось под влиянием многочисленных периодических изданий и прессы, которые в рассматриваемый период выходили значительными тиражами и в силу приемлемой ценовой политики были доступны самым различным слоям британского общества. В данной статье предпринята попытка на основе страноведческого среза проанализировать ряд публикаций в нескольких ведущих британских периодических изданиях только за два года – 1861 и 1862 гг., посвященных политическим событиям и жизни населения Италии.

1861 год в истории западных стран и России занимает особое место. В результате роста националистических тенденций активизировались объединительные процессы на Европейском континенте. В Германии усиливается пропаганда за создание единого государства под эгидой Пруссии. Пьемонт встал на путь объединения, начав в 1859 г. совместно с Францией войну против Австрии. Рисорджименто успешно завершается образованием в марте 1861 г. Итальянского королевства. Непростые времена переживает Австрийская империя. Габсбурги сталкиваются с обострением национальных проблем, особенно связанных с венгерским во-

просом, при этом продолжается конкурентная борьба с Пруссией за лидерство в Германском союзе. Что же касается России, то начало 1861 г. ознаменовалось для империи опубликованием 19 февраля (3 марта) Манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», приведших к отмене крепостного права и положивших начало проведению в стране реформ в различных сферах. Бурные события происходят и на Американском континенте. Избрание в конце 1860 г. президентом США республиканца А. Линкольна, последовавшая за этим сецессия шести штатов и образование Конфедеративных Штатов Америки привели в апреле 1861 г. к началу Гражданской войны между Севером и Югом, продлившейся до 1865 г.

Все эти события в разных частях мира не оставались без внимания британских журналистов и публицистов и, как следствие, находили освещение на страницах периодических изданий. Анализ публикаций, посвященных этим событиям, дает основу для формирования представлений о взглядах британцев на жизнь «других», об их отношении к политике других государств, тем самым предоставляет возможность оценить их позиции по отношению к политике своего правительства. Важным представляется и то, что знакомство с этими публикациями позволяет очертить круг тех интересов читателей, которыми руководствовались их авторы, что, в свою очередь, способствует пониманию (в полной или не совсем в полной мере) духовного мира британцев средневикторианской эпохи.

В середине XIX столетия в Великобритании издавалось множество периодических изданий, охватывавших разнообразную проблематику и стремившихся удовлетворить различным вкусам читателей. В центре нашего внимания оказались несколько изданий, пользовавшихся популярностью среди англичан своими академическими подходами к презентации предлагаемого материала, с одной стороны, и критическими оценками происходящих в мире событий – с другой. К их числу можно отнести литературно-политическое ежеквартальное издание *The Quarterly Review* («Ежеквартальное обозрение»), издававшееся с 1809 г. и быстро получившее признание консервативно настроенных читателей. Интерес представляет, хотя и широко не упоминавшийся в числе избранных британских изданий XIX в., журнал *The British Quarterly Review* («Британское ежеквартальное обозрение»), также издававшийся четыре раза в год и вышедший в свет с 1845 г. Данный журнал имел большую религиозную направленность, выражал взгляды неконформистов и ориентировался на интеллигентную и образованную прослойку среднего класса британского общества¹. Одним из известных периодических изданий с 1824 г. становится ежеквартальный *The Westminster Review* («Вестминстерское обозрение») в статусе официального органа философских радикалов. И, наконец, необходимо отметить политический еженедельник *The Spectator* («Зритель»), основанный в 1828 г., – беспартийное, поскольку не придерживалось каких-либо политических направлений, но в целом консервативно настроенное издание.

Что же интересовало англичан в 1861 г. в жизни других народов? Какие материалы освещались на страницах вышеназванных периодических изданий? Насколько объективно авторы публикаций презентовали свои материалы? И в чём, наконец, проявлялся именно британский подход (а скорее менталитет) к оценкам событий в зарубежных странах?

Итальянский вопрос был одним из самых обсуждаемых в политических и общественных кругах британского общества в середине XIX в. Средиземноморский регион являлся важнейшим в контексте геополитических интересов Великобритании. В силу своего географического и стратегического положения он представлял собой своеобразный мост между Западом и Востоком, и это во многом определяло внешнеполитические приоритеты британской дипломатии. События на Апеннинском полуострове на рубеже 50–60-х годов привлекали пристальное внимание английской политической элиты и общественности и освещались на страницах периодики.

¹ Osbourn 1950, 147.

Необходимо сразу отметить, что общий тон всех опубликованных материалов был проитальянским. Еженедельник *The Quarterly Review* в начале 1861 г. писал следующее: «Англичане сочувствуют борьбе за свободу и радуются перспективе сильного конституционного правительства в Италии вместо изнеженного деспотизма, как в Неаполе, или церковного беспорядка, как в Риме»². Авторы явно доброжелательно относились к ликвидации или ослаблению влияния Австрии на полуострове и в целом к проблеме объединения Италии. К началу 1861 г. итальянский вопрос в основе своей был решен: в итоге военных и дипломатических перипетий Пьемонт в марте 1860 г. присоединяет к себе провинцию Ломбардия, герцогства Парма, Модена, Тоскана и часть Романьи. А в результате успешного похода Дж. Гарибальди на юг Италии летом этого же года, завоевания им в сентябре Неаполя, ввода войск Пьемонта в неаполитанскую столицу и проведения среди неаполитанцев плебисцита Савойская династия во главе с королем Виктором Эммануилом II провозглашает 17 марта 1861 г. образование Итальянского королевства. Однако имелось достаточно много проблем, которые требовали разрешения: например, судьба Венеции, которая оставалась в составе Австрийской империи, а также отношения новой власти со Святым престолом. Рим по-прежнему находился под властью папы Пия IX, а также здесь сохранялось присутствие французских войск.

Помимо чисто фактологического материала, посвященного этим событиям, можно выделить несколько сюжетов, которые в той или иной степени были в центре обсуждения публицистов и журналистов. К их числу можно отнести вопрос о мотивах активизации политики Пьемонта в деле объединения страны, а также роста националистических настроений среди итальянцев. Так, в британских публикациях постоянно подчеркивалось состояние раздробленности Италии и ее зависимость от Австрии накануне 1859 г. В политическом обозрении, посвященном итальянским событиям и К. Кавуру в журнале *The Quarterly Review*, отмечалось, что «географическое положение Италии, отрезанной морем и Альпами, природными границами от остальной Европы, склонно наводить на мысль, что ее различные территории были скорее провинциями одного королевства, чем независимыми государствами. История утверждает обратное. <...> Итальянское единство – это вещь, которую мир до сих пор никогда не видел, за исключением, возможно, под давлением римского господства»³. В силу этого английские публицисты оправдывали действия Сардинского королевства, вставшего на путь вооруженной борьбы за объединение страны. Подчас это оправдание имело патетический налет, но в то же время авторы публикаций не могли не подчеркнуть и настроения итальянцев. Особенно отчетливо это звучало применительно к оценкам событий лета – осени 1860 г.: гарибальдийского движения, вторжения войск Пьемонта через территории Папской области в Неаполитанское королевство и образования единой Италии.

Во-первых, критике подвергалась политика представителей династии Бурбонов, правивших в Неаполе. В журнальных публикациях были представлены довольно нелестные характеристики как государственной системы, царившей на юге Италии, так и самих неаполитанских правителей. В них отмечалась слабость королевской власти в стране, которая стала следствием «своеобразного процесса деморализации и истощения», который был принят за основу системы правления. Эта система имела испанские корни. А суть ее заключалась в том, «чтобы превратить правительство в сокрушительный вал, который с непреодолимой тяжестью вытесняет последнюю каплю духа, порыва и энергии, превращая все население в неразличимое общество немых»⁴. Вследствие таких методов правления народ становился «вялым и равнодушным», «прирученным к повиновению». Имея дело «только с тенями человеческой жизни», правительство чувствовало себя сильным, но при появлении серьезного противника оно не смогло ему противостоять. С явной неприглядностью описывалось поведение членов королевской фамилии и правительства при возникновении реальной угрозы потери ими своей власти, положения и состояния. «Королевские круги сотрясались от при-

² *The Quarterly Review*. 1861. Vol. 109. No. 217. P. 134.

³ *Ibid.* P. 167.

⁴ *The Westminster Review*. 1861 Vol. 75. P. 122.

ступов ужаса; дворец звенел от пронзительного крика неистовых обвинений, бросаемых друг другу различными членами королевской семьи»⁵, – писали английские авторы.

Причину падения Неаполя английские публицисты видели также в фигуре самого короля обеих Сицилий Франциска II. В описании английских авторов Франциск II предстает никчемным правителем. В политическом обозрении *The Westminster Review* содержится следующее высказывание в его адрес: «Трудно будет найти в многочисленных анналах «темных» монархов пример, подобный примеру этого молодого неаполитанского короля. Он, по видимому, олицетворяет в своей персоне небывалый набор качеств, рассчитанных на то, чтобы сделать монарха одновременно презренным и отвратительным». И далее: «Отец (Фердинанд II. – Т. Г.) был безжалостным чудовищем, но у него хватало смелости и талантов для своего нрава – в то время как сын не наслаждается ничем, кроме ничтожных отбросов трусливой злобы»⁶. Во время вторжения гарибальдийских войск в Неаполь поведение Франциска II выливались «буквально в хнычущую демонстрацию криков и корчений, подобающих только маленькому мальчику, когда его в первый раз толкают в черную дыру»⁷. Таким образом, следовал вывод о том, что поражение Неаполя в 1860 г. было следствием плохого правления Бурбонов.

Во-вторых, много внимания британские публицисты уделяли Дж. Гарибальди и К. Кавуру. Чувство уважения и доброжелательности прослеживаются в публицистических материалах, посвященных Гарибальди. Но, отдавая дань его «великодушной преданности и целеустремленному отречению, без малейшего расчета или коварства», его добродетелям и прямолинейности, авторы замечали, что эти качества плохо уживаются «со сложными событиями практической жизни». И приводили примеры политики К. Кавура и его интриг, препятствовавших реализации гарибальдийского движения. Более того, английские современники событий подчас ставили под сомнение военный талант Гарибальди. Например, применительно к вторжению гарибальдийской «тысячи» на о. Сицилия авторы *The Westminster Review* замечали следующее: «При всем уважении к военному гению Гарибальди и мужеству его последователей не может быть никаких сомнений в том, что его успех на первом и действительно решающем этапе был триумфом удачливого безрассудства и несравненной удачи, а не мастерства и стратегии»⁸.

Что же касается публикаций, посвященных Камилло Кавуру, то они носили довольно неоднозначный характер. С одной стороны, было явное восхищение его личностью и его вкладом в судьбу Италии. Особенно четко это прозвучало в публикациях после его смерти 6 июня 1861 г. В одном из своих номеров *The Quarterly Review* писал о нем: «Кавур занимает слишком большое место в истории нашего времени, чтобы позволить нам обойти молчанием его смерть. Как ни коротка была его общественная карьера, он был самым замечательным человеком нашего поколения, и его влияние, вероятно, будет ощущаться дольше и шире, чем влияние любого живого существа. Он вызвал к политическому существованию нацию, которая, если ее будущее не будет омрачено неблагоприятными событиями или преднамеренным проступком, может стать одной из величайших на земле и может изменить тот баланс сил, на котором основаны нынешние отношения цивилизованного мира»⁹. Авторы не без удовольствия подчеркивали увлеченность Кавура Англией, ее статусом развитой в экономическом и политическом отношении страны. По мнению журнала, его отношение к Англии не было «иррациональным, слепым или легкомысленным восхищением», напротив, это было «глубокое искреннее уважение к тем принципам, которые привели к ее величию и свободе», поэтому его и называли «англоманом»¹⁰. Однако были и такие публикации, в которых приводились суждения противников Кавура, и он предстал перед читателями как политик, который

⁵ *The Westminster Review*. 1861 Vol. 75. P. 123–124.

⁶ *Ibid.* P. 123.

⁷ *Ibid.* P. 124.

⁸ *Ibid.* P. 121.

⁹ *The Quarterly Review*. 1861. Vol. 110. No. 219. P. 208.

¹⁰ *Ibid.* P. 216.

«навлек на Италию все несчастья». «Только благодаря его жадности, честолюбию и беспринципной ненасытности произошли революции, свергнувшие правительства на полуострове». Согласно этим утверждениям, всеобъемлющая «система подстрекательства, измены и подкупа», «являются инструментами, к которым этот политический деятель часто прибегал»¹¹. И в качестве примера были ссылки на его политику в отношении короля обеих Сицилий и Папы Римского Пия IX.

Характерно, что противоречивость оценок деятельности К. Кавура и его как исторической личности нашла отражение и в исследовательской литературе. В частности, в 60–80-х гг. прошлого столетия четко определились два подхода к оценкам К. Кавура. Первый был представлен итальянским историком-либералом Розарио Ромео в опубликованном им очерке о Рисорджименто и капитализме, а вторую точку зрения высказал в своей работе «История Италии» и в других исследованиях о Гарибальди и Кавуре английский историк Денис Мэк Смит¹². В результате своих изысканий два автора пришли к прямо противоположным выводам о личности К. Кавура. Ромео характеризует его как человека «последовательного и верного своим идеалам, уверенного и дальновидного, хотя и не всегда придерживающегося общепринятых правил в выборе средств для реализации своих замыслов», «подверженного резким перепадам настроения». А вот у Мэка Смита итальянский деятель К. Кавур – «натура беспокойная, хитрец, холерик, политик-актер, акробат, фокусник, не всегда, однако, способный сдерживать свои нервы и фантазии»¹³. По мнению Мэка Смита, несмотря на то, что Кавур основал итальянское государство, он по-прежнему оставался «пьемонтцем европейского формирования», он недостаточно хорошо разбирался в жизни новой страны, «допускал ошибки в управлении южными областями, которые обнаруживали его невежество и предрасудки»¹⁴. Таким образом, как в 60-х гг. XIX в., так и через сто с лишним лет К. Кавур вызывал к себе противоречие отношение, хотя это не умаляет его, безусловно, огромную, можно сказать знаковую, роль в деле Рисорджименто.

Надо отметить, что в публикациях 1861 г. содержалось много рассуждений о правомерности Сардинского королевства в рамках международного права вмешиваться в дела Неаполитанского королевства и Папы Римского. В ряде политических обозрений прослеживается определенное сомнение в действиях сардинского правительства в отношении событий на юге полуострова. По мнению авторов журнала *The Quarterly Review*, лозунг «Италия для итальянцев» хоть и являлся «пленительным призывом», но не означал «права одного независимого государства вмешиваться и разжигать мятеж во владениях другого»¹⁵.

Правильность политики сардинского правительства в отношении Рима также ставился под сомнение. К. Кавур 7 сентября 1860 г. направил Его Святейшеству папе Пию IX письмо¹⁶, в котором под предлогом того, что наличие «отрядов иностранных наемников на жалованье Папского правительства <...> глубоко оскорбляет общественное сознание Италии и Европы», а также того, что слабая дисциплина в этих отрядах и бесцеремонное поведение их командиров, раздающих угрозы, «возбуждают и поддерживают чрезвычайно опасное брожение» в соседних провинциях, потребовал от понтифика «немедленно отдать приказ о расформировании и роспуске тех корпусов, существование которых представляет угрозу для мира в Италии». Во многом эти требования касались находившегося в Риме контингента французских солдат, который располагался в столице Папской области еще со времен революции 1848–1849 гг.

Письмо полностью приводится в журнале *The Quarterly Review*. Интерес представляют комментарии журналистов к нему. Они отмечают, что фактически Кавур от имени своего правительства под угрозой вторжения потребовал, чтобы независимая держава распустила свою армию на том основании, что она состоит из иностранных наемных войск, которые зани-

¹¹ *The Westminster Review*. 1861. Vol. 75. P. 115–116.

¹² Более детально см.: Romano 1993, 64–74.

¹³ *Ibid.* P. 70.

¹⁴ *Ibid.* P. 72.

¹⁵ *The Quarterly Review*. 1861. Vol. 109. No. 217. P. 135.

¹⁶ *Ibid.* P. 153–154.

маются подавлением «проявлений национального чувства». Более того, авторы публикации четко обозначают свое негативное отношение к власти папы. «Мы не питаем симпатии к папскому правительству; мы считаем его одним из самых худших из существующих <...>», – пишут они. Но при этом считают, что рассуждения графа Кавура «ложны и опасны». Ложны они потому, что «каждое государство имеет несомненное право брать наемников на свое жалованье», и в Европе нет ни одного государства, которое бы это не делало за свою историю существования, а опасность их заключается в создании прецедента для вмешательства одного государства во внутренние дела другого, что могло привести к войне между ними¹⁷. Таким образом, правомерность действий и требований сардинского правительства в отношении Рима подвергается критике со стороны английских публицистов.

Однако в ряде публикаций все же отчетливо звучит оправдание политики Пьемонта применительно к Риму и Неаполю. Эта политика сопоставляется с политикой Франции и Наполеона III в Италии, в Папской области в частности. Содержание там французских солдат крайне негативно оценивается англичанами. «Нам нет нужды повторять наше решительное осуждение французской оккупации Рима. Она началась с жестокого акта несправедливости по отношению к народу, который, по примеру Франции, избрал Республику в качестве формы правления», – пишут авторы политического обозрения *The Quarterly Review*. Они довольно объективно раскрывают причины такой политики французского императора. Во-первых, Франция не может отказаться от правительства, которое так долго поддерживала. Во-вторых, с помощью такой политики император пытается привлечь на свою сторону католическое население и духовенство своей страны. И, в-третьих, сохраняя французское присутствие в Риме, он тем самым обеспечивает себе выгодные позиции в Италии. «Однако он получает небольшую благодарность за свои старания»¹⁸, – следует вывод журналистов. Авторы политического обозрения журнала *The British Quarterly Review* идут еще дальше в оценках политики Наполеона III. Они очень четко определяют классовую природу его внешнего курса, отмечая, что «если Наполеон держит огромные вооружения, не соответствующие его реальным потребностям, если он проводит политику вмешательства в дела других стран, то это в значительной мере объясняется исключительным характером его положения». А объясняется это тем, что «нынешнее внутреннее правительство Франции, – констатируется в публикации, – <...> это правительство семьи, управляющей страной не так, как это лучше всего подходит для обеспечения ее счастья, а для того, чтобы правящая династия могла прочно утвердиться на троне, не только жертвуя интересами Франции, но и нарушая мир в Европе»¹⁹. Таким образом, в британском обществе формировался образ императора Второй империи, который действовал исключительно в интересах бонапартистской династии с целью укрепления ее позиций в стране и Европе.

Что же касается политики сардинцев, то тональность рассуждений британских публицистов носит более благожелательный характер. Так, в их статьях четко прослеживается мысль о том, что они действовали в интересах всего итальянского народа. «Для оправдания Сардинии было бы достаточно доказать, что стремление итальянского народа к единству было совершенно законным <...>»²⁰, – пишет *The British Quarterly Review*.

Но англичане не были бы англичанами, если бы традиционно не стали выступать в роли учителей и советчиков по устройству будущего единого итальянского государства. По мнению британских журналистов, «конституционное правление вместо тирании, умеренная свобода вместо принуждения, свобода совести вместо фанатизма и нетерпимости» – это именно те «блага», которые англичане желали бы увидеть примененными в единой Италии. И далее они заявляют: «Если окажется возможным объединить в одно сильное целое мелкие государства, на которые была разделена Италия, и удовлетворительно решить проблему предоставления народу представительных учреждений, не превращая национальный парламент в арену фрак-

¹⁷ *The Quarterly Review*. 1861. Vol. 109. No. 217. P. 154.

¹⁸ *Ibid.* P. 161.

¹⁹ *Ibid.* Vol. 33. P. 127.

²⁰ *Ibid.* P. 112–113.

ций и интриг и не подвергая опасности монархию, мы будем искренне радоваться результату»²¹. В итоге можно заключить, что английские публицисты откровенно ратуют за конституционную монархию, прототипом которой является их собственная британская монархия.

Однако надо отдать должное английским современникам итальянских событий, которые, прогнозируя будущее единой Италии, уже на начальных этапах ее существования видят те проблемы, с которыми она может столкнуться в дальнейшем. В частности, они опасались, что «Пьемонт <...> будет смотреть свысока на Неаполь, а Неаполь считает пьемонтцев иностранными захватчиками; <...> Ломбардия, опять же, будет недовольна тяжелыми налогами Пьемонта, и Тоскана может быть расположена оглянуться назад на спокойные дни великих герцогов». Согласно взглядам англичан, чтобы процесс объединения был успешным, он «должен осуществляться в осторожном и консервативном духе». Под этим замечанием подразумевалось следующее: с одной стороны, Пьемонт не должен настаивать «на централизации и единообразии во всем, что противоречит духу и привычкам итальянского народа и враждебно истинной свободе», за ним как за представителем центральной власти должны сохраняться важнейшие функции по руководству армией, дипломатией и национальной политикой; с другой – все внутренние учреждения различных государств не должны механически перестраиваться по образцу Пьемонта, который должен поддерживать и расширять «муниципальные учреждения», которые действуют уже в большинстве итальянских государств и которыми они справедливо гордятся. Одним словом, «рука правительства» не должна «слишком чувствоваться в деталях». А за этими рассуждениями следовал вывод, что «такое сочетание различных итальянских государств... может быть достигнуто только очень постепенно и при самом терпеливом и искусном государственном управлении», чего англичане и желали своим итальянским современникам²².

Итальянский вопрос привлекал внимание британских читателей и в следующем году. К этому времени Итальянского королевство в дипломатическом плане было признано Францией, Англией, Швейцарией, североамериканскими штатами, скандинавскими и несколькими латиноамериканскими государствами. Россия признала его 8 июня 1862 г. Кстати, российская дипломатия в лице главы Министерства иностранных дел России А. М. Горчакова в целом благожелательно относилась к событиям в Италии, о чем свидетельствует его высказывание по их поводу в представленном Александру II Отчете о деятельности МИД России за 1860 год. А. М. Горчаков писал: «Стремление итальянских государств к объединению не противоречило интересам России. С точки зрения политической итальянские дела не затрагивают непосредственно наших интересов. Нас несколько не беспокоило бы, если бы Италия стала независимой, сильной и процветающей»²³. Английские газеты также отреагировали на такие шаги российского правительства. В сентябрьском номере *The Spectator* поместил циркуляр А. М. Горчакова и отмечал, что, поскольку интересы русского правительства никоим образом не были непосредственно затронуты итальянскими событиями, император просто оценивал эти события с двойной точки зрения: симпатии, которую он испытывал к Италии, и общих интересов порядка в Европе. Стало ясно, что монархическому принципу в Италии противостояла насильственная революционная анархия. Последняя, в случае успеха, могла, конечно, затопить всю Европу, и император, получив уверения в том, что туринское правительство обладает и волей, и властью подавить его, счел необходимым в интересах империи и порядка вообще укрепить это правительство путем установления дипломатических отношений²⁴.

Важнейшим вопросом, который волновал как самих итальянцев, так и внимательно следивших за политической жизнью на Апеннинском полуострове европейцев, и британцев в частности, был вопрос о Риме. Итальянское правительство и монарх Виктор Эммануил II оказались в довольно сложном положении, т. к. идею сохранения светской власти папы

²¹ *The Quarterly Review*. 1861. Vol. 109. No. 217. P. 167.

²² *Ibid.* P. 175–176.

²³ Цит. по: Lebedev, Pellicciari 2015, 156–157.

²⁴ *The Spectator*. 1862. Vol. 35. 6 Sept. P. 983.

в Риме поддерживали европейские католические государства. Франция сохраняла в Папской области достаточно сильные позиции, тем более что здесь по-прежнему находились отряды французских солдат. Премьер-министр Урбано Раттацци пытался интриговать между Наполеоном III, собственно итальянским правительством и левым крылом объединительного движения в лице Дж. Гарибальди, но его тактика не находила одобрения у британских журналистов. В публикациях за 1862 г. можно найти неоднократные нелицеприятные отклики на его политические шаги. В политических обозрениях подчеркивалось, что «мы (англичане. – Т. Г.) не доверяем Раттацци и не верим его коллегам», что он «не пользуется доверием большинства» (итальянцев. – Т. Г.) и готов идти в фарватере политики Наполеона III, его называли «агентом Франции», «обманщиком Гарибальди»²⁵ и т. д.

Вопрос о Риме стоял довольно остро, тем более что этот город ассоциировался у итальянцев со статусом столицы итальянского государства. И это их отношение к Риму хорошо представлено в британских журналах. Журналисты *The Spectator* пишут, что «с каждым днем, прошедшим со времени Виллафранка, в народе усиливалось чувство жизненной важности Рима». Они считают, что «без Рима нет единства». По мнению англичан, разговоры о выборе другой столицы или о правлении из Турина – это просто разговоры. «Италия <...> может иметь только один город – Царицу-Рим, перед которым все династии и народности, какими бы древними они ни были, молоды»²⁶.

Осторожная политика итальянского правительства в отношении Папского государства и нежелание французского императора решить вопрос о скорейшем выводе своих войск из Рима шли вразрез с планами представителей левого крыла или, как писали англичане, с «красными» (видимо, подразумевались «краснорубашечники» – сторонники Дж. Гарибальди. – Т. Г.), которые считали, что без включения Папской области, равно как и без освобождения Венеции от австрийцев процесс объединения не будет завершен. Партия порядка во главе с Дж. Мадзини активно выступала за поход на Рим. И, как известно, Дж. Гарибальди в августе 1862 г. предпринимает такой поход под лозунгом «Рим или смерть!». В своих воспоминаниях он писал: «Миссия, которую мы взяли на себя, была священной»²⁷.

В первых заметках британских журналистов отмечалось, что в Италии крайне неспокойно. В поддержку Гарибальди «тысячи добровольцев с севера – студентов, солдат, мальчиков и закоренелых заговорщиков – стекались на помощь другим тысячам на самой Сицилии». Что население городов готово примкнуть к нему, хотя и не «оказывая ему непосредственной помощи». «А правительство не предпринимает никаких реальных усилий ни для сдерживания добровольцев, ни для подавления демонстраций». Еженедельник *The Spectator* внимательно следил за происходящими в Италии событиями, отмечая определенные успехи Гарибальди по продвижению по Сицилии и высадке в Калабрии, выдвигая различные прогнозы его движения. Можно привести одно из высказываний о нем в августовском номере этого еженедельника: «Гарибальди, который если не великий полководец (спорный вопрос), то самый дерзкий из вождей, за которого готовы умереть целые слои населения и который может приказом вызвать восстание в Неаполе или в самом Риме». И в то же время журналисты рисовали довольно сомнительные прогнозы его успеха: «Пока еще кажется вероятным, что восстание преуспеет настолько, что парализует королевское правительство и дискредитирует его перед Европой как внутренне слабое и нерешительное, а затем потерпит неудачу, разбившись о штыки французской армии»²⁸. Таким образом, англичане не верили в полный успех гарибальдийского похода.

Премьер-министр Раттацци в какой-то степени потворствовал действиям Гарибальди, хотя сам Виктор Эммануил II отрицательно воспринял этот поход. Более того, он объявил Гарибальди мятежником, против него и его соратников были направлены правительственные войска. Политические круги Италии с настороженностью следили за его действиями. По ме-

²⁵ Ibid. 26 March. P. 346; 7 June. P. 627; 23 Aug. P. 934; 20 Sept. P. 1044.

²⁶ Ibid. 26 March. P. 346.

²⁷ Garibaldi 1966, 127.

²⁸ *The Spectator*. 1862. Vol. 35. 30 Aug. P. 957.

ре освещения в британской периодике августовских событий в Италии становится очевидным, что англичане, хотя и симпатизируют Гарибальди как героической личности, не поддерживают этот поход на Рим и в целом оправдывают жесткую политику Виктора Эммануила, прибегшего к использованию итальянской армии против гарибальдийцев.

29 августа в сражение у горы Аспромонте гарибальдийцы потерпели поражение, сам Гарибальди был ранен, взят в плен и заключен в тюрьму до октября месяца, когда был амнистирован королевским указом.

Все эти события довольно подробно обсуждались англичанами на страницах газет и журналов. Примером могут служить публикации все в том же *The Spectator*. Во-первых, сразу стала проводиться мысль о том, что не все население юга Италии поддерживало Гарибальди. Так, журналисты писали, что «даже на Сицилии, где его имя действовало как заклинание, было много смятения и даже пассивной оппозиции его движению. Мэры и муниципалитеты в некоторых местах выражали скорее удивление, чем радость, при виде его»²⁹. Во-вторых, начались поиски виновных в неудачных последствиях его похода. Одним из первых виновников в происшедших событиях англичане называли самого Дж. Гарибальди. Обсуждая его действия, журналисты говорят о его «серьезной вине», «ошибке» и даже о его «преступлении», которые они видят в его «долгом и печальном опыте». Смысл их рассуждений сводится к тому, что Гарибальди «слишком низко ценит святость национального порядка и конституированной власти, пусть даже несовершенной», полагая, что он может, не считаясь с правительством и отвергая «патриотическое повиновение», действовать самостоятельно, «управлять любой бурей, которую может поднять», но тем самым он наносит вред еще молодому итальянскому государству. С другой стороны, они называют его «мечтателем», «спокойным и великодушным», «чьей первой страстью является достижение единства Италии и единства между итальянцами», который рискует своей военной честью, стремясь избежать «смертельных столкновений итальянцев с итальянцами». Эти утверждения английских журналистов подтверждает и сам Дж. Гарибальди в своих воспоминаниях. Он пишет: «Несколько отрядов правительственных войск, высланных из Реджо, имея явно враждебные нам приказы, напали на наш авангард; напрасно мы убеждали их, что не собираемся сражаться с ними, все было напрасно: они требовали одного: чтобы мы сдались. И так как мы, естественно, были далеки от этого, то нам пришлось уйти от братоубийственной бойни»³⁰. В его планы не входила дискредитация авторитета Виктора Эммануила II. Англичане пытаются оправдать действия Гарибальди отсутствием у него «политического инстинкта» и влиянием на него «реакционной партии», т. е. партии Дж. Мадзини, у которой была «надежда на полное свержение нового порядка». В целом, несмотря на все, с точки зрения англичан, слабости Гарибальди, они отзываются о нем как «о великом итальянском патриоте»³¹.

В противоположность Гарибальди, у англичан прослеживается достаточно негативное отношение к Дж. Мадзини и его сподвижникам. Они отмечают, что ни один из его сторонников не мечтает о нападении на трон. Никто не станет нападать на обычный общественный порядок. Но поскольку Мадзини, полагают журналисты *The Spectator*, бросил вызов монархии, мадзинисты считают себя вправе добиваться итальянских целей без разрешения правительства или ссылки на правящий класс, агитируя за Рим именно тогда, когда агитация неудобна, или нападая на Венецию именно тогда, когда австрийский император видит новую возможность решения проблемы. Партия действия, несомненно, сделала много, и Дж. Гарибальди сделал еще больше; но, как уверяют своих читателей английские журналисты, все они были бы бессильны без монархии и без той силы, которую представляет миллион образованных итальянцев³².

Британские журналисты в то же время не снимают определенной ответственности и с правительства. Хотя вина Гарибальди, или, как они его называли, «Вольного человека», была

²⁹ Ibid. 6 Sept. P. 982.

³⁰ Garibaldi 1966, 308.

³¹ The Spectator. 1862. Vol. 35. P. 985; 13 Sept. P. 1013.

³² Ibid. 11 Oct. P. 1128.

серьезной, «но ни король, ни министр не могут претендовать на то, чтобы бросить в него первый камень», замечают английские современники. Это их непоследовательная политика имела такие тяжелые для итальянцев последствия. Особенно негативно англичане отзывались о премьер-министре Раттацци. По их мнению, «его дружба с императором (Наполеоном III. – Т. Г.) не принесла ничего, кроме увеличения римского гарнизона и новых обещаний уважения к папе. Его хитрость не привела ни к чему, кроме уничтожения Гарибальди <...>»³³.

И, наконец, третьим виновным был назван Наполеон III. В публикациях ясно звучит утверждение, что «<...> ...все же главная ответственность и главный позор этого рокового кровопролития лежит на Франции»³⁴. Характеризуя французскую политику в отношении итальянского государства, англичане подчеркивают ее чисто династическую направленность. Первая цель Наполеона, считают они, состоит в том, чтобы держать ее низведенной до ранга французского департамента. Наполеон стремится сохранить римский вопрос открытым в силу того, что обстановка в Европе достаточно напряженная, поэтому он может использовать его в поисках необходимого и нужного союзника. Но *The Spectator* пытается предостеречь французского императора от самоуверенности, утверждая, что «союз с Италией ценен для других держав, кроме Франции, и Наполеон может слишком поздно обнаружить, что Италия встала на сторону, противоположную его интересам, и может в свой последний час захватить Рим»³⁵.

Подводя итоги небольшому анализу публикаций в британских периодических изданиях, посвященных итальянским сюжетам в начале 60-х годов XIX века, можно констатировать тот факт, что судьба Италии и жизнь итальянского народа находились в центре внимания образованных кругов британского общества. Английского читателя интересовали не только чисто политические события и процессы, которые происходили на Апеннинском полуострове и результатом которых стало образование Итальянского королевства, но и роль и судьбы главных действующих лиц этих событий – короля Виктора Эммануила II, К. Кавура, У. Раттацци, Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини, Наполеона III. И сквозь призму этой политической панорамы прослеживается стремление английских журналистов и публицистов выразить свое отношение к рассматриваемым сюжетам и одновременно с этим показать чисто английское восприятие чего-то «иног», «другого», «итальянского», отличного от политических традиций и культуры Британии.

Литература / References

- Garibaldi 1966 = *Гарибальди Дж.* Мемуары. М., 1966.
Garibaldi J. Memuary [Memoirs]. Moscow, 1966.
- Lebedev, Pellicciari 2015 = *Лебедев С., Пеллициари И.* Объединение Италии в восприятии русских современников Рисорджименто // *Международная жизнь.* 2015. № 8. С. 147–166.
Lebedev S., Pellicciari I. Ob'edinenie Italii v vospriyatii russkih sovremennikov Risordzhimento [The Unification of Italy in the Perception of Russian Contemporaries Risorgimento] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* [The International Affairs]. 2015. No. 8. P. 147–166.
- Romano 1993 = *Романо С.* Два портрета Кавура // *Проблемы итальянской истории / под ред. Н. П. Комоловой.* Москва, 1993. С. 64–74.
Romano S. Dva portreta Kavura [Two Portraits of Cavour] // *Problemy ital'yanskoy istorii* [Problems of the Italian History] / Ed. by *N. P. Komolova.* Moscow, 1993. P. 64–74.
- Osborn 1950 = *Osborn R.V.* The British Quarterly Review // *The Review of English Studies.* 1950. Vol. 1, no. 2. P. 147–152.

³³ *The Spectator.* 1862. Vol. 35. 20 Sept. P. 1044.

³⁴ *Ibid.* 6 Sept. P. 985.

³⁵ *Ibid.* 20 Sept. P. 1043.

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.55000/MCU.2021.75.42.019

«МЫ ЛЮБУЕМСЯ ВИДАМИ, СЛОВНО СКАЗКОЙ ИЛИ ФЕЕРИЕЙ»: ГАЛИЦИЯ И БУКОВИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И ВОСПРИЯТИИ КОМБАТАНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ю. А. Жердева

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва
Самара, Россия
jujuly@yandex.ru*

В статье рассматривается отношение к пространству фронта как к объекту туристского интереса со стороны участников военных событий. Основными источниками исследования стали автодокументальные тексты участников военных действий на территории Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны, путеводители по Галиции, издававшиеся в России накануне и в годы войны, а также официальные документы Штаба Юго-Западного фронта. Являясь частью империи Габсбургов, занятая российской армией по праву войны Восточная Галиция существенно отличалась от российской территории и отношение к ней как к «иной» задавало туристский взгляд на неё. Статья показывает политику армейского руководства по отношению к местному населению, а также восприятие Галиции комбатантами. Автор приходит к выводу, что преобладающие в официальных документах политический (полонофильский, украинофильский, русофильский) и национальный (отношение к российской армии со стороны русинов, поляков и евреев) аспекты дополняются туристским взглядом комбатантов на природу и исторические памятники Галиции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Юго-Западный фронт, Галиция, комбатанты, туризм.

“WE ADMIRE THE VIEWS LIKE A FAIRY TALE OR A PHANTASMAGORIA”: GALICIA AND BUKOVINA IN POLITICAL PROPAGANDA AND IN THE COMBATANT’S PERCEPTION DURING THE FIRST WORLD WAR

Yu. A. Zherdeva

*Samara national research university
Samara, Russian Federation
jujuly@yandex.ru*

The article considers the attitude to the space of the front as an object of tourist interest on the part of combatants. The main sources of the study were the auto-documentary texts of participants in military operations on the territory of Galicia and Bukovina during the First World War, travel guides to Galicia published in Russia on the eve and during the war, as well as official documents of the Headquarters of the South-Western Front. Being part of the Habsburg Empire, Eastern Galicia occupied by the Russian army by the right of war was significantly different from the Russian territory and the attitude to it as the “other” created a tourist view. The article shows the policy of the military forces in relation to the local population, as well as the perception of Galicia by the combatants. The author concludes that the prevailing political (Polonophile, Ukrainophile, Russophile) and national (attitude to the Russian army on the part of Rusyns, Poles and Jews) aspects in official documents are complemented by the tourist view of the combatants on the nature and historical monuments of Galicia.

Keywords: World War I, Southwestern Front, Galicia, combatants, tourism.

«Военный туризм» в последние годы становится одним из заметных топикив историографии Первой мировой войны. Понятие это имеет, строго говоря, два значения: 1) путешествия непосредственно во время войны, когда туристы приезжают осмотреть фронт или сами солдаты становятся «туристами»; и 2) послевоенные путешествия в исторические зоны военных действий с целью осмотра достопримечательностей, участия в реконструкциях и мемо-

риализации войны в целом¹. Несмотря на то, что мемориальный фокус в исследованиях преобладает, причиной чему стало появление полевых путеводителей по местам сражений еще в 1919 г. и настоящий «мемориальный бум» 100-летнего юбилея, туристские стратегии поведения на фронте также начинают активно исследоваться прежде всего в английской, немецкой, французской и австралийской историографии. В историографии противопоставляются два эти подхода: если в послевоенных туристских описаниях преобладает дискурс травмы, памяти о смерти и траура, то в отчетах о фронтовых путешествиях периода войны – военный энтузиазм, национальный пафос и утаивание серости военных будней, т. е. риторически, символически и идеологически они противоположны². Данное исследование будет сосредоточено на фронтовых путешествиях.

Основными источниками исследования стали автодокументальные тексты непосредственных участников военных действий на территории Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны: неопубликованный дневник сестры милосердия Юлии Владимировны Бутовой (1885–1946), сохранившийся в Сызранском филиале Центрального государственного архива Самарской области, воспоминания сестер милосердия англичанки Флоренс Фармборо (1887–1978) и Татьяны Александровны Варнек (1894–1990), дневник искусствоведа Николая Николаевича Врангеля (1880–1915), записи сестры милосердия Любови Дмитриевны Духовской (1871–1947). Исключительный интерес представляет дневник офицера Иосифа Сергеевича Ильина (1885–1981), отразивший разнообразные туристские практики автора. Особую группу источников составили путеводители по Галиции, издававшиеся в России накануне и в годы войны. Их комплекс до сих пор исследован мало, несмотря на отдельные попытки российских исследователей (например, А. Л. Рогачевского) работать с ними как с туристскими материалами. Официальный дискурс отношения к территории и населению Галиции и Буковины позволяют реконструировать штабные документы (приказы, распоряжения, отчеты, брошюры и пр.).

Исследуя военные путешествия, следует разделять два типа «туристов»: это собственно комбатанты (солдаты, офицеры, медицинский персонал, особняком – военнопленные), т. е. те, кто постоянно находился на фронте, и те, кто оказывался на фронте с «инспекционными» поездками (журналисты, художники, писатели, руководители Красного Креста, земских и городских учреждений, члены думских комиссий и пр.). Поскольку военный опыт этих двух групп кардинальным образом отличался, работая с источниками личного происхождения или отчетами о поездках на фронт, необходимо четко различать цели и обстоятельства создания документов. В частности, приходится применять новую «оптику» к хорошо знакомым автодокументальным текстам, чтобы в описании местности, формах отдыха и самом восприятии пространства увидеть то, что можно интерпретировать как «опыт туриста». Именно с таким подходом мы работаем с дневниками и воспоминаниями комбатантов.

Выбор региона определяется несколькими факторами:

1) это территория, присоединенная к Российской империи «по праву войны» и находившаяся довольно продолжительное время под российским управлением (военное генерал-губернаторство Галиции существовало с 29 августа 1914 г. по 17 марта 1916 г.);

2) этот регион испытывал сильное давление со стороны российской националистической пропаганды и присоединение его к империи рассматривалось не как колонизация, а как «воссоединение» исторических областей Руси и «русского народа» (великорусского, малорусского и «коренного русского населения» Галиции³), а потому ему уделялось значительное внимание в официальной риторике;

3) будучи частью Австро-Венгерской империи, Галиция существенно отличалась от российской территории и отношение к ней как к «иной», «другой» само по себе задавало туристский дискурс, формировало туристский взгляд.

¹ Lloyd 1998, 219–220.

² Heymel 2007, 15.

³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

Стоит задаться вопросом, рассматривалось ли российское военное присутствие в Галиции и Буковине как один из способов «просвещения и инкорпорации» местного населения (прежде всего, русинов) по аналогии с «неофициальным империализмом», практиковавшимся до Первой мировой войны в отношении этого населения Австро-Венгрией? В историографии, к примеру, существует исследование «цивилизаторской миссии» туристов, которые направлялись из Будапешта в горные районы не только любоваться красотами Венгрии, но и ради инкорпорации невенгерских этнических групп (словаков, румын, немцев, русинов)⁴. На подобную интерпретацию российского материала указывают два типа источников – приказы по армиям Юго-Западного фронта (к примеру, секретный Приказ № 40 от 10 августа 1914 г. об отношении офицеров и нижних чинов к местному населению, изданный главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта Н. И. Ивановым⁵) и подготовленные при Военно-цензурном отделении Штаба главнокомандующего пропагандистские материалы (в частности, брошюра «Современная Галичина», изданная еще в июле 1914 г.)⁶.

Штаб главнокомандующего особо подчеркивал «страдающее» состояние «русского населения» Галиции: «Русский элемент страдает во всех отношениях от культурного и политического засилья поляков, а также от экономического засилья евреев»⁷. Это была попытка представить Галицию не как вражескую территорию, а как древнюю русскую землю, народ которой «шестьсот лет стонал в лютой неволе»⁸. Брошюра разъясняла политические настроения галицийской интеллигенции, разделяя ее на «русский» и «украинский» лагеря; поясняла, как распознать в селе «сознательных сторонников Русской народной партии» (по наличию избы-читальни «Русской дружины» и составу периодики в ней – русские журналы типы «Нивы», газеты «Прикарпатская Русь» или «Голос народа»), бело-сине-красной кокарде и пр.

Еще более подробно разъясняла она признаки «мазепинского» («украинофильского») настроения у населения: сине-желтая национальная галицийская кокарда, читальни «Просвиты», пожарно-гимнастические организации «Сычи» и «Соколы», из периодики – «Дело», «Руслан», киевский «Литературный науковий вестник» («на жаргоне искусственном и уродливо созданном интеллигенцией») ⁹. Отдельно оговаривалось отношение к крестьянам, разделяющим украинофильские настроения: к ним следовало относиться «снисходительно и даже предупредительно», пока нет активных выступлений – они были объявлены «грубо обманываемыми своей властолюбивой интеллигенцией» и не знавшими «великорусской и малорусской исторической и бытовой правды»¹⁰. Отметим, что подобных рекомендаций в отношении польского или еврейского населения Штаб не давал.

Изданный еще до занятия Галиции секретный Приказ № 40 четко противопоставлял жителей Восточной Галиции, которых приказ обозначает как «коренной русский народ», подчеркивая, что крестьяне говорят на малорусском языке, «а интеллигент на чистом русском», и Западной Галиции, населенной «поляками». В Восточной Галиции рекомендовалось относиться к крестьянам мягко и доброжелательно, для того, чтобы они могли видеть в российской армии «избавителей Зарубежной Руси от австрийского гнета», в то время как в Западной Галиции нужно было внимательно следить за отношением к войскам самих галицийских поляков¹¹. Под «доброжелательным» отношением имелось ввиду осторожное поведение при реквизициях, выдача войсками хлеба и муки голодающему населению, гуманное отношение к пленным русинам. Приказ особо рекомендовал уважение к местным святыням, в частности офицерам и солдатам советовалось ходить в униатские церкви, раздавать униатам

⁴ Vari 2006, 65.

⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 11. Л. 13–14 об.

⁶ Современная Галичина 1914.

⁷ Там же, 5.

⁸ Там же, 11.

⁹ Там же, 6–24.

¹⁰ Там же, 24.

¹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

православные крестики, приносить им бумажные иконки из Киевской и Почаевской лавры. Рекомендовалось выучить местные приветствия «Слава Иисусу Христу» и «Слава на веки» и вообще приветливо обращаться с местными при встрече.

Приказ отражал представления Штаба о том, с какими настроениями встретится русская армия в Галиции. Ожидалось «пассивно-доброжелательное... отношение коренного русского населения», «выжидательно-враждебное» – «украинофильствующей» проавстрийской интеллигенции и «активное сопротивление» польской бюрократии и землевладельцев¹². С особой осторожностью следовало относиться к католическому духовенству, особенно к «базилианским монастырям» в Жолкиеве, Крешове, Дрогобыче, Львове и др. На русское население предлагалось смотреть как на «сыновей Единой Руси, от которой Галицкая Русь отпала в силу случайно сложившихся исторических условий»¹³.

Насколько эти рекомендации исполнялись, можно судить по эгодокументам, которые наполнены рассказами о страданиях галицийского крестьянства от казаков, страшными сценами из жизни беженцев и свидетельствуют о настороженном, если не враждебном, отношении солдат к местным.

Мы сопоставили эти официальные пропагандистские документы с туристскими изданиями (популярными брошюрами о Галиции, путеводителями и альбомами, которые издавались в годы войны в России), а также с автодокументальными текстами комбатантов, служивших в Галиции. Материалы эгодокументов, особенно дневники, позволяют увидеть неожиданный срез войны – поведение комбатантов как путешественников, оказавшихся в интересных и новых местах.

В дневниках и воспоминаниях участников войны пространство фронта нередко рисуется как объект туристского интереса, описание его порой превращается в сентиментальный рассказ о «красотах природы». Этот туристский взгляд лишь иногда проявляется в тексте и не является доминантой повествования, однако отличается от остального текста высокой эмоциональной вовлеченностью автора. Рассказ об окружающей природе часто содержит описание чего-то необыкновенного или красивого: «дивный» замок, «замечательно красивый» город¹⁴, «живописный сосновый бор», «великолепное зрелище» окружающих холмов, «роскошные окрестности» поместья¹⁵, «красивая» извилистая река, «дивно красиво» в горах, «красивая живописная дорога», «дивное шоссе», «очень красивый» лес¹⁶. Прилагательное «красивый» встречается на страницах дневников Буторовой несколько десятков раз и чаще всего в описании ее впечатлений от окружающей природы.

Восточная Галиция, так сильно отличавшаяся от привычной географической и культурной среды дворянских усадеб центральной части России, производила большое впечатление на авторов доступных нам дневниковых и мемуарных текстов. Независимо от своего довоенного опыта, социального положения и фронтовых ролей, комбатанты порой вели себя как совершенные туристы. Находясь в городе (с санитарным поездом, госпиталем и т. д.), в свободное время они шли осматривать его достопримечательности¹⁷. Кроме городской архитектуры они обязательно интересовались усадьбами и монастырями, нередко такие осмотры сопровождалось фотографированием, описание которого также содержится в текстах¹⁸. Известный искусствовед барон Н. Н. Врангель, находясь вместе с Красным Крестом на Юго-Западном фронте, взял с собой в одну из поездок художника-символиста М. В. Добужинского, который создал серию видов Галиции, с большим интересом воспринятых в тылу после ее показа и публикации¹⁹.

¹² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 11. Л. 13–14 об.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Варнек 2001, 15, 21.

¹⁵ Фармборо 2014, 111, 132, 158.

¹⁶ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 41, 42, 68 об., 74 об.; Д. 3. Л. 5, 34 об., 83; Д. 4. Л. 2 об.; Д. 5. Л. 7, 65, 72.

¹⁷ Ильин 2016, 93.

¹⁸ Фармборо 2014, 46, 109, 128; Ильин 2016, 68–69, 80, 93, 107.

¹⁹ Врангель 2001, 83–84.

Рассматривая социальные трансформации, которые приносило развитие туризма в довоенной России, Луиза Макрейнолдс отмечает те же последствия, что и в западноевропейских странах: туризм постепенно стирал социальные барьеры, курорты Крыма и Кавказа становились все более доступными и массовыми, изменяя тип отдыха – с одиночного на экскурсионный²⁰. Война, по-видимому, ускорила этот процесс, добавляя к числу вынужденных туристов солдатскую массу. В воспоминаниях последних, переданных, правда, сестрой милосердия Л. Д. Духовской, мы видим наблюдения о языке местного населения: «Русин-старик разговорчив и говорит половина по-польски, половина по-хохлацки и частью по-русски, и все-таки можно понять»²¹.

Общим местом как дневников, так и воспоминаний, является акцентирование той роли, которую играют в пребывании на фронте, прогулки по городу или в лесу. Естественно, для сестер милосердия прогулки по окрестностям – это моменты отдыха: в описаниях Варнек – выходных дней или часов, которые сестры милосердия проводят, гуляя по Львову²²; в дневнике Буторовой – периодические возвращения передового санитарного поезда во Львов, когда у сестер была возможность осмотреть город, либо поездки к штабному и полковому начальству, как правило, размещавшемуся в старинных поместьях местной шляхты, а также прогулки по лесам Галиции и Карпат между боями, когда не было раненых и, соответственно, работы.

Тихие и спокойные перерывы во время стоянок между переходами или фронтовыми операциями изменяли эмоциональное состояние комбатантов, переносили их сознание из фронтового пространства в места домашнего уюта, заставляли их вспомнить прежнюю довоенную жизнь. «Мы пили чай, слышался искренний смех. Не верилось, что идет война. Ничего не напоминало о ней сейчас, это был просто весёлый пикник на свежем воздухе!»²³ – записала об одной из таких стоянок Флоренс Фармборо. «Долго не мог уйти из Кармелитского монастыря... Необыкновенно хорошо было сидеть в полной звенящей тиши и смотреть на всю эту красивую роскошь храма», – читаем о поездке во Львов в дневнике И. С. Ильина²⁴.

Ярким переживанием фронтового пространства у комбатантов является потрясение от разрушений усадебного мира, похожего на их собственный дом. Одновременно с ним они описывают чувство страха за судьбу своих родных, которую они сравнивают с судьбами владельцев увиденных разрушенных домов и оставленных семейных гнезд, и переживание спокойствия от мысли о том, что семья далеко от этих ужасов войны и находится в безопасности. В дневнике Буторовой содержится яркое описание одного из таких моментов: «Невольно глядя на это разорение (поместье графа Холоневского в Мостиске, где разместился штаб XI армии. – Ю. Ж.), вспомнилось наше Вязовое (имение Буторовых под Сызранью. – Ю. Ж.). Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, кот[орые] для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни»²⁵.

Такие сцены, вызывающие в памяти комбатантов довоенный опыт, нередко встречаются в текстах. К примеру, И. С. Ильин записал в дневнике: «Увидел какую-то книжку на полу, поднял, оказывается, французский роман. Я взял его в руку и, не глядя, задумался. Вспомнились Селищи, семь лет, проведенные там», – записал И. С. Ильин²⁶. «Цвел желтый раkitник, среди деревьев виднелись его заросли, повсеместно цвели ландыши, и их нежный аромат вызывал ностальгические воспоминания о моем саду в далеком Бэкингемшире», – вспоминала Ф. Фармборо²⁷.

²⁰ McReynolds 2006, 42.

²¹ РГАЛИ. Оп. 1. Д. 3. Л. 170.

²² Варнек 2001, 21.

²³ Фармборо 2014, 120.

²⁴ Ильин 2016, 93.

²⁵ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁶ Ильин 2016, 82.

²⁷ Фармборо 2014, 46.

При этом пространство войны в эгодокументах комбатантов остается местом тревоги: здесь и ужасающие сцены быта беженцев-русинов, бредущих по дорогам Галиции и Волыни со скарбом за плечами, теряющих своих близких (трагический рассказ о том, как крестьянин заживо хоронит новорожденного младенца в могиле умершей при родах жены, чтобы уберечь ребенка от голодной смерти), и описание экологической катастрофы Галиции и Польши – «изувеченной почвы», вывороченных деревьев²⁸.

Таким образом, преобладающие в официальных документах политический (полонофильский, украинофильский, русофильский) и национальный (отношение к российской армии со стороны русинов, поляков и евреев) аспекты дополняются в автодокументальных текстах туристским взглядом комбатантов на природу и исторические памятники Галиции, причем этот взгляд не всегда соответствовал тому нарративу долгожданного «воссоединения Руси», который формировала официальная пропаганда.

Литература / References

- Варнек 2001 = *Варнек Т. А.* Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы: Сборник воспоминаний / под ред. Н. Д. Солженицыной. М., 2001. С. 6–170.
Varnek T. A. Vospominaniya sestry miloserdiya (1912–1922) [Memoirs of a Sister of Mercy (1912–1922)] // Dobrovolytsy: Sbornik vospominaniy [Volunteers: A Collection of Memoirs] / ed. by N. D. Solzhenitsyna. Moscow, 2001. P. 6–170.
- Врангель 2001 = *Врангель Н. Н.* Дни скорби: Дневник 1914–1915 годов / публ., сост. коммент. А. А. Мурашева. СПб., 2001. 319 с.
Vrangel' N. N. Dni skorbi: Dnevnik 1914–1915 godov [Days of Sorrow: A Diary of 1914–1915] / ed. by A. A. Murashev. St. Petersburg, 2001. 319 p.
- Ильин 2016 = *Ильин И. С.* Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подг. текста, вступит. ст. В. П. Жобер и К. В. Чащина. М., 2016. 480 с.
Ilyin I. S. Skitaniya russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920 [The Wanderings of a Russian Officer: The Diary of Joseph Ilyin. 1914–1920] / ed. by V. P. Zhober, K. V. Chashhina. Moscow, 2016. 480 p.
- Фармборо 2014 = *Фармборо Ф.* Первая мировая война. Дневники с фронта. М., 2014. 397 с.
Farmboro F. Pervaya mirovaya voyna. Dnevniki s fronta [The First World War. Diaries from the Front]. Moscow, 2014. 397 p.
- Современная Галичина 1914 = Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями. [Б. м.]: Походная типография Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, 1914. 35 с.
Sovremennaja Galichina [Modern Galicia]. Etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie ee v svyazi s nacional'no-obshhestvennymi nastroeniyami [Its Ethnographic and Cultural-political State in Connection with National and Public Moods]. [Field printing office of the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armies of the South-Western Front], 1914. 35 p.
- Heymel 2007 = *Heymel Ch.* Touristen an der Front. Das Kriegserlebnis 1914–1918 als Reiseerfahrung in zeitgenössischen Reiseberichten. Münster, 2007. 410 s.
- Lloyd 1998 = *Lloyd D. W.* Battlefield Tourism. Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Britain, Australia and Canada, 1919–1939. Oxford; NY, 1998. 252 p.
- McReynolds 2006 = *McReynolds L.* The Prerevolutionary Russian Tourist: Commercialization in the Nineteenth Century // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Ed. by Anne E. Gorsuch and Diane P. Koenker. Ithaca, 2006. P. 17–42.
- Vari 2006 = *Vari A.* From Friends of Nature to Tourists-Soldiers: Nation Building and Tourism in Hungary, 1873–1914 // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Ed. by Anne E. Gorsuch and Diane P. Koenker. Ithaca, 2006. P. 64–81.

²⁸ Фармборо 2014, 204.

DOI: 10.55000/MCU.2021.86.92.020

**ЕВРОПЕЙСКОЕ КИНО
КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ)**

Т. С. Губанова

*Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королёва,
Самара, Россия
gubanova-ts09@mail.ru*

В данной статье рассматривается кинематограф как один из актуальных вопросов мемориальной культуры и исторического сознания. Определяется значение кино в вопросе конструирования исторических и культурных мифов.

Ключевые слова: кино, исследования памяти, мемориальная культура, историческая память, коллективная память.

**EUROPEAN CINEMA AS A SOURCE OF HISTORICAL MEMORY FORMATION
(ON THE EXAMPLE OF FILMS ABOUT THE FIRST WORLD WAR)**

T. S. Gubanova

*Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
gubanova-ts09@mail.ru*

This article studies cinema as one of the topical issues of memorial culture and historical consciousness, the importance of cinema in the construction of historical and cultural myths

Keywords: Cinema; memory studies, memorial culture, collective memory.

На сегодняшний день в современной науке достаточно большую популярность приобретает направление, изучающее феномен исторического сознания, коллективной памяти, – memory studies.

Как пишет Е. А. Ростовцев, данное направление в историографическом смысле как в российском, так и в общемировом масштабе, достаточно плотно сопряжено с темами «конструирования истории», «образа чужого», «воображаемого прошлого»¹. Совершенно очевидно, что мемориальные исследования носят междисциплинарный характер, становясь областью для совместной работы не только историков, но и философов, социологов, культурологов, психологов, литературоведов и других представителей гуманитарного научного мира. Но, конечно, именно исторический материал в большей степени может составлять необходимую и наиболее наглядную базу для анализа и обобщения, о чем пишет и профессор Самарского университета О. Б. Леонтьева: «Источники, на основании которых историки реконструируют и анализируют образы исторической реальности, поразительно разнообразны. Поскольку всё, что делает человек, так или иначе имеет отношение к созиданию «второй реальности», практически из любого вербального или визуального источника – при наличии соответствующего исследовательского инструментария – может быть извлечена информация о картинах мира людей прошлого, репрезентациях и саморепрезентациях, образах Другого и эгообразов»².

¹ Ростовцев, Сосницкий 2014, 116.

² Леонтьева 2015, 9.

«Воплощаясь в судьбах героев произведений, в их мыслях и поступках, исторические представления перестают быть сухими научными фактами, приобретают особую жизненную силу и правдоподобие»³, – подчеркивает Н. Л. Мысливец.

Развитие массовой культуры и каналов ее трансляции на протяжении всего XX и начала XXI века – процесс, дающий новые возможности для исследования и в то же время новый ракурс рассмотрения проблемы исторической памяти. «Средства массовой информации, и особенно кинематограф (сочетающий черты как искусства, так и СМИ) обладают кодирующим эффектом, что создает предпосылки для манипулирования исторической памятью»⁴.

Известный исследователь упомянутого направления – немецкий историк и культуролог А. Ассман, определяя понятия индивидуальной и коллективной памяти, пишет о том, что «человек в качестве индивида хотя и «неделим», однако не самодостаточен. Он всегда является частью некоторой более крупной целостности, в которую индивид включен и без которой он не мог бы существовать. Всякое «Я» связано с «Мы», дающим основы для индивидуальной идентичности»⁵. Важным замечанием автора является определение современным доминирующим каналам получения информации: «ныне доминируют не печатные издания, которые заполняли наш горизонт рассказанными историями, а визуальные СМИ – телевидение, кино и видео. В насковозь медийном мире наше сознание и наше бессознательное подключены к внешним накопителям»⁶.

Подтверждают слова Ассман и другие исследователи. Особенный интерес представляет вопрос о причинах резко возросшей актуальности в использовании такого канала получения информации и вида искусства, как кино. Простота и конкретность, в сравнении с литературой, которые в большей степени характерны для кинематографа (за исключением артхаусного), позволяют успешнее удовлетворять духовные потребности массы (т. е. в широком смысле толпы). «Экранные образы оказывают колоссальное влияние на представления людей об истории. Многие люди знают о прошлом прежде всего по художественной литературе и кинематографу. Это связано с тем, что, во-первых, художественные образы более яркие и впечатляющие, чем образы истории в научных трудах. Во-вторых, кинематограф и литература имеют, несомненно, значительный ореол распространения в обществе, в отличие от научных работ»⁷.

Для выявления особенностей образа Первой мировой в историческом сознании, стоит упомянуть несколько кинолент военной тематики. «Известный российский социолог П. Сорокин, анализируя ситуацию накануне Первой мировой войны, назвал одной из главных ее причин дезинтеграцию системы ценностей: в начале XX века в европейском обществе были популярны идеи национального превосходства, имперского величия и военной романтики»⁸. В качестве иллюстрации к данной общей характеристике причин начала войны, обратимся к х/ф итальянского режиссера В. Дзурлини «Пустыня Тартари». Данная картина снята по мотивам одноименной книги, стилистически напоминающей произведения Ф. Кафки. Режиссер в целом не отступая от общего настроения, разыгрывает сюжет, по которому главный герой справляется с трудностями службы во время своего первого назначения в крепость на окраине империи. Всё в данном фильме предельно абстрактно: империя, которая чем-то похожа на Австро-Венгерскую, но не является ей, крепость, которая не существует в реальности, даже люди, которые, казалось бы, имеют имена, но на самом деле воспринимаются как обезличенные. Единственная конкретика – во времени, которое можно достаточно четко идентифицировать по типу костюмов и военной формы. Экзистенциальное беспокойство можно вполне отождествлять с ожиданием войны, точнее, сразу двух предстоящих больших войн. Особенно ярко это передано в сцене ожидания неясной угрозы извне, когда герои достаточно

³ Мысливец 2018, 162.

⁴ Мазур 2013, 247–248.

⁵ Ассман 2014, 158.

⁶ Там же.

⁷ Волков 2012, 22–25.

⁸ Быкова 2014, 117.

долго и статично смотрят вдаль, за пределы крепостных стен. Фильм наполнен непониманием всего происходящего: не понимают свои цели и действия герои, не вполне понятно происходящее и зрителю. В этом непонимании, на мой взгляд, противоречивость эпохи и тот самый «дух забвения» причин, сути, значения и итогов Первой мировой войны в коллективном сознании.

Общее напряжение «предвкушения» мировой войны также ощущается при просмотре фильма современного австрийского кинорежиссера М. Ханеке «Белая лента», который также является экзистенциальной притчей. Скрытое насилие и атмосфера агрессии в данном фильме – не только характеристика конкретной социальной группы (в данном случае жителей продемонстрированной деревни), но и характеристика всего напряженного общества Германии на пороге 1914 года.

Исторических блокбастеров на тему Первой мировой войны особенно в XXI в. появляется всё больше. Среди них – фильмы разных стран, которые, возможно, нуждаются в отдельной систематизации и классификации, что, наверняка, позволит сделать достаточно много интересных выводов об отображении Первой мировой войны в художественной культуре. В целом режиссеры достаточно часто используют тему войны для того, чтобы попытаться раскрыть общегуманистические проблемы. Известный исторический сюжет Рождественского перемирия становится благоприятной основой для размышления о ценностях конкретной и любой абстрактной войны. В современном фильме «Счастливого рождества» (2005) сюжет строится именно на этом историческом эпизоде. Возможно, в какой-то степени положительные стороны взаимоотношений героев в кинофильмах с подобным сюжетом могут быть преувеличены. Однако историческая память далеко не всегда формируется на базе фактов и исторической достоверности. В то же время смысл и значение исторического явления в общих чертах могут быть переданы в фильме корректно. Степень корректности же можно определить, ссылаясь исключительно на исторические источники.

В семиотическом смысле кинематограф также является, безусловно, богатейшим материалом для исследования, о чем говорит и Ю. М. Лотман: «Сила воздействия кино – в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком... смысле как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности»⁹.

Таким образом, кино в значительной степени и формирует, и отражает историческую память, причем дело не только (и не столько) в коллективном характере кинопроизводства, о чем так говорит советский режиссер В. Пудовкин: «Прежде всего кинематограф – творение не единоличное». Он подчеркивает коллективный характер кинопроизводства, объявляя его «тождественным промышленному производству»¹⁰. Дело в том, что художественный кинофильм, будучи произведением культуры, всегда прямо или косвенно отражает зрительский запрос. Если речь идет о массовом, а не об элитарном кинематографе, то выводы, полученные в результате научного анализа произведения и его истории, вполне могут подлежать экстраполяции.

Литература / References

Ассман 2014 =

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, 2014. 328 p.

⁹ Лотман 1973, 53.

¹⁰ Пудовкин 1974, 129.

- Быкова 2014 = *Быкова С. И.* Осмысление опыта Первой мировой войны: европейская традиция в восприятии современных российских студентов // *Научный диалог*. 2014. № 8 (32): История. Экономика. Право. С. 116–129.
Bykova S. I. Osmyslenie opyta Pervoy mirovoy voyny: evropeyskaya traditsiya v vospriyatii sovremennyh rossiyskih studentov [Understanding the Experience of the First World War: the European Tradition in the Perception of Modern Russian Students] // *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)* 2014. Vol. 8 (32): Istoriya. Ekonomika. Pravo. P. 116–129.
- Волков, Пономарева 2012 = *Волков Е. В., Пономарева Е. В.* Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. Вып. 10 (269). С. 22–25.
Volkov E. V., Ponomareva E. V. Igrovoe kino kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya kul'turnoy pamyati [Feature Films as a Historical Source for the Study of Cultural Memory] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*. 2012. Vol. 10 (269). P. 22–25.
- Леонтьева 2015 = *Леонтьева О. Б.* Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // *Историческая экспертиза*. 2015. № 2 (3). С. 4–19.
Leont'eva O. B. Obrazy istoricheskoy real'nosti v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Images of Historical Reality in Modern Russian Historiography] // *Istoricheskaya ekspertiza [The Historical Expertise]*. 2015. Vol. 2 (3). P. 4–19.
- Лотман 1973 = *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. 135 с.
Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallin, 1973. 135 p.
- Мысливец 2018 = *Мысливец Н. Л.* Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 1. С. 157–164.
Myslivets N. L. Obrazy proshlogo v istoricheskoy pamyati: teoretiko-metodologicheskiy aspekt [Images of the Past in Historical Memory: Theoretical and Methodological Aspect] // *Socialno-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. 2018. No. 1. P. 157–164.
- Мазур 2013 = *Мазур Л. Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 247–248.
Mazur L. N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The Image of the Past: the Formation of Historical Memory] // *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2013. Vol. 3 (117). P. 247–248.
- Пудовкин 1974 = *Пудовкин В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. О киносценарии: Кинорежиссура. Мастерство киноактера / сост. Т. Запасник и А. Петрович. М., 1974. 439 с.
Pudovkin V. Sbranie sochineniy [Collected Works]: in 3 vols. Vol. 1. O kinostsenarii: Kinorezhissura. Masterstvo kinoaktera [About the Screenplay: Film Direction. The Skill of a Film Actor] / Ed. T. Zapasnik and A. Petrovich. M., 1974. 439 p.
- Ростовцев, Сосницкий 2014 = *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
Rostovtsev E. A., Sosnitskiy D. A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii [Directions of the Research of Historical Memory in Russia] // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2014. Vol. 2. P. 106–126.

DOI: 10.55000/MCU.2021.46.71.021

«ИРЛАНДСКАЯ ВОЙНА» И СТРАТЕГИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ XX ВЕКА

С. Г. Малкин

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия
s.g.malkin@mail.ru*

На протяжении продолжительного времени историки и эксперты рассматривали Войну за независимость Ирландии в 1919–1921 гг. как первый масштабный и неудачный опыт британских сил безопасности по противодействию повстанческой активности современного типа. В статье обращается внимание на ряд важных аспектов участия британских сил безопасности в «Ирландской войне», все еще недооцененных в академических и экспертных кругах. С теоретической точки зрения особый интерес в этом смысле представляют параллели как тактического, так и стратегического характера, с беспорядками в Северной Ирландии в 1968–1998 гг. Однако основу исследовательского подхода в данной статье составляет сопоставление архивных свидетельств и спектра угроз Британской империи во время «Ирландской войны».

Ключевые слова: антиповстанчество, внутренняя безопасность, Ирландия, Северная Ирландия, Ольстер, Великобритания, «Ирландская война».

“IRISH WAR” AND INTERNAL SECURITY’ STRATEGY IN THE XXth CENTURY’ BRITAIN

S. G. Malkin

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
s.g.malkin@mail.ru*

For the most part historians and experts share the view that the “Irish War” of Independence in 1919–1921 was the first and an unsuccessful experience for the British army in conducting modern counterinsurgency. This article highlights some important aspects of the British forces’ conduct in the “Irish war” still are undervalued in academic and expert circles. Theoretically there are useful parallels, tactical as well as strategic, in concern with the Northern Ireland Troubles in 1968–1998, which formed a special interest. But the main research approach of this article based on comparisons of the archival evidence with the specter of threats for the British Empire during the “Irish war”.

Keywords: counterinsurgency, internal security, Ireland, Northern Ireland, Ulster, Great Britain, “Irish war”.

Для британских сил безопасности в Северной Ирландии 1972 г. выдался самым кровопролитным и критическим (с точки зрения контроля за развитием событий) за все время беспорядков в этой провинции 1968–1998 гг., в которой с момента ее образования в 1922 г., после раздела Ирландии по договору между Лондоном и Дублином, тлел уходящий корнями в еще более раннюю эпоху этнорелигиозный конфликт. Неудивительно, что занимавший пост министра по делам Северной Ирландии в британском правительстве (март 1972 – июнь 1973 г.) Дэвид Джордж Джеймс Хеннесси, лорд (3-й барон) Уайндлшэм, обратился к подчиненным с просьбой подготовить краткую историческую справку о приобретенных во время Войны за независимость Ирландии в 1919–1921 гг. дурную славу отрядах так называемых «чернопегих» (Black-and-Tans) и «специальных сил» (B Specials) в Ольстере в рядах Королевской ирландской полиции, надеясь получить ответ на вопрос, «есть ли там какие-то уроки [в опыте их применения], которые следует иметь в виду в свете нынешней ситуации»¹. Автор доклада пришел к неутешительному для министра выводу: «Главный урок, который можно из-

¹ Sandiford 1972.

влечь из тех событий, заключается в том, что любой британец, который окажется в сложном положении прямого участия в ирландских делах, весьма вероятно будет обвинен в том, что ведет себя так же, как «черно-пегие». Заслуга армии лишь в том, что, несмотря на практически рутинный характер насилия [в провинции], она в целом ведет себя таким образом, чтобы не быть убедительно представленной [широкой публике] в качестве реинкарнации своих предшественников 52-летней давности»².

Сам факт обращения министра по делам Северной Ирландии за такой исторической справкой тогда, когда «Изумрудный остров» вновь стал ареной интенсивной (контр)партизанской борьбы, представляется весьма симптоматичным с точки зрения глубины и характера практического понимания военно-политической логики «Ирландской войны» (первого для британских сил безопасности масштабного опыта борьбы с подпольной активностью в условиях урбанизации протестных движений и заметного роста влияния средств массовой информации и общественного мнения на политику официальных властей) на уровне принятия стратегических решений в британском правительстве. Даже сотрудники профильного ведомства, включая руководство, не видели существенных различий между ролью, целями и задачами полиции и армии в этом конфликте, не имели ясного представления об особенностях взаимодействия этих ведомств во время Войны за независимость Ирландии в 1919–1921 гг. и в целом интерпретировали их действия в то время с точки зрения устоявшегося общественного мнения относительно этих событий, а не практических результатов деятельности британских сил безопасности по урегулированию конфликта.

«Ирландская война» являлась и, в известной мере, остается, наряду с беспорядками в Ольстере, весьма болезненным местом памяти в публичных и профессиональных дискуссиях в Великобритании и Ирландии. И это – одна из основных причин того, почему она так быстро превратилась в фигуру умолчания (с точки зрения не ангажированного политическими пристрастиями изучения этого феномена британской общественно-политической жизни на заре эпохи Интербеллума), пока не возобновилась в миниатюре в северо-восточных графствах Ольстера во второй половине XX в.³ Но была и другая причина, почему в 1972 г. (как и многие годы спустя) сотрудники министерства по делам Северной Ирландии, эксперты и профессиональные историки могли предложить властям и общественности Великобритании такой весьма ограниченный взгляд на роль вооруженных сил в решении «ирландского вопроса». В 1968 г., незадолго до начала самой продолжительной в истории британской армии операции по восстановлению гражданского порядка и законности в Ольстере в 1969–2007 гг. (операция «Стяг»), единственный подготовленный самими британскими военными анализ антиповстанческих мер в Ирландии в 1919–1921 гг. извлекли из архивов военного министерства, но затем сразу же вновь засекретили. «Записи о мятеже в Ирландии» были составлены в 1922 г. офицерами генеральных штабов Дублинского [военного] округа, 5-й и 6-й пехотных дивизий, расквартированных в Ирландии, и Центрального штаба ирландского командования во взаимодействии с сотрудниками Управления военных операций и разведки Имперского генерального штаба⁴.

Для авторов этого труда оказалось практически невозможно отделить политические соображения от типичных для такого рода работ комментариев по тактике и стратегии и, соответственно, представить действия армии в Ирландии как набор сугубо технических мероприятий. Некоторые пассажи даже были вымараны из первоначальных вариантов «Записей о мятеже» уже в военном министерстве, поскольку содержали едва прикрытые обвинения в адрес правительства за его политику во время «Ирландской войны»⁵. Более того, некоторые персоны, упомянутые в этой работе, все еще занимали высокие посты в Ирландской республике и многие годы спустя. Таким образом, сведения, содержащиеся в «Записях о мятеже»,

² Sandiford (Black and Tans) 1972b, 2.

³ Dolan 2012.

⁴ Hart (ed.) 2002; Sheehan (ed.) 2007; Sheehan (ed.) 2009; Kautt (ed.) 2014; Historical Record of Rebellion 1922; Record of the Rebellion 1922–1923.

⁵ Historical Record of Rebellion 1922.

являлись политически чувствительными для Лондона в 1968 г. почти так же, как и в 1923 г., когда этот труд был впервые засекречен.

В этой связи неудивительно, что в историографии проблемы, ее понимании на уровне публичных и экспертных дискуссий по-прежнему доминирует традиционный (про-республиканский) взгляд на характер и исход этого конфликта: изнурительная партизанская борьба Ирландской республиканской армии (ИРА) против британских сил безопасности привела к патовой ситуации. В результате британское правительство оказалось вынуждено заключить перемирие летом 1921 г., что положило начало прямым переговорам официальных властей с представителями партии «Шинн Фейн», увенчавшимся предоставлением Ирландии статуса доминиона, за исключением шести северо-восточных графств Ольстера⁶.

Только в 2001 г. «Записи о мятеже» были рассекречены и переданы на хранение в Национальный архив Великобритании (Кью) – решение, имеющее существенное значение для понимания характера и логики усилий британских сил безопасности в Ирландии в 1919–1921 гг., где после Великой войны колониальный порядок оказался под угрозой раньше всего (юридически Ирландия не являлась британской колонией, однако у многих исследователей не вызывает сомнений колониальный характер управления этой страной⁷). Эта уникальная коллекция документов позволяет по-новому взглянуть как на историю конфликта, так и на его место в коллективном опыте британских военных в контексте кризиса лояльности в империи после Великой войны. Последовательное обращение к «Записям о мятеже» позволяет бросить вызов традиционному толкованию противостояния ИРА и сил безопасности, а также принятым представлениям о влиянии «Ирландской войны» на модели вооруженной борьбы с антиколониальными движениями в британских владениях как во время Интербеллума, так и после Второй мировой войны.

Когда британская армия была введена в Ольстер в 1969 г. для борьбы с беспорядками, колониальные кампании после 1945 г. рассматривались военными как единственный подходящий пример по организации антиповстанчества в Северной Ирландии. Когда к началу 1970-х гг. этот подход провалился, силы безопасности в провинции оказались перед необходимостью фактически заново изобретать и постигать многое из того уже забытого опыта, который был изложен в «Записях о мятеже» за полвека до начала новой «Ирландской войны». По мнению Джона Ньюсингера, власти отказались от опиравшейся во многом на колониальный опыт антиповстанческой стратегии в пользу стратегии внутренней безопасности, которую сочли более приемлемой в условиях современной либеральной демократии⁸.

Однако известно, что у военного и политического руководства страны на тот момент не было ясного понимания относительно того, какие формы и методы антиповстанчества потребуются в рамках нового подхода⁹. Кроме того, нет и детального понимания того, какими путями и как глубоко теоретические положения и практические рекомендации, изложенные в «Записях о мятеже в Ирландии», влияли на стратегию и тактику британских сил безопасности в последовавших затем колониальных конфликтах и – опосредованно – на развитие событий в Ольстере во второй половине XX в. (следует иметь в виду вполне определенную разницу между военной теорией и доктриной, характерную и для британской военной мысли в межвоенный период).

Между тем некоторые ключевые аспекты участия британских сил безопасности в Войне за независимость Ирландии можно прояснить благодаря именно «Записям о мятеже» (как и в случае с соответствующими документами Министерства обороны Великобритании о беспорядках в Ольстере¹⁰). Изучение засекреченного и нереализованного сценария обеспечения колониального контроля в пределах Британской империи особенно важно в свете понимания причин эскалации противостояния в Северной Ирландии с точки зрения роли служб

⁶ Cremin 2015.

⁷ Kenny (ed.) 2004 [2006].

⁸ Newsinger 1996.

⁹ Edwards 2010; Sanders 2013.

¹⁰ Smith 1999.

безопасности в этом конфликте, поскольку «Ирландская война» как в первой, так и во второй половине XX в., строго говоря, не являлась колониальной кампанией.

«Записи о мятеже» позволяют обнаружить, что борьба с радикальными сторонниками независимости Ирландии в 1919–1921, как и в 1968–1998 гг., была завершена не из-за патовой ситуации, в которой оказались британские силы безопасности и ИРА (Временная ИРА с 1969 г.), а в результате переговоров между оппонентами. Более того, эти контакты были обусловлены как неприемлемой для Лондона перспективой затягивания конфликта, так и сокращением повстанческой активности в стране к концу весны 1921 г., что в сумме и обеспечило британским властям более прочную переговорную позицию. В схожем ключе военные власти характеризовали успех антиповстанческих операций против ИРА и ее ответвлений в Северной Ирландии во второй половине XX в. – как достижение «приемлемого уровня насилия»¹¹. При этом, несмотря на попытку Министерства обороны Великобритании представить опыт участия армии в стабилизации положения в провинции как скорее положительный, практически все комментаторы обратили внимание на то, что в итоге добиться поражения Временной ИРА силами безопасности в Ольстере так и не удалось, несмотря на все усилия по снижению уровня насилия в провинции до «приемлемого». Однако применительно к событиям «Ирландской войны» при таком ретроспективном подходе часто упускается из виду, что основная задача британских сил безопасности (уже в 1920 г. сформулированная ирландским командованием и воспроизведенная в «Записях о мятеже») заключалась вовсе не в военном разгроме противника в рамках классической военной стратегии, а в том, чтобы не допустить установления в Ирландии республики и ее полного выхода из состава империи, – билль о самоуправлении Ирландии был уже одобрен британским парламентом в 1914 г., и его основные положения фактически совпали с полномочиями Ирландского свободного государства в рамках статуса нового доминиона, признанного Лондоном и Дублином в 1922 г.¹²

С другой стороны, такой ревизионизм хотя и помогает подойти к изучению проблемы, применяя обратную перспективу (учитывая позицию британских сил безопасности), но не позволяет вывести разговор о борьбе с восстанием за привычные рамки локального конфликта. Недостаточное внимание к имперскому контексту ирландской политики Лондона, принципиально важному при принятии стратегических решений правительством, затрудняет понимание событий¹³. Для воссоздания геополитической мозаики политики колониального контроля необходимо учитывать типологически схожие случаи повстанческой активности в других, не менее, а иногда и более беспокойных частях Британской империи – от Египта и Месопотамии до Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии в это же время.

Отсутствие ясности в этом вопросе мешает пониманию стратегического смысла успеха в борьбе с ИРА, каким он виделся военно-политическому руководству Великобритании в конкретно-исторических обстоятельствах переопределения колониального порядка в рамках Версальской системы международных отношений. По причине недостаточной стратегической глубины и широты взгляда на проблему колониального контроля представление о том, что Лондон потерпел поражение в Ирландии к лету 1921 г., все еще является весьма распространенным даже среди профессиональных историков, хотя и не соответствует реалиям эпохи Интербеллума (стратегическим приоритетам Британской империи после Великой войны) и упрощает наше понимание истории решения «ирландского вопроса»¹⁴.

Литература / References

- Cremin 2015 = *Cremin M. R. Fighting on Their Own Terms: The Tactics of the Irish Republican Army 1919–1921 // Small Wars & Insurgencies. 2015. Vol. 26, issue 6. P. 912–936. DOI: 10.1080/09592318.2015.1095836.*

¹¹ McMahan 2008.

¹² Sheehan 2011; Townsend 1983.

¹³ Jeffrey 2008; Wiel 2010.

¹⁴ Cremin 2015; McMahan 2008.

- Dolan 2012 = *Dolan A.* The British Culture of Paramilitary Violence in the Irish War of Independence // *War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War* / Ed. by *R. Gerwarh* and *J. Horn*. Oxford, 2012. P. 200–215. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199654918.003.0012.
- Edwards 2010 = *Edwards A.* Misapplying lessons learned? Analysing the utility of British counterinsurgency strategy in Northern Ireland, 1971–76 // *Small Wars & Insurgencies*. 2010. Vol. 21, No. 2. P. 303–330.
- Hart (ed.) 2002 = *British Intelligence in Ireland: The Final Reports (Irish narratives)* / Ed. by *P. Hart*. Cork, 2002. 96 p.
- Historical Record of Rebellion 1922 = *Historical Record of Rebellion in Ireland. 1920–1921, and the Part Played by the Army in Dealing With It* // The National Archives. War Office 141/93.
- Jeffrey 2008 = *Jeffrey K.* The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the ‘British world’ // *Irish Historical Studies*. 2008. Vol. XXXVI, No. 42. P. 243–256. DOI: 10.1017/S0021121400007069.
- Kautt (ed.) 2014 = *Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence* / Ed. by *W. H. Kautt*. Sallins (Co. Kildare, Ireland), 2014. 268 p.
- Kenny (ed.) 2004 [2006] = *The Oxford History of the British Empire. Companion Series. Ireland and the British Empire* / Ed. by *K. Kenny*. Oxford, 2004 [2006]. 319 p. DOI: 10.1086/504218.
- McMahon 2008 = *McMahon P.* British Spies and Irish Rebels: British Intelligence and Ireland 1916–45. Suffolk, 2008. 518 p. DOI: 10.1086/604794.
- Newsinger 1996 = *Newsinger J.* From Counter-Insurgency to Internal Security: Northern Ireland, 1969–1992 // *Small Wars & Insurgencies*. 1996. Vol. 6, No. 1. P. 88–111. DOI: 10.1080/09592319508423100.
- Operation Banner 2006 = *Operation Banner. An Analysis of Military Operations in Northern Ireland.* Prepared under the direction of the Chief of the General Staff. Army Code 71842. 2006. URL: https://www.vilaweb.cat/media/attach/vwedts/docs/op_banner_analysis_released.pdf.
- Record of the Rebellion 1922–1923 = *Record of the Rebellion in Ireland in 1920/21. 1922–1923* // The National Archives. War Office. 141/94.
- Sanders 2013 = *Sanders A.* Operation Motorman (1972) and the search for a coherent British counterinsurgency strategy in Northern Ireland // *Small Wars & Insurgencies*. 2013. Vol. 24, No. 3. P. 465–492. DOI: 10.1080/09592318.2013.802609.
- Sandiford 1972a = *Sandiford G. K.* [private secretary for the minister of Northern Ireland] to Mr. Smith. 3rd May 1972 / Black and Tans. May 1972 // The National Archives. CJ 4/152.
- Sandiford 1972b = *Sandiford G. K.* Black and Tans: A Historical Brief for Minister, Lord Windlesham. Home Office / Northern Ireland Office brief for the Minister of State for Northern Ireland, May–June 1972. URL: <https://www.papertrail.pro/wp-content/uploads/Black-and-Tans-Report-for-MoS-NI-May-June-1972.pdf>.
- Sheehan (ed.) 2007 = *Fighting for Dublin: The British Battle for Dublin 1919–1921* / Ed. by *W. Sheehan*. Cork, 2007. 166 p.
- Sheehan (ed.) 2009 = *Hearts & Mines: The British 5th Division, Ireland, 1920–1922* / Ed. by *W. Sheehan*. Cork, 2009. 314 p. + XXII.
- Sheehan 2011 = *Sheehan W.* A Hard Local War. The British Army and the Guerrilla War in Cork, 1919–1921. Stroud, 2011. 256 p.
- Smith 1999 = *Smith M. L. R.* The Intellectual Internment of a Conflict: The Forgotten War in Northern Ireland // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944–...)*. 1999. Vol. 75, issue 1. P. 77–97. DOI: 10.1111/1468-2346.00061.
- Townsend 1983 = *Townsend C.* Political Violence in Ireland: Government and Resistance since 1848. Oxford, 1983. 445 p. + XII.
- Wiel 2010 = *Wiel J. van de.* The Irish Factor 1899–1919: Ireland’s Strategic and Diplomatic Importance for Foreign Powers. Dublin, 2010. 400 p.

DOI: 10.55000/MCU.2021.75.62.022

ЧАН КАЙШИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ В ОЦЕНКАХ ФБР¹**Я. А. Левин**

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самарское художественное училище им. К. С. Петрова-Водкина,
Самара, Россия
yaroslavlevin1992@mail.ru*

Гражданская война в Китае стала временем острого столкновения интересов США и СССР в разгорающейся «холодной войне», поэтому, не удивительно, что американские спецслужбы проявляли повышенный интерес к этому региону. Чан Кайши – лидер условно проамериканской Китайской Республики очень быстро проявил себя ненадёжным союзником, что во многом повлияло на ход войны. Информация о коррупции, махинациях и различных сложностях политики в этой части Китая стала доступна американскому руководству, в том числе и благодаря работе спецслужб.

Ключевые слова: Чан Кайши, Гоминьдан, «холодная война», Гражданская война в Китае, ФБР, ЦРУ.

CHIANG KAI-SHEK AND THE CHINESE CIVIL WAR IN FBI ASSESSMENTS**Y. A. Levin**

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara Art School of K. S. Petrov-Vodkin,
Samara, Russian Federation
yaroslavlevin1992@mail.ru*

The Chinese civil war was a time of sharp clash between the interests of the United States and the USSR in the flaring Cold War, so it is not surprising that the American intelligence services showed an increased interest in this region. Chiang Kai-shek, the leader of the conditionally pro-American Republic of China, very quickly proved to be an unreliable ally, which largely influenced the course of the war. Information about corruption, fraud and various political complexities in this part of China has become available to the American leadership, including due to the work of intelligence agencies.

Keywords: Chiang Kai-shek, Kuomintang, Cold War, Chinese Civil War, FBI, CIA.

Сложность отношений США и Китайской Республики отразилась и в архиве Федерального бюро расследований – сравнительно новом и малоизученном отечественными учёными ресурсе. С 2007 года ведомство активно занимается рассекречиванием и оцифровкой материалов различных расследований и досье, собранных за долгие годы работы.

Архивное дело ФБР на Чан Кайши состоит из двух папок общим объёмом 241 страница и охватывает период с 1943 до 1964 г.² В рамках предпринятого коллективом исследования в первую очередь нас интересуют материалы папки, посвящённой военным годам, когда связи между лидером Исполнительного Юаня Китайской Республики и Соединёнными Штатами интенсифицировались.

Сразу стоит остановиться на особенности досье ФБР на Чан Кайши, хотя на титульном листе и всех основных установочных документах стоит имя лидера Китайской Республики, более 90 % архивного материала касаются его супруги Сун Мэйлин. Это не случайно, поскольку имевшая хорошее западное образование, христианка по вероисповеданию, прожившая долгое время в США первая леди Китая стала играть в этот период огромную роль в вы-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003. «Сражающийся Китай» 1931–1949 гг. в оценках периодической печати США.

² NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649.

страивании имиджа своего супруга и страны, а также в целом в налаживании контактов с американцами³.

Основанием для начала наблюдения за супругой китайского лидера стало письмо директора ФБР Джона Эдгара Гувера помощнику госсекретаря США Адольфу Берли. Гувер сообщил, что из источника, который он не может раскрывать, ему известно о циркулирующих слухах относительно «низкой морали» Сун Мэйлин, а также непонятных источниках дохода пары, которые «не заботят» Чан Кайши. Гувер предполагает, что Берли и Госдеп заинтересует более детальная информация об этом⁴.

В данном случае мы видим пример политической хитрости, а также самостоятельности Гувера, значительно возросшей в 1940-х гг. в связи с карт-бланшем, предоставленным ему президентом. Дело в том, что официальное письмо в Госдепартамент направлено не случайному человеку. Адольф Берли был крайне близок к президенту, в прошлом являлся членом его «мозгового треста»⁵, а главное, был в хороших отношениях с Гувером и часто лоббировал его интересы в Госдепе и администрации президента. Дополнительным фактом, указывающим на неслучайность адресата, является то, что в качестве помощника госсекретаря Берли отвечал за latinoамериканское направление, а никак не за Дальний Восток⁶. То есть Гувер намеренно направил информацию лояльному человеку, зная, что тот обеспечит формальное разрешение на расследование со стороны госсекретаря Кордела Халла или самого Рузвельта. Это подкрепляет и само письмо, в котором нет никаких фактов, а лишь указания на «слухи о низкой морали», что никак не могло быть важной с юридической точки зрения причиной для слежки. Более весомое обвинение в сомнительных доходах идёт буквально вскользь и также ничем не подкрепляется. Тем не менее для увеличения веса высказанных обвинений Эдгар Гувер в начале письма говорит, что его конфиденциальный источник является сотрудником учреждения, название которого вымарано цензурой⁷. Представляется, что указание в письме на должность в конкретном органе, близком к супружеской чете Чан должно было сработать и придать изложенным в письме инсинуациям необходимый вес.

Политическая самостоятельность Гувера и формальность обращения в Госдепартамент подтверждается тем, что работа по Чан Кайши и его жене уже велась. Буквально за день до письма Берли в главный офис ФБР поступает меморандум от ответственного специального агента⁸ Манфорда на имя заместителя директора Д. М. Лэдда, которое практически дословно повторяет текст письма Гувера Адольфу Берли⁹. Это показывает, что директор просто взял первые, слабо подкреплённые доказательствами сведения и использовал их, чтобы легитимизировать дальнейшую работу¹⁰. Более того, этот меморандум открывает нам информацию о «высокопоставленном источнике» ФБР, указывается, что агент Манфорд получил сведения от сотрудника вашингтонского Wellsley Club – престижного ресторана при Wellesley College, который окончила мадам Чан. То есть информация, на которую ссылается Гувер в следующем письме получена не от чиновника или дипломата, как явно пытается представить Эдгар Гувер в письме Берли, а от работника элитного общепита¹¹. Документ агента Манфорда не выглядит как основание для начала расследования, куда больше он похож на очередной отчёт об уже ведущемся расследовании. Ханна Пакула в своей подробной биографии Сун Мэйлин отмечает, что её брат Сун Цзывэнь заинтересовал ФБР примерно в 1940 г., когда агенты обратили внимание на странные банковские операции, которые вёл дипломат. Он открывал счета в разных банках США и перечислял на них большие суммы денег, полученные

³ Tyson Li 2006.

⁴ NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (5.03.1943).

⁵ Яковлев 2012, 134, 137–138.

⁶ Berle, Jacobs 1973, 321.

⁷ NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (5.03.1943).

⁸ Ответственными специальными агентами (англ. Special Agent in Charge, SAC) назывались руководители местных отделений Бюро.

⁹ NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (4.03.1943).

¹⁰ Charles 2007; Batvinis 2007.

¹¹ NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (4.03.1943).

от различных компаний¹². Исходя из этого ещё 15 января 1943 г. в письме Рузвельту Гувер писал, что считает, что реальная цель визита Сун Мэйлин не поиск гуманитарной помощи для Китая и налаживание отношений, а вывод «отмытых» в США незаконных доходов назад в Китай для сохранения власти. По оценкам Гувера Сун Мэйлин пыталась вывести из США не менее 170 млн долларов¹³. Такая информация, наверняка, использовалась Рузвельтом для давления на самого Чан Кайши при переговорах.

Ещё более подробным и интересным выглядит письмо от помощника замдиректора Клайда Толсона Луиса Николса своему начальнику. В данном письме подробно проанализированы связи и деятельность Сун Мэйлин в США. Николс пишет, что агентам благодаря их работе и сведениям от различных осведомителей высокого уровня удалось выяснить следующее: семья Сун является одной из богатейших и влиятельнейших в Китае, именно через неё жена Чан Кайши выводит из страны огромные денежные средства. В США деньги помогает отмыть её брат Сун Цзывэнь и свояк доктор Дэвид Кунг, которые прогоняют деньги через подставные фирмы и в итоге оставляют на нескольких банковских счетах под хорошие проценты. Также в письме отмечено, что Сун Цзывэнь активно использует эти деньги ещё и для коррумпирования американских чиновников, в частности конгрессменов из комитетов по международным делам, сотрудников Госдепартамента и т. д. У федеральных агентов есть все основания предполагать связи семьи Сун с китайскими преступными группами¹⁴.

Вполне понятно, что вся эта информация была своевременно предоставлена президенту, во время войны почти каждую неделю принимавшему у себя Дж. Эдгара Гувера с докладами. Поскольку в источниках и литературе не встречается никаких упоминаний об огласке этой информации Рузвельтом, вполне логично, что президент либо предпочёл закрыть глаза на эти факты, поскольку и без того имел огромное влияние на Чан Кайши за счёт поставок в Китай по ленд-лизу, либо, что более вероятно, использовал имеющуюся информацию для дополнительного давления на китайского коллегу при переговорах за закрытыми дверями.

Снова жена Чан Кайши попадает под внимание ФБР лишь в 1948 г. Она прибыла в Голлулу и планировала перебраться в Вашингтон на самолёте к 30 ноября 1948. Также отмечается, что за передвижениями Сун Мэйлин следит армия и флот (вероятнее всего, агент имеет в виду своих коллег из контрразведывательных ведомств армии и флота)¹⁵.

Уже в начале мая 1949 г. в штаб-квартиру Бюро приходит сразу несколько телеграмм о супруге лидера Китайской Республики. Агенты сообщают, что Сун Мэйлин проживает в Нью-Йорке в гостиницах Waldorf Astoria и Hampton Inn, часто встречается с высокопоставленными однокурсниками из Wellesley College, имела несколько романов за период пребывания в Нью-Йорке, оттуда планирует отправиться в Нью Канаан (шт. Коннектикут), где планирует остановиться в летнем домике, который приобрела ещё в начале 1940-х через своего брата¹⁶.

Гувер требует от своих агентов продолжать слежку за контактами и передвижениями Сун Мэйлин, но напоминает, что КНР требует экстрадиции жены Чан Кайши как государственной преступницы. Это напоминание неслучайно, тем самым Гувер намекает своим агентам на необходимость особо осторожного сбора информации о Сун Мэйлин, а главное, необходимости скрыть всю официальную информацию об этом от других органов власти США, поскольку это может привести к дипломатическому скандалу¹⁷.

Ещё один интересный документ в архиве – краткий меморандум на имя директора от 17 июня 1949 г. В нём ответственный специальный агент отделения в Филадельфии сообщает, что мадам Чан Кайши не только находится в городе, но и привлекла внимание прессы,

¹² Pakula 2009, 217–218.

¹³ NARA. RG. 65. FBI. 67-571 (15.01.1943).

¹⁴ Ibid. 67-571 (8.02.1943).

¹⁵ Ibid. 62-7/649 (29.11.1948).

¹⁶ Ibid. 62-7/649 (5.05.1949).

¹⁷ Ibid. 62-7/649 (6.05.1949).

и пересылает вместе с телеграммой вырезку из газеты Philadelphia Inquirer, датированную тем же днём, что и телеграмма¹⁸.

В статье с характерным ироничным заголовком «Мадам Чан Кайши: женщина в изгнании живёт в окрестностях Нью-Йорка. Изолированная, но деятельная «китайская Жанна д'Арк». Автор статьи Инес Робб пишет, что прибывшая ради просьб о военной помощи для своего мужа мадам Чан Кайши с комфортом проживает в двадцатикомнатном особняке в г. Ривердейл, часто бывает в Филадельфии, где у неё, судя по всему, тоже есть недвижимость. Особняк в стиле Тюдоров был куплен в 1944–1945 гг. свояком Сун Мэйлин – доктором Кунгом, её ближайший сосед – Артуро Тосканини, известный дирижёр, с которым мадам Чан Кайши связывают «очень тёплые отношения». Также журналистка описывает свой визит в особняк. Ей не удалось повидаться с хозяйкой, которая, по словам обслуги, больна. Она общалась с дворецким, молодым человеком чуть старше двадцати. В конце статьи автор делает вывод, что, несомненно, Сун Мэйлин вышла на пенсию и собирается и дальше крайне комфортно проживать в США¹⁹.

5 июля 1949 г. в штаб-квартиру Бюро поступает крайне интересный документ – это донесение из офиса в Гонолулу. Агенты этого отделения восстановили путь Сун Мэйлин из становящегося с каждым днём более опасным Китая. Они сообщают о том, что она прибыла в столицу на частном самолёте, который через 48 часов отправился в Гонолулу. Что члены семьи Чан Кайши везли с собой ценности и несколько ящиков имущества. За почти два дня остановки в Вашингтоне китайцы активно встречались с различными чиновниками, в основном из Госдепартамента и Конгресса (все имена вымараны). Также Сун Мэйлин за время остановки посетила несколько магазинов и купила драгоценностей на 4000 долларов, по примерной оценке федеральных агентов. После чего самолёт отправился в Гонолулу, где были приготовлены дома и номера в дорогих гостиницах для членов семьи лидера Китайской Республики²⁰.

Пожалуй, самый интересный документ в архиве за интересующий нас период – это письмо Эдгара Гувера военному советнику президента Трумэна Гарри Вону²¹. Директор ФБР сообщает, что по сведениям, полученным от высокопоставленного информатора, в период от двух до трёх недель после 30 июня 1949 г. из провинции Кантон в Вашингтон вылетел частный самолёт с женой Чан Кайши и остальными членами его семьи. Самолёт был зарегистрирован на Philippine Airlines Company. Далее Гувер сообщает, что его источник не смог быстро передать информацию, поэтому она поступила с некоторой задержкой. Далее он пишет, что готов передать больше сведений как можно скорее. Стоит обратить внимание, что большая часть этого письма идентична первым параграфам сообщения от отделения ФБР в Гонолулу от 5 июля²².

С учётом предыдущей, крайне компрометирующей Чан Кайши и его супругу информации, с которой президент Трумэн не мог быть не знаком, представляется, что Гувер намеренно даёт лишь самые безобидные сведения, чтобы «выбить» личную встречу с президентом и показать свою полезность, сообщив подробные сведения о деятельности Сун Мэйлин и её семьи, которые хранились в его сейфе.

Директор ФБР использовал имеющиеся у него сведения, дабы упрочить и, по возможности, улучшить свои отношения с главой государства. Стоит отметить, что в так называемой «потере Китая», как окрестили проигрыш Чан Кайши и создание КНР в американской прессе, действительно, немалую роль сыграли сведения спецслужб. И Рузвельт, и Трумэн были достаточно осведомлены о том, что большая часть оказываемой США Китайской Республике помощи банально разворовывается. Однако оба президента до определённого момента мирились с этим. Франклина Рузвельта сковывали интересы ведения Второй мировой

¹⁸ NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (17.06.1949).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. 62-7/649 (5.07.1949).

²¹ Gardner 2002, 52.

²² NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (8.07.1949).

войны и важность Китая как в боевых действиях против японцев, так и в перспективе развития послевоенного мира. Гарри Трумэн оказался скован условиями начинающейся «холодной войны», а потому был вынужден поддерживать Китайскую Республику. Однако, чем дольше и неудачнее шли боевые действия, тем явственнее становилось разочарование Вашингтона в лидерах противников коммунистов. Это разочарование вылилось в сокращении помощи США правительству Чан Кайши, что во многом и привело к победе коммунистов и провозглашению Китайской Народной Республики.

Литература / References

- Яковлев 2012 = *Яковлев Н. Н.* Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! М., 2012. 496 с.
Yakovlev N. N. Neizvestnyy Ruzvel't. Nuzhen novyy kurs! [Unknown Roosevelt. Need a New Deal!]. Moscow, 2012. 496 p.
- Batvinis 2007 = *Batvinis R. J.* The Origins of FBI Counterintelligence. Lawrence (KS), 2007. 344 p.
- Berle, Jacobs 1973 = *Berle B. B., Jacobs T. B.* Navigating the Rapids, 1918–1971: From the Papers of Adolf Berle. NY, 1973. 859 p.
- Charles 2007 = *Charles D. J.* Edgar Hoover and the Anti-Interventionists: FBI Political Surveillance and the Rise of the Domestic Security State, 1939–1945. Columbus (OH), 2007. 197 p.
- Gardner 2002 = *Gardner M.* Harry Truman and Civil Rights. NY, 2002. 320 p.
- Pakula 2009 = *Pakula H.* The Last Empress: Madame Chiang Kai-shek and the birth of modern China. NY, 2009. 816 p.
- Tyson Li 2006 = *Tyson Li L.* Madame Chiang Kai-shek: China's Eternal First Lady. NY, 2006. 576 p.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (17.06.1949) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Memo from Philadelphia Office to Director. 17 June 1949.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (29.11.1948) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Radiogram from Honolulu office to HQ. 29 November 1948.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (4.03.1943) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Memo for D. M. Ladd. 4 March 1943.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (5.03.1943) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Hoover to Berle. 5 March 1943.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (5.05.1949) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Teletype from New York Office to HQ. 5 May 1949.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (5.07.1949) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). SAC, Honolulu to Director. 5 July 1949.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (6.05.1949) = National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Hoover to All. 6 May 1949.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 (8.07.1949) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Hoover to Vaughan. 8 July 1949.
- NARA. RG. 65. FBI. 62-7/649 = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek). Table of Contents.
- NARA. RG. 65. FBI. 67-571 (15.01.1943) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China). Memo from Director Hoover to Lawrence M. C. Smith, chief of Special War Policies Unit. 15 January 1943.
- NARA. RG. 65. FBI. 67-571 (8.02.1943) = NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China). Memo re: Soong Family. L. B. Nichols to Mr. Tolson. 8 February 1943.

DOI: 10.55000/MCU.2021.80.49.023

**АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО 20–30-х гг. XX в.:
КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ США**

С. М. Николаева

*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королёва,
Самара, Россия
sofia.nikolaeva@gmail.com*

Данная статья посвящена взглядам ряда выдающихся писателей США, касающихся важных проблем, существовавших в американском обществе в межвоенный период, и американской жизни в целом. Во-первых, они видели, что американская жизнь лишена творческого начала, уныла, пуста и провинциальна, что может привести даже к диктатуре. Затем, литературный мир в 30-е гг., в эпоху Великой депрессии и «Нового курса» интересовала проблема социальной справедливости. Писатели США имели различное, в значительной степени критическое мнение, но они патриотически стремились не разрушать фундаментальные основы американского общества, но сделать его лучше, совершеннее.

Ключевые слова: писатели, литература, общество, социальная справедливость.

**AMERICAN SOCIETY OF THE 20–30s OF THE XXth CENTURY:
A CRITICAL VIEW OF US WRITERS**

S. M. Nikolaeva

*Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
sofia.nikolaeva@gmail.com*

This article is dedicated to the views of several prominent USA writers concerning some important problems of American society between the wars and American life as a whole. Firstly, many of them saw that American life had no creative spirit was dull and empty, and provincial that can sometimes lead even to dictatorship. Then it was the problem of social justice which interested literary world so much in the thirties – in the Age of Great Depression and “New Deal”. US writers had different, mostly critical opinions but they patriotically wanted not to destroy fundamental base of American society, but to make it better.

Keywords: writers, literature, society, social justice.

Межвоенная эпоха была динамичной и сложной. Соединенные Штаты очевидно выходят из провинциальной дали на мировую арену в желании потеснить Европу, все еще стремящуюся определять судьбы народов и государств.

Вместе с тем эти два десятилетия стали уникальными для американской литературы и культуры в целом. Большинство известных писательских имен – достаточно назвать Т. Вулфа, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, Д. Дос Пассоса, Ф. С. Фицджеральда, С. Льюиса, Т. Драйзера, Ш. Андерсона, Р. Ларднера – ярко вошли в литературный контекст США именно в эти годы. Кроме того, в писательской среде как раз в 20–30-е гг. большое внимание начинает уделяться критике различных аспектов жизни современного общества, от духовных до социальных. Мысли и соображения писателей в этот период лишней раз доказывают, что критический взгляд всегда необходим писателю для полноценного восприятия и интерпретации собранного материала.

Вот как об этом выразительно высказывался Э. Хемингуэй в письме к отцу из Парижа в марте 1925 года: «...Я пытался передать ощущение настоящей жизни – не просто описывать или критиковать жизнь, а перенести ее на бумагу. Так, чтобы прочитав мой рассказ, вы действительно пережили все сами. Это невозможно, если писать только о прекрасном, опуская плохое и уродливое. Когда все прекрасно, в это невозможно поверить. В жизни иначе.

И только показав обе стороны – три измерения, а если удастся, то даже четыре, можно писать так, как хотелось бы мне»¹.

Конечно, два межвоенных десятилетия были различны и в событийном, и в оценочном плане. Целесообразно представить здесь некоторые наиболее показательные оценки. Остановимся сначала на двадцатых годах XX века. Это были годы, завершающие, по мысли известного представителя следующего литературного поколения Р. П. Уоррена, полувековой период «Великого бума», начатого в последней трети XIX в., «во время которого новая Америка индустриализации и финансового капитализма определялась в своих очертаниях и тайные ее силы поднимались из глубин, чтобы господствовать в жизни»².

С одной стороны, Америка двадцатых, как писал в 1931 г. в «Отзвуках века джаза» Ф. С. Фицджеральд, с внешней стороны представляла «уверенный в себе и не знавший тревог период истории, далекий от политики³, достаивающийся лишь презрения по отношению к руководителям страны, в особенности к президенту Гардингу, и внушающий прежде всего у молодежи отвращение к нашим (т. е. в США. – С. Н.) порядкам без всяких, так сказать, долгосрочных революционных последствий»⁴.

Нельзя, конечно, сказать, что интерес в обществе к социально-политическим проблемам США в 20-е годы совсем отсутствовал, но он был не очень интенсивным. Но вот характерный пример. Арест иммигрантов Сакко и Ванцетти, несправедливое обвинение их в убийстве случилось за несколько лет до того, как в 1927 году начались массовые и безуспешные кампании за их освобождение с участием видных представителей творческой интеллигенции⁵.

С другой стороны, эта «новая Америка» вступает во все большее противоречие с запросами и чаяниями отдельной личности. Нарастает отчуждение людей, особенно осязаемое к концу двадцатых годов. Эта атомизация существования, несоответствие внешне энергичного и жизнеутверждающего облика жизни усиливающемуся внутреннему одиночеству человека замечательным образом отражена в рассказах необыкновенно популярного в то время Р. Ларднера. Влиятельный историк литературы Г. С. Кэнби подчеркивал, что этот писатель «пришел в литературу со спортивных колонок американских газет, из той журналистской сферы, которая, быть может, оказала наибольшее влияние на развитие американского языка» и отличалась ироничным, реалистическим юмором с оттенком печали, безжалостно сатирическими зарисовками человеческих типов⁶. Сходную мысль высказывал в некрологе для *New York Times* в сентябре 1933 года «властитель дум» интеллектуального сообщества того времени Г. Л. Менкен, указывая, что Ларднер передавал «обыденную речь не только с юмором, но и с максимальной точностью. Написанное им есть источник подлинно американского...»⁷. В текстах Ларднера мы видим выразительную картину взаимоотношений людей, общающихся лишь формально, на самом же деле говорящими как бы с самими собой, часто неоконченными фразами, не слушая собеседника (см., например, новеллы «На званом обеде», «Гнездышко любви», «Годовщина» и др.)⁸. А возникающее порой стремление разорвать этот порочный круг не может осуществиться, потому что красивая витрина – это то, что принято в обществе, особенно в элитарных кругах, воплощением которых служит Голливуд с его иллюзорным позолоченным миром. Как в отчаянии от отсутствия подлинной жизни говорит гостю героиня рассказа «Гнездышко любви» (1926) Селия Грегг о возможной судьбе старшей дочери: «Надеюсь, что не доживу до того, чтобы увидеть ее взрослой, а если доживу, то дам ей совет уйти из дому и жить самостоятельно. И быть человеком, а не вещью, как я!»⁹

¹ Хемингуэй 1983, 17.

² Уоррен 1988, 269.

³ Фицджеральд 1984, 38.

⁴ Там же, 38–40.

⁵ Rideout 1956, 106–134.

⁶ Тугушева (ред.) 1979, 352.

⁷ *New York Times*. 1933. September 26.

⁸ Ларднер 1975, 97–106, 130–143, 185–196.

⁹ Ларднер 1975, 142.

С ошеломляющей остротой проблема бездуховности американской жизни, в основе которой лежат отсутствие творческого начала, провинциальность, узость интересов, ложные ценности в мире процветающего бизнеса, обывательское самодовольство, обозначена в романах 20-х гг. ярко заявившего о себе С. Льюиса «Главная улица» (1920) и «Бэббит» (1922), названный Г. Менкеном «социальным документом высокого уровня»¹⁰.

В описании американской провинции С. Льюис отчасти продолжал литературную линию, обозначенную Х. Гарландом, М. Твенном, Э. Ли Мастерсом. Но его сатира более сурова и бескомпромиссна. Бескрылость, эстетическая бедность, посредственность – главные мишени писателя. В них он видел угрозу здоровью общества, угрозу человеческому существованию. Недаром впоследствии в утопическом романе – памфлете «У нас это невозможно» (1935) он прямо указывал на вероятность на этой основе – в союзе с большим бизнесом – установления фашизма в США.

В самом названии знаменитого романа «Главная улица» заключена глубокая ирония. Этот убогая улица маленького городка Гофер-Прери, который героиня – Кэрол – смогла обойти за 32 минуты, является символическим тупиковым путем американской провинции. Вот ее характеристика: «Это была улица за пределами мира, за рубежами надежд. Кэрол могла здесь сидеть до скончания века, и никогда бы перед ней не прошла бы нарядная процессия или интересный человек. Это была скука, доведенная до осязаемости, улица, выстроенная из душевной усталости и пустоты»¹¹. В дальнейшем не все романы Льюиса по художественным достоинствам и силе критического осмысления были равноценны его первым опытам. И он, безусловно, не хотел уничтожить основы того общества, в котором жил, выступая в большей степени как социолог, а не обличитель. Но писательская интуиция и мастерство позволили ему уже в двадцатые годы «забить тревогу» и больно задеть общественное сознание, чтобы вырвать его из «трясины самоудовлетворения»¹².

Утверждение индивидуальной свободы, неприятия насилия над личностью, признание ценности искренних чувств были главным содержанием творчества Ш. Андерсона – автора прежде всего сборника зарисовок из жизни маленького городка на Среднем Западе «Уайнсбург, Огайо» (1919), выполненных в импрессионистической манере, и, как бы сейчас сказали «культового» произведения, фактически автобиографии – «История рассказчика» (1924). Ш. Андерсон всей душой верил в то, что литература, как писал Д. Шевилл, должна отражать общественные проблемы¹³, хотя его творческий метод не очень позволял это делать, и большинство его поздних произведений (например, «По ту сторону желаний» (1932), «Америка в замешательстве» (1935)) были ходульны, мало интересны и в общем не нашли своего читателя, что отчасти компенсировалось его активной общественной деятельностью. Однако в 20-е гг. он одним из первых в писательской среде обратил пристальное внимание на то, что в американском обществе очевидно социальное неравенство и его не покидала мысль о царящей в нем несправедливости. Вполне естественным для него представлялась связь между интересом к обычным людям, их чувствам и осознанием темных сторон жизни, как личной, так и общественной. Так, путешествуя по Франции в начале 20-х гг., будучи человеком, искренне любящим свою страну, он с горечью рассуждал о том, что так называемая американская философия, согласно которой каждый может подняться наверх, весьма несовершенна и оказывает плохое воздействие на тех, кто не смог этого сделать, развивая у них чувство глубокой неприязни и протеста¹⁴.

Наиболее же артикулированной и радикальной в 20-е гг. среди звезд первой величины на небосклоне американской литературы была критика общественных устоев США Т. Драйзера с его «Американской трагедией» 1925 года.

¹⁰ Lewis 1962, 19.

¹¹ Льюис 1965, 421.

¹² Lewis 1962, 128; Grebstein 1962, 9.

¹³ Anderson 1966, 145.

¹⁴ Anderson 1976, 34.

У Драйзера к моменту выхода из печати этого произведения была уже значительная – отчасти скандальная – известность, и с самого начала творческого пути – романа «Сестра Кэрри» (1901) – не было недостатка во внимании критиков. Писатель с самого начала стремился анализировать глубинную природу общественного неблагополучия, чего не замечали подчас более молодые его современники. История Клайда Гриффитса – это не просто рассказ о подчинении юноши из низов, в силу своей слабости в жизненной борьбе ставшего преступником. И если у Ш. Андерсона мы видим прежде всего через мироощущение личности оценку несправедливостей окружающей действительности, то у Драйзера зло всегда социально обусловлено. Биограф Драйзера Р. Спиллер подчеркивал, что писатель «откровенно обнажает безжалостный и иерархический характер капиталистического общества, показывая, что подобно тому, как бедные становятся жертвами богатых, слабые – сильных, женщины, стоящие на социальной лестнице ниже мужчин, тоже как правило, превращаются в жертвы»¹⁵. Так, персонажи Драйзера играют определенные социальные роли, и писатель выносил приговор: состояние американского общества трагично, и трагедия эта будет усугубляться ввиду углубления классовых различий и разрушения человека тисками бездушной капиталистической машины.

В истории США бывали переломные моменты, которые разворачивали общественное сознание в сторону усиления интереса к социально-политическим проблемам. В XX веке одним из таких важнейших моментов стала Великая депрессия, т. е. мировой экономический кризис 1929–1933 гг., повлиявший на состояние американского общества и перспективы его развития. Великая депрессия поразила экономику страны очень быстро, но, как замечал С. Моррисон, «ни одна нация не встретила упадок деловой активности более оптимистично, чем американская»¹⁶. Поначалу с трудом верилось в крах процветающего общества. Известный исследователь массового сознания и культурных стереотипов Л. Ливайн на основе обширного материала сделал убедительный вывод о том, что было «трудно представить более неподготовленную к кризису страну, чем Америка»¹⁷. Да и впоследствии смысл происходящего оставался для массового сознания неясным.

В целом к началу 30-х гг. в обществе преобладало состояние растерянности и подавленности. В своих записных книжках и письмах к матери этого касался тонкий наблюдатель Вулф, отмечая черты духовного банкротства, безверия и сознания безнадежности, охвативших миллионы людей¹⁸.

Ощущение глобальной общественной катастрофы не покидало Ш. Андерсона, вместе с Т. Драйзером, Д. Хербст, Л. Стеффенсом и Д. Дос. Пассосом занимавшегося исследованием условий труда бастующих горняков округа Харлан (Кентукки), результатом чего стала книга «Говорят горняки Харлана» (1932) и фильм. Андерсон, как и его коллеги, был потрясен страданиями масс людей, оставшихся без средств к существованию и без всяких надежд на изменение существующего положения. И в дальнейшем, даже к середине тридцатых годов, в умах многих представителей литературного мира господствовало представление о том, что происходят разрушительные сдвиги в системе прежнего миропорядка. «Мы живем в одну из трагичнейших эпох нашей истории», – писал Ф. С. Фицджеральду в сентябре 1936 г. Джон Дос Пассос¹⁹.

Писательское сообщество – и старшее (как Т. Драйзер), и молодое (как Т. Вулф) – осуждало капиталистическую систему. Так, Т. Драйзер в «Трагической Америке» (1932) клеймил «звериный индивидуализм», типично капиталистические формы борьбы, которые «делают нашу жизнь столь мрачной»²⁰. Он утверждал: «...Ни крупные тресты, ни мощные финансовые объединения, ни само правительство, которое так любовно их пестует, не имеют

¹⁵ Тугушева (ред.) 1979, 117.

¹⁶ Morrison 1994, 291.

¹⁷ Levine 1995, 198.

¹⁸ Wolfe 1948, 172–173; Вулф 1989, 313.

¹⁹ Dos Passos 1969, 48.

²⁰ Драйзер 1954, 9.

никаких обязательств перед отдельным человеком. Его передают в руки демона Нищеты»²¹. Писатель считал, что американская литература мало уделила внимания экономическому кризису, и говорил, что настоящих критиков современного общества, таких как он и Ш. Андерсон, немного²².

Т. Вулф, нигде не касаясь причин Великой депрессии, исходил из того, что общественная система должна сделать человека счастливее. У писателя появляется ощущение конца целого периода американской истории. Он писал, что, возможно, «это конец всей капиталистической системы – и если это так, мы должны создать какую-то другую систему – не такую бестолковую и расточительную»²³.

Фактически в 30-е гг. получил новый импульс спор вокруг возможности и целесообразности двух вариантов общества – организованного или естественно-регулируемого. По существу, мероприятия «Нового курса» в качестве важнейшего шага на путях переустройства классического капитализма свидетельствовали о постепенном включении в орбиту государственной деятельности идей и практики социальной ответственности, в результате чего достаточно прочные основы социальной инфраструктуры были созданы уже к концу 30-х годов.

Ф. Рузвельт и его политика поначалу радикально настроенными интеллектуалами, к примеру такими, как Г. Хикс, Э. Уилсон, М. Каули, виделись далекими от идеала²⁴. А некоторые писатели, в частности Д. Дос Пассос, первоначально даже отождествляли деятельность Рузвельта и Гитлера, в которых виделось только одно – усиление роли государства и принижение индивидуальных свобод²⁵. К признанию идей и практики «Нового курса» представители мира литературы начинают с известной осторожностью склоняться ко 2-й половине 30-х гг. Об этом не в последнюю очередь говорит их голосование на выборах 1936 года, когда и Т. Вулф, и Д. Дос Пассос, и даже Т. Драйзер отдали свой голос за Рузвельта.

Конечно, в США были писатели, не уделявшие специального внимания Великой депрессии или «Новому курсу», но тем не менее внесшие весомый вклад в многостороннюю критику американского общества, его сущности – на универсальном уровне исторических корней человеческого общежития, людских взаимоотношений. Главная фигура здесь, бесспорно, У. Фолкнер, издавший первую книгу своей многотомной саги об американском Юге «Сарторис» в 1929 году. Затем последовали «Шум и ярость» (1929), «Святынище» (1931), «Свет в августе» (1932), «Авессалом, Авессалом» (1936) – произведения, принесшие ему позже вместе с другими и внимание критиков, и Нобелевскую премию.

Как справедливо отмечал Р. П. Уоррен, у Фолкнера главное не противопоставление Юга Северу, а решение проблем, встающих перед современным человеком, трагизм существования которого заключается в том, что человек глубоко страдает от отсутствия самодисциплины, святынь, общих ценностей, он не видит смысла в своем существовании²⁶. Наследием прошлого в современном Фолкнеру мире была расовая проблема, которую он видел как универсальную, связанную с природой человека вообще. Безусловно выступая за равенство белых и черных (как и всех других независимо от цвета кожи), писатель был уверен, что расовую проблему следует рассматривать в связи с общим состоянием дел на Юге, так как экономическая отсталость была в числе главных долгосрочных последствий Гражданской войны, дававших о себе знать и в 30-е гг. XX в. В социальном и экономическом отношении положение негритянского населения, считал Фолкнер, есть «позор белого Юга»²⁷.

Картина осложнялась тем, что, понимая обреченность «южного уклада», он, как подчеркивал А. Кейзин, с отвращением относился к проникновению буржуазных отношений на

²¹ Драйзер 1954, 11.

²² Драйзер 1988, 202.

²³ Wolfe 1948, 1948, 173; Вулф 1989, 313.

²⁴ Bottomore 1968, 37–47; Shi 1989, 927–928.

²⁵ Dos Passos 1969, 441; Dos Passos 1964, 241–242; Landbery 1972, 183.

²⁶ Уоррен 1988, 146.

²⁷ Фолкнер 1985, 109.

Юг²⁸. И целая галерея образов этой «новой современности», где все измеряется практическим успехом: от Лупоглазого – гангстера, в котором не осталось ничего человеческого, до Сноупсов – беззастенчивых эксплуататоров – проходит перед глазами читателя, вызывая стойкую неприязнь, при том что Фолкнер не считал возможными чисто политические подходы к решению существующих на Юге проблем, уповая прежде всего на личные качества человека.

В целом писательская критика различных сторон американского общества была острой и разносторонней. Но эта острота во многом была связана с тем, что приходило осознание того, что США – часть большого мира, лежащего за пределами страны, и это порождало желание не затеряться в этом мире и более внимательно отнестись к своему прошлому и настоящему. Эта критика в значительной степени была вызвана определенным намерением наилучшим образом выполнить писательскую задачу и патриотическим стремлением к совершенствованию самих основ американской жизни, а не однозначным желанием заострять внимание на ее неприглядных сторонах, хотя порой это и не очевидно, судя по ряду радикальных высказываний в межвоенный период Д. Дос Пассоса, Т. Вулфа, С. Льюиса, Т. Драйзера и др. Самым ясным определением такого патриотизма, обеспечивающего устойчивость национальной идентичности, может служить строчка из записной книжки 1937 года Т. Вулфа: «Меня зовут Вулф, я американец»²⁹.

Литература / References

- Вулф 1989 = *Вулф Т. Жажда творчества. М., 1989. 427 с.*
Wolf T. Zhazhda tvorchestva [Thirst for Creativity]. Moscow, 1989. 427 p.
- Драйзер 1954 = *Драйзер Т. Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М., 1954. 546 с.*
Dreiser T. Sbranie sochineniy. T. 11 [Collected works in 12 vols. Vol. 11]. Moscow, 1954. 546 p.
- Драйзер 1988 = *Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. М., 1988. 413 с.*
Dreiser T. Zhizn', iskusstvo i Amerika [Life, Art and America]. Moscow, 1988. 413 p.
- Ларднер 1975 = *Ларднер Р. Новеллы. М., 1975. 304 с.*
Lardner R. Novelly [Novellas]. Moscow, 1975. 304 p.
- Льюис 1965 = *Льюис С. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1. М., 1965. 480 с.*
Lewis S. Sbranie sochineniy. V 9 t. T. 1. [Collected Works. In 9 vols. Vol. 1]. Moscow, 1965. 480 p.
- Тугушева (ред.) 1979 = *Литературная история США. В 3 т. / под ред. М. Тугушевой. М., 1977–1979. Т. 3. М., 1979. 639 с.*
Literaturnaya istoriya SSHA. V 3 t. / Ed. by M. Tugusheva [Literary History of the United States. In 3 vols. / Ed. by R. E. Spiller, W. Thorf, Th. Johnson, etc. Vol. 3. Transl. from English. NY, 1955–1963]. Moscow, 1979. 639 p.
- Уоррен 1988 = *Уоррен Р. П. Как работает поэт. Статьи, интервью. М., 1988. 540 с.*
Warren R. P. Kak rabotaet poet. Stat'i, interv'yu [How a Poet works. Articles, Interviews]. Moscow, 1988. 540 p.
- Фитцджеральд 1984 = *Фитцджеральд Ф. С. Портрет в документах. Письма. Из записных книжек. Воспоминания. М., 1984. 344 с.*
Fitzgerald F. S. Portret v dokumentah. Pis'ma. Iz zapisnykh knizhek. Vospominaniya [the Portrait in the papers. Letters. From the notebooks. Memoirs]. Moscow, 1984. 344 p.
- Фолкнер 1985 = *Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. 488 с.*
Faulkner W. Stat'i, rechi, interv'yu, pis'ma. [Articles, Speeches, Interviews, Letters]. Moscow, 1985. 488 p.
- Хемингуэй 1983 = *Хемингуэй Э. «...Оставаться самим собой...». Избранные письма (1918–1961). М., 1983. 64 с.*
Hemingway E. «...Ostavat'sya samim soboy...». Izbrannye pis'ma (1918–1961) [“...Remain yourself...”. Selected Letters (1918–1961)]. Moscow, 1983. 64 p.
- Anderson 1966 = *The Achievement of Sherwood Anderson. Essays in Criticism / Ed. by R. L. White. Chapel Hill, 1966. 298 p.*

²⁸ Kazin 1984, 348.

²⁹ Wolfe 1970, 832.

- Anderson 1976 = France and Sherwood Anderson: Paris Notebook, 1921 / Ed. by *M. Fanning*. Baton Rouge, 1976. 102 p.
- Bottomore 1968 = *Bottomore T. B.* Critics of society. NY, 1968. 168 p.
- Dos Passos 1964 = *Dos Passos J.* Occasions and Protest. Chicago, 1964. 342 p.
- Dos Passos 1969 = *Dos Passos J.* The Fourteenth Chronicle. NY, 1969. 714 p.
- Grebstein 1962 = *Grebstein Sh.* Sinclair Lewis. NY, 1962. 204 p.
- Kazin 1984 = *Kazin A.* An American Procession. NY, 1984. 408 p. + XVII.
- Landbery 1972 = *Landbery M.* John Dos Passos' Path to USA. Bouldes, 1972. 292 p.
- Levine 1995 = *Levine L. W.* American Culture and the Great Depression // *The Yale Review*. 1995. Vol. 74, No. 2. P. 196–223.
- Lewis 1962 = *Lewis S.* A collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1962. 200 p.
- Morrison 1994 = *Morrison S. E.* The Oxford History of the American people. 3 vols. NY, 1994. Vol. 3: 1869–1963. 528 p.
- Rideout 1956 = *Rideout W.* Radical Novel in the United States, 1900–1954. Cambridge, 1956.
- Shi 1989 = *Shi D. E.* A Critical Friendship: Kenneth Burke and Malcolm Cowley // *American Literary History*. 1989. Vol. 1, No. 4. P. 920–931.
- Wolfe 1948 = Thomas Wolfe's letters to his mother, Julia Elizabeth Wolfe / Ed. by *J. S. Terry*. NY, 1948. 368 p. + XVII.
- Wolfe 1970 = Wolfe Th. The notebooks. Vol. 2. Chapel Hill, 1970.

DOI: 10.55000/MCU.2021.15.92.024

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАЦИИ РЭНД С БРИТАНСКИМИ ОФИЦЕРАМИ КОЛОНИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Д. А. Нестеров

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия
dmitriynesterov1994@gmail.com*

Во время войны во Вьетнаме корпорация РЭНД стала играть существенную роль в политической экспертизе США, занимаясь разработкой стратегии действий американского правительства в данном вооруженном конфликте. При этом в рамках данного процесса «фабрика мысли» активно сотрудничала с британскими офицерами колониальной службы. Это было связано с тем, что Великобритания обладала знаниями и опытом антиповстанческой деятельности. Поэтому экспертов РЭНД интересовало, какую выгоду они могут получить из этих колониальных знаний и опыта в сценариях войны во Вьетнаме. В рамках данной статьи будут определены и проанализированы особенности данного взаимодействия.

Ключевые слова: США, Британская империя, внешняя политика, война во Вьетнаме, колониальный опыт, корпорация РЭНД.

FEATURES OF THE RAND CORPORATION'S INTERACTION WITH BRITISH COLONIAL SERVICE OFFICERS DURING THE VIETNAM WAR

D. A. Nesterov

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
dmitriynesterov1994@gmail.com*

During the Vietnam War, the RAND Corporation began to play a significant role in the political expertise of the United States, developing a strategy for the actions of the American government in this armed conflict. At the same time, within the framework of this process, the “thought factory” actively cooperated with British officers of the colonial service. This was due to the fact that the UK had the knowledge and experience of counterinsurgency activities. Therefore, RAND experts were interested in how they can benefit from this colonial knowledge and experience in scenarios of the Vietnam War. Within the framework of this article, the features of this interaction will be determined and analyzed.

Keywords: USA, British Empire, foreign policy, Vietnam War, colonial experience, RAND corporation.

При анализе деятельности корпорации РЭНД в годы войны во Вьетнаме следует иметь в виду, что данная «фабрика мысли» являлась коммерческой. Главной целью ее деятельности было получение прибыли. В этой связи РЭНД была вынуждена ориентироваться на изменения в политической конъюнктуре США, чтобы не потерять выгодные контракты с министерством обороны. Именно в рамках данной логики был выстроен процесс взаимодействия РЭНД с британскими офицерами колониальной службы.

В апреле 1961 года Управление начальника штаба предложило «установить контакты» с британскими и французскими офицерами, имеющими опыт ведения партизанской войны в Малайе и Алжире, для дальнейшего заключения союзнического соглашения в отношении доктрины нетрадиционных военных действий¹.

В свою очередь, Государственный департамент пришел к выводу, что «история послевоенных Малайи и Филиппин доказывают, что восстания в стиле китайских коммунистов можно подавить». Государственный департамент утверждал, что «успех США в предотвращении или победе над ними [коммунистическими восстаниями] в других местах» будет за-

¹ ACCCUW 13.4.1961.

висеть от того, как лидеры США «понимают природу угрозы и ее характер, а также какие уроки извлечены из прошлых побед и поражений»².

Позиция администрации президента Дж. Ф. Кеннеди по необходимости использования антиповстанческих действий в Южном Вьетнаме вызвали огромный рост тематических исследований, многие из которых несли абсурдный характер, были написаны на основе одних и тех же материалов и, следовательно, приходили к аналогичным выводам. Все это привело к тому, что администрация президента фактически захлебнулась в многочисленных докладах³.

В ноябре 1961 года советник по национальной безопасности М. Банди потребовал от своей команды СНБ подготовить меморандум «Перечисление основных факторов, способствовавших успеху в Малайе, на Филиппинах и в Греции»⁴, который должен был суммировать всю информацию об этих компаниях, изложенную в многочисленных докладах. Банди очень спешил, поскольку за месяц до этого от имени президента Дж. Ф. Кеннеди ему пришлось издать Меморандум 104 о национальной безопасности, требуя от государственного секретаря, министра обороны и директора ЦРУ «инициировать контрпартизанские действия» в Южном Вьетнаме и начать развертывание американских советников в регионе⁵.

Через пять недель М. Банди получил от заместителя государственного секретаря по политическим вопросам Дж. Макги и офицера ЦРУ Эдварда Лансдейла пространный доклад, утверждавший, что наиболее подходящим для Южного Вьетнама примером антиповстанческих действий являются подавление Хукбалахапского восстания на Филиппинах и чрезвычайная ситуация в Малайе⁶.

Дж. Макги и Э. Лансдейл приписали британскому опыту антиповстанчества эффективную организацию разведывательных служб, чему в свою очередь способствовало проницательное отношение Британии к малайскому национализму и «контролю над населением с помощью выдачи продовольственных пайков, комендантского часа, ограничений на перемещения»⁷. Доклад Дж. Макги и Э. Лансдейла попал в Белый дом буквально на следующий день после того, как Бюро разведки и исследований Р. Хилсмана подготовило собственное исследование под названием «Внутренняя война и безопасность слаборазвитых государств»⁸, которое также было основано на примерах Филиппин и Малайи.

Несмотря на столь большое количество докладов и аналитических документов, подготовленных различными ведомствами США и высокопоставленными американскими чиновниками, наиболее обстоятельные экспертные заключения в сфере разработки эффективной стратегии контрпартизанских действий в Южном Вьетнаме были подготовлены корпорацией РЭНД. В отличие от других «фабрик мысли» данная организация была непосредственно связана с Пентагоном, как заключенным с министерством обороны государственным контрактом, так и личными связями с министром обороны Р. Макнамарой.

Однако, когда в среде политической и военной элит США изменилось отношение к британскому опыту антиповстанчества, корпорация РЭНД прекратила все связи с колониальными офицерами Великобритании и начала активно критиковать их позиции по вопросу умиротворения Южного Вьетнама⁹. Но ситуация снова изменилась при администрации Р. Никсона. Новый президент США с особым расположением относился к британскому офицеру Р. Томпсону, поскольку идеи последнего оправдывали продолжение боевых действий во Вьетнаме. В этой связи корпорация РЭНД была вынуждена взять в свой штат Р. Томпсона¹⁰.

Британские военные в свою очередь пытались достичь своих целей из подобного взаимодействия. Они стремились укрепить «особые отношения» между двумя странами, показать

² CGO 13.6.1961.

³ Memorandum 28.3.1961.

⁴ Memorandum 21.11.1961.

⁵ NSAM 104 (13.10.1961).

⁶ McGhee, Lansdale 1961.

⁷ Ibid.

⁸ (PRS-1) 20.11.61.

⁹ Osborne 1965; Tilman 1966.

¹⁰ Fitzgerald 2014, 1005–1006.

необходимость колониальных знаний для проведения эффективной политики в Юго-Восточной Азии и противостояния с коммунистическим блоком в этом регионе.

Об этом, в частности, писал Ф. Китсон в своей работе «Операции низкой интенсивности», опубликованной в 1971 году, призывая Великобританию отстраниться от общеевропейских дел и занять проамериканскую позицию, а также говоря о необходимости участия британских войск в умиротворении национально-освободительных движений в странах «третьего мира» и помощи американским войскам в данных процессах¹¹. Это позволило бы Британской империи сохранить ведущую роль в международных отношениях.

Для достижения данной цели британские военные гуманизировали и мифологизировали свои действия в рамках антиповстанческих операций, предоставляли американским экспертам доступ лишь к тщательно отобраным, цензурированным источникам¹². Тем самым они стремились к созданию более успешного и благоприятного впечатления от британского опыта антиповстанчества.

Таким образом, на взаимодействие британских офицеров колониальной службы и корпорации РЭНД преимущественно оказывали влияние цели, которых стремились достичь обе стороны.

Литература / References

- Fitzgerald 2014 = *Fitzgerald D.* Sir Robert Thompson, Strategic Patience and Nixon's War in Vietnam // *Journal of Strategic Studies*. 2014. Vol. 37, No. 6-7. P. 998–1026.
- Kitson 1971 = *Kitson F.* Low intensity operations; subversion, insurgency, peacekeeping. London, 1971. 220 p.
- Osborne 1965 = *Osborne M. E.* Strategic Hamlets in South Vietnam: A Survey and Comparison. Cornell University Southeast Asia Program. Data Paper № 55, 1965.
- Sunderland 1964 = *Sunderland R.* Antiguerilla Intelligence in Malaya, 1948–1960. Santa Monica, 1964. (Memorandum RM-4172-ISA).
- Tilman 1966 = *Tilman R. O.* The Non-Lessons of the Malayan Emergency // *Asian Survey*. 1966. P. 407–419.
- (PRS-1) 20.11.1961 = Bureau of Intelligence and Research (Department of State), Internal Warfare and the Security of Underdeveloped States, Nov. 20, 1961, box 5, folder “Counterinsurgency Fred Greene Study (PRS-1) 11/20/61,” Roger Hilsman Papers, JFKL.
- ACCCUW 13.4.1961 = Coordination Group (Office of Chief of Staff), “An Approach to the Creation of the Capability to Conduct Unconventional Warfare,” April 13, 1961, 9, box 326, folder “Staff Memoranda, Walt W. Rostow, Guerrilla and Unconventional Warfare, 4/12/61–5/31/61,” Kennedy Papers, NSF–Meetings and Memoranda, JFKL.
- CGO 13.6.1961 = Policy Planning Council (Department of State), “Counter-Guerrilla Operations,” June 13, 1961, 2, box 326, folder “Staff Memoranda, Walt W. Rostow, Guerrilla and Unconventional Warfare, 6/1/61–6/13/61,” Kennedy Papers, NSF–Meetings and Memoranda, JFKL.
- McGhee, Lansdale 1961 = George McGhee and Edward Lansdale, “Decisive Factors of the Counter-Guerrilla Campaigns in Greece, Malaya and the Philippines,” November 1961, 3–5, folder, “Department of Defense, Subject, Special Warfare, 2/61–5/61,” box 279, Kennedy Papers, NSF–Departments and Agencies, JFKL.
- Memorandum 21.11.1961 = Memorandum, McGhee to McGeorge Bundy, November 21, 1961, folder “Department of Defense, Subject, Special Warfare, 2/61–5/61,” box 279, Kennedy Papers, NSF–Departments and Agencies, JFKL.
- Memorandum 28.3.1961 = Memorandum for Walt Rostow, March 28, 1961; Policy Planning Council (U. S. Department of State), “Counter-Guerrilla Operations,” March 20, 1961, 2, folder “Staff Memoranda, Walt W. Rostow, Guerrilla and Unconventional Warfare, 3/20/61–3/29/61,” box 325, Kennedy Papers, NSF–Meetings and Memoranda, JFKL; MAAG-Vietnam, Tactics and Techniques of Counter-Insurgent Operations, undated (likely 1961), i, folder “Subjects, MAAG, Counterinsurgency, Part 1,” box 204, Kennedy Papers, NSF – Countries – Vietnam, JFKL.
- NSAM 104 (13.10.1961) = National Security Action Memorandum (NSAM) 104 “Southeast Asia,” October 13, 1961, box 332, Kennedy Papers, NSF–Meetings and Memoranda, JFKL.

¹¹ Kitson 1971, 24–25.

¹² Sunderland 1964, IV.

DOI: 10.55000/MCU.2021.98.79.025

**РОЛЬ ВЫСШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1920-х гг. – НАЧАЛА 1930-х гг.
(на примере Реввоенсовета Советского Союза
и Комитета имперской обороны Соединенного Королевства)**

Е. Ю. Сергеев

*Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
eugene.sergeev59@gmail.com*

Реввоенсовет Советского Союза и Комитет имперской обороны Соединенного Королевства явились важнейшими военно-политическими структурами обеих великих держав, которые оказывали значительное влияние на формулирование и проведение в жизнь решений государственной важности. Автор рассматривает ключевые факторы этого воздействия на советско-британские отношения 1920-х – начала 1930-х гг., характеризовавшиеся «иллюзиями пацифизма» в неустанных попытках творцов Версальско-Вашингтонского миропорядка предотвратить формирование предпосылок для нового глобального вооруженного конфликта.

Ключевые слова: Реввоенсовет, Комитет имперской обороны, советско-британские отношения, Первая мировая война, эра пацифизма.

**THE ROLE OF HIGH-RANKING POLITICAL INSTITUTES
IN SOVIET-BRITISH RELATIONS DURING 1920s – EARLY 1930s
(the case of the Soviet Union’s Revolutionary Military Council
and the United Kingdom Committee of Imperial Defence)**

E. Yu. Sergeev

*Russian Academy of Sciences Institute of World History,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
eugene.sergeev59@gmail.com*

The Soviet Union’s Revolutionary Military Council and Committee of Imperial Defence of the United Kingdom were the most important military and political structures of both great powers, which had a significant influence on the formulation and implementation of decisions on national importance. The author examines some key factors of this impact on the Soviet-British relations in the latter half of the 1920s and early 1930s, characterised by “illusions of pacifism” in relentless attempts by the Versailles world order creators to prevent the origins of a new global armed conflict.

Keywords: Revolutionary Military Council, Committee of Imperial Defence, Soviet-British relations, First World War, pacifist era.

Хорошо известно, что политические институты всегда играли важную роль в истории международных отношений. Данное обстоятельство в полной мере характеризовало контакты двух крупнейших акторов мировой политики первой половины XX века – Советской России и Соединенного Королевства, территория и население которых превышали половину человечества планеты. Отсутствие прогресса в развитии взаимосвязей между Москвой и Лондоном на современном этапе определяет необходимость глубокого изучения опыта прошлого с целью извлечения уроков, без усвоения которых трудно рассчитывать на решение узловых проблем сегодняшнего дня.

В этой связи автор посвятил данную статью рассмотрению ключевых направлений воздействия политических институтов обеих стран на их отношения в период формирования новой повестки дня двусторонних контактов на протяжении второй половины 1920-х – нача-

ла 1930-х гг., когда Версальско-Вашингтонский миропорядок достиг стабилизации после турбулентности периода мировой войны и подъема революционных движений, вызванных ее окончанием¹.

В современной науке под политическими институтами следует понимать структуры государственной власти, которые оказывают решающее влияние на разработку, принятие и осуществление стержневых решений в различных сферах, но прежде всего – в области управленческих функций как внутри страны, так и за ее пределами. При этом освещение роли даже ключевых из названных структур выходит далеко за рамки отдельной статьи, что заставляет автора сосредоточить внимание только на двух наиболее показательных органах с точки зрения избранного ракурса – Комитете имперской обороны Соединённого Королевства (The UK Committee of Imperial Defence) и Революционном военном совете (Реввоенсовете) СССР.

Первое заседание Комитета имперской обороны (КИО) состоялось 18 декабря 1902 г., хотя свое название он получил лишь спустя три месяца². Если до Первой мировой войны заседания проходили спорадически, то после ее окончания они приобрели регулярный характер. Дело в том, что глобальный вооруженный конфликт повысил значение экспертных оценок и решений, которые правительству необходимо было принимать в экстренном режиме с учетом мнений представителей различных министерств и ведомств на фоне быстро меняющейся оперативной ситуации. И хотя главную роль в обеспечении текущего государственного управления в 1917–1918 гг. играл военный кабинет во главе с Д. Ллойд Джорджем, КИО продолжал выполнять координационно-консультативную работу через специализированные подкомитеты и комиссии³.

Начиная с 1914 г. вплоть до Второй мировой войны КИО фактически руководил процессом стратегического планирования всей Британской империи, включая доминионы, колонии, протектораты и другие зависимые территории. Большое значение имела реорганизация этого органа по результатам работы очередной имперской конференции 1923 г., заслуга проведения которой принадлежит тогдашнему главе Форин офис Дж. Н. Кёрзону. Именно он стал председателем КИО, занимая этот пост вплоть до своей кончины двумя годами позже. По мнению Кёрзона, деятельность комитета позволяла не только принимать продуманные и взвешенные решения в области обороны, но и согласовывать интересы различных ведомств, прежде всего Форин офис, военного министерства и адмиралтейства, основываясь на данных специальных служб, ведущее место среди которых занимала МИ-6.

Таким образом, к концу 1920-х гг. КИО, главой которого после Кёрзона являлся один из инициаторов создания этого органа, маститый консервативный деятель, лорд-президент Тайного совета А. Дж. Бальфур, включал 38 военных и 13 гражданских подкомитетов, объединенных в пять основных тематических групп: стратегического планирования, подготовки к войне, живой силы, снабжения и научных исследований⁴. Вся практическая работа КИО строилась через секретариат под руководством полковника М. Хэнки, выполнявшего одновременно функции главного организатора заседаний кабинета, большинство членов которого вместе с премьер-министром работали в комитете на регулярной основе. Помимо гражданских лиц в совещаниях участвовали три начальника штабов основных родов войск, а другие высокопоставленные чиновники и руководители разведывательных органов приглашались на заседания по мере необходимости, когда обсуждались вопросы, входившие в компетенцию ведомств, которые они представляли. Регламент деятельности комитета предполагал ознакомление его членов с заключениями экспертов, которые могли выступать перед собравшимися с тематическими докладами. Любопытно, что КИО занимался также подготовкой офицерских кадров через Имперский колледж обороны (Imperial Defence College), открытый в 1927 г.⁵

¹ Сергеев (ред.) 2011, 5–7.

² CID (18.12.1902).

³ D'Ombraïn 1973, 273.

⁴ Сергеев 2014, 138.

⁵ Hankey 1946, 98–104.

Изучение автором фондов Национальных архивов Соединенного Королевства показало, что на протяжении второй половины 1920-х гг. КИО постоянно обсуждал вопросы развития отношений с СССР по таким значимым для британских правящих кругов внутренним и внешним проблемам, как деятельность Коминтерна на территории метрополии и доминионов, особенно в связи с проведением всеобщей забастовки 1926 года; ускоренное перевооружение Красной армии и флота, сопровождавшееся попытками Москвы получить доступ к новейшим системам вооружения; подрывная деятельность советских агентов в Китае и т. д. Как правило, включение в повестку дня совещаний членов КИО на советском направлении были обусловлены неординарными событиями, такими, как, например, арест лидеров Компартии Великобритании в октябре 1925 г., или полицейский рейд, организованный специальным отделом Скотленд-Ярда в мае 1927 г. против советской торговой миссии и акционерного общества АРКОС.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что возрастание активности национальных движений в ключевых странах Азии, таких как Китай, Афганистан, Иран или Турция, обычно вызывало необходимость обсуждения членами КИО текущей обстановки, учитывая вмешательство Коминтерна, а значит – кремлевского руководства, без участия которого, по мнению Лондона, не обходилось ни одного антибританского выступления. Особенную тревогу имперских правящих кругов как в метрополии, так и в доминионах, вызывали кампании гражданского неповиновения на территории Индостана, инспирированные, с точки зрения большинства членов КИО, не только национальными лидерами типа Махатмы Ганди, но и коммунистическими активистами вроде Манабендры Роя, получавшего щедрые субсидии Москвы.

В свою очередь Реввоенсовет Советской Республики (РВСР) был образован специальным постановлением ВЦИК РСФСР 2 сентября 1918 г., когда большевистский режим столкнулся с самыми серьезными вызовами внутреннего и внешнего характера. Его непосредственные предшественники – Центральное бюро военных организаций и Военно-революционный комитет явились детищем руководства РСДРП(б) при непосредственном участии В. И. Ленина⁶. Заметную роль в учреждении РВС сыграл Л. Д. Троцкий – второй человек среди тогдашнего большевистского руководства. Именно он как народный комиссар по военным и морским делам занял пост председателя РВСР, превратившись, по сути, в военного диктатора с полномочиями, предел которым устанавливался специальными решениями Политбюро ЦК РКП(б).

Необходимо подчеркнуть, что председатель РВСР утверждался ВЦИК СССР, а его члены – Советом народных комиссаров. В отличие от своего британского аналога, деятельность которого фактически не зависела от партийной ориентации кабинета – консервативной, лейбористской или коалиционной – РВСР выступал как структура, находившаяся под постоянным и довольно плотным контролем одной правящей большевистской партии. Кроме того, совет являлся органом исключительно военного управления, включая такие подчиненные организации, как Штаб РККА, Военно-законодательный совет, Центральное управление снабжения, Высшую военную инспекцию, Морской отдел, Революционный трибунал и др. Именно поэтому в период Гражданской войны ему подчинялись реввоенсоветы фронтов, армий и флотов. Таким образом, РВСР в противоположность КИО оперативно командовал объединениями РККА и РККФ вплоть до реорганизации середины 1920-х гг.

Вместе с тем РВСР так же, как и КИО, активно привлекал к сотрудничеству экспертов, в советском случае – военспецов, то есть бывших царских офицеров, особую роль среди которых играли сотрудники Главного управления Генерального штаба – стратегического центра аналитических разработок и планирования русской императорской армии⁷.

Можно констатировать, что главной задачей РВСР стало воссоздание регулярной армии на основе сочетания милиционной и территориальной систем с преобладанием первой. При этом общим для КИО и РВСР являлось стремление к сокращению вооруженных сил на

⁶ Рымшан, Алексинский, Карнеев 1928, 3–5.

⁷ Ненароков (ред.) 1991, 5.

протяжении «эры пацифизма» в международной жизни второй половине 1920-х гг. Показательно, что к 1928 г. численность вооруженных сил СССР была сокращена более чем в семь раз до 562 тыс. чел.⁸ Аналогичный процесс наблюдался и в Соединенном Королевстве, правительство которого приняло так называемое «правило 10 лет», которое действовало до 1932 г., исключая возможность финансирования участия Британской империи в любом крупномасштабном вооруженном конфликте⁹. Стоит также отметить, что по примеру похожих структур западных стран РВСР активно занимался подготовкой высших командных кадров через систему курируемых им военных академий, преподавателями которых до середины 1930-х гг. в основном являлись бывшие офицеры Генерального штаба царской России.

Что же касается вопросов поддержания обороноспособности перед лицом возможной «империалистической агрессии», то РВСР уделял британскому фактору первостепенное значение, постоянно подчеркивая необходимость укрепления рубежей «первой в мире страны социализма». Протоколы заседаний РВСР наглядно показывают, что фактически любой дипломатический ход Лондона, например, подписание Рейнского гарантийного пакта в 1925 г. или Лондонского морского договора в 1930 г., вызывали негативную реакцию большевистского руководства, а значит и членов РВСР, который после вынужденной отставки Троцкого в начале 1925 г. сначала на короткое время возглавил М. В. Фрунзе, а затем вслед за его неожиданной кончиной – К. Е. Ворошилов, остававшийся на этом посту вплоть до ликвидации этого органа в 1934 г. Хотя КИО просуществовал несколько дольше РВСР, но и он утратил ведущую роль в координации военных усилий Британской империи к началу Второй мировой войны, превратившись в 1947 г. в Комитет обороны (Defence Committee) со значительно сокращенным объемом полномочий.

Руководствуясь материалами совещаний КИО и РВСР как ведущих военно-политических институтов второй половины 1920-х гг., можно с полным основанием констатировать, что они выступали архитекторами национальной безопасности, разрабатывая важнейшие решения в указанной области. Следовательно, их влияние на проведение внешнеполитического курса Москвой и Лондоном трудно переоценить, поскольку они фактически являлись «мозговыми центрами» управления вооруженными силами Советского Союза и Британской империи. В течение указанного периода возрастали профессионализм оценок и точность прогнозов экспертов обеих организаций, хотя продолжали сохраняться кардинальные отличия в их деятельности, обусловленные спецификой тоталитарного политического строя в большевистской России и демократической монархии в Великобритании.

Вместе с тем обращает на себя внимание относительно короткий срок функционирования РВСР и КИО, которые поэтому очевидно следует рассматривать как переходные политические институты эпохи мировых войн и революционных потрясений. Таким образом, и РВСР, и КИО оказались ненужными советской и британской властью элитам, когда период становления новых форм государственного управления подошел к концу.

Другой вывод касается воздействия обоих политических институтов на двусторонние отношения, которые отличались амбивалентностью: тесной взаимозависимостью СССР и Соединенного Королевства в решении геополитических и экономических проблем послевоенного мироустройства, с одной стороны, и абсолютной идеологической несовместимостью советской и британской империй – с другой.

Наконец, стоит иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство, а именно тот факт, что богатый опыт деятельности РВСР и КИО был впоследствии с успехом использован такими международными организациями, как Объединенный комитет начальников штабов стран Антигитлеровской коалиции, а впоследствии НАТО и ОВД.

⁸ Рымшан, Алексинский, Карнеев 1928, 82.

⁹ Kennedy 2004, 273.

Литература / References

- Сергеев (ред.) 2011 = Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. *Е. Ю. Сергеев*. М., 2011. 312 с.
Versal'sko-Vashingtonskaya mezhdunarodno-pravovaya sistema: vzniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg. [The Versailles-Washington International Legal System: Emergence, Development, Crisis, 1919–1939] / ed. *E. Yu. Sergeev*. Moscow, 2011. 312 p.
- Ненароков (ред.) 1991 = РВС Республики / ред. *А. Ненароков*. М., 1991. 473 с.
RVS Respubliki [The Revolutionary Military Council of the Republic] / ed. *A. Nenarokov*. Moscow, 1991. 473 p.
- Рымшан, Алексинский, Карнеев 1928 = *Рымшан М., Алексинский К., Карнеев Б.* Революционный военный совет СССР за десять лет. М.; Л., 1928. 87 с.
Rymshan M., Aleksinskiy K., Karneev B. Revolyutsionnyy voennyuy sovet SSSR za desyat' let [The Revolutionary Military Council of the USSR for ten years]. Moscow; Leningrad, 1928. 87 p.
- Сергеев 2014 = *Сергеев Е. Ю.* Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2014. Вып. 5. С. 129–143.
Sergeev E. Yu. Komitet imperskooy oborony – glavnyuy organ koordinatsii vneshney politiki Velikobritanii [The Imperial Defense Committee is the Main Body for Coordinating British Foreign Policy] // Evropeyskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [European Comparative Historical Studies] / ed. by *A. A. Ulunyan, E. Yu. Sergeev*. Moscow, 2014. Vol. 5. P. 129–143.
- Hankey 1946 = *Hankey M.* Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs 1920–1946. London, 1946. 188 p.
- D'Ombraïn 1973 = *D'Ombraïn N.* War Machinery and High Policy. Defense Administration in Peacetime Britain. 1902–1914. Oxford, 1973. 302 p.
- Kennedy 2004 = *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. London, 2004. 405 p.
- CID (18.12.1902) = The National Archives of the United Kingdom (TNA). Cabinet Papers (CAB). 2/1. Committee of Imperial Defence. Minute of the First Meeting, 18 December 1902.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.55000/MCU.2021.44.41.026

«ПРАВИЛЬНОСТЬ» И «НЕПРАВИЛЬНОСТЬ» ЖИЗНИ И СМЕРТИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ IX–XII вв.: ОЖИДАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

А. С. Фогель

*Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия
alexandr_fogel@inbox.ru*

Данная статья посвящена представлениям о «правильном и «неправильном» поведении древнерусских князей IX–XII вв. В работе выделены и рассмотрены три основных и значимых набора ожиданий, характерных для традиционного общества Древней Руси эпохи становления государственности – языческий родовой, языческий дружинный и государственно-христианский. Данные наборы представлений о поведении и качествах князей значимы тем, что создавали систему идеальных образов и ориентиров и тем самым достаточно сильно влияли на реальные действия первых князей Рюриковичей и их взаимоотношения с различными категориями населения. Исследование основано на анализе источникового материала и современной литературы.

Ключевые слова: князь, Рюриковичи, Древняя Русь, родовое общество, дружина, христианство, государство.

“CORRECTNESS” AND “WRONGNESS” OF THE LIFE AND DEATH OF THE OLD RUSSIAN PRINCES OF THE IX–XIIth CENTURIES: EXPECTATIONS AND IDEAS

A. S. Fogel

*Samara State University of Economics,
Samara, Russian Federation
alexandr_fogel@inbox.ru*

This article is dedicated to the idea of the “right” and “wrong” behavior of the Ancient Russian princes of the IX–XIIth centuries. The paper identifies and examines three main and significant sets of expectations typical for the traditional society of Ancient Russia in the era of statehood formation – pagan tribal, pagan druzhinny and state-Christian. These view sets on the behavior and qualities of princes are significant because they created a system of ideal images and guidelines and through that they strongly influenced the real actions of the first Rurikovich princes and their relationships with various categories of the population. The research is based on the analysis of the source material and modern literature.

Keywords: prince, Rurik dynasty, Ancient Russia, tribal society, druzhina, Christianity, state.

Фигура князя, вождя, предводителя традиционно была одной из самых значимых в восточнославянской и древнерусской устной и письменной традиции. Именно князь оказывался олицетворением и воплощением всего общественного устройства и важнейшей гарантией его дальнейшего существования. С одной стороны, князь в Древней Руси стабилизировал и легитимизировал уже сложившуюся систему отношений, с другой – именно князь санкционировал дальнейшее развитие и изменение системы во всех сферах. Князь в восприятии общества был одной из констант мироздания, гарантом всех традиционных устоев, включая сферу религиозного, «сверхъестественного» – устоев космоса¹: он обязательно должен быть – без князя все разрушится, причем достаточно скоро.

¹ Петрухин 2000а, 250.

Однако, обладая властью и возможностью активно действовать от имени всего общества (чего многим его участникам в рамках общества традиционного было просто не дано, кроме совсем уж экстренных случаев), князь неизбежно должен был «играть по правилам» этого общества, соответствовать определённому набору ожиданий и представлений («фольклорных» и «книжных») о том, каким должен быть идеальный князь, и о его действиях в конкретных ситуациях. Иначе появляется большой риск потерять доверие подданных, а следовательно, и власть, а зачастую и саму жизнь.

И каждый реальный князь постоянно «проверялся» традицией и подданными на соответствие образу князя идеального. И все его деяния «вписывались» или «не вписывались» ими в традицию и позволяли оценить правителя по системе «плохой – хороший». А «плохой» князь воспринимался как достаточно значимая угроза существованию страны и народа и должен был быть смещен вместе со своими потомками и заменен другим, из более подходящей династии (случай со сватовством древлян к княгине Ольге: ПВЛ, с. 28), в то время как при «хорошем» держава неизменно растет и процветает². То есть в своей деятельности любой реальный князь Рюрикович помимо всех прочих обстоятельств постоянно должен был учитывать еще и это соответствие или же несоответствие системе ожиданий и представлений. От этого зависело многое, временами даже и то, сможет ли конкретный человек быть и оставаться князем в дальнейшем или нет.

Дополнительной сложностью является еще и то, что в Древней Руси VIII–XII вв. этот идеальный образ князя формировался и существовал на пересечении трех основных более или менее выраженных и отслеживаемых традиций – языческой родовой, языческой дружинной и государственно-христианской. Причем все три традиционные системы представлений не только последовательно сменяли друг друга, но и накладывались одна на другую и достаточно активно взаимодействовали. Таким образом, представление об идеальном, правильном, «истинном» князе в данный период часто не было единым, а сами реальные князья Рюриковичи вынуждены были существовать сразу в нескольких системах ожиданий и представлений, не согласованных между собой. Столкновение и наложение различных представлений и стереотипов приводило к разнообразным противоречиям, недоразумениям и конфликтам.

Хронологически первой и основной системой представлений и ожиданий была родовая языческая система. Остальные системы появляются позже и если не являются в полном смысле ее производными, то в любом случае так или иначе учитывают ее. Восточнославянское общество, как и любое традиционное, было весьма устойчивым и консервативным³. Первобытная психология – защитная в своей основе, направленная на сохранение кровнородственного коллектива в его борьбе с природой и соседями⁴. В этой системе образ князя оказывался очень близок к старейшине – только старейшина действует в рамках одной родовой общины, а князь распространяет свое влияние на весь племенной союз.

Вождь традиционно рассматривался восточными славянами как организатор хозяйственной и духовной жизни⁵. Он должен быть рачительным и мудрым хозяином своего рода и земли, образцом для подражания во всех делах (исходя из этого князь должен не просто все делать лично, но и быть лучшим во всех возможных сферах). Но при этом князь рассматривался не как реформатор или создатель чего-то принципиально нового, а лучший в уже известных и знакомых всем занятиях. Любой поступок, выходящий за регламентированные рамки, нес угрозу благополучию родичей, вызывал порицание и наказание. Ведь предки, духи и боги могли отвернуться от живущих, что не оставляло им шансов на выживание в борьбе с другими коллективами⁶.

² Гуревич 2020, 64.

³ Долгов 2017, 113.

⁴ Пузанов 2007, 54.

⁵ Крадин 2012, 217.

⁶ Пузанов 2007, 55.

Князь обязательно должен продолжить свой род, желательно дождаться рождения не только детей, но и внуков, чтобы максимально гарантировать свой род от пресечения. Заботиться о своих родичах князь, как и любой глава рода, должен не только при жизни, но и после смерти, став духом-хранителем, воплощением традиций и устоев. Князь также должен оказывать уважение старейшинам и «лучшим людям» и прислушиваться к их советам, ибо в них мудрость рода. Князь должен почитать своих предков и лично совершать основные ритуалы в отношении богов своей земли. Князь должен выступать хранителем традиции и мудрости, разрешать конфликты между родичами и соплеменниками и, по возможности, не допускать новых ссор. Князь в родовой традиции не должен быть агрессором – если такой князь и ведет войны, то только оборонительные. Князь должен постоянно находиться на вверенной ему земле и всячески заботиться о ней. Как рачительный и мудрый хозяин он не может оставить свой род в бедности, а потому должен работать сам, организовывать и контролировать работу всех остальных родичей и обеспечить своей земле и роду покровительство богов и духов. Род должен жить в достатке, но не за счет военной добычи или грабежа, а за счет традиционных, завещанных предками занятий.

Умирать князь в родовой традиции должен обязательно на своей земле (потому как смерть на чужбине рассматривалась как несчастье и для умершего, и для всего его рода⁷), в окружении родичей и обязательно от старости, закончив все свои дела в этом мире. Смерть такого князя возможна только с соблюдением всех обрядов и традиций, чтобы максимально обезопасить род от возможной мести «заложного» покойника⁸ без потери связи с ним⁹. После смерти обязательно должен остаться сам род, наследники, способные продолжить дело князя, память и установившийся порядок.

Такой князь значим именно связью с родом, воплощением традиции и активностью, но только как организатора и примера для подражания. Князь неразрывно связан с родом и выступает связующим звеном между предками и потомками, а также между богами и людьми. Максимально все эти качества выразились в летописном древлянском князе Мале.

Второй значимой средой, активно формировавшей систему требований и ожиданий от предводителя, была дружина. Дружина исходно радикально противопоставляла себя родовой общине по многим параметрам¹⁰, поэтому здесь от истинного вождя и князя ждали совсем других действий и качеств. Князь должен был быть максимально воинственен, мобилен и активен. Самым главным из качеств предводителя дружины оказывается так называемая «маргинальная харизма»¹¹. Вождь дружины не воплощение родового закона и не скован им по рукам и ногам, а сам максимально активно действовал на враждебной, неосвоенной, неокультуренной территории, на которой возможно все, и в этой ситуации оказывался главным воплощением хаотических сил. И только он мог договариваться с богами и духами, через территории которых проходила дружина¹² (князь-оборотень Волх Всеславьевич из русских былин: Волх Всеславьевич, с. 54–57).

Если родовая система ценностей была построена на максимальной важности традиций, устоев, стабильности и цикличности, то дружина была совсем другой. Собственно, дружина как своеобразная анти-родовая община выдвигала идеал одиночки, воина, героя. На членов полиэтничной дружины, которая действовала на обширной территории формирующегося Древнерусского государства, не распространялись ограничения, накладываемые в традиционном обществе на лиц разного происхождения и разного социального статуса¹³. В дружине культивировался культ силы и агрессии. Дружина была коллективом, но коллективом, со вмещавшим идеалы общественного и личного. Дружина не предполагала, что каждый ее

⁷ Велецкая 1968, 196.

⁸ Петрухин 2011а, 341–342.

⁹ Петрухин 2011б, 76.

¹⁰ Никольский 2004, 25.

¹¹ Михайлин 2005, 334.

¹² Там же, 335.

¹³ Никольский 2004, 42–43.

участник растворяется в ней, как это происходило в роду. Наоборот, она выдвигала идеалы достижения личной славы и успеха. Да и существовала дружина, по крайней мере исходно, – как относительно временное объединение тех людей (по крайней мере в восточнославянской среде), которые не смогли существовать в рамках своих общин и искали лучшей судьбы. В этой ситуации, по крайней мере опять же исходно, для вождя дружины не имело значения происхождение. Все мы изгои, все мы вне сложившейся системы родовых отношений, все мы люди без прошлого, и в этом все мы равны¹⁴. А раз так, то и вождь в таком коллективе, хотя бы и определенное время, должен быть выборным. Критерии могли различаться, но принцип оставался одним и тем же: вождь должен постоянно доказывать всем свое превосходство над другими и свое право быть вождем, то есть опять же быть примером для подражания. Самым сильным, самым хитрым, самым умным, самым известным, самым везучим, самым жестоким и т. д. И такой князь постоянно должен ожидать, что как только найдется кто-то, превосходящий его, то вождем станет он, независимо от всех предыдущих дел и заслуг. То есть такой вождь неизбежно должен быть еще и дипломатом, чтобы так или иначе договариваться (или же расправляться) с другими кандидатами и сохранять свой статус максимально длительное время. Выдающиеся способности, являвшиеся в глазах людей того времени свидетельством благосклонности богов, были трамплином к достижению статуса вождя (князя, короля и т. п.). И лишь со временем главную роль в этом станет играть наследственность (знатность)¹⁵.

От вождя дружины ждали подвигов на грани или даже за гранью обычных человеческих возможностей. Князь должен был быть героем¹⁶. Дружинный князь должен был быть отцом дружины, быть полностью погруженным в ее интересы и нужды и не иметь никаких иных привязанностей. И все нажитое, полученное, приобретенное, завоеванное или награбленное должно было быть общим для всей дружины, то есть подлежать справедливому разделу. Дружинный князь должен был быть щедрым, то есть должен уметь делиться и делать это так, чтобы дружина была довольна¹⁷. Правда, данная ситуация предполагала, что и сами дружинники должны отвечать вождю тем же в любой ситуации – вплоть до того, что, по описанию арабских авторов, и девушки должны были быть общими (правитель должен был постоянно демонстрировать свою силу, в том числе и сексуальную¹⁸). При этом богатство и женщины нужны даже не сами по себе, а как подтверждение статуса удачливого и мужественного вождя и не являются самоцелью. Вождь жил не для богатства, он должен был находиться в постоянном движении. Его стихией были война, дальние торговые и грабительские походы, охота на диких зверей. Князь как предводитель дружины все должен был решать сам, но одновременно не мог не учитывать и не уважать мнение дружины¹⁹. При этом важно было соблюсти грань между полным своеволием (гибель Святослава Игоревича, не послушавшего совета Свенельда и попавшего в засаду печенегов²⁰) и полным же подчинением дружинному коллективному мнению (гибель Игоря Старого, пошедшего на поводу у дружины по вопросу о повторном сборе дани и попавшего в засаду древлян²¹). Вождь должен был быть самостоятельным, но не безрассудным, стремиться совместить свою собственную славу и удачу с дружинными.

Смерть такого князя возможна только как смерть в бою²² с врагами-людьми (Игорь Старый, Святослав Игоревич, в каком-то смысле Олег Святославич – погиб на поле боя, затоптанный своими отступающими воинами: ПВЛ, с. 38), в поединке (ведь во многих случаях

¹⁴ Никольский 2004, 43.

¹⁵ Пузанов 2017, 333.

¹⁶ Сапронов 2005, 220.

¹⁷ Свердлов 2006, 52.

¹⁸ Петрухин 2005, 187.

¹⁹ Котляр 1993, 47.

²⁰ Петрухин 2000а, 253.

²¹ Котляр 1993, 46.

²² Петрухин 2000b, 229.

взять власть означало убить того, кто обладал ею²³) или же с божественными силами и самой судьбой (Олег²⁴). Только такая смерть воспринимается как достойная и славная, только тогда она будет воспета сказителями, а сам вождь останется в веках. Смерть вождя дружины видится как смерть обязательно на взлете возможностей, когда большее уже невозможно или, по крайней мере, трудно совершить (Олег, Игорь, Святослав умирают после возвращения из Греции, добившись максимального международного признания²⁵). Место смерти при этом не важно – лишь бы это было поле битвы. Здесь важна «смерть героя», связанная с максимально эпичными и экстраординарными обстоятельствами²⁶. Это должна быть смерть не в первом же бою, иначе вождь просто не успеет проявить свои качества. Вождь очень редко умирает стариком (есть случай Свенельда как вождя дружины, но он очень редок).

Главное – соблюдение необходимых ритуалов и сам факт наличия могилы («Похороны знатного руса» у Ибн Фадлана: Ибн Фадлан, с. 76). Наследником вождя может быть только достойнейший (совсем в идеале – убийца князя, так как тогда к нему переходят слава и удача). После смерти от князя обязательно должны остаться удача (считалось, что удача вождя передается войску и теряется с его гибелью²⁷), слава, память о деяниях – как ориентиры для последующих вождей, могила-курган. В целом жизнь и смерть дружинного князя должны носить эпический характер. Наиболее яркими представителями таких князей в древнерусской традиции являются Олег, Игорь Святославич, Святослав Игоревич и Олег Святославич.

На основе этих двух систем постепенно формируется новая, государственная система представлений о князе. Законченные формы она приобретает на протяжении X–XII вв., с распространением христианской религии. Новое видение князя совмещало в себе храброго воина и рачительного хозяина, но добавляло к нему еще и миссию представлять всю свою страну как общность, территорию и ее народ не только перед государями окрестных земель, но и перед Богом. Князь становился наместником Бога на земле и той фигурой, которая должна будет отчитываться за всю страну на Страшном суде в конце времен. При этом второе пришествие не мыслилось чем-то абстрактным и отодвинутым в далекую неопределенность, а вполне конкретным и очень близким по времени событием. В «Слове о законе и благодати» Илариона князь (прежде всего Владимир) обеспечивает в первую очередь сакральную защиту Русской земли. Народу Господь является через князя и спасает народ руками князя. Показательно, что, по Илариону, с одной стороны, Господь вверяет князю народ, а с другой – князь отдает свою землю и свой народ под покровительство Всевышнего. И на небесах, после смерти, князь – заступник за народ свой и свою землю, веру православную и своих сыновей²⁸.

Но и до второго пришествия князь тоже необходим. Он должен был обеспечивать порядок и устройство всей своей земли: основывать города и храмы, украшать уже существующие, принимать мудрые решения о развитии страны, выслушивая и уважая мнение мудрых и достойных доверия советников, бороться с врагами (причем приветствуются оборонительные войны, но не завоевательные и не длительные походы – Святославу летописец вменял в вину, что ради славы он забыл страну²⁹), насколько это возможно поддерживать мир с соседями и родственниками, вершить справедливый верховный суд, всеми силами распространять истинную христианскую веру и бороться с остатками язычества (Слово о Законе и благодати, с. 52–55). Управление государством рассматривается в рамках новой системы представлений и ожиданий как ежедневная и нелегкая деятельность – «крест» правителя, который он не вправе перепоручать кому бы то ни было. Князь по-прежнему должен являть собой образец для своих родственников и всех подданных в трудолюбии, в делах хозяйст-

²³ Пузанов 2017, 336.

²⁴ Пчелов 2018, 135-141.

²⁵ Мельникова 2002, 145.

²⁶ Мельникова 2003, 64.

²⁷ Пузанов 2017, 325.

²⁸ Там же, 534.

²⁹ Петрухин 2005, 188.

венных, административных и военных. От древнерусского князя ждали личного участия во всех мероприятиях. В битве он самолично предводительствует войском, увлекая его своим примером, выступая впереди всех на лихом коне. Дома он вникает во все мелочи организации хозяйства, не перепоручая заботу об этом ни тиуну, ни отроку. Сам судит суд. Сам встречает гостей, сам проявляет удаль на охоте, сам говорит на иностранных языках. Он не может быть ни лентяем, ни засоней, ни обжорой. Чтобы его уважали, он должен сам много знать и уметь³⁰.

И даже постепенно формировавшийся хозяйственный и управленческий аппарат не должен был отдалять князя от подданных (как раз в это время формируется представление о «добром князе» и «злых боярах»). Он должен быть также образцом и в делах веры. И сам князь непосредственно должен заботиться о своих подданных – отличаться «нищелюбием» и устраивать пиры, на которых могли присутствовать все, независимо от рода и звания³¹. Князь должен быть милосердным и постоянно учитывать различные нужды не только своего ближайшего окружения, но и простых жителей страны (Поучение Владимира Мономаха, с. 401). Таким образом, именно князь должен олицетворять и на деле обеспечивать единство общества.

Князь обязательно должен продолжить свой род и укрепить династию, чтобы не пресекался род Рюриковичей. «Правильной» смертью в этой системе представляется смерть в основном в преклонном возрасте, так же как и в родовой системе. Должны быть закончены наиболее важные личные и государственные дела. Обязательно должны быть достойные и правильно воспитанные (на личном примере) наследники дел князя. Князь должен уйти в иной мир с обязательным соблюдением всех канонов христианской веры, а в идеале даже постригшись в монахи, чтобы быть ближе к Богу. Умирать нужно в окружении родни. Князь должен копить богатства, но не ради самого процесса накопления, а на нужды державы и семьи. Поэтому князь должен умирать не нищим, чтобы было что передать наследникам.

Однако кроме этого (базового) варианта были возможны и альтернативные. Так, для древнерусского христианского князя достойной считалась смерть в бою с врагами веры (но не в междоусобице, та же «Повесть временных лет» последовательно выступает за сохранение единства Русской земли³²). Также достойной рассматривалась мученическая смерть за христианскую веру (Борис и Глеб, давшие себя убить, но не пошедшие против воли старшего брата³³). Князь обязательно должен быть похоронен по христианскому обряду и в освященной земле. После смерти от князя должны остаться: слава, память в устном и письменном виде (былины о Владимире Красное Солнышко и «Слово о законе и благодати» о Владимире Святославиче и «Поучение детям» Владимира Мономаха), династия, города, храмы. Князьями, наиболее полно воплотившими эту новую систему представлений, являются Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и Владимир Мономах.

Таким образом, при всей разнонаправленности основных систем представлений, мы можем выделить основные черты, неизменно присущие князю. Это в первую очередь активность – князь-хозяин, князь-воитель и князь – государственный деятель неизменно должен был все значимые и основные дела выполнять лично и выступать образцом для подражания для всех своих подданных. Затем князь неизменно должен был действовать вместе с коллективом и так или иначе учитывать его мнения и желания. При этом взаимодействие в целом не лишало князя инициативы полностью, вождь должен был быть решителен, и, какими бы ни были хорошими и правильными «лучшие люди», дружина или же советники, последнее слово в решении важнейших вопросов жизни страны и коллектива всегда оставалось за ним³⁴.

³⁰ Долгов 2017, 165.

³¹ Там же, 166.

³² Мельникова 1999, 156.

³³ Петрухин 2000а, 176.

³⁴ Долгов 2017, 167.

Князь при всей своей активности должен был олицетворять собой стабильность – ни одна система представлений не предполагает смерти князя в молодом возрасте. На основании этой стабильности князь обязательно должен был обладать мудростью и на основании опыта принимать взвешенные решения, которым хочется подчиняться. Именно благоразумие, ум и мудрость, в представлении летописца, являлись главными отличительными чертами представителей высшей правящей «элиты» формировавшегося древнерусского государства³⁵. Опыт же помогал ему улаживать различные ссоры и дразги среди подданных и родичей. Роль князя во всех системах состояла также в том, чтобы обеспечивать защиту своих подданных как от врагов, так и от любого другого вреда. Также князь неизменно выступал посредником и представителем своих подданных и всей страны в целом в отношениях между людьми и богами. Именно на нем лежала ответственность за правильное проведение обрядов, истолкование снов и знамений. В государе люди видели прежде всего существо пограничное мирам сакральному (божественному) и профанному (человеческому). Государь выражал собой присутствие в профанном мире сакральных сил и реалий. В нем сосредотачивался смысл всего того существенного, что происходило в данной стране, а нередко и во вселенной³⁶. Во многом с этим связано и то, что, будучи медиумом и в этом смысле не вполне человеком, князь обязательно должен был быть правильно и достойно погребен, чтобы не разгневать богов и не лишиться их защиты и покровительства.

После князя неизменно должна остаться слава или хотя бы доброе имя и память среди живых – тогда князь не умрет навсегда, а сможет возвратиться через потомков. Таким образом князь должен в той или иной степени конструировать и поддерживать систему мироздания вокруг себя (наиболее ярко эта черта проявляется в князе Владимире Святославиче³⁷ – правда, одно дело – создавать такой «островок стабильности» вокруг дружины, а совсем другое – распространять этот «островок» на всю «державу Рюриковичей», но принцип остается тем же. На то же направлено и представление о том, чтобы князь так или иначе продолжился – в своих потомках или же тех, кого он так или иначе воспитал. Созданная князем стабильность не должна быть потеряна³⁸, потому что альтернативой ей выступали хаос, разобщенность и междоусобицы. И вот от этого всего и защищал своих подданных князь³⁹.

Князь в системах ожиданий и представлений обычно был олицетворением народа, общины, дружины, но и сами эти коллективы воспринимали себя такими, какими делал их князь своими деяниями. То есть не только князь зависел от представлений о нем, но и само общество открывалось и осознавало себя во многом за счет наиболее активного его члена, каким традиционно и выступал в Древней Руси князь.

Литература / References

- Волх Всеславьевич = Волх Всеславьевич // Былины. Л., 1957. С. 53–58.
 Volh Vseslav'evich [Volkh Vseslavyevich] // Byliny [Epics]. Leningrad, 1957. P. 53–58.
- Ибн Фадлан = Ибн Фадлан Рисала // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III. Восточные источники. М., 2009. 264 с.
 Ibn Fadlan Risala // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: hrestomatiya [Ibn Fadlan Risala // Ancient Russia in the Light of Foreign Sources: Reader] / ed. by T. N. Dzhakson, I. G. Konvalova, A. V. Podosinov. Vol. III. Vostochnye istochniki [Eastern Sources]. Moscow, 2009. 264 p.
- Слово о Законе и благодати = Иларион. Слово о Законе и благодати // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. 448 с.

³⁵ Пузанов 2007b, 99.

³⁶ Сапронов 2005, 212.

³⁷ Петрухин 2000a, 256.

³⁸ Петрухин 2011b, 80.

³⁹ Пузанов 2017, 324.

- Parion. Slovo o Zakone i blagodati [Hilarion. A Word about Law and Grace] // Krasnorechie Drevney Rusi (XI–XVII vv.) [Eloquence of Ancient Russia (XI–XVII Centuries)]. Moscow, 1987. 448 p.
- ПВЛ = Повесть временных лет // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. М., 1957. С. 3–146.
Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years] // Hudozhestvennaya proza Kievskoy Rusi XI–XIII vv. [Fiction of Kievan Rus XI–XIII centuries]. Moscow, 1957. P. 3–146.
- Поучение Владимира Мономаха = Поучение Владимира Мономаха // Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. Начало русской литературы XI – начало XII вв. М., 1987. С. 393–416.
Pouchenie Vladimira Monomaha [The Lesson of Vladimir Monomakh] // Pamyatniki drevnerusskoy literatury [Monuments of Ancient Russian Literature]. Vol. 1. Nachalo russkoy literatury XI – nachalo XII vv. [The beginning of Russian literature XI – early XII centuries]. Moscow, 1987. P. 393–416.
- Велецкая 1968 = Велецкая Н. Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 192–212.
Veletskaya N. N. O nekotorykh ritual'nykh yavleniyah yazycheskoy pogrebal'noy obryadnosti (k analizu soobshcheniya Ibn Fadlana o pohoronah «russa») [On Some Ritual Phenomena of Pagan Burial Rituals (to the Analysis of the Message of Ibn Fadlan about the Funeral of the “Russ”)] // Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskih narodov [History, Culture, Folklore and Ethnography of the Slavic Peoples]. Moscow, 1968. P. 192–212.
- Гуревич 2020 = Гуревич А. Я. Избранные труды. История и сага. М.; СПб., 2020. 368 с.
Gurevich A. Ya. Izbrannye trudy. Istoriya i saga [Selected Works. History and Saga]. Moscow; St. Petersburg, 2020. 368 p.
- Долгов 2017 = Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2017. 592 с.
Dolgov V. V. Byt i nrawy Drevney Rusi [Life and Customs of Ancient Russia]. Moscow, 2017. 592 p.
- Долгов, Котляров, Кривошеев, Пузанов 2003 = Долгов В. В., Котляров Д. А. Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности. Екатеринбург, 2003. 463 с.
Dolgov V. V., Kotlyarov D. A. Krivosheev Yu. V., Puzanov V. V. Formirovanie rossiyskoy gosudarstvennosti [Formation of the Russian Statehood]. Yekaterinburg, 2003. 463 p.
- Котляр 1993 = Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – I половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1992–1993. М., 1993. С. 33–49.
Kotlyar N. F. O sotsial'noy sushchnosti Drevnerusskogo gosudarstva IX – I pol. X v. [About the Social Essence of the Old Russian State IX – first half X century] // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1992–1993 [The Most Ancient States of Eastern Europe. 1992–1993]. Moscow, 1993. P. 33–49.
- Крадин 2012 = Крадин Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М., 2012. С. 211–239.
Kradin N. N. Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete dannykh politicheskoy antropologii [The Formation of Statehood in Russia in the Light of the Data of Political Anthropology] // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2010]. Moscow, 2012. P. 211–239.
- Мельникова 1999 = Мельникова Е. А. Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 153–165.
Melnikova E. A. Ustnaya traditsiya v PVL: k voprosu o tipakh ustnykh predaniy [Oral Tradition in the Tale of Bygone Years: on the Question of the Types of Oral Legends] // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive [Eastern Europe in a Historical Retrospective]. Moscow, 1999. P. 153–165.
- Мельникова 2002 = Мельникова Е. А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2002. С. 143–150.
Melnikova E. A. Pervye russkie knyaz'ya: o printsipah rekonstruktsii letopistsem ranney istorii Rusi [The First Russian Princes: on the Principles of Reconstruction by the Chronicler of the Early History of Russia] // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 2002. P. 143–150.
- Мельникова 2003 = Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традиции // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.

- Melnikova E. A. Istoricheskaya pamyat' v ustnoy i pis'mennoy traditsii* [Historical Memory in Oral and Written Tradition] // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy*, 2001 g.: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya [The Most Ancient States of Eastern Europe, 2001: Historical Memory and Forms of Its Embodiment]. Moscow, 2003. P. 48–92.
- Михайлин 2005 = *Михайлин В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код: Проблема происхождения и эволюция статуса // *Михайлин В.* Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 331–391.
- Mihaylin V. Yu.* Russkiy mat kak muzhskoy obstsennyuy kod: Problema proiskhozhdeniya i evolyutsiya statusa [Russian Mate as a Male Obscene Code: The Problem of Origin and Evolution of Status] // *Mihaylin V.* Tropa zverinyh slov: Prostranstvenno-orientirovannyye kul'turnyye kody v indoevropeyskoy traditsii [The Path of Animal Words: Spatially Oriented Cultural Codes in the Indo-European Tradition]. Moscow, 2005. P. 331–391.
- Никольский 2004 = *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 4. М., 2004. С. 5–48.
- Nikolskiy S. L.* O družinnom prave v epohu stanovleniya gosudarstvennosti na Rusi [On Retinue Law in the Era of the Formation of State-priority in Russia] // *Srednevekovaya Rus* [Medieval Russia]. Vol. 4. Moscow, 2004. P. 5–48.
- Петрухин 2000а = *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // *Из истории русской культуры*. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 13–410.
- Petruhin V. Ya.* Drevnyaya Rus': narod, knyaz'ya, religiya [Ancient Russia: People, Princes, Religion] // *Iz istorii russkoy kul'tury*. T. 1. Drevnyaya Rus' [From the history of Russian culture. Vol. 1. (Ancient Russia)]. Moscow, 2000. P. 13–410.
- Петрухин 2000b = *Петрухин В. Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 г. М., 2000. С. 222–229.
- Petruhin V. Ya.* Knyaz' Oleg, Helgu Kembridzhskogo dokumenta i russkiy knyazheskiy rod [Prince Oleg, the Helgu of the Cambridge Document and the Russian Princely Family] // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy*. 1998 g. [The Most Ancient States of Eastern Europe. 1998]. Moscow, 2000. P. 222–229.
- Петрухин 2005 = *Петрухин В. Я.* Репрезентация власти русского князя в древнейший период: Ибн Фадлан о власти князя русского и хазарская традиция // *Анфологион*. Славяне и их соседи. Власть, общество и культура в славянском обществе в средние века. М., 2005. С. 182–194.
- Petruhin V. Ya.* Rerezentatsiya vlasti russkogo knyazya v drevneyshiy period: Ibn Fadlan o vlasti knyazya russkogo i hazarskaya traditsiya [Representation of the Power of the Russian Prince in the Ancient Period: Ibn Fadlan on the Power of the Russian Prince and the Khazar Tradition] // *Anfologion*. Slavyane i ih sosedi. Vlast', obshchestvo i kul'tura v slavyanskom obshchestve v srednie veka [Anfologion. Slavs and Their Neighbors. Power, Society and Culture in Slavic Society in the Middle Ages]. Moscow, 2005. P. 182–194.
- Петрухин 2011а = *Петрухин В. Я.* Обычай «вторичного» погребения и христианизация языческих правителей в Северной и Восточной Европе: от Саттон Ху до Киева // *Висы дружбы*: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 339–344.
- Petruhin V. Ya.* Obychay «vtorichnogo» pogrebeniya i hristianizatsiya yazycheskih praviteley v Severnoy i Vostochnoy Evrope: ot Satton Hu do Kieva [The Custom of “Secondary” Burial and Christianization of Pagan Rulers in Northern and Eastern Europe: from Sutton Hoo to Kiev] // *Visy druzhby* [Visy of friendship]: Collection of articles in honor of T. N. Jackson. Moscow, 2011. P. 339–344.
- Петрухин 2011b = *Петрухин В. Я.* Похороны руса. Погребения знати эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии // *Петрухин В. Я.* «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 73–89.
- Petruhin V. Ya.* Pohorony rusa. Pogrebeniya znati epohi vikingov v opisaniy Ibn Fadlana i dannyh arheologii [Funeral of the Rus. Burials of the Nobility of the Age of Vikings in the Description of Ibn Fadlan and Archaeological Data] // *Petruhin V. Ya.* «Rus' i vsi yazytsi»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki [“Rus and All the Languages”: Aspects of Historical Interconnections: Historical and Archaeological Essays]. Moscow, 2011. P. 73–89.
- Пузанов 2007а = *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность. Ижевск, 2007. 624 с.
- Puzanov V. V.* Drevnerusskaya gosudarstvennost' [Old Russian Statehood]. Izhevsk, 2007. 624 p.
- Пузанов 2007b = *Пузанов В. В.* Качественные характеристики «великокняжеской» и «племенной» элиты в IX–X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический

- фактор // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск, 2007. С. 91–107.
- Puzanov V. V. Kachestvennyye harakteristiki «velikoknyazheskoy» i «plemennoy» elity v IX–X vv. v «Povesti vremennyh let»: sotsial'nye obrazy i etnicheskiy faktor [Qualitative Characteristics of the “Grand-ducal” and “Tribal” Elite in the 9–10th centuries in The Tale of Bygone Years: Social Images and Ethnic Factor] // Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii: traditsii i novatsii [Social and Political Thought in Russia: Traditions and Innovations]. Vol. 1. Srednevekovaya Rus': problemy identichnosti [Medieval Russia: Problems of Identity]. Izhevsk, 2007. P. 91–107.*
- Пузанов 2017 = *Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., 2017. 744 с.*
- Puzanov V. V. Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva [From the Proto-Slavs to Russia: the Formation of the Old Russian State]. St. Petersburg, 2017. 744 p.*
- Пчелов 2018 = *Пчелов Е. В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018. 261 с.*
- Pchelov E. V. Oleg Veshchiy. Velikiy viking Rusi [Oleg the Prophet. Great Viking of Russia]. Moscow, 2018. 261 p.*
- Сапронов 2005 = *Сапронов П. А. Русская культура IX–XX вв. Опыт осмысления. СПб., 2005. 704 с.*
- Sapronov P. A. Russkaya kul'tura IX–XX vv. Opyt osmysleniya [Russian Culture of the 9–20th centuries. The Experience of Comprehending]. St. Petersburg, 2005. 704 p.*
- Свердлов 2006 = *Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси в VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006. 548 с.*
- Sverdlov M. B. Stanovlenie i razvitie pravyashchey elity na Rusi v VI–XIV vv. [Formation and Development of the Ruling Elite in Russia in the VI–XIV Centuries] // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.: ocherki istorii [The Ruling Elite of the Russian State of the 9th – beginning of the 18th Century: Essays on History]. St. Petersburg, 2006. 548 p.*

DOI: 10.55000/MCU.2021.40.31.027

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КНЯЗЯ Д. А. ГОЛИЦЫНА**С. В. Занин**

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия
zansamara@mail.ru*

В статье рассматриваются основные идеи, высказанные князем Д. А. Голицыным в рукописи «Замечаний на Наказ», и указывается, что проект содержал главное требование: отмены крепостного права в России и создания условий для развития освобожденного крестьянства: проведения, доступного суда, самоуправления. В качестве паратекста проекта рассматриваются письма Д. А. Голицына к его дяде – вице-канцлеру А. М. Голицыну.

Ключевые слова: политические проекты в XVIII веке, освобождение крестьянства, реформы, общественная мысль России века Просвещения.

THE CONSTITUTIONAL PROJECT OF PRINCE D. A. GOLITSYN**S. V. Zanin**

*Samara State Medical University,
Samara, Russian Federation
zansamara@mail.ru*

The article examines the main ideas expressed by Prince D. A. Golitsyn in the manuscript “Remarks on the Nakaz” and indicates that the project contained the main requirement: the abolition of serfdom in Russia and the creation of conditions for the development of the liberated peasantry: promulgation, accessible court, self-government. Letters from D. A. Golitsyn to his uncle, Vice-Chancellor A. M. Golitsyn, are considered as a paratext of the project.

Keywords: Political projects in the XVIIIth century, emancipation of the peasantry, reforms, social thought in Russia in the Age of Enlightenment.

Предлагаемая вниманию статья является непосредственным продолжением ранее опубликованной работы, посвященной атрибуции рукописи «L’Esprit de l’Instruction»¹. Прежде всего не подлежит никакому сомнению тот факт, что автор рукописи не только был горячим сторонником физиократов, но и знатоком творчества Лемерсье де Ля Ривьера. Цитаты из «Естественного и существенного порядка политических обществ» занимают очень много места в комментарии к Наказу. Более того, Д. А. Голицын по поручению императрицы Екатерины занимался организацией приезда физиократа в Россию. Казалось бы, в этом нет ничего особенного. Ведь и приглашением Фальконе в Петербург тоже занимался он. Но есть одно важное обстоятельство: он всячески рекомендовал Лемерсье, как свидетельствует его переписка, Н. И. Панину (не слишком успешно), вице-канцлеру и своему дяде А. М. Голицыну в качестве выдающегося экономиста и администратора, попутно излагая его важнейшие идеи. Разве комментарий к Наказу не сходная попытка заинтересовать российское правительство идеями экономиста, с одной стороны, а с другой – повод высказать собственные соображения относительно вопроса об отмене крепостного права, который на протяжении столетия волновал в России умы не только прогрессивных мыслителей, но и императорской власти?

Нет сомнения в том, что Д. А. Голицын воспользовался родственными связями с вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным для того, чтобы, если можно так выразиться, внушить Екатерине II мысль о том, что «добровольное принятие вызывается испод-

¹ Занин 2019.

воль, но, чтобы вызвать его, нужен пример» (письмо 30 октября 1765 г.)². И пример этот не инициатива частных лиц, а действие государственной власти: «Примите в соображение то, что освобождение крестьян не должно быть единичным действием частного человека» (письмо 30 сентября 1770 г.)³.

Конечно, необходима, как ныне принято говорить, политическая воля осуществить столь важное для страны преобразование. Но из каких принципов должна исходить власть? Готова ли она на подобный шаг? «L'Esprit de l'Instruction» и письма Д. А. Голицына вице-канцлеру А. М. Голицыну представляют собой своеобразную попытку провести зондаж умонастроений императрицы и – почему нет? – попытаться повлиять на ее политику.

Остановимся подробнее на идеях, высказанных в «l'Esprit de l'Instruction».

1. Вслед за физиократами, Д. А. Голицын подчеркивает, что «естественные» законы вытекают из извечной мудрости Бога, а для того, чтобы законы споспешествовали благу государств, они должны содержать в себе «небольшое число основополагающих истин», известных правительству.

Note 19. Les Lois naturelles, ouvrage d'une sagesse divine, doivent être nécessairement les meilleures lois possible; et elles sont immuables comme leur Créateur. Les Lois positives, au contraire, ouvrage des hommes, et dictées par des opinions sujettes à l'erreur, peuvent être extravagantes, comme elles peuvent être sages, selon que l'ignorance ou une raison éclairée préside à leur institution. Il est clair aussi qu'elles ne peuvent être immuables, qu'autant que nos opinions sont fixées par l'évidence; car il n'y a que l'évidence qui ne soit pas sujette aux changements.

Note 18. La première chose à faire à l'égard des Gouvernements, serait donc de choisir soigneusement le petit nombre de vérités fondamentales, dont la connaissance est indispensablement nécessaire au maintien et au bien-être d'un État.

Напротив, Екатерина II пишет в Наказе о том, что законодательная деятельность – это всего лишь искусство, «способность» (habileté) правительства создавать законы во благо подданных.

2. Автор отстаивает концепцию свободы, отличную от той, что разделяет императрица. В одной из рукописей она употребляет термин «свободность», противопоставляя его термину «вольность»⁴. Напротив, в «L'Esprit de l'Instruction» его автор имеет в виду свободу подданных. Это объясняет его взгляд на характер законов: в отличие от императрицы и Монтескьё, он задается вопросом не о том, что «должны позволять законы», а о том, какие права они должны *гарантировать*⁵. Именно поэтому он полностью одобряет желание императрицы отменить смертную казнь, заменив ее «общественным порицанием» (47)⁶.

3. Нет ничего удивительного в том, что как в тексте комментария к Наказу, так и в произведении Голицына, опубликованном в 1796 году, содержатся пожелания реформ судопроизводства в России с целью сделать его более гуманным, усилить в нем общественный элемент и сделать его доступным, в частности, как предлагал Д. А. Голицын, путем введения института разъездных судей (juges ambulants). Если эти реформы не будут проведены, отсутствие правосудия приведет к падению империи, как это произошло в Риме.

Note 69. Ces mesures doivent produire tous les bons effets possibles. Catherine II a vraiment senti l'inconvénient; que dis-je? L'injustice affreuse d'opprimer le peuple: l'injustice qui de tous temps a causé la chute et la décadence des plus grands Empires. Sans les citer l'un après l'autre ici, prenons pour exemple la République Romaine.

Добавим, что в письме А. М. Голицыну от 26 мая 1766 г. Д. А. Голицын писал: «Относительно «объездных судей» я должен заметить, князь, должно служить ускорению правосудия суда, а не его замедлению»⁷.

² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 2. С. 33.

³ Там же, 42.

⁴ РГАДА. Ф. 10 «Кабинетские дела Екатерины II». Оп. 1. Д. 19. Л. 377 recto.

⁵ Здесь и далее курсив принадлежит автору статьи.

⁶ Цифры, взятые в скобки, соответствуют номеру параграфа в петербургской рукописи.

⁷ Избранные произведения... 38.

4. Просвещение. Никакие реформы, по мнению Д. А. Голицына, невозможны без просвещения народа, ибо он никогда не поймет смысла действий правительства:

Note 52. Ne fût-ce que ce seul trait, et Catherine II mériterait des Autels. Désirer que les lumières se répandent; et en donner l'idée; le recommander même dans l'instruction qui n'est faite que pour servir de guide à ceux qui sont préposés à la confection du Code, n'est-ce pas leur dire clairement et positivement: Arrangez vos lois de façon qu'il en résulte un sage, un bon gouvernement; de vous-mêmes dépend [*sic*, lire: ne dépend-il pas] actuellement le bien-être de votre patrie? Les angoisses perpétuelles de la crainte tiennent les âmes avilies, sans force, sans noblesse, sans courage; on n'y pense point; les esprits y sont aussi énervés que les corps; la paresse, l'inutilité, et même le danger de penser, entraînent bientôt l'impuissance.

В работе 1796 Д. А. Голицын также призывает: «...Procurer aux agriculteurs des lumières, de la liberté, de l'émulation, des moyens; c'est le devoir et le signe de l'administration sage et bienfaisante qui connaît l'importance de l'agriculture et désire la rendre florissante»⁸. Совершенно очевидно, что для автора рукописи, как и для Д. А. Голицына, важно, если выразиться современным языком, «качество населения». Иными словами, насколько оно *готово* использовать предоставленную ему свободу, в том числе и свободу вести предпринимательскую деятельность. В решении этой проблемы должно помочь народное просвещение.

4. Д. А. Голицын в своем произведении, написанном в защиту физиократов, высказывается за полную отмену крепостного права в России. По мнению комментатора, не существует никаких экономических и политических выгод от его сохранения. Свободный труд и охрана частной собственности укрепят государство и будут способствовать его процветанию в гораздо большей степени, чем труд рабский.

Note 56. Il ne peut jamais résulter aucun avantage de la servitude pour l'État, mais bien pour des particuliers; et dans des cas semblables on ne devrait jamais les écouter, encore moins les consulter. Ils en agissent cependant contre leurs propres intérêts: leurs terres cultivées par des mains libres; affermées par des cultivateurs riches, dont la propriété tant foncière que mobilière serait garantie par les Lois de l'État; leurs terres, dis-je, rapporteraient le triple, le quadruple de ce qu'elles rapportent, cultivées par les serfs. Mais tel est le pouvoir de l'habitude; on craint de secouer le joug; les terres restent en friche ou sont mal soignées; le particulier ne s'enrichit pas; le paysan s'appauvrit; et l'État dépérit tous les jours.

«Государь, который честолюбиво стремится к отмене крепостного права – дивный государь!», – пишет Д. А. Голицын А. М. Голицыну⁹. В петербургской рукописи написано: «Следовательно, необходимо отменить крепостное право и даровать собственность».

В декабре 1767 года он снова вернется к этому вопросу, обсуждая со своим дядей новость об отмене крепостного права в Дании¹⁰. Между тем Д. А. Голицын признает, что, возможно, положение дел в России пока не позволяет произвести подобное «обновление» (innovation). Но разве императрица не сделала большой шаг вперед, изъявив принципиальное согласие с необходимостью его отмены в России?¹¹ В сочинении, опубликованном в 1796 году, Голицын соглашается с тем, что, отменяя крепостное право, следует «соблюдать осторожность и меру» и учитывать, имеют ли крестьяне средства для первоначальных инвестиций или возможность выкупить землю¹². В петербургской рукописи содержится аналогичное замечание: «En permettant dès ce moment-ci aux paysans d'acheter les terres, l'affranchissement se ferait peu à peu; car il s'en faut [de] beaucoup que les Paysans puissent déjà en acheter» (58). В письме А. М. Голицыну Д. А. Голицын замечает, что источник свободы заключен в праве

⁸ Galitzine D. De l'esprit des économistes... 223.

⁹ «Письма Владимира Долгорукова вице-канцлеру Голицыну» // РГАДА. Ф. 1263. «Голицыны». Оп. 1. Д. 1280. Л. 36 verso. Письмо датировано 22 февраля 1767 г., Париж.

¹⁰ Д. А. Голицын А. М. Голицыну, Париж, 10 декабря 1767 // РГАДА. Ф. 1263. Д. 1115. «Письма Д. А. Голицына А. М. Голицыну». Л. 203.

¹¹ Там же. Л. 211.

¹² Galitzine D. De l'esprit des économistes... 218.

собственности на движимое, предоставленном крестьянам, освобожденным от крепостной зависимости¹³.

5. В рамках статьи невозможно провести полное сравнение рукописи, сочинения Д. А. Голицына 1796 года и его переписки с вице-канцлером в 1760-х и 1770-х годах. Отметим лишь то, что, по мысли автора рукописи, отмена крепостного права неизбежно приведет к преобразованию государственного строя России, поскольку она станет децентрализованной, а общество примет широкое участие в управлении страной, выбирая своих представителей.

Note 91 (a). L'idée qu'on doit se former de la perfection d'un Gouvernement et de l'état de ceux qui gouvernent, c'est qu'un petit nombre de citoyens choisis par les autres, se chargent des affaires publiques afin que le reste de la Nation puisse s'occuper des affaires particulières.

И эта мысль в развернутом виде была высказана в письме от 26 мая 1766 г.: «А внутренняя торговля не может процвести, если мало-помалу не будет введено у нас право собственности крестьян на их движимое имущество. Среднее сословие также необходимо для процветания наук и художеств»¹⁴. Но не только. Как следует из проанализированных текстов, «среднее сословие» должно стать той основой, на которой осуществляются глубокие институциональные преобразования: суда, собственности, свободы.

Сравнение петербургской рукописи, сочинения Д. А. Голицына, опубликованного в 1796 году, а также переписки с дядей позволяет выявить некоторые общие для этих текстов идеи и их взаимную связь. Речь идет о реформе правосудия и усилении в нем общественного элемента, создании выборных должностей, а также о безусловной, хотя и не немедленной отмене крепостного права, необходимым условием которой является просвещение, а лучше сказать, воспитание народа. В какой-то мере сочинение 1796 года и переписка являются паратекстом, то есть они, не являясь в собственном смысле частью рукописи, дополняют ее и превращают в своего рода неявный проект конституционных преобразований в России. И этот аргумент не только решающий в пользу авторства Д. А. Голицына рукописи «L'Esprit de l'Instruction», но и яркий пример эволюции общественной мысли России в XVIII в.: она выходит за рамки правительственного дискурса, ищет собственную идейную и теоретическую основу и обнаруживает ограниченность так называемого «просвещенного абсолютизма».

Литература / References

- Занин 2019 = *Занин С. В. Князь Д. А. Голицын и его «Дух Наказа Ее величества императрицы Российской» // Вольтеровские чтения: сборник научных трудов. Вып. 5. СПб., 2019. С. 258–273.*
Zanin S. V. Knaz' D. A. Golitzine i ego "Duh Nakaza" ee velitchestva imperatritzy rossiyskoy // Volterovskie chteniya. Vol. 5. St. Petersburg, 2019. P. 258–273.
- Сборник ГА МИД 1881 = *Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 2. М., 1881.*
Sbornik Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inistrannyh del [Collection of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Issue 2. Moscow, 1881.
- Щипанов (ред.) 1952 = *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. / под ред. И. Я. Щипанова. М., 1952. Т. 2. 607 с.*
Izbrannye proizvedeniya russkikh mysliteley vtoroy poloviny XVIII veka. In 2 vols / Ed. by I. Ya. Shchipanov. Moscow, 1952. Vol. 2. 607 p.
- Galitzine 1796 = *Galitzine D. De l'esprit des économistes, ou les économistes justifiés d'avoir posé les par leurs principes les bases de la Révolution française. Brunswick, 1796. 270 p.*

¹³ Д. А. Голицын А. М. Голицыну, 30 сентября 1770 // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел... 97: «*La permission à ceux qui en ont la faculté de s'acheter des terres en leur propre et privé nom*».

¹⁴ Избранные произведения... 37.

DOI: 10.55000/MCU.2021.88.32.028

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1880-е гг.)**

О. А. Чернов

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия
chernov@pgsga.ru*

В статье рассматриваются проблемы интеграции Средней Азии в практике российской имперской дипломатии.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, внешняя политика, Средняя Азия.

**PROBLEMS OF INTEGRATION OF CENTRAL ASIA
IN THE PRACTICE OF RUSSIAN IMPERIAL DIPLOMACY (1880s)**

O. A. Chernov

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
chernov@pgsga.ru*

The article deals with the problems of integration of Central Asia in the practice of Russian imperial diplomacy.

Keywords: N. V. Tcharykow, foreign policy, Central Asia.

Во второй половине XIX века ряд территорий Средней Азии вошли в состав Российской империи. Встал вопрос об их интеграции и управлении ими. Управление среднеазиатскими территориями после их включения в состав Российской империи имело свои особенности. Важную роль в управлении играл дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе и политический агент в Бухаре. Ряд моментов, связанных с указанной проблематикой, нашёл отражение в исследованиях¹.

10 октября 1883 г. Н. В. Чарыков² был назначен чиновником особых поручений по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе, а 1 января 1886 г. – политическим агентом в Бухаре³.

Изученные документы позволяют сформировать представление о круге дипломатических задач, стоявших перед ним: мониторинг внутренней и приграничной ситуации, информирование МИД России, переговоры с властями Бухары по решению интеграционных задач, а также поддержание контактов с властями приграничных территорий, часть которых находилась под влиянием или контролем британской колониальной администрации.

Нельзя не отметить, что обстоятельства назначения Н. В. Чарыкова на должность политического агента демонстрируют то, что солидарность среди представителей российской имперской администрации наблюдалась не всегда. Хотя, казалось бы, она должна была слаженно работать для реализации одной общей имперской цели – интеграции Средней Азии.

Ярким примером внутриведомственной борьбы является то, что консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский был настроен по отношению к Н. В. Чарыкову весьма критично, имея намерение занять эту должность. В одном из писем он заявлял, что с удовольствием откажется «от чести занять место после Чарыкова», который, по его мнению, «дело в Бухаре... испор-

¹ Тихомиров 1960; Матвеева 1994; Брежнева 2005; Сергеев 2012; Васильев 2018.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 4–5.

тит непременно»⁴. Чуть позднее он вновь рассуждал: «В Калькутту пошлют Чарыкова, а мне дадут Бухару... Но почему наш агент должен быть в Калькутте, что он будет там делать? Обедать у вице-короля и случайно узнавать новости из его канцелярии, никакой почвы для деятельности у него там нет и быть не может, ибо разыгрывать роль посланника при вице-короле, когда все управление политикой Индии в Лондоне, где есть русский посланник, странно. Агент наш должен жить в Бомбее на реальной, а не канцелярской почве, в среде мусульманского населения, вблизи Афганистана, Белуджистана и Персии, на большой дороге ходжей из Кашгара, Бухары, наших владений, мелких бекств Гиндукуша и пр. Там он может быть полезен как политический агент»⁵. Таким образом, к дипломатическим аспектам применялись и связанные с межличностной, карьерной борьбой.

Сложность работы политического агента состояла ещё и в том, что ему приходилось выполнять функции, выходящие за рамки дипломатической деятельности. Непростым был вопрос об устройстве русских поселений в эмирате и о коммерческих правах русских предпринимателей.

В письме от 12 января 1887 г. к туркестанскому генерал-губернатору Н. О. Розенбаху министр иностранных дел Н. К. Гирс настаивал на потребности в широко известном регламентировании, которое отвечало бы политическим интересам России в сохранении власти эмира и убедило бы его в том, что российское правительство далеко от предположения вмешиваться во внутренние дела ханства и желает защитить его права. В частности, обращаясь к приобретению русскими имущества в Чарджуе, Н. К. Гирс отмечал, что роль политического агента в таких передачах «не должна иметь характер давления»⁶.

Н. В. Чарыков составил требуемое регламентирование в марте 1887 г., которое было одобрено генерал-губернатором. Регламентирование отнесло переговоры о дарении земли к частной инициативе российских предпринимателей. Политический агент должен был быть особенно осторожным в одобрении покупок земли уже под ирригацией и культивированием, чтобы избежать увеличения числа безземельных крестьян, которые имели бы нежелательные для политической и экономической стабильности страны настроения. Согласно регламенту Чарыкова «русские предприниматели могут теперь найти достаточное применение для их капиталов и навыков в культивировании областей»⁷.

С возникновением русских поселений вдоль железной дороги возникла необходимость регулирования их существования внутри Бухарского эмирата. В 1887 г. представители российской администрации выбрали место для железнодорожной станции Бухары в восьми милях к югу от столицы, где скоро возникло русское поселение, названное Новой Бухарой из-за близости к политическому и экономическому сердцу страны⁸. Н. В. Чарыков основательно подошёл к вопросу об учреждении русской дипломатической миссии в Бухаре. Как отмечает дипломат С. В. Чиркин, «по его плану резиденция русского представителя должна была находиться не в Старой Бухаре, а в недалёком соседстве. Предполагалось, что она станет центром имеющего создаться около него русского поселения»⁹.

Управление территорией было весьма сложным процессом, поскольку местный жизненный уклад имел свою специфику. Ранее изучавший посольство Пазухиных в Среднюю Азию в XVII веке¹⁰, Н. В. Чарыков указывал, что «дипломатический церемониал, с которым я был встречен в Бухарском ханстве, и обычаи, которые я наблюдал там, были почти точно тем же самым»¹¹, а «ханство было все еще средневековым исламским государством, которым управляют согласно мусульманскому закону, без христианских или иностранных жителей и

⁴ Петровский 2003, 480.

⁵ Там же, 480–482.

⁶ Becker 2004, 108.

⁷ Ibid., 109.

⁸ Ibid.

⁹ Чиркин 2006, 283.

¹⁰ Tcharykov 1876.

¹¹ Tcharykov 1931, 190.

с неразвитыми торговлей и промышленностью»¹². Русские промышленники и торговцы не имели соответствующих своей культуре и обычаям условий для проживания. Один из примеров – вопрос о продаже спиртных напитков. В Бухаре, как во всех мусульманских регионах, их изготовление, продажа или использование строго запрещались, а российский военный и гражданский персонал, который поселился в ханстве с 1886 г., искал способ преодоления этого запрета¹³. Со строительством железных дорог в Бухаре появились рестораны и бары на всех железнодорожных станциях, как было принято в России. Отрицательным явлением, сопутствующим их открытию, стало распространение пьянства среди местного населения. Н. В. Чарыков предложил проект закона, запрещающий изготовление и продажу всех видов дурмящих напитков на территории Бухарского ханства и запрещение продажи такого вида товара на железнодорожных станциях¹⁴.

11 мая 1888 г. гражданские дела между русскими, проживающими в Бухаре, были переданы под юрисдикцию политического агента и должны были управляться по правилам, установленным для мировых судей. Политический агент должен был осуществлять правосудие, утверждать завещания и дела по опеке¹⁵.

В течение нескольких месяцев Чарыков исполнял обязанности судьи дополнительно к другим его функциям типа дипломатического представителя, нотариуса, и главного администратора российских тяжб. Начало движения на Средне-Азиатской железной дороге к Самарканду в мае 1888 г. также привело к увеличению количества тяжб с участием российских подданных.

В начале 1888 г. Чарыков поднял вопрос о гражданской юрисдикции, отметив, что «потребность российских подданных в такой юрисдикции постоянно растет, и ее отсутствие влечет за собой безнаказанность и злоупотребления»¹⁶. Причём в дни, предшествующие появлению мирового судьи, арбитраж Чарыкова вызвал жалобы от русских в ханстве, к которым, по их мнению, он был слишком строг. В результате десятилетие спустя английские посетители сообщали, что «российские суды так понравились бухарцам, что они предпочитали их собственным судам»¹⁷.

Н. В. Чарыков «исполнял... также обязанности судьи над русскоподданными и бухарцами, а также консульские обязанности»¹⁸. Иначе говоря, «Чарыков, Лессар и Игнатъев понимали свою роль в смысле прав и обязанностей английских резидентов при индийских государях»¹⁹.

Нельзя также не заметить то, что в возникновении затруднений в интеграционном процессе Чарыков усматривал происки Великобритании. При этом его подозрения опирались на определённые факты. Так, во время одного из обзорных путешествий по территории он встретил «около мусульманской святыни дервиша, который, казалось, жил там, и который спросил туркмен, куда мы шли. Один из них тогда шутливо ответил: «К Герату»²⁰. Спустя некоторое время, читая перехваченную у иностранного лазутчика телеграмму, российский дипломат обнаружил, в ней сообщение, что «российские военные были замечены едущими к Герату. Это было, очевидно, сообщением, переданным этим дервишем местному руководителю британской разведки, и было, что часто случается, неправильным»²¹.

Отметим, что «британцы, происки которых вначале подозревал Чарыков, сами опасались возникновения волнений среди местного населения под религиозными лозунгами и не были заинтересованы в разжигании таковых на соседних территориях». При этом и Россия,

¹² Tcharykow 1931, 190.

¹³ Ibid., 111.

¹⁴ Ibid., 219.

¹⁵ Becker 2004, 112.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid., 114.

¹⁸ Матвеева 1994.

¹⁹ Бартольд 1927, 43.

²⁰ Tcharykow 1931, 184.

²¹ Ibid.

и Великобритания действительно пользовались услугами жителей подконтрольных им территорий в Центральной Азии для сбора разведанных. «Получая деньги из специальных фондов, большинство таких информаторов регулярно пересекали приграничные зоны под личиной торговцев, паломников к святым местам или нищих дервишей»²².

На примере дипломатической деятельности Н. В. Чарыкова видны методы интеграции Средней Азии. Было достигнуто немало выгод – была налажена взаимовыгодная торговля, в том числе и безопасный транзит через эти ранее беспокойные земли. Россия получила прочный форпост в борьбе с притязаниями Британской империи.

В неопубликованной рукописи воспоминаний о службе в Средней Азии Чарыков отмечал такие итоги, как «занятие Мерва, постройка Закаспийской железной дороги, разграничение с Афганистаном и мирное завоевание Бухарского ханства»²³. В позднейших мемуарах он писал: «После моего первого визита в Бухарское ханство я сосредоточил моё внимание и усилия на полном освобождении рабов в ханстве, ликвидации зиндана и сооружении русской железной дороги через эту территорию».

Деятельность российской имперской дипломатии в Средней Азии носила разнообразный характер, выходящий за рамки собственно дипломатические. Непосредственно Н. В. Чарыков принял участие в присоединении Мерва, активно способствовал интеграции территорий Центральной Азии в состав России, обеспечивал контакт российского правительства с правящими кругами данных территорий, выполняя в Бухаре фактическую функцию наместника. Заметен его вклад по модернизации присоединённых территорий, внедрению российских законов и отмене наиболее жестких местных законов и обычаев в контексте общей гуманитарной и цивилизаторской работы.

Литература / References

- Бартольд 1927 = *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. М., 1927. 256 с.
Bartol'd V. V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana [History of cultural Life of Turkestan]. Moscow, 1927. 256 p.
- Брежнева 2005 = *Брежнева С. Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09. М., 2005. 621 с.
Brezhneva S. N. Istorioografiya problemy prisoedineniya Turkestanskogo kraja k Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.) [Historiography of the problem of accession of the Turkestan region to Russia (the second half of the XIX century-the beginning of the XXI century)]. Doct. Diss. Moscow, 2005. 621 p.
- Васильев 2018 = *Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в.: к 150-летию образования Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи 1867–2017. М., 2018. 636 с.
Vasil'ev D. V. Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.: k 150-letiyu obrazovaniya Turkestanskogo general-gubernatorstva Rossiyskoy imperii 1867–2017 [The burden of empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century: to the 150th anniversary of the formation of the Turkestan Governor-General of the Russian Empire 1867–2017]. Moscow, 2018. 636 p.
- Матвеева 1994 = *Матвеева Н. В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Душанбе, 1994. 238 с.
Matveeva N. V. Predstavitel'stvo Rossii v Buharskom emirate i ego deyatel'nost' (1886–1917) [Representation of Russia in the Emirate of Bukhara and Its Activities (1886–1917)]. PhD. Dushanbe, 1994. 238 p.
- Петровский 2003 = *Петровский Н. Ф.* Письмо Остен-Сакену Ф.Р., 24 мая 1886 г. Кашгар // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2003. Т. XII. С. 480.
Petrovskiy N. F. Pis'mo Osten-Sakenu F. R., 24 maya 1886 g. Kashgar [Letter to Austen-Saken F. R., May 24, 1886, Kashgar] // Rossijskiy arhiv: istoriya Otechestva v

²² Сергеев 2012, 102.

²³ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–14.

- svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah. [Russian Archive: History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the XVIII–XX Centuries]. Moscow, 2003. Vol. XII. P. 480.
- Почекаев 2020 = *Почекаев Р. Ю.* Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2020. 565 с.
Pochekaev R. Yu. Antropologiya vlastnoy kommunikatsii v rossijskoy politike frontirnoy modernizatsii kazahskoy stepi i hanstv Sredney Azii v XVIII – nachale XX v. [Anthropology of Power Communication in the Russian Policy of Frontier Modernization of the Kazakh Steppe and Khanates of Central Asia in the XVIII – early XX century]. Doct. Diss. Orenburg, 2020. 565 p.
- Сергеев 2012 = *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskih otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii. [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, 2012. 454 p.
- Тихомиров 1960 = *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. 239 с.
Tihomirov M. N. Prisoedinenie Merva k Rossii [Accession of Merv to Russia]. Moscow, 1960. 239 p.
- Чиркин 2006 = *Чиркин С. В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. 368 с.
Chirkin S. V. Dvadsat' let sluzhby na Vostoke. Zapiski tsarskogo diplomata [Twenty Years of Service in the East. Notes of the Tsarist Diplomat]. Moscow, 2006. 368 p.
- Becker 2004 = *Becker S.* Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London; NY, 2004. 416 p.
- Тчарыков 1880 = *Tcharykow N. V.* Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1671 // Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге [Proceedings of the III International Congress of Orientalists in St. Petersburg. 1876]. Т. 1. St. Petersburg, 1879–1880. 10 p.
- Тчарыков 1931 = *Tcharykow N. V.* Glimpses of high Politics. London, 1931. 356 p.

DOI: 10.55000/MCU.2021.34.97.029

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1922 гг.

П. А. Мистрюгов

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия
pavel892006@yandex.ru*

В статье рассмотрены документальные материалы по истории протестной активности крестьянства в Самарской губернии. Выявленные документы относятся к деятельности чрезвычайных структур советской власти, задействованных в деле ограничения протестов, принимавших различные формы. Автор обращается к опубликованным сборникам документов и источникам, извлеченным из центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный архив ФСБ России) и региональных (Центральный государственный архив Самарской области и Самарский областной государственный архив социально-политической истории) архивов.

Ключевые слова: история Гражданской войны, Самарская губерния в годы Гражданской войны, органы ВЧК, ревтрибуналы, репрессии, надзор.

SOURCES FOR STUDYING PEASANT PROTEST IN SAMARA PROVINCE IN 1918–1922

P. A. Mistryugov

*Samara State Medical University,
Samara, Russian Federation
pavel892006@yandex.ru*

The article examines documentary materials on the history of peasant protests in the Samara province, which relate to the activities of the extraordinary structures of the Soviet government, involved in the suppression of the peasantry. The author refers to published collections of documents and sources extracted from the central (State Archives of the Russian Federation, Russian State Archives of Social and Political History, Central Archives of the FSB of Russia) and regional archives (Central State Archives of the Samara Region and Samara Regional Archives of Social and Political History).

Keywords: history of the Civil War, Samara province during the Civil War, Cheka bodies, revolutionary tribunals, repression, supervision.

В отечественном крестьяноведении в период 1990–2000-х гг. была переосмыслена судьба российского крестьянства как субъекта революционного процесса 1917 года и его роль на начальном этапе формирования советской государственности. Этому способствовало открытие архивов, изменение теоретико-методологических установок, ориентация исследователей на постижение социально-психологических закономерностей военно-революционных преобразований как в центре, так и в регионах. Без очевидной идеологической индоктринации в современных работах исследованы проблемы видов и форм протестов крестьянства, опыта взаимодействия с властью, способов адаптации граждан в условиях голодных 1920-х гг. Расширение проблематики и увеличение не только числа, но и видового разнообразия источников, введенных в научный оборот на современном этапе историографии, а также переосмысление накопленного в советское время корпуса фактов делают актуальным анализ комплекса документов чрезвычайных структур советской власти, привлекавшихся к подавлению крестьянства. Крестьянство Самарской губернии было вовлечено во все процессы гражданского противостояния. Наиболее крупными из них были масштабные протесты (Чапанное восстание, восстание «Черного орла и земледельца», Сапожковское восстание), существовали партизанские отряды крестьян в 1920-е гг. В историографии крестьянского протеста и

практик его подавления накоплен значительный массив источников, введенных в научный оборот¹. Тем не менее его можно дополнить региональными документальными материалами, относящимися к данной теме.

Целью статьи является выявление и рассмотрение документов, относящихся к деятельности чрезвычайных структур советской власти (ревкомов, ревтрибуналов и органов ВЧК), по ограничению и подавлению повстанческого крестьянства в Самарской губернии.

Источники по данной теме можно разделить на опубликованные и архивные. К опубликованным относятся сборники документов², в которых представлены документы практически по всем функциональным направлениям деятельности чрезвычайных структур: надзору за крестьянством, следственно-судебным мероприятиям, оперативным задачам, практике военного подавления, а также документы самих повстанцев (воззвания и т. д.). Публикация самых разнообразных документов, в том числе личных источников³, существенно обогатила и расширила проблематику данной темы социопсихологическими и повседневными аспектами гражданского противоборства.

Архивная группа включает материалы центральных и региональных архивов. Рассмотрим группу документов, выявленных в центральных архивах. В фондах Российского государственного военного архива имеются данные о боевых действиях военных подразделений против крестьян (фонд Управления Приволжского окружного военкомата по военным делам управления Приволжского военного округа⁴ и фонд штаба войск ВНУС Заволжского военного округа⁵). В фонде Центрального комитета КПСС (ЦК КПСС)⁶ Российского государственного архива социально-политической истории сохранились документы местных губкомов РКП(б), информационные письма секретарей губкомов, переписка по крестьянскому вопросу. В «Секретном архиве ЦК РКП(б)», документы которого выявлены в фонде ЦК КПСС, содержатся закрытые письма секретарей местных губкомов, в которых имеются данные о положении крестьян и его настроениях. В совокупности со сводками ВЧК данный вид документации позволяет всесторонне, избегая информационных ограничений ведомственного подхода, восстановить картину крестьянских протестов. В Центральном архиве ФСБ России, в фонде ВЧК, есть группа документов следующих видов: распорядительная документация центрального аппарата ВЧК, в которой содержалась информация о мерах по подавлению крестьян-повстанцев, отчеты и доклады местных структур ВЧК, оперативная документация (телеграммы с мест столкновений и разговоры по прямому проводу). Кроме телеграмм, исходивших от местных структур ВЧК, в делах сохранились телеграммы от начальника штаба особых войск ВЧК, Приволжского окружного военного комиссариата в ГубЧК и ряда других структур. В фонде Верховного трибунала при ВЦИК Государственного архива Российской Федерации выявлены доклады председателей губревтрибунала, в том числе об обжаловании приговоров ревтрибунала к высшей мере наказания⁷.

В региональных архивах содержится большой пласт документов, характеризующих рассматриваемую проблематику. В фонде Самарского губисполкома имеются отчеты о внесудебной деятельности местных органов ВЧК, в том числе против крестьянства; отчеты губревтрибунала о мерах пресечения, избранных к крестьянам⁸. Содержатся постановления о разработке мер предупредительного характера, в том числе заложничества; организации борьбы с крестьянством; формирования практики принудительного труда. В фонде Военно-революционного комитета г. Самары⁹ и уездных ревкомов¹⁰ сохранились сведения о разно-

¹ Кабытова, Кабытов 1997; Кондрашин 2009; Аншакова 1998 и др.

² Данилов (ред.) 2002; Попов 1972; Попов 1974; Попов 1977; Кабытов (ред.) 2000.

³ Щибраев 2008.

⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25889.

⁵ РГВА. Ф. 17535.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее) – ГА РФ. Ф. Р-1005.

⁸ Центральный государственный архив социально-политической истории (далее – ЦГАСО). Ф. Р-81.

⁹ ЦГАСО. Ф. Р-138.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-9, Р-29.

образных мерах по ограничению крестьянской протестной активности в 1919–1920 гг. Обширный фонд Самарского губкома РКП(б)¹¹, хранящийся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, чрезвычайно информативный, включает такие виды документации, как отчёты органов ВЧК о деятельности, сводки о боевых действиях, настроениях и положении крестьянства, формировании военных структур РКП(б). В фондах «Партархив Самарского обкома КП РСФСР»¹² и «Отдел истории партии Куйбышевского обкома ВКП(б)»¹³ имеются личные источники, воспоминания об участии в подавлении крестьян-повстанцев.

В фонде Самарского губернского ревтрибунала, находящегося на хранении в Центральном государственном архиве Самарской области, содержится весьма ценный вид учётной документации – настольные реестры обвиняемых губревтрибунала, переплетенные в отдельные книги по годам (1919–1922 гг.) и практически не привлекавшиеся исследователями в изучении рассматриваемой проблематики. Настольные реестры представляют собой перечень из названий видов преступлений, указаний на обвиняемых (Ф. И. О.) и решений по рассмотренным судебным делам. Их анализ позволяет выявить мотивы преступлений, участников и меры наказания. Кроме этого, в фонде содержатся документы, характеризующие принципы реализации следственно-судебного процесса в экстремальных условиях.

Таким образом, краткий обзор документов чрезвычайных структур, занятых ограничением и подавлением крестьянских протестов в Самарской губернии, в советское время недоступный исследователям, позволяет нам говорить об их видовом разнообразии и высокой информативности. Опираясь на выявленные данные, возможно объективно охарактеризовать аспекты социально-политического противоборства самарского крестьянства с властью, выявить мотивацию раскола, социально-экономические факторы крестьянских протестов, их локальные и повседневные формы, а также гуманитарные последствия политики «революционных атак и захватов», ставшей в период утверждения советской власти и РКП(б) широко распространенной мерой в местном советском государственном управлении.

Литература / References

- Аншакова 1998 = *Аншакова Ю. Ю.* Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 1998. 23 с.
Anshakova Yu. Yu. Krest'yanskije vosstaniya v Srednem Povolzh'e v 1918–1920 gg. [Peasant Uprisings in the Middle Volga Region in 1918–1920]. Samara, 1998. 23 p.
- Данилов (ред.) 2002 = Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922: документы и материалы / под ред. *В. Данилова*. Москва, 2002. 944 с.
Krest'yanskoye dvizheniye v Povolzh'ye 1919–1922: dokumenty i materialy [Peasant Movement in the Volga Region 1919–1922: Documents and Materials] / ed. by *V. Danilov*. Moscow, 2002. 944 p.
- Кабытов (ред.) 2000 = Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов / под ред. *П. С. Кабытова* [и др.]. Самара, 2000. 512 с.
Samarskoye Povolzh'ye v XX veke: sbornik dokumentov i materialov [Samara Volga Region in the XX century: Collection of Documents and Materials] / ed. *P. S. Kabytov* [etc.]. Samara, 2000. 512 p.
- Кабытова, Кабытов 1997 = *Кабытова Н. Н., Кабытов П. С.* В огне Гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.). Самара, 1997. 91 с.
Kabytova N. N., Kabytov P. S. V ogne Grazhdanskoj vojny (Samarskaya guberniya v kontse 1917–1920 gg.) [In the Fire of the Civil War (Samara Province at the end of 1917–1920)]. Samara, 1997. 91 p.
- Кондрашин 2009 = *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. 574 с.
Kondrashin V. V. Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokakh stalinizma [The Peasantry of Russia in the Civil War: on the Question of the Origins of Stalinism]. Moscow, 2009. 574 p.

¹¹ Самарский областной архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф-1.

¹² СОГАСПИ. Ф. 651.

¹³ СОГАСПИ. Ф. 3500.

- Попов 1972 = *Попов Ф. Г.* 1918 год в Самарской губернии: хроника событий. Куйбышев, 1972. 326 с.
Popov F. G. 1918 god v Samarskoy gubernii: khronika sobytiy [1918 in the Samara Province: A Chronicle of Events]. Kuybyshev, 1972. 326 p.
- Попов 1974 = *Попов Ф. Г.* 1919 год в Самарской губернии: хроника событий. Куйбышев, 1974. 240 с.
Popov F. G. 1919 god v Samarskoy gubernii: khronika sobytiy [1919 in the Samara Province: A Chronicle of Events]. Kuybyshev, 1974. 240 p.
- Попов 1977 = *Попов Ф. Г.* 1920 год в Самарской губернии: хроника событий. Куйбышев, 1977. 174 с.
Popov F. G. 1920 god v Samarskoy gubernii: khronika sobytiy [1920 in the Samara Province: A Chronicle of Events]. Kuybyshev, 1977. 174 p.
- Щибраев 2008 = *Щибраев В. Л.* Большая Царевщина: семейная хроника. Изд. 3-е, доп. и испр. Самара, 2008. 346 с.
Shchibraev V. L. Bol'shaya Tsarevshchina: semeynaya khronika [Bolshaya Tsarevshchina: Family Chronicle]. Ed. 3rd, add. and rev. Samara, 2008. 346 p.

DOI: 10.55000/MCU.2021.27.83.030

**ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930-е гг.
(НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА)**

О. Д. Столяров

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия
belomor2012@mail.ru*

В статье рассматриваются основные изменения, произошедшие в советском высшем медицинском образовании в конце 1920-х и 30-е гг. Эти преобразования проводились в соответствии со сложившейся в 20-е гг. системой теоретических положений, касавшихся представлений как о будущем социалистическом здравоохранении, так и о природе советского образования. Выделяются основные элементы этой идейной системы (положения о профилактической медицине как основе здравоохранения, о необходимости тесной взаимосвязи между практикой, образованием и наукой, и т. д.), устанавливаются взаимосвязи между ними. Кроме того, в статье рассматривается процесс частичного свертывания этих преобразований в период второй пятилетки и анализируются причины такого изменения государственной политики в данной области. Сделан вывод, что период развития советского высшего медицинского образования, длившийся с конца 1920-х по конец 1930-х гг., распадается на три этапа, каждый из которых частично отрицал предыдущий, в основном сохраняя достигнутые результаты.

Ключевые слова: высшее медицинское образование, советское здравоохранение, профилактическая медицина, педиатрия, Самарский медицинский институт.

**FEATURES OF THE DOMESTIC TRANSFORMATION
OF HIGHER MEDICAL EDUCATION IN THE 1920–1930s
(ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA MEDICAL INSTITUTE)**

O. D. Stolyarov

*Samara State Medical University,
Samara, Russian Federation
belomor2012@mail.ru*

The article discusses the main changes that occurred in the Soviet higher medical education in the late 1920s and 1930s. It is stated that these transformations were carried out in accordance with the system of theoretical provisions that had developed in the 20s, concerning ideas both about the future of socialist health care and about the nature of Soviet education. The main elements of this ideological system are highlighted (the provisions on preventive medicine as the basis of health care, the need for a close relationship between practice, education and science, etc.), the interrelationships among them are established. In addition, the article examines the process of partial curtailment of these transformations during the second five-year plan and analyzes the reasons for such a change in state policy in this area. It is concluded that the period of development of Soviet higher medical education, which lasted from the late 20s to the late 30s, falls into three stages, each of which partially negated the previous one, mainly preserving the achieved results.

Keywords: higher medical education, soviet healthcare, preventive medicine, pediatrics, Samara Medical Institute.

1920-е и 1930-е гг. стали переломными в развитии советского медицинского образования, хотя и в различных отношениях. Если в период нэпа были в основных чертах выработаны теоретические основы будущего здравоохранения и высшего медицинского образования, то в первую пятилетку эти идеи воплощались в жизнь, разумеется, с определенными коррективами, которые были неизбежны при ограниченности ресурсов в тот период. Последующий этап, начавшийся в 1932 г., характеризовался полным или частичным отказом от многих элементов, которые в конце 20-х и начале 30-х гг. во многом определяли основные особен-

ности системы медицинского образования. Если же учесть, что некоторые из этих элементов в конце 30-х гг. вновь стали играть определенную роль, картина получается довольно сложной и нуждающейся в серьезном анализе. Прежде всего необходимо выявить внутреннюю связь между идеями, лежавшими в основе реформы медицинского образования периода первой пятилетки, а также определить факторы, влиявшие на динамику воплощения этих идей в жизнь и отказа от них.

Одна из серьезных сложностей тут состоит в том, что положения, о которых идет речь, формулировались главным образом не ведущими теоретиками советской медицины, такими, как Н. А. Семашко, в работах которого эти идеи даны лишь частично и в самых общих чертах, а организаторами-практиками, которые теоретизировали, исходя не только из соображений общего, идеологического характера, но и из местных особенностей. Поэтому целесообразным представляется связать изучение данного вопроса с исследованием становления высшего медицинского образования на местах в этот период. Представляется, что Самарский медицинский институт дает в этом отношении обильный материал для изучения, поскольку он в 1930 г. формировался заново, а не был реорганизован из медицинского факультета университета, как это происходило во многих других регионах (медицинский факультет Самарского университета прекратил свое существование в 1927 г.). Следовательно, особенности, о которых идет речь, должны были найти здесь особенно рельефное выражение как на практике, так и в теории, поскольку организатору и первому директору института П. М. Батраченко приходилось обосновывать мысль о необходимости открытия в Самаре медицинского вуза с точки зрения тех целей, которые были поставлены перед будущим социалистическим здравоохранением, и особенностей, к тому времени признанных характерными чертами будущего советского высшего образования.

Как известно, по мысли Н. А. Семашко, важнейшим принципом социалистического здравоохранения – наряду с государственно-плановым типом его организации¹⁴ – должна была стать профилактическая направленность¹⁵. Поскольку медицинское образование, унаследованное от дореволюционного периода, было ориентировано на профилактику в весьма незначительной степени, предлагался ряд мер, призванных исправить данную ситуацию. Речь шла главным образом об открытии особых санитарно-профилактических факультетов и об увеличении часов, отводимых на преподавание гигиенических дисциплин студентам других специальностей¹⁶. П. М. Батраченко писал по этому поводу: «Наши медвузы до сего времени сохранили черты старой школы... Болезни или больной изучаются преимущественно в стенах клиник... Советский строй должен иметь... тип врача-профилактика...»¹⁷

Поэтому первоначально предполагалось, что в рамках Самарского мединститута должен функционировать санитарно-профилактический факультет¹⁸, который был открыт в марте 1931 г.¹⁹ П. М. Батраченко писал, что факультет «даст новый тип врача-профилактика, всесторонне образованного врача-инженера»²⁰.

Однако уже в 1934 г. Наркомздравом было принято решение о закрытии большинства санитарно-профилактических факультетов в стране, в том числе и в Самарском мединституте²¹, и в том же году это было осуществлено²². Очевидно, главной причиной изменения государственной политики в этой области стала необходимость экономии ресурсов, поскольку об отказе от профилактической направленности в медицине речь не шла.

Профилактический принцип нашел также свое отражение в научной работе медицинских вузов. Так, в 1932 г., когда при Самарском мединституте была открыта аспирантура,

¹⁴ Решетников, Несвижский, Касимовская 2014, 27.

¹⁵ Там же, 26.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 18.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 14.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 111.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 106-115.

²⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 21-25.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 23. Д. 8. Л. 64.

²² ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168.

шесть из восьми выдвинутых вузом кандидатов должны были специализироваться на гигиене, и двое – на микробиологии²³. В 1935 г. был определен список приоритетных направлений научной деятельности института, и среди них ведущее место заняли проблемы, связанные с санитарно-профилактическим делом²⁴.

С принципом преобладания превентивной медицины была тесно связана идея о необходимости более серьезного, чем это было прежде²⁵, приспособления образования к потребностям практического здравоохранения путем стирания грани между этими двумя областями. По выражению ряда теоретиков того времени, «высшая медшкола начинает вращаться в производство»²⁶.

В этой связи был выработан ряд принципов, одним из которых стало положение, в соответствии с которым медицинские вузы должны представлять собой не факультеты университетов, а отдельные институты, находящиеся в ведении Наркомздрава²⁷. В свою очередь, клиники, являвшиеся учебными базами мединститутами, передавались в их ведение²⁸. Наличию лечебно-профилактических учреждений при вузах придавалось большое значение, и в Самаре в 1935 г. была открыта Клиническая больница, ставшая структурной частью мединститута²⁹. В некоторых республиках эта тенденция приняла более радикальную форму, и там создавались так называемые «медвузы-больницы», целиком работавшие на базе учреждений здравоохранения³⁰. Впрочем, данный процесс касался не только медицинского образования, но и высшего образования в целом, и в этот период большинство функционирующих в стране университетов было разукрупнено³¹.

Кроме того, принцип слияния медицинского образования с практическим здравоохранением нашел выражение в том, что производственная практика начиналась с 1-го курса³² и ей отводилось 47 % учебного времени³³. Впрочем, уже с 1932 г. из-за недостаточной теоретической подготовки выпускников вузов эта система была пересмотрена. Производственная практика теперь должна была начинаться с 3-го курса³⁴ и составлять не более 20 % учебного времени («Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах», 19 сентября 1932 г.).

Что же касается научной деятельности вузов, она, как это видно на примере Самарского мединститута, была в этот период ориентирована на местную проблематику (особенно распространенные в тех или иных регионах заболевания, наиболее эффективная эксплуатация местных курортов и т. п.), а также на борьбу с имевшими распространение по всей стране инфекционными болезнями³⁵.

Эти две особенности – профилактическая направленность и ориентация на слияние образования с медицинской практикой – были помимо прочего связаны с представлением о том, что в будущем социалистическом обществе отойдет в прошлое жесткое разделение между различными областями общественной жизни. Эта идея своего рода синтетического социального бытия касалась не только здравоохранения, но и, к примеру, искусства, которое должно было стать в известном смысле производственной функцией³⁶.

²³ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 11. Л. 21.

²⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 10. Л. 11.

²⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 11–12.

²⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 16. Л. 96–98.

²⁷ Стегунин 1959, 181.

²⁸ Там же, 183.

²⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168.

³⁰ Стегунин 1959, 180.

³¹ Карпачев 2016, 128–129.

³² ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16–18.

³³ Стегунин 1959, 185.

³⁴ Там же, 186.

³⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 10. Л. 11.

³⁶ Мейерхольд 1968, 486–487.

Разумеется, идея примата профилактической деятельности над лечебной в области здравоохранения вытекала также (и в первую очередь) из представления о социалистическом обществе как о развитом и плановом.

С этими двумя элементами была связана такая особенность высшего образования в этот период, как тенденция к специализации, поскольку повышенная ориентация на практику предусматривала учет разнообразия этой практики. Слабое развитие специализации медицинского образования, как сложилось до революции, виделось советским теоретикам одним из ключевых его недостатков³⁷. В 1930 г. Наркомздрав провозгласил начало перехода «от врача-универсалиста к врачу-специалисту»³⁸.

В этой связи в Самарском мединституте первоначально планировалось открыть три факультета с девятью отделениями, и этот замысел не был реализован лишь в связи с недостатком кадров и финансирования³⁹.

Однако с 1932 г. сложившаяся по поводу специализации точка зрения подверглась коренному пересмотру, поскольку врачам, окончившим вновь созданные факультеты, недоставало необходимой квалификации в других областях. Поэтому предполагалось готовить врачей в рамках системы однофакультетных вузов, вводя специализацию на старших курсах⁴⁰. В этой связи в Самарском мединституте в 1933 г. появились факультативные дисциплины⁴¹, в 1934 г. были закрыты все факультеты, кроме лечебно-профилактического и рабфака, а с 1935 г. студентов 5-го курса стали обучать по трем специализированным направлениям (терапевтическому, хирургическому и акушерско-гинекологическому⁴²). Как видно, это была специализация иного рода, нежели та, что имела место в конце 20-х и начале 30-х гг., поскольку теперь направления подготовки выделялись в соответствии с методами лечения и видами заболеваний.

С вышеперечисленными характеристиками была также связана такая особенность медицинского образования того периода, как особое внимание к подготовке врачей, ориентированных на лечение детей, а также беременных и кормящих женщин. В Самарском мединституте дневной и вечерний факультеты охраны материнства, младенчества и детства были сформированы в 1931 г.⁴³, но они, как и санитарно-профилактический факультет, были в 1934 г. в соответствии с решением Наркомздрава закрыты⁴⁴. Данный шаг также стал следствием недостатка ресурсов. В 1937–1938 гг. в 21 медицинском вузе страны были открыты педиатрические факультеты⁴⁵. Одним из этих вузов стал Куйбышевский мединститут, в котором подготовка педиатров началась в 1938 г.⁴⁶ Также внимание к детской проблематике нашло отражение в научной работе самарского медицинского вуза⁴⁷.

Будущая социалистическая медицина должна была стать не только определенным образом организованной, но и массовой. Собственно, сам тот факт, что в 1929–1933 гг. было открыто 16 медицинских вузов⁴⁸, был главным проявлением этой тенденции. Кроме того, советские теоретики считали важным недостатком дореволюционной системы высшего образования длительные сроки обучения⁴⁹. В результате в 1930 г. обучение на лечебных факультетах было сделано четырехгодичным, а на других специальностях медицинского профилю

³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 11–12.

³⁸ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16.

³⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 1–11.

⁴⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 14. Д. 12. Л. 117.

⁴¹ Стегунин 1959, 197.

⁴² Там же, 205–206.

⁴³ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 106–115.

⁴⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 23. Д. 8. Л. 64.

⁴⁵ Стегунин 1959, 215–216.

⁴⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168.

⁴⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 10. Л. 11.

⁴⁸ Стегунин 1959, 180.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 11.

сокращено за счет уменьшения количества часов, отводимых на клинические дисциплины⁵⁰, до трех с половиной лет⁵¹.

С необходимостью в короткий срок подготовить большое число специалистов (разумеется, не только медицинского профиля) была связана идея формирования рабоче-крестьянской интеллигенции, хотя, конечно, эта установка вытекала также из социально-идеологических моментов⁵².

Так, в Самарском мединституте рабоче-крестьянская часть студенческого контингента по плану должна была составлять в 1930 г. не менее 60 %⁵³. Эта норма была выполнена, хотя среди поступавших крестьян было много зажиточных элементов⁵⁴. Также внимание уделялось проценту приема представителей нацменьшинств⁵⁵ и партийной принадлежности абитуриентов⁵⁶.

Из установки на массовость и классовый подход вытекала необходимость открытия рабфаков, и при Самарском мединституте он был создан уже в 1930 г., а в 1931 г. были открыты отделения в районах, где преобладали национальные меньшинства⁵⁷. Тогда же в вузе начал работать сектор заочного обучения⁵⁸ и были открыты годовичные стоматологические курсы⁵⁹.

Однако к концу первой пятилетки стало ясно, что быстрый рост количественных показателей приводит к снижению качества, и эта тенденция имеет место не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в области высшего образования. В результате с 1932 г. Наркомздрав начал ужесточать правила приема и т. п. В частности, предписывалось закрыть заочные отделения⁶⁰, что было сделано в Самарском мединституте в 1934 г.⁶¹ В 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) запрещалось брать в вузы лиц, не имеющих среднего образования. Также устанавливались обязательные вступительные экзамены («О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», 23 июня 1936 г.).

В 1935 г. при Самарском мединституте были открыты подготовительные курсы, рассчитанные главным образом на школьников⁶² и фактически заменившие рабфак, закрытый по распоряжению Наркомздрава в 1937 г.⁶³

Еще в 1932 г. на лечебно-профилактических и других медицинских факультетах срок обучения был увеличен соответственно до пяти и четырех лет⁶⁴.

С превращением высшего образование в массовое и основанное на классовом подходе была связана такая черта, как активное использование новых методов преподавания⁶⁵. На смену лекционному методу, который порицался как не соответствующий целям социалистического образования и психологии советских масс⁶⁶, пришел метод бригадно-лабораторный, основными особенностями которого были коллективное освоение студентами материала и незначительная роль преподавателей в учебном процессе⁶⁷. Знания студентов оценивались

⁵⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 21–25.

⁵¹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16–18.

⁵² Покровский 1967, 457.

⁵³ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 21–25.

⁵⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 106–115.

⁵⁸ Стегунин 1959, 190–191.

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 106–115.

⁶⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 23. Д. 8. Л. 64.

⁶¹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168.

⁶² ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 49. Д. 7. Л. 6.

⁶³ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168.

⁶⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 14. Д. 12. Л. 312.

⁶⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16–18.

⁶⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 16. Л. 96–98.

⁶⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 67–71.

по результатам так называемых учетно-проверочных семинаров⁶⁸, а экзамены и зачеты в их традиционной форме отменялись⁶⁹. Очевидно, бригадно-лабораторный метод можно считать эквивалентом соответствующих методов организации промышленности (ударничество и т. п.)⁷⁰ и тем самым связать с общими принципами функционирования советского общества в тот период. Впрочем, здесь можно говорить также и о необходимости коллективной работы в силу слабой подготовки значительной части студентов, а также об элементе недоверия (разумеется, в политическом, а не в профессиональном смысле) к вузовской профессуре.

С 1932 г. в силу ряда причин начался пересмотр этих принципов. С одной стороны, сказалось снижение качества подготовки специалистов, а с другой – со второй пятилетки наблюдается поворот в сторону усиления тенденций к авторитарности. В частности, в вузах устанавливался принцип последовательного единоначалия, в рамках которого студенческим организациям запрещалось вмешиваться в деятельность администрации и кафедр и т. п. («Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах», 19 сентября 1932 г.).

В 1932 г. начал устраняться бригадно-лабораторный метод, были восстановлены лекции⁷¹, вводились экзамены, зачеты и дипломные работы⁷². В 1933 г. Наркомздрав издал постановление об обязательных госэкзаменах⁷³, и с 1935 г. они начали приниматься в Самарском мединституте⁷⁴. Вводились взыскания за прогулы и иные нарушения. В 1936 г. появились зачетные книжки и дипломы государственного образца («О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», 23 июня 1936 г.).

Разумеется, все эти меры помимо прочего вели к увеличению отсева студентов, что хорошо видно на примере Самарского мединститута⁷⁵.

Среди несколько менее заметных особенностей советского медицинского образования в данный период следует отметить довольно значительную роль гуманитарных дисциплин, преподаваемых с марксистских позиций, а также дисциплин военно-медицинских. Что касается первых, на протяжении всего исследуемого периода количество выделяемых на них часов не было одинаковым. Так, в 1934 г. оно по практическим соображениям было уменьшено в пользу клинических дисциплин⁷⁶, а в 1938 г. вновь увеличено в связи с изменениями внутривнутриполитической ситуации⁷⁷.

Что же до военных дисциплин, они появились в учебных программах на рубеже 20-х и 30-х гг.⁷⁸, а в 1934–35 гг. количество часов, отводимых на них, существенно увеличилось⁷⁹. Из этого можно сделать вывод о милитаризации медицинского образования в 30-е гг., и в Куйбышеве завершением этого процесса стала реорганизация мединститута в военно-медицинскую академию в 1939 г. Кроме того, военная тематика нашла отражение в научной работе вуза⁸⁰.

Таким образом, в развитии высшего медицинского образования в СССР в конце 20-х и 30-е гг. можно выделить два основных периода, водоразделом между которыми являлся 1932 г. В этом плане развитие данной области во многом перекликалось с теми процессами, которые шли в таких сферах, как, например, архитектура (возвращение к канонам класси-

⁶⁸ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 16. Л. 96–98.

⁶⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16–18.

⁷⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 16. Л. 96–98.

⁷¹ Стегунин 1959, 195.

⁷² Там же, 199.

⁷³ Там же, 197.

⁷⁴ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 34. Д. 5. Л. 14.

⁷⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 99. Д. 8. Л. 35.

⁷⁶ Стегунин 1959, 197.

⁷⁷ Там же, 240–241.

⁷⁸ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 16–18.

⁷⁹ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 32. Л. 18.

⁸⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 44. Д. 10. Л. 11.

цизма)⁸¹, историческая наука (начало отказа от идей М. Н. Покровского) и т. д., не говоря уже о процессах экономических.

Можно сделать вывод о том, что в области высшего медицинского образования идеи, легшие в основу преобразований конца 20-х и начала 30-х гг., были связаны в основном с представлениями о будущем социалистическом здравоохранении, которое должно было стать массовым, профилактически ориентированным и неразрывно связанным с повседневной жизнью (прежде всего производством). Из этих моментов вытекал ряд других, более частных особенностей, таких как специализация и особое внимание к детской проблематике. Ряд особенностей – внимание к классовому и национальному составу студенчества, особая роль активных методов преподавания и марксистских дисциплин – был связан с идеологическими тенденциями, имевшими влияние на систему высшего образования в целом. Наконец, особый интерес к военной тематике в преподавании и науке являлся следствием сложной международной обстановки того периода.

Перелом, начавшийся в 1932 г., в свою очередь, может быть объяснен рядом факторов, в частности снижением качества подготовки специалистов, имевшим место в течение предшествующего этапа, а также консервативными тенденциями периода второй пятилетки. По-видимому, эти своего рода «контрреформы» также осуществлялись чрезмерно поспешно и радикально, что объясняет факт возрождения в конце 30-х гг. некоторых элементов, от которых ранее частично или полностью отказались. В этой связи о конце 30-х гг. можно с известной долей условности говорить как о третьем этапе развития советского высшего медицинского образования в данный период.

Литература / References

- Карпачев 2016 = *Карпачев М. Д.* Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) // Новое прошлое. The new past. 2016. № 2. С. 121–136.
Karpachev M. D. Korennaya reorganizatsiya universitetov v SSSR v 1929–1933 gg. (po materialam Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta) [Radical Reorganization of Universities in the USSR in 1929–1933 (based on the Materials of the Voronezh State University)] // Novoe proshloe. The new past. 2016. No. 2. P. 121–136.
- Мейерхольд 1968 (1922) = *Мейерхольд В. Э.* Актер будущего и биомеханика (Доклад 12 июня 1922 г.) // *Мейерхольд В. Э.* Статьи, речи, письма, беседы. В 2 ч. Ч. 2. М., 1968. 643 с.
Meyerhold V. E. Akter budushchego i biomekhanika (Doklad 12 iyunya 1922 g.) [Actor of the Future and Biomechanics (Report of June 12, 1922)] // *Meyerhold V. E.* Stat'i, rechi, pis'ma, besedy [Articles, Speeches, Letters, Conversations]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1968. 643 p.
- Покровский 1967 = *Покровский М. Н.* Реформа высшей школы // Покровский М. Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. М., 1967.
Pokrovskiy M. N. Reforma vysshey shkoly [Reform of the Higher School] // *Pokrovskiy M. N.* Izbrannye proizvedeniya v chetyrekh knigah. Book 4. Lektsii, stat'i, rechi [Selected Works in Four Books. Book 4. Lectures, Articles, Speeches]. Moscow, 1967.
- «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», 23 июня 1936 г. = Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm.
Resolution of The Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU of June 23, 1936 "On the work of higher educational institutions and on the management of higher schools". URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm.
- «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах», 19 сентября 1932 г. = Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21432#010377045617913949>.

⁸¹ Хмельницкий 2007, 118.

- Resolution of the CEC of the USSR of September 19, 1932 “On educational programs and regime in higher schools and technical schools”. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21432#010377045617913949>.
- Решетников, Несвижский, Касимовская 2014 = *Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А. Н. А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 24–29.*
- Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А. Н. А. Семашко – теоретик і організатор здравоохраненія [N. A. Semashko as Health Care Theorist and Organizer] // Istoriya meditsiny [History of Medicine]. 2014. No. 3 (3). P. 24–29.
- Стегунин 1959 = *Стегунин С. И. История Куйбышевского медицинского института в связи с развитием высшего медицинского образования в СССР. Куйбышев, 1959. 564 с.*
- Стегунин S. I. Istoriya Kuybyshevskogo meditsinskogo instituta v svyazi s razvitiem vysshego meditsinskogo obrazovaniya v SSSR [History of the Kuybyshev Medical Institute in Connection with the Development of Higher Medical Education in the USSR]. Kuybyshev, 1959. 564 p.
- Хмельницкий 2007 = *Хмельницкий Д. С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. 560 с.*
- Hmelnitskiy D. S. Arhitektura Stalina. Psihologiya i stil' [The Architecture of Stalin. Psychology and Style]. Moscow, 2007. 560 p.

Научное издание

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Выпуск 2

Самарский филиал ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Формат 60x90¹/₈. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 70 экз.